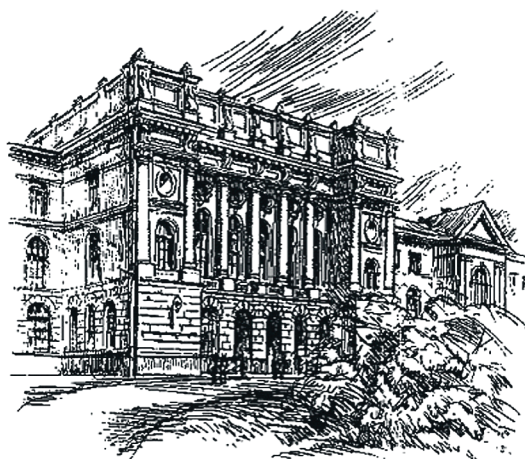

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

1 (167) 2013

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2013

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Костюк В.В., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН;
Окрепилов В.В., чл.-кор. РАН; *Патон Б.Е.*, академик НАН Украины и РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Федоров М.П.*, академик РАН;
Фортов В.Е., академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор – председатель;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Шитунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – отв. секретарь.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в каталоге «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Национальной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

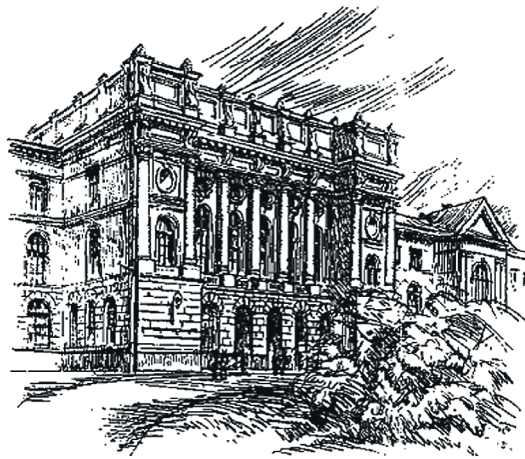
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL

Humanities
and Social Sciences

1 (167) 2013

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2013

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Fortov V.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St.Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council; *Akopova M.A.*, D.Ed., prof.; *Bordovsky G.A.*, full member of Russian Academy of Education; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Kozlov V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Kuznetsov D.I.*, D.Phil., prof.; *Pidzhakov A.Yu.*, J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.; *Snetkov V.N.*, Dr.Sc. (political sciences), prof.

EDITORIAL BOARD

Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof., head of the editorial board; *Almazova N.I.*, D.Ed., prof.; *Goryunov V.P.*, D.Phil., prof.; *Pogodin S.N.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Pylin V.V.*, J.S.D., prof.; *Surygin A.I.*, D.Ed., prof.; *Timermanis I.Ye.*, Dr.Sc.(sociology), prof.; *Ulyanova S.B.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Shipunova O.D.*, D.Phil., prof., executive secretary.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Journals and Magazines" catalogue, Rospechat agency.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: 195251 Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

© St.Petersburg State Polytechnical University, 2013

Содержание

Проблемы XXI века

Поздеева Е.Г. <i>Отношения взаимопомощи как фактор развития социального государства (на примере Великобритании и России).....</i>	9
Дрынкина Т.И. <i>Социально-демографические особенности самосохранительного поведения.....</i>	15
Хороших В.В. <i>Самопрезентация как ресурс современного молодого специалиста</i>	22
Быльева Д.С. <i>Семиотика знаков самоидентификации в сети Интернет</i>	25

Профессиональное образование

Гулк Е.Б. <i>Современные подходы к формам организации процесса обучения в высшей школе</i>	30
Ахметшина Ю.В. <i>Корпоративные формы преподавания иностранного языка в процессе формирования коммуникативной компетенции.....</i>	34
Горбунова И.Б., Родионов П.Д., Романенко Л.Ю. <i>Музыкально-компьютерные технологии в формировании информационной компетентности современного музыканта.....</i>	39
Степаненко Н.А. <i>Технология повышения уровня развития педагогической креативности будущего учителя</i>	46
Сергеева Е.В., Кумбашева Ю.А. <i>Проблемы обучения культуре создания текста в подготовке специалистов по рекламе и связям с общественностью: анализ художественного текста</i>	49
Михонин А.А., Цыганок А.О., Буздов А.Ю. <i>Особенности подготовки военнослужащих-женщин</i>	56

Вопросы психологии

Горохова Н.Э., Трофимова Г.С. <i>Обеспечение автономности обучающихся как приоритетное направление магистерской подготовки.....</i>	60
Валиева Ф.И. <i>Культурологический аспект профессиональной адаптации молодых специалистов... ..</i>	64

Международные отношения

Казарян А.Р. <i>«Линия Кекконена» в истории советско-финляндских отношений</i>	71
Агафонов К.А. <i>План Маршалла как вызов внешнеполитической доктрине Финляндии послевоенного периода</i>	75
Мещеряков К.Е. <i>Российско-узбекские отношения в 2008–2012 годах: тенденции и проблемы развития.. ..</i>	79

Философские и культурологические исследования

Гура В.А. <i>Феномен европейского нигилизма</i>	89
Тимерманис Е.Б. <i>Антропологическая проблематика в творчестве Карла Ранера</i>	97
Баранов В.Е. <i>Коллектив как пространство личностного бытия человека</i>	102
Шипунова О.Д. <i>Социально-генетические основания непрямо́й коммуникации: экзистенциальная норма и эмоция</i>	109
Касьянова Е.В. <i>Идеология контркультуры в контексте постнеклассической научной рациональности</i> ..	113
Протасенко И.Н. <i>Аномия и социальный порядок в генезисе бонапартизма</i>	117
Иванов М.В. <i>Утопия и идеология современного мира</i>	124
Горбунова А.Г. <i>Событие как философская проблема: подходы к определению</i>	129
Терехов А.Э. <i>Формирование древнекитайской когорты «Двенадцати совершенномудрых» (ши-эр шэн) ...</i>	136

Актуальные проблемы языкознания

Карлик Н.А. <i>Риторическая аргументация в афоризмах и афористических фрагментах женского авторства (на примере «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой)</i>	141
--	-----

Теория искусства

Федотова Р.А. <i>Изучение памятников иконописи в контексте гносеологии священника Павла Флоренского: предварительные замечания</i>	148
---	-----

Хроника

Березовская И.П., Шипунова О.Д. <i>V Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества»</i>	155
Нарышкина-Прокудина-Горская Н.А. <i>Тарас Шевченко в Петербурге</i>	159
<i>Сведения об авторах. Контактные данные</i>	169
<i>Аннотации. Ключевые слова</i>	172

Contents

Problems of XXIst century

Pozdeeva E.G. <i>Mutual aid as a factor of development of social state (on the example of Great Britain and Russia)</i>	9
Drynkina T.I. <i>Sociodemographic peculiarities of attitude to health</i>	15
Khoroshikh V.V. <i>Self-presentation as resource of modern specialist</i>	22
Bylieva D.S. <i>Semiotics of self-identificational signs in internet</i>	25

Professional education

Gulk E.B. <i>Modern approaches to the forms of organization of the education process in the higher school...</i>	30
Akhmetshina J.V. <i>Corporate forms of foreign language teaching in the formation of communicative competence</i>	34
Gorbunova I.B., Rodionov P.D., Romanenko L.U. <i>Music computer technologies in the forming of contemporary musician's competence in informatics</i>	39
Stepanenko N.A. <i>Technology of increase level of development of pedagogical creativity of future teacher</i>	46
Sergeeva E.V., Kumbasheva J.A. <i>Problems of teaching of text creating culture in training the students of the qualification "advertising and public relations": analysis of literary text</i>	49
Mikhonin A.A., Tsyganok A.O., Buzdov A.Yu. <i>Features of preparation of military females</i>	56

Questions of psychology

Gorokhova N.E., Trofimova G.S. <i>Providing autonomy as a priority in teaching the students taking master's degree</i>	60
Valieva F.I. <i>The cultural aspect of experts' professional adjustment</i>	64

International relationships

Kazaryan A.R. <i>"Kekkonen line" in the history of the Soviet-Finnish relations</i>	71
Agafonov K.A. <i>Marshall plan as a challenge to finnish foreight policy model in postwar period</i>	75
Mesceryakov K.E. <i>The Russian-Uzbekistani relations in 2008–2012: trends and problems</i>	79

Philosophical and cultural studies

Gura V.A. <i>The phenomenon of European nihilism</i>	89
Timermanis E.B. <i>Anthropological problems in the works of Karl Rahner</i>	97
Baranov V.E. <i>The collective body as a domain of human's personal existence</i>	102
Shipunova O.D. <i>Social and genetic basis of indirect communication: existential norm and emotion</i>	109
Kasyanova E.V. <i>Ideology of the counterculture in the context of post-nonclassical scientific rationality</i> ...	113
Protasenko I.N. <i>The social order anomie in bonapartism genesis</i>	117
Ivanov M.V. <i>Utopia and ideology of the modern world</i>	124
Gorbunova A.G. <i>The event as a philosophical problem: approaches to the definition</i>	129
Terekhov A.E. <i>Formation of the "Twelve sages" (shi-er sheng) cohort in ancient China</i>	136

Actual problems of linguistics

Karlik N.A. <i>Rhetorical argumentation in aphorisms and aphoristic texts of feminine authorship (on an example «the cavalry maiden» by N. Durova)</i>	141
---	-----

Theory of art

Fedotova R.A. <i>Analysis of iconography in the context of epistemology of fr. Pavel Florensky: preliminary observations</i>	148
---	-----

Chronicle

Berezovskaya I.P., Shipunova O.D. <i>V International scientific and theoretical conference "Communicative strategies of the information society"</i>	155
Naryshkina-Prokudina-Gorskaya N.A. <i>Taras Shevchenko in St. Petersburg</i>	159
<i>About the authors. Contact information</i>	169
<i>Abstracts. Keywords</i>	178

ОТНОШЕНИЯ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (на примере Великобритании и России)

Актуальность изучения социального института взаимопомощи, в частности особенностей его становления и развития в России, вытекает из потребности в исследовании возможностей дальнейшего расширения поля социальных взаимосвязей и сотрудничества для осуществления стратегических задач социальной политики России в ее статусе социального государства. История европейских стран доказывает, что достижение высокого уровня благосостояния для всех, удовлетворение растущих потребностей населения не могут быть заботой только государственных институтов. Современные модели социального обеспечения предполагают более активное включение граждан, опираются на использование сетевых структур взаимодействия, неформальную экономику, высокий уровень доверия, взаимопомощь. Современное социальное государство берет на себя обязанность обеспечить включение гражданского общества в решение социальных проблем, достижение социальных ориентиров для всех слоев общества и на разных уровнях управления. Социальный институт взаимопомощи в этой связи рассматривается как фактор, обеспечивающий социальную интеграцию. По мере социальной эволюции систем взаимопомощь трансформируется, изменяя свои организационные формы и функции, но остается универсальным инструментом интеграции, который демонстрирует свои преимущества, способности к адаптации в разных социальных системах. Она, с одной стороны, содержит потенциал стабильности, а с другой, следуя за изменяющимися социальными потребностями, вызывает к жизни новые формы деятельности.

В отечественных научных исследованиях получили развитие подходы, анализирующие социальные, экономические и социально-психологические аспекты взаимопомощи. Современные исследования отечественных и зарубежных авторов посвящены анализу смыслов понятий «помощь», «социальная помощь» (Н. Луман, В.Ю. Панченко, А.Ю. Фодоря). Исследователи отмечают, что взаимопомощь в форме сетевых отношений позволяет высветить особенности российской неформальной экономики, специфику рыночных отношений (В.В. Радаев, С.Ю. Барсукова, Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова). Недавние исследования подтверждают сохранение и широкое распространение взаимопомощи в сельской среде (Е.Г. Иванова, О.В. Лылова). Свою социальную роль взаимопомощь раскрывает в сфере социальной работы, в частности в социальной поддержке пожилых людей (Н.П. Шукина). Опросы общественного мнения показывают, что взаимопомощь и взаимовыручка остаются высоко востребованными в российском обществе, не решившем еще многие проблемы социального обеспечения, страдающего от кризисов, нестабильности экономики, политических интриг, что обуславливает концентрацию отношений доверия на межличностном уровне и практически отсутствие доверия на институциональном уровне [1]. Необходимость дальнейшего развития института взаимопомощи становится очевидной для системных преобразований общества: тяжело идущие процессы модернизации и реформирования в России зависят от заимствования чужого опыта и технологий, тогда как их реализация будет эффек-

тивнее при условии, что они будут опираться на собственные традиционные системы ценностей, солидарные тенденции, взаимоподдержку и трудовую кооперацию. Значение взаимопомощи, доверия, ответственности за общее дело показала история становления и развития организаций взаимопомощи не только в России, но и в Великобритании. Их вклад в утверждение социальных основ государства заставляет взглянуть на историю более пристально.

В Великобритании общества взаимопомощи играли ведущую роль в социальном обеспечении в XIX – первой трети XX века. Они получили известность как *friendly societies* (дружеские общества, братства). Это были самоуправляющиеся ассоциации, в задачи которых входило оказание материальной поддержки своим членам. Ассоциации создавались работниками физического труда, часто тяжелого. Они существенно отличались от благотворительных обществ: это не были специально созданные группы для поддержки других групп, попавших в трудную жизненную ситуацию. Ассоциации этих работников брали на себя обязательство помогать друг другу в случае необходимости. Получение помощи в ассоциации было законным правом каждого члена, оно приобреталось за счет внесения регулярных взносов в общий фонд. Характеризуя социально-экономическое положение большинства британских семей в конце XIX – начале XX века, Д. Грин отмечает, что семьи были финансово самостоятельны, но уровень зарплат был достаточно низким, таким, что смерть или болезнь кормильца вызывала серьезные материальные затруднения [2, с. 58]. Это и способствовало становлению института взаимопомощи.

Одной из первых возникла корпорация возчиков в Шотландии в 1555 году. Эволюция ассоциаций взаимопомощи начинается с небольших собраний мужчин, живших по соседству, периодически встречавшихся в местной пивной. От такой «клубной» формы ассоциация в XIX веке уже переходит к федерации – «объединенным орденам». Такова история Манчестерского союза подмастерьев, который возник в пивной «Роупмейкерз Армс». Спектр помощи, предоставляемой ассоциацией, был достаточно широк: пособия по болезни, если кормилец лишился возможности зарабатывать на жизнь в результате заболевания, несчастно-

го случая или преклонного возраста; оказание медицинской помощи участникам ассоциации и членам их семей; выплата денежных сумм в случае смерти члена ассоциации, чтобы обеспечить достойные похороны; финансовая поддержка и помощь вдовам и сиротам. В 1911 году, когда Закон о национальной системе страхования Великобритании ввел обязательное социальное страхование для 12 млн граждан страны, не менее 9 млн человек уже состояли членами различных страховых обществ, в том числе и незарегистрированных, большинство из которых были организациями взаимопомощи.

На этапе формирования федераций взаимопомощи организовалась и закрепилась их трехуровневая структура: отделения, районные структуры, союзы. Эта система сочетала принципы автономии на местах с представительством в центральных органах. Местные отделения назывались ложами (куриями). Самым важным был пост председателя. Организации взаимопомощи испытывали особую гордость за то, что каждый из членов мог подняться до этой вершины. При вступлении в должность председатель («Благородный Великий» в Великом объединенном ордена подмастерьев; Главный смотритель Лесничих) приносил присягу, перечислял свои обязанности. В ассоциациях кроме обрядов посвящения в члены ордена действовали сложившиеся и высоко чтимые ритуалы, что особенно подчеркивало большое значение моральной стороны деятельности ассоциаций. Ритуалы создавали атмосферу сопричастности общему делу. Пароли, церемонии посвящения, секретные рукопожатия и прочие атрибуты имели свое значение. Наряду с высокими нравственными требованиями работала и школа демократии, принципы которой ярко прослеживаются в деятельности любой ассоциации. Так, в клубах посты замещались по ротационному принципу, потом в федерациях их заменила практика регулярных выборов. В Манчестерском союзе тех, кто занимал ведущие должности, меняли раз в полгода или год. Ротация должностей позволяла овладевать новыми навыками. Для многих неквалифицированных рабочих членство в ложе являлось способом саморазвития – шансом, которого они не имели на своем рабочем месте.

В качестве основных причин создания британских обществ взаимопомощи можно выде-

лить три причины: стремление граждан получать вспомоществование в случае болезни, избежать нищенских похорон, накопить приличную сумму на черный день, на старость или дорогостоящую покупку. Общества взаимопомощи породили также услуги, которые не смогло воспроизвести государство, когда национализировало эту сферу. Например, они способствовали своим участникам в поисках работы в любом уголке страны. В Великобритании получило распространение большое количество разнообразных видов обществ. Они отличались не только набором видов помощи, но и размерами, часть из них не были зарегистрированными, возникали на фабриках, в школах, представляли собой специально созданные подструктуры.

Следует особо отметить дух братства, характерный орденам взаимопомощи. Члены орденов объединялись на основе общих идей, целей, стремились охранять и защищать высокие нравственные идеалы, были едины в своей приверженности свободе. Среди принципов, которым они были верны, особое место занимали великодушные, благотворительность, доброта, взаимная поддержка, забота о здоровье, защита родных и близких, усовершенствование жизни в борьбе с неприятностями, поиск новых решений. Таким образом, ордена не просто приучали к коллективизму как к броне, за которой можно спрятаться от неприятностей, они пробуждали стремление создать прочную основу для благополучного будущего. Это формировало лучшие черты личности – стойкость, смелость, ответственность, инициативность, сопричастность общему делу.

Экскурс в историю института взаимопомощи помогает понять современную направленность социальной политики Великобритании, особенности сформировавшейся модели социального государства, которая предполагает не только заботу государственных служб, но и обязательную активность неформальных сетевых взаимодействий, самостоятельность местных и локальных органов социальной защиты, добровольность помощи, предприимчивость участников и общую заботу о благополучии всего населения.

Анализируя становление института взаимопомощи в России, можно выявить два четко оформившихся направления: взаимопомощь в крестьянских общинах, многие века спасавшая

крестьян от тягот их социального положения, и помощь дворянским обществам на основе образования специальных касс, возникшая как способ поддержки сословной системы. Дворянские кассы взаимопомощи стали образовываться в конце XIX века. Они оказывали финансовую поддержку дворянам-землевладельцам, попавшим в затруднительное положение и оказавшимся не в состоянии уплатить проценты по долгам, лежащим на их имениях. 3 июня 1902 года был утвержден устав *губернских дворянских касс взаимопомощи*. С момента принятия устава и до 1905 года функционировало пять таких касс: саратовская, тульская, полтавская, пензенская и екатеринославская [3]. Формы помощи дворянскому сословию подтверждают черты сходства социально-экономических процессов, происходивших в России и в западных странах в становлении и развитии рыночных отношений. Сословный принцип помощи и включение организационно-управленческих механизмов отражали необходимость создания параллельно государственной социальной помощи и заботе также самостоятельных самоуправляемых организаций. Полезность и эффективность существования таких касс потом неоднократно подтверждались в условиях разных систем. И сегодня распространяющееся в России широкое предложение банковских услуг и продуктов, ориентированных на разные социальные слои, опирается на этот исторический опыт.

Русский мыслитель П.А. Кропоткин отмечал, что «всякий раз, когда человечеству приходилось вырабатывать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его развития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы нового выступления на пути прогресса все из той же самой, вечно живой склонности ко взаимной помощи...» [4, с. 228]. По мнению Кропоткина, Россия представляет собой поле для изучения кооперации в бесконечно разнообразных формах. Он особенно подчеркивал значение артели, заключающей в себе сущность крестьянской жизни, и отмечал, что все ассоциации, общества, братства, союзы, институты в Европе представляют собой пример добровольной, бескорыстной работы и все они проявление вечно живущей в человеческом обществе потребности во взаимной помощи и поддержке.

Взаимопомощь в широком смысле понимается как любая взаимовыручка, в более узком экономическом смысле это форма обмена, зародившаяся в первобытной общине с появлением в ней распределения по труду и личной собственности [5]. Ранние (общинные) формы социальной поддержки, включая институт взаимопомощи в традиционном обществе, базировались на групповой сплоченности и внутриобщинной солидарности, порождавших взаимную обязанность (вначале сородичей, а позднее соседей-общинников) оказания социальной, материальной и психологической помощи нуждающимся и их защиты. Свидетельства этому мы находим при изучении жизни и быта русской общины.

Организация крестьянской жизни содержала элементы порядка и демократии: одна или несколько деревень составляли «мир», обязательными атрибутами которого были демократическое собрание (сход) и выборная должность (староста, десятский, сотский). На сходах сообща обсуждались хозяйственные и организационные проблемы общины. Главной целью крестьянской мирской взаимопомощи было сохранение и развитие крестьянского двора. Взаимопомощь и взаимоподдержка являлись главным основанием русской общины. Они осуществлялись посредством таких форм совместного труда, как «помочи», «капустки», «супрядки». Для крестьян участие в «помочах» являлось глубокой нравственной нормой, поэтому нуждавшийся практически никогда не получал отказа. Как правило, «помочь» производилась при активном участии ближних и дальних соседей [6]. В общинных принципах значимое место занимало правило учитывать положение стариков, неспособных работать, инвалидов и вдов при всех расчетах с государством и помещиком. Так, общественная защита неблагополучных общинников гарантировалась всем крестьянским миром.

Д.И. Менделеев отмечал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного

роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному» [7].

Во второй половине XIX – начале XX века, несмотря на то что распорядительная роль общины в землепользовании возросла, ее положение ухудшилось. После реформы П.А. Столыпина община просуществовала до конца 1930-х годов, когда была официально ликвидирована при введении советской колхозной системы. Сельская община играла роль главной социальной ячейки, в которой формировалось мировоззрение крестьянина, его представление о социальной справедливости, о добре и зле, о человеческом братстве и товариществе. Община выступала как накопитель производственного и социального опыта, хранитель и передатчик вековых традиций соседской помощи, «мирской» выручки попавшего в беду, готовности оказать деятельную поддержку нуждавшимся. Основной характеристикой крестьянской взаимопомощи являлось совместное выполнение сельскохозяйственных, строительных и других работ, непосильных одной семье, взаимоподдержка в быту. Сельская община служила для крестьянства средством выживания, а часто и спасательным кругом. Гибель сельской общины не позволила реализоваться возможностям развития кооперации, которые еще не были исчерпаны.

Советский период в истории отношений взаимопомощи был отмечен первоначально повышенным вниманием к сохранению трудовых традиций и основ самоуправления в сельской местности. Созданные согласно декрету СНК от 14 мая 1921 года *комитеты крестьянской общественной взаимопомощи* (ККОВ) стали важным звеном системы социального обеспечения на селе. Крестьянские общества взаимопомощи в 1920-х годах организовывались с целью стабилизации социального положения крестьянства, так как, согласно переписи 1926 года, на селе проживало немногим более 80 % населения страны и государство не могло содержать все необеспеченные категории крестьян за счет бюджета [8, с. 183]. Крестьянские КОВ оказывали индивидуальную помощь красноармейцам, инвалидам, правовую помощь, защищая малоимущих, и регулировали социальную взаимопомощь. Социальная помощь предостав-

лялась в виде пособий, ссуд, вспашки полей, уборки урожая, финансовой поддержки школ, больниц, инвалидов домов. В отличие от традиционной общинной взаимопомощи организация комитетов взаимопомощи постепенно стала обязательной повинностью.

Крестьянские общества взаимопомощи действовали примерно до 1931 года. С созданием колхозов необходимость в трудовой помощи с их стороны отпала. Роль крестьянских КОВ свелась к оказанию помощи в случае болезни, утраты трудоспособности, потери кормильца. На смену им постепенно пришли *кассы взаимопомощи колхозников*, деятельность которых была регламентирована постановлением ВЦИК и Совнаркома от 13 марта 1931 года. Кассам предоставлялось право создавать дома для престарелых, оказывать финансовую и натуральную помощь при болезни, увечье, беременности, они должны были трудоустраивать инвалидов. Такая переориентация была связана с тем, что начался переход от индивидуальных методов помощи к коллективным, контроль был возложен на народные комиссариаты социального обеспечения. Так постепенно сформировалась и закрепились государственная модель социального обеспечения советского времени.

История функционирования касс взаимопомощи в более поздний советский период охватывает не только сельское население и колхозы. По инициативе работников они создавались в разных организациях и на предприятиях. Это были добровольные организации членов профсоюза, объединяющихся для оказания взаимной товарищеской материальной помощи. Касса организовывалась при наличии 15 членов профсоюза, подлежала регистрации в вышестоящем органе профсоюза. Существование таких касс повышало чувство защищенности, укрепляло коллективизм, сопричастность к текущим жизненным проблемам и делам сотрудников. Кассы взаимопомощи не всегда носили формальный характер и могли функционировать временно, неофициально. Им были свойственны локальность, не всегда официальность, самоуправляемость, ответственность выборных лиц, доверие как основа функционирования, свободный характер входа и выхода из кассы, обязательное оказание помощи в сложной жизненной ситуации, игровой характер (практика «игры в кассу»). Переход к рыночной системе

хозяйствования и реформы 1990-х годов разрушили эту систему.

Сравнивая развитие организаций и форм взаимопомощи в Великобритании и России, можно выявить особенности, которые формируют направленность государственной модели решения социальных проблем. Так, британские ордена (ассоциации) взаимопомощи способствовали развитию сетевого взаимодействия в решении вопросов материального обеспечения и социальной защиты, в разработке методов управленческой демократии. В России общинные формы оказали воздействие на сферу трудовых отношений, сфокусированную на коллективизме, командной деятельности, коллективной ответственности за результат, обусловили специфику домашней экономики, сформировали приоритет общинного (межличностного) доверия. Отношения взаимопомощи положили начало социальному страхованию, накопительным технологиям, деловой корпоративной культуре.

В современных нестабильных условиях взаимопомощь остается востребованной. Как экономический институт она представляет собой средство выживания, самозащиты, деловой поддержки, технологию снижения риска. Как социальный институт взаимопомощь опирается на морально-нравственные традиции, охраняя традиционные ценности заботы о близких, бескорыстия, сотрудничества. Сегодня в сложных условиях готовность прийти на помощь и активность в ее предложении проявляют почти 24 % населения; тех, кто готов помогать безвозмездно, 27 %; не помогают и не рассчитывают на чью-либо помощь 18 % населения России [1, с. 71]. Результаты исследований, проведенных социологами в российских областях (Тверской, Ростовской, Белгородской), подтверждают активную практику взаимопомощи, особенно между родственниками и друзьями [9, 10]. Падение аграрного сектора, его слабость в рыночной конкуренции, плохое регулирование делают востребованной семейную экономику, вовлекают в сетевые неформальные отношения широкие слои и группы населения. Спектр услуг, которыми обмениваются члены семьи, родственники, друзья, соседи, сотрудники, достаточно широк: заем денег, обмен услугами, советы, хозяйственная помощь, уход за детьми и пожилыми людьми. Сетевой принцип реа-

лизуется в обмене продуктами, товарами жизненной необходимости, составляет основу кооперации в хозяйственном управлении, причем заметное место занимает оказание услуг безвозмездно при неопределенности встречных услуг. 90 % респондентов отмечают, что обращаются за денежной помощью, 74 % дорожат этими отношениями и хотят сохранить их, а 24 % выражают желание расширить сеть отношений. Исследования показывают, что социальные ресурсы общественных организаций, религиозных общин, землячеств мало востребованы. Реальная помощь приходит от родственников, друзей и знакомых. Если составить примерный рейтинг основных услуг в сетях взаимопомощи, то он выглядит следующим образом: психологическая поддержка, помощь советом; хозяйственная помощь; займы; помощь продуктами; уход за ребенком и др. Учитывая социальный срез проблем, следует отметить, что более обеспеченные участники ориентируются на займы и кредиты, а менее обеспеченные вовлечены в трудовую, материальную безвозмездную, бытовую помощь.

Потребность россиян во взаимопомощи сегодня четко обозначена. Она прослеживается в разных сферах жизни. Готовность вступить

в сетевые отношения с целью получения материальной помощи отражает живучесть таких структур, как «МММ». Сегодня страховые компании и банки стараются восполнить этот пробел, но низкий уровень материальной обеспеченности и платежеспособности большинства россиян сдерживает эти процессы. В целом социологические исследования показывают, что россияне не готовы отказаться от ведущей роли государства в социальном обеспечении, только 14 % опрошенных поддерживает либеральную модель социального государства. Предпочтительной остается модель, при которой государством обеспечивается нормальный уровень благосостояния для всех граждан. При этом увеличивается доля считающих, что государство должно больше помогать тем, кто не в состоянии себя обеспечить, а остальные должны добиваться социальных благ сами [11, с. 163]. В этой ситуации возрастает значение взаимопомощи, сотрудничества, доверия и поддержки. Дальнейшее развитие социального государства в России предполагает стимулирование социального института взаимопомощи, его традиционных и инновационных форм, проявивших свои преимущества как в нашей стране, так и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гражданское** общество современной России. Социологические зарисовки с натуры [Текст] / отв. ред. Е.С. Петренко. – М., 2008.
2. **Грин, Д.Дж.** Возвращение в гражданское общество: социальное обеспечение без участия государства [Текст] : [пер. с англ.] / Д.Дж. Грин. – М.: Новое изд-во, 2009.
3. **Энциклопедический** словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1890–1907. – Режим доступа: dic.academic.ru.
4. **Кропоткин, П.А.** Взаимная помощь как фактор эволюции [Электронный ресурс]. – СПб., 1907. – Режим доступа: www.delopravoe1945.narod.ru/biblioteka/kropotkin1.htm.
5. **Фодоря, А.Ю.** Социальный институт взаимопомощи и его эволюция [Электронный ресурс]: дис. ... канд. социол. наук / А.Ю. Фодоря. – М., 2004. – Режим доступа: www.dissercat.com.
6. **Иванова, Е.Г.** Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи западных губерний Цен-

трального региона России [Электронный ресурс]: дис. ... канд. социол. наук / Е.Г. Иванова. – Калуга, 2006. – Режим доступа: www.dissercat.com.

7. **Менделеев, Д.И.** К познанию России [Электронный ресурс] / Д.И. Менделеев. – М.: Айрис-пресс, 2002. – Режим доступа: relig-library.pstu.ru/moduies.php.name=1201.

8. **Холостова, Е.И.** Генезис социальной работы в России [Текст]: учеб. пособие / Е.И. Холостова. – 2-е изд. – М.: Дашков и К°, 2009.

9. **Лылова, О.В.** Неформальная взаимопомощь в сельском обществе [Текст] / О.В. Лылова // Социол. исслед. – 2002. – № 2. – С. 83–86.

10. **Реутов, Е.В.** Сети взаимодействия в региональном сообществе [Текст] / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 2. – С. 137–157.

11. **Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических исследований** [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и др. – М.: Весь мир, 2011.

УДК 159.9.613

Т.И. Дрынкина

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

На современном этапе социально-экономического развития любой общественной системы основным источником национального богатства является человеческий капитал. Его определяющая компонента – физическое, психическое и социальное здоровье населения. Анализ состояния человеческого капитала России свидетельствует о том, что в сфере общественного здоровья за последние десятилетия возникло особенно много негативного, и уже сегодня здоровье населения является одной из острейших социальных проблем России.

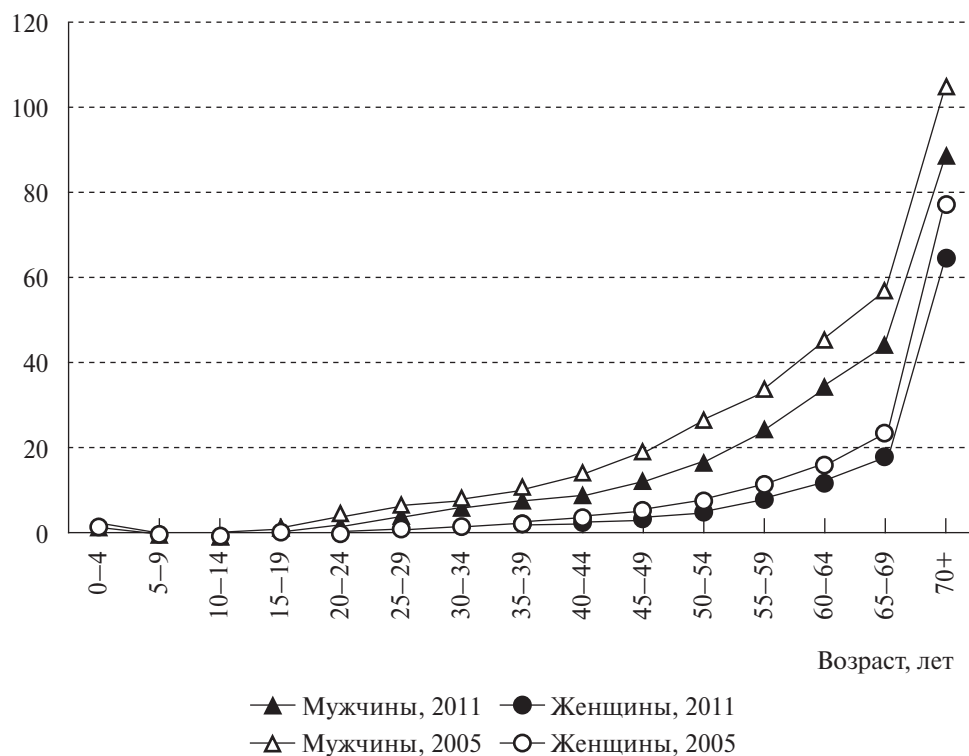
В социальных науках здоровье рассматривается как результат множества взаимосвязанных социальных влияний, формирующихся и на индивидуальном уровне, и на различных уровнях социальной организации общества. Специалистами ВОЗ наиболее детально разработана многоуровневая модель механизма формирования здоровья, включающая как характеристики общего контекста страны или определенной территориальной общности людей (экономические, социальные, культурные), так и индивидуальные предикторы, связанные с принадлежностью человека к определенной социально-структурной группе. Представляется очевидным, что здоровье – многоаспектная категория междисциплинарного характера, соответственно существует не один десяток его определений, каждое из которых акцентирует отдельные стороны. Наиболее ценное определение дает ВОЗ: здоровье – это сохранение полного физического, духовного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни [2]. Но практически все исследователи этой проблематики сходятся во мнении, что индивидуальное здоровье определяется рядом факторов: генетической предрасположенностью, эффективностью здравоохранения, социально-демографическими, экономическими характеристиками населения, условиями жизни, экологическими условиями проживания, поведением человека в отношении к своему здоровью, наконец, социокультурными факторами, выраженными в национальных, се-

мейных традициях отношения к здоровью и его поддержания [8, 9].

К числу объективных показателей общественного здоровья относятся показатели смертности и продолжительности жизни. Рассмотрим их динамику в нашей стране за пять лет (см. таблицу и рисунок). Показатели снижения смертности практически по всем видам заболеваний и роста ожидаемой продолжительности жизни, фиксируемые статистикой в течение последних трех лет, не вселяют особого оптимизма в отношении их долговременности и устойчивости. Сравнение показателей за 2005 и 2011 годы свидетельствует о снижении смертности по всем возрастно-половым группам. В абсолютном выражении показатели снижения смертности наиболее значительны в старших возрастных группах, особенно у мужчин: на 11 пунктов промилле смертность снизилась у мужчин 60–64 лет (35,3 на 100 тыс. человек в 2011 году против 46,3 в 2005 году), на 12,9 – у мужчин 65–69 лет (45,2 против 58,1). В относительном выражении наибольшее снижение отмечалось у мужчин в возрастных группах 5–9, 20–29, 40–54 года (на 36–40 %), у женщин в возрастных группах до 15 лет (на треть), 15–24 и 50–54 года (на 29–31 %).

**Ожидаемая продолжительность жизни
и общие коэффициенты смертности в РФ
(2005–2011 годы)**

Год	Ожидаемая продолжительность жизни, при рождении, лет			Общие коэффициенты смертности (на 1 тыс. человек)
	Все население	Мужчины	Женщины	
2005	65,3	58,87	72,39	16,1
2006	66,6	60,37	73,23	15,2
2007	67,51	61,39	73,9	14,6
2008	67,88	61,83	74,16	14,6
2009	68,67	62,77	74,67	14,2
2010	68,12	62,11	74,23	14,2
2011	67,67	61,41	73,92	13,5

Возрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин в России в 2005 и 2011 годах
 (на 1 тыс. человек соответствующего пола и возраста)

Значение коэффициентов смертности людей в возрасте до 5 лет превышает значения коэффициентов смертности в последующих пятилетних возрастных группах – у мужчин до 20 лет, у женщин до 30 лет. Смертность устойчиво увеличивается с возрастом: у мужчин начиная с возрастной группы 10–14 лет (0,3 умерших на 1 тыс. человек в возрасте 5–9 лет, 0,4 – в возрасте 10–14 лет), у женщин начиная с возрастной группы 15–19 лет (по 0,2 умерших на 1 тыс. человек в группах 5–9 и 10–14 лет, 0,5 – в возрасте 15–19 лет).

Одной из особенностей России является высокий уровень преждевременной смертности мужчин; ожидаемая продолжительность жизни женщин на 10,5–12,5 лет выше ожидаемой продолжительности жизни мужчин и имеет тенденции роста с 2005 по 2009 год. В целом по России отмечается высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте. Ранжирование ее основных причин показывает, что лидирующей причиной является смертность от несчастных случаев, отравлений и травм. Далее следуют болезни системы кровообращения и новообра-

зования. Обращает на себя внимание высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте от социально значимых причин. Такая ситуация вызывает беспокойство и требует государственных мер, в том числе активной антиалкогольной кампании, пропаганды здорового образа жизни и улучшения качества жизни населения.

Неблагоприятное положение дел в сфере общественного здоровья в нашей стране становится особенно очевидным при оценке ситуации в международном контексте. По данным медицинской статистики, показатели физического и психического здоровья в России одни из самых низких в мире [2]. По показателю продолжительности здоровой жизни мы более чем на 10 лет отстаем и от большинства восточноевропейских государств, испытавших столь же серьезные проблемы в период трансформации, как и наша страна. Первое место в мире Россия занимает по потреблению алкоголя на человека. За последние двадцать лет доля курильщиков увеличилась вдвое, тогда как по количеству юных курильщиков (13–15 лет) наша страна занимает 4-е место в мире.

Для каждого из нас представляется очевидным, что здоровье является необходимым условием жизни и активности человека, однако понимание этого не всегда находило выражение в заботе о здоровье, так как российскому обществу была свойственна невысокая ценность жизни, нередко пренебрежительное отношение к ней [1]. Понимание и осознание значимости самосохранительного поведения (СП) начали складываться в России только в конце прошлого столетия. Представители отечественного научного направления «самосохранительное поведение» (А.И. Антонов, Л.С. Шилова, И.В. Журавлева) в качестве основной концептуальной позиции выдвинули тезис, что поведение в отношении здоровья опосредует влияние остальных групп факторов [6]. Как добиться того, чтобы сохранение здоровья стало ведущей целью, органичной потребностью человека на всем протяжении его жизненного пути, т. е. речь идет о формировании мотивации сохранения здоровья и его укрепления.

Отечественные ученые отмечают, что наряду с медициной средством современного человека в защите своего здоровья становится культура самосохранения. Она ставит здоровье на уровень высочайшей ценности в личностной структуре жизненных ценностей и на общественном уровне. Культура самосохранения определяет активность в отношении к здоровью, снабжает человека навыками поддержания здоровья, стремлением к максимальной продолжительности жизни. Только при высокой ценности здоровья человек мотивирован на исключение из жизни или нейтрализацию факторов риска заболеваний на индивидуальном уровне (вредные привычки, генетические предрасположенности).

По мнению Л.С. Шиловой, СП личности «выражается в системе действий и отношений, направленных на сохранение здоровья, полноценное прохождение всех жизненных циклов, установку на продление срока жизни» [7, с. 135]. Каждый жизненный цикл (детство, юность, зрелость, пожилой возраст и старость) имеет свои стандарты физической и интеллектуальной активности, стандарты здоровья, которые и являются ориентирами их полноценного прохождения. СП имеет многофакторную детерминацию, его изучение возможно через категорию образа жизни. «Уникальность

понятия „образ жизни” состоит в том, что оно (и не только оно) дает ответ на вопрос, что делают люди при тех или иных условиях, при том или ином их благосостоянии, при тех или иных их демографических, статусных, национальных и других характеристиках» [Там же. С. 137].

Исходя из вышеизложенного, под СП как одним из видов социального поведения мы понимаем целостное взаимодействие социально-культурных, экономических, социально-демографических, генетических, социально-гигиенических, медицинских и социально-психологических факторов, результат которого проявляется в интеграционной адаптации человека к жизненной среде без ухудшения физического и духовного состояния. Наше исследование было нацелено на изучение социально-демографических особенностей СП. Как правило, к социально-демографическим характеристикам СП относят: пол, возраст, семейный статус, образование, занятость, место проживания, жилищные условия, доход, состав семьи и т. д. Из результатов проведенного в 1993–1994 годах в Великобритании и Финляндии кросскультурного исследования здоровья и болезни людей, в котором сравнивались соответствующие показатели, видно, что важнейшими факторами здоровья и болезни являются культура, возраст и пол, а гендерные различия в здоровье и болезнях отражают социально-экономическую и социально-психологическую ситуацию в стране. В данной работе к социально-демографическим факторам мы будем относить половозрастные характеристики, от которых непосредственно зависит физическое и психическое состояние человека. Говоря о влиянии пола на формирование и проявление СП, мы будем использовать термин «гендерные особенности». Применение данного термина при описании особенностей отношения к здоровью не только правомерно, но и необходимо, так как оно подчеркивает прежде всего социокультурную, а не биологическую обусловленность различий между мужчинами и женщинами. Гендер — это социальный пол, формирующийся в процессе социализации и проявляющийся в полспецифичном ролевом социальном поведении в отличие от биологического пола, детерминированного хромосомным набором индивида.

Одной из задач нашего исследования было выявление и сравнение выраженности пока-

зателя самооценки здоровья. В исследовании приняли участие 150 респондентов в возрасте от 25 до 60 лет; из них 70 мужчин и 80 женщин. Исследование проводилось в сентябре-ноябре 2012 года в Санкт-Петербурге.

В нашем исследовании зависимая переменная – субъективная оценка здоровья измерялась с помощью методики САН и биографического опросника. Категориальность здоровья устанавливалась преимущественно на основе самооценок (по 5-балльной шкале) и некоторых объективных показателей (число хронических заболеваний, частота визитов к врачу, расходы на медикаменты, особенности питания, частота курения и употребления алкоголя).

Согласно полученным результатам, более половины опрошенных (52 %) в целом чувствовали себя достаточно хорошо. Как «отличное» свое физическое здоровье оценили 18 % респондентов, как «хорошее» – 63 %. Как и следовало ожидать, переменная возраста оказывает наиболее сильное влияние на самооценку здоровья: в каждой последующей возрастной группе доля нездоровых увеличивалась на 5 %. Несомненно, что этот паттерн в определенной степени объясняется биологическими причинами. Однако заметим, что приращение плохого самочувствия с возрастом в России значительно более выражено, нежели на Западе, что соотносится с социальными факторами (условиями жизни, труда, доступностью услуг здравоохранения и пр.) [4].

Представители среднего (от 35–40 до 55 лет) и особенно старшего поколения (от 55 лет) чаще всего отводят здоровью приоритетную роль. Молодые люди обычно относятся к проблеме здоровья как к чему-то достаточно важному, но абстрактному, не имеющему к ним прямого отношения. В их иерархии ценностей доминируют материальные блага и карьера. Если они и уделяют внимание здоровью, то главным образом его физической составляющей. В их понимании не находит должного места роль психического и социального здоровья. Однако результаты опроса показали, что студенты с высокими образовательными притязаниями демонстрируют рациональные стратегии СП, привнося в действительность нормы отношения к здоровью как к неотъемлемой характеристике профессиональной ценности и перспективности личного карьерного роста, и являются свое-

го рода носителями «моды на здоровье». Они отслеживают статьи в глянцевых журналах, воспевающие красоту физического здоровья, регулярно посещают фитнес-клубы и в дальнейшем готовы осуществить определенные шаги по поддержанию и укреплению своего здоровья. Но одновременно рискованные практики в отношении здоровья – курение, алкоголь, тяготение к экстриму и т. п. – по-прежнему широко распространены среди молодежи.

Существует обратная зависимость между возрастом и уровнем ответственности за сохранение своего здоровья. Так, например, в возрастной группе до 35 лет около 25 % опрошенных связывают состояние своего здоровья преимущественно с личностными характеристиками. По мере увеличения возраста респондентов индекс личной ответственности снижается и появляются патерналистские установки, когда ответственность «перекладывается» на внешние факторы, в частности на врачей учреждений первичной медицинской помощи и т. д.

У нас всегда существовала гендерная асимметрия в демографических показателях здоровья и в показателях отношения к нему [5]. Согласно полученным данным, у мужчин значительно выше показатели по состоянию самочувствия, активности, настроению и жизненной энергии, чем у женщин. Кроме того, более половины опрошенных мужчин (57 %) считают, что они обладают гораздо большей активностью и повышенным жизненным тонусом по сравнению со своими сверстниками; в свою очередь, лишь 30 % опрошенных женщин считают, что они превосходят своих сверстниц по этим показателям. Среди мужчин доминируют доктрины «мужчины не жалуются», «мужчины всегда бодры и активны», поскольку они считают «ниже своего достоинства отмечать у себя пассивность, плохое настроение и низкий жизненный тонус». Очевидно, существует бытовой стереотип в оценке своего физического и психического самочувствия. Мужчины высказывают мнение, что они и физически, и эмоционально сильнее большинства их сверстников и уж тем более большинства женщин. Восприятие своего здоровья как плохого и очень плохого наблюдается у следующей категории женщин: безработная, замужняя, практически непьющая, с минимальным уровнем образования и материальной обеспеченности.

Женщины (26 %) чаще, чем мужчины (10 %), вспоминали себя в детстве болезненным ребенком; отличное состояние своего физического и психического здоровья отмечено у 55 % мужчин и 42 % женщин. В дальнейшем при оценке временной перспективы респондентов с разных сторон – ориентация на будущее, гедонистическое и фаталистическое настоящее, позитивное и негативное отношение к прошлому – было выявлено, что женщины по шкале «негативное прошлое» набрали больше баллов, чем мужчины. Иными словами, свое прошлое (фрагментами или же в целом) женщины вспоминали как неприятное и вызывающее сожаление. Для мужчин чаще, чем для женщин, характерна ориентация на позитивное прошлое, детство видится им приятным, иногда с ноткой ностальгии. В женской выборке была выявлена положительная взаимосвязь (0,38) между показателями негативного восприятия своего прошлого и оценками своего физического и психического состояния как в детстве, так и в настоящее время.

Негативно оценили изменения здоровья за последний год 41 % женщин и 34 % мужчин. Особенно низкие оценки своему здоровью дали люди старшего возраста (от 55 лет). Анализ самоотчетов испытуемых и анамнестических сведений выявил, что посещение врача и профилактический медосмотр далеко не самые популярные способы заботы о здоровье среди респондентов. Отношение к своему здоровью находит выражение в том, что более трети опрошенных очень редко или никогда не проходят профилактический медицинский осмотр и более половины посещают врача не чаще, чем раз в два года. Для большинства опрошенных, особенно для мужчин, характерно позднее обращение к врачам. Обычно это объяснялось наличием очередей. Только 13 % респондентов посещают врача регулярно, а 40 % обращаются к врачу только в крайних случаях (среднемировой – 66 %). Только 20 % обращаются к участковому врачу в большинстве случаев заболеваний, а свыше половины опрошенных (54,2 %), как правило, не прибегают к помощи врача-терапевта, 24 % вообще не обращаются к врачу при заболеваниях любой тяжести.

Что касается опыта и квалификации врачей, то всецело им доверяют только 25 % респондентов, а 6 % категорически не доверяют

врачам. Большинство опрошенных (60 %) имеют ярко выраженные патерналистские установки, выражая желание, чтобы доктора рассказывали им обо всех возможных вариантах лечения и делали выбор за них.

Как показали результаты исследования, все респонденты по своему усмотрению квалифицируют симптомы или свои заболевания как «легкие» (их можно «переходить», надо просто «отлежаться», можно на них «не обращать внимания»). Ну а «тяжелые» заболевания – это когда утрачивается не только работоспособность, но и дееспособность, лишь такие состояния вынуждают обратиться к врачу. Но и в данном случае основной мотив обращения к врачу заключается в необходимости получить больничный лист, освобождающий от работы. Последствия стратегии поведения, когда болезнь «переносится на ногах», вредны и для заболевшего, и для окружающих. Для здоровья последствия очевидны: возможные осложнения, запущенные заболевания, сниженный иммунитет, который открывает пути для других заболеваний. Пользы от болеющего человека для работы или иной деятельности немного, так как работоспособность человека в такой период все равно снижена. Если «переносить на ногах» инфекционные заболевания, то это способствует их распространению среди окружающих людей.

Более взрослые люди, особенно женщины, лучше заботятся о своем здоровье, чаще посещают медицинские учреждения, расходуют значительно больше средств на медикаменты, чем мужчины и молодежь. Женщины лучше информированы о своих недугах, чем мужчины. Среди жертв «медиализации», связанной с разрастанием неконтролируемого фармацевтического рынка, также преобладают женщины. Женщины демонстрируют более высокий уровень нервно-психической и соматической заболеваемости, однако болезни у них протекают легче. У опрошенных женщин хронические заболевания встречались на 18 % чаще, чем у мужчин.

Серия зарубежных и отечественных исследований выявила, что мужчины менее внимательно относятся к здоровью, проявляют более высокий уровень психосоматических расстройств, и эти заболевания, так же как и вообще соматическая патология, протекают у

них тяжелее [4, 10]. В условиях кризисной ситуации мужчины плохо усваивают деструктивные процессы и вынуждены больше трудиться, чтобы содержать семью, не обращая внимания на состояние самочувствия. Они в большей мере страдают от социальных болезней, чаще имеют вредные привычки и погибают от внешних причин, будучи здоровыми, не имея хронических заболеваний. Смертность мужчин в отличие от женщин чаще связана с криминальными причинами, травматизмом и алкоголизацией. Суицидов среди мужчин в 6 раз больше, чем среди женщин. Соответственно средний возраст дожития, т. е. тот, в котором наступает смерть, у мужчин, как правило, ниже, чем у женщин [1].

Экологический риск, повышенные требования к стрессовой устойчивости, реактивности человека и высокие психологические и информационные нагрузки — эти условия постоянно сопровождают повседневную жизнь. Развитие техники и производства несет человеку не только благо, но и негативные последствия. В сфере здоровья негативные последствия прогресса выражаются в том, что процесс постоянного изменения окружающей среды предъявляет повышенные требования к адаптационным возможностям, а человеческий организм не всегда в состоянии соответствовать этим требованиям. В результате, побеждая одни заболевания, человек приобретает новые. На основе анализа самоотчетов испытуемых и анамнестических сведений ставилась задача выявления возможных гендерных различий в адаптационных резервах организма.

Сопоставление индексов адаптивности в группах лиц разного пола позволило установить, что гендерные различия проявляются преимущественно в показателях эмоциональности и пластичности поведения. При этом выявленные отличия связаны в основном с адаптационными возможностями в социальной сфере. В целом женщины демонстрируют более высокие показатели социальной адаптивности, нежели мужчины, за счет более успешного и эффективного переключения с одной программы поведения на другую.

Анализ самоотчетов испытуемых и анамнестических сведений позволил установить, что в стрессирующих условиях у мужчин чаще всего развиваются нарушения деятельности сердечно-сосудистой системы, а у женщин пре-

имущественно наблюдаются головные боли на фоне вегетососудистых нарушений. У женщин гораздо чаще, чем у мужчин, встречаются случаи одновременного появления нарушений деятельности различных вегетативных и соматических систем.

Вышеприведенные статистические данные свидетельствуют о том, что уровень здоровья у женщин действительно ниже, но их организм более устойчив и готов сопротивляться болезням. Женщины более ориентированы на сохранение своего здоровья, чем мужчины, о чем свидетельствует более выраженная частота моделей СП.

Большинство респондентов осознают неадекватность своего поведения в отношении здоровья, но у них нет возможности поступить иначе. Очевидно, что их стратегии являются вынужденными, ответными на сложившиеся условия получения услуг первичной помощи. Поскольку главные компоненты этих условий (рост неравенства в доступности медицинских услуг, низкий статус учреждений первичной помощи) пока неустранимы, в ближайшем будущем население будет по-прежнему придерживаться нерациональных стратегий поведения по отношению к своему здоровью. Важно также отметить, что основная социализация молодых поколений в отношении к здоровью происходит в семье. Как показывают исследования, семья в качестве «здорового социализатора» доминирует над воспитательным воздействием институтов образования и воспитания. Если семья и, например, школа транслируют различные по содержанию и направленности системы ценностей здоровья и установок, в противостоянии «выигрывает» семья, так как семейное воспитание носит непрерывный характер и осуществляется на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Другие социальные институты, и прежде всего само здравоохранение, а также СМИ, культура, образование в социализации молодых поколений в отношении здоровья участвуют незначительно. Это означает, что девиантные стратегии поведения будут продолжать транслироваться от старших (родители, бабушки) молодым поколениям (до 25 лет), если условия их жизни не изменятся в лучшую сторону.

Половозрастной подход к анализу СП четко продемонстрировал, что общие закономерности и тенденции его динамики имеют общий

характер, но конкретные условия и обстоятельства по-разному сказываются на положении женщин и мужчин. Анализ СП и политики в сфере здравоохранения призван идентифицировать различные потребности мужчин и женщин в охране здоровья, а также определить способы удовлетворения этих потребностей на основе принципов социальной справедливости. Это свидетельствует о необходимости тщательного учета половозрастной составляющей при формировании социальной политики [3]. Дальнейшее измерение социально-демографических особенностей СП позволяет предупредить деструктивные стратегии поведения человека в отношении своего здоровья.

Полученные данные о социально-демографических особенностях СП являются хорошей базой для разработки различного рода мер

по продвижению идеи здоровья и здорового образа жизни среди населения. Через грамотность и информированность можно нейтрализовать или снизить вред от тех факторов риска, которые устранимы только на уровне государства (экологические риски, качество продуктов питания, использование экологических материалов при строительстве жилья, условия производства и работы и т. п.). Результаты эмпирических исследований, полученные в рамках настоящей работы, имеют большое значение для разработки образовательных программ, ориентированных на различные социально-демографические группы населения, а также для деятельности государственных структур, некоммерческих организаций, занимающихся разработкой и реализацией профилактических программ, пропагандой здорового образа жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бурмыкина, О.Н.** Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ [Электронный ресурс] / О.Н. Бурмыкина. — Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/01/1214825211/6aBurmikina.pdf>.
2. **Доклад** о состоянии здравоохранения в мире [Электронный ресурс] / ВОЗ. — 2011. — Режим доступа: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/EN_WHS2011_Full.pdf.
3. **Дрынкина, Т.И.** Политика социального страхования и страховые программы [Текст] / Т.И. Дрынкина, Л.С. Спанкулова // Пром-ть Казахстана. — 2012. — № 4 (73). — С. 35–37.
4. **Здоровье** и здравоохранение в гендерном измерении [Текст] / под общ. ред. Н.М. Римашевской. — М.: Социальный проект, 2007. — 240 с.
5. **Лебедева, Н.М.** Культурно-психологические особенности отношения к здоровью русских и китайских студентов [Текст] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, В.И. Чирков, Ц. Лю // Психол. журн. — 2007. — Т. 28, № 4. — С. 64–74.
6. **Синельников, А.Б.** Влияние демографического статуса и семейного положения на общественное мнение о системе здравоохранения [Электронный ресурс] / А.Б. Синельников. — М., 2001. — Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/256/30/>.
7. **Шилова, Л.С.** Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения [Текст] / Л.С. Шилова. — Saarbruken : LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 212 с.
8. **Almedom, A.M.** Social capital and mental health: An interdisciplinary review of primary evidence [Text] / A.M. Almedom // Social Science and Medicine. — 2005. — Vol. 61. — P. 943–964.
9. **Hutton, J.** «Health economics» and the evolution of economic evaluation of health technologies [Text] / J. Hutton // Health Econ. — 2012. — Vol. 21. — P. 13–18.
10. **Denton, M.** Gender Differences in Health: A Canadian Study of the Psychosocial, Structural and Behavioural Determinants of Health [Electronic resource] / M. Denton, S. Prus, V. Walters // Social Science and Medicine. — 2003. — Access mode: www.elsevier.com/locate/socscmed.

УДК 159.923.2

В.В. Хороших

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

Ситуация, существующая на современном рынке труда, в сфере отечественного профессионального образования не только предъявляет особые требования к объему и глубине специальных знаний, уровню профессиональных навыков специалиста, но и формирует запрос на умение раскрыть свои конкурентные преимущества, возможности, представить себя в различных ситуациях профессионального взаимодействия.

В процессе решения значимых для выпускника любого вуза задач, связанных с поиском работы, адаптацией к организации, трудовой деятельности, трудовому коллективу, навыки самораскрытия, самопрезентации играют важную роль. Реализация профессиональных планов, возможность эффективной организации профессиональных действий, решение широкого круга профессиональных задач, связанных прежде всего с коммуникацией, межличностным взаимодействием, в значительной степени опосредуются способностью молодого специалиста сформировать благоприятное впечатление о себе. Таким образом, задача формирования навыков эффективной самопрезентации в процессе профессионального обучения современного молодого специалиста становится чрезвычайно актуальной.

В психологических исследованиях накоплен и осмыслен значительный эмпирический материал, связанный с изучением феномена самопрезентации, определением содержания понятия «самопрезентация».

Анализируя определения феномена самопрезентации, представленные в психологической литературе, можно выделить следующие категории, используемые для раскрытия сущности этого понятия:

- *деятельность/активность* (Э. Гофман [8], Б. Шленкер [9], М. Вейголд, О.А. Герасимова и др.). Авторы, использующие данную категорию, стремятся подчеркнуть «субъектную» принадлежность самопрезентации, раскрыть истоки любого действия, направленного на

формирование благоприятного впечатления. Эти истоки скрыты в индивидуальности, в «Я» субъекта. При этом человек может представлять себя, свое «Я» не только другим людям, но и самому себе, в некотором роде экспериментируя с различными компонентами образа «Я»;

- *процесс* (Р. Аркин [6], М. Лири и Р. Ковальски, Ю.Н. Емельянов, В.П. Филатов, В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.И. Погольша, О.А. Пиккулева [2], И.С. Шевченко [5] и др.). Данная категория подчеркивает динамические характеристики, структурную сложность феномена самопрезентации;

- *поведение* (Д. Майерс, Р. Баумейстер [7], Е.А. Соколова-Бауш и др.). Использование данной категории помогает авторам подчеркнуть значение самопрезентации как феномена, раскрывающего взаимосвязь субъекта с социумом;

- *способность* (Ю.С. Крижанская и В.П. Третьяков, Е.П. Никитин и Н.Е. Харламенкова и др.). Использование данной категории позволяет трактовать самопрезентацию как проявление индивидуально-психологических особенностей человека, еще одно основание для дифференциации людей;

- *способ* (Д. Пирсон, П. Нелсон, С. Титсворф, И. Петрова и др.). Использование этой категории при определении феномена самопрезентации подчеркивает прикладное значение самопрезентации в процессе социального взаимодействия.

На основании анализа различных представлений о сути самопрезентации мы придерживаемся следующего понимания рассматриваемого феномена: самопрезентация – это процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или) выражения системы представлений о самом себе.

Данное определение акцентирует внимание на существовании двух базовых целей процесса самопрезентации. Первая из них – изменение представления других о «Я», личности человека, имеющее конечной целью изменение от-

ношения к себе, формирование определенного (чаще социально одобряемого, привлекательного) образа. Вторая – стремление выразить, раскрыть себя, представить другим свою внутреннюю сущность.

Большинство исследователей феномена самопрезентации, отмечая его динамичность, выделяют несколько базовых компонентов, присутствующих в самопрезентационном поведении.

К компонентам самопрезентации в ходе межличностного взаимодействия относят прежде всего субъекта самопрезентации (человека, стремящегося сформировать определенное впечатление о себе), а также объект самопрезентации (целевую аудиторию). Причем в качестве объекта самопрезентации может выступать как один человек, так и группа индивидов. Третьим компонентом, в значительной степени определяющим особенности самопрезентации, является социальная ситуация.

Субъект самопрезентации располагает достаточным арсеналом средств, позволяющих ему (осознанно или неосознанно) формировать определенное впечатление о себе. Это особенности внешнего вида (в их ряду особое значение имеют элементы оформления внешности: одежда, прическа, макияж, аксессуары), вербальные и невербальные характеристики поведения, социальные символы (например, обозначающие социальный статус, материальное положение субъекта самопрезентации или отражающие его увлечения, ценности).

В наших работах выделены и описаны основные виды самопрезентации [3, 4]. С точки зрения решения практических задач обучения навыкам эффективной самопрезентации наиболее продуктивным представляется выделение двух видов самопрезентации: непосредственной и опосредованной. Непосредственная самопрезентация характеризуется субъект-субъектным взаимодействием (например, самопрезентация в ситуации собеседования при приеме на работу), тогда как опосредованная самопрезентация характеризуется субъект-объект-субъектным взаимодействием (примером такой самопрезентации может служить резюме, посылаемое соискателем работодателю).

Следует отметить, что в случае непосредственной самопрезентации ее объектом выступает отдельный человек или группа лиц, при-

чем это взаимодействие «лицом к лицу», все участники его находятся в едином пространственно-временном поле. Данная ситуация расширяет возможности корректировки самопрезентации субъектом непосредственно в момент взаимодействия. Учет реальных (вербальных и невербальных) реакций аудитории позволяет субъекту самопрезентации гибко менять свои коммуникативные действия.

В случае опосредованной самопрезентации носителем ее является не сам человек, а некий заменяющий его объект. В данном случае речь идет о материальном объекте – чаще о бумажном или электронном носителе информации. Очевидно, что следствием данного факта будет ограничение самопрезентации по объему, а также по форме представляемой о субъекте информации.

Раскрывая специфику опосредованной самопрезентации, необходимо отметить в качестве ее отличительных особенностей следующее: самопрезентация носит преимущественно вербальный характер; самопрезентация индивида и ее восприятие аудиторией часто разведены во времени; затрудненность проверки достоверности представленной информации; возможность полного управления впечатлением о себе.

Обучение навыкам эффективного самораскрытия и самопрезентации предполагает не только освоение системы теоретических знаний о природе и сущности самопрезентации, но и прежде всего практическое освоение технологий формирования благоприятного впечатления о себе. Эти задачи оптимально реализуются в процессе психологического тренинга, представляющего собой одну из популярных и одновременно одну из сложнейших форм интерактивного обучения.

Технология обучения навыкам эффективной самопрезентации представляет собой авторский вариант психологического тренинга и реализует идеи активного подхода к обучению. В процессе формирования навыков эффективной самопрезентации можно выделить следующие этапы: 1) этап формирования групповой атмосферы, 2) этап формирования мотивации к обучению, 3) этап развития и формирования отдельных навыков самопрезентационного поведения, 4) этап интеграции полученных знаний и навыков в целостном действии, 5) этап

рефлексии опыта работы, приобретенных компетенций.

Обучение навыкам эффективной самопрезентации базируется на представлении о том, что успешное самопрезентационное поведение подчинено принципам целесообразности, целостности формируемого образа [1], релевантности средств формирования впечатления о себе, особенностям коммуникативной ситуации и целевой аудитории.

В содержание тренинговой программы включены упражнения и процедуры, позволяющие отрефлексировать индивидуальные особенности самопрезентационного поведения участников группы, направленные на формирование навыка знакового кодирования целевой (работающей на планируемое впечатление) информации, а также навыков социальной

перцепции, установления контакта, развитие гибкости самопрезентационного поведения, акцентирующие внимание на специфике навыков, актуализирующихся в процессе решения задач непосредственной и опосредованной самопрезентации.

Самопрезентация, являясь сложным психологическим феноменом, в котором выражаются различные особенности личности, представляет собой своеобразный механизм интеграции человека в общность. Можно сказать, что эффективная самопрезентация – это своеобразный ресурс, позволяющий человеку реализовать свои возможности. Овладение навыками эффективной самопрезентации на этапе профессионального обучения дает современному молодому специалисту определенные конкурентные преимущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михайлова, Е.В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг [Текст] / Е.В. Михайлова. – СПб.: Речь, 2007.
2. Пикулева, О.А. Гендерные, возрастные и профессиональные особенности тактик самопрезентации [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.А. Пикулева. – СПб., 2004.
3. Хороших, В.В. Психологические факторы успешности самопрезентации [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / В.В. Хороших. – СПб., 2001.
4. Она же. Виды и основные формы самопрезентации [Текст] / В.В. Хороших // К 10-летию кафедры методов психологического познания: лица, годы, рубежи. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – С. 90–103.
5. Шевченко, И.С. Вариативность самопрезентации в интернет-общении [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.С. Шевченко. – Казань, 2002.
6. Arkin, R.M. Self-presentation [Text] / R.M. Arkin // The self in social psychology / ed. by R.R. Vallacher, D.M. Wegner. – L.; N. Y.: Oxford Univ. Press, 1986.
7. Baumeister, R.F. A self-presentational view of social phenomena [Text] / R.F. Baumeister // Psychological Bulletin. – 1982. – Nr. 91. – P. 3–26.
8. Goffman, E. The presentation of self in everyday life [Text] / E. Goffman. – N. Y.: Anchor Books, 1959.
9. Schlenker, B. Interpersonal processes involving regulation and management [Text] / B. Schlenker, M. Weigold // Annual review of Psychology. – 1992. – Nr. 43. – P. 133–169.

СЕМИОТИКА ЗНАКОВ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Мировая компьютерная паутина в наши дни является средой, в которой реализуется социальная активность значительного числа людей. Виртуальные миры сети сегодня составляют реальную конкуренцию миру реальному. Будучи вторичной моделирующей системой¹, Интернет образован из разных типов знаковых сред [5, с. 99–100]. Пространство сети сформировано на основе графического, звукового, анимационного, изобразительного, фото- и видеоискусства, кино, музыки, множества естественных языков словесного общения различных национальностей, разнообразных жаргонов, систем символов. В сети Интернет представлено многообразие различных других вторичных моделирующих систем – от поэзии до рекламы. Каждый может найти в виртуальной коммуникативной сети место в соответствии со своими интересами и желаниями.

Рассматривая Интернет как модель мира, особое внимание хотелось бы уделить личностям, населяющим его. Человек в коммуникативном пространстве сети представлен некой совокупностью двух знаков – ника² и аватара³. Что же стоит за этими знаками? В первую очередь надо отметить их произвольность. В отличие от реального мира в сетевой коммуникации человек вправе и обязан сам выбирать

себе имя и образ. П.А. Флоренский считал, что именем «выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [7, с. 481]. Таким образом, по мнению философа, родители, называя ребенка каким-либо именем, некоторым образом влияют на его судьбу, хотя имя собственное не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка четкой и однозначной коннотации.

Вряд ли можно предположить, что принимаемые индивидом при вступлении в сетевое коммуникативное пространство имя и образ, который должен заменить все его внешние данные, могут быть случайными. Несмотря на то что человек часто вступает в виртуальное общение для того, чтобы полностью изменить себя, скрывшись за «маской», она оказывается тесно связанной с данным человеком. Профессор Дж. Сулер в труде «Психология киберпространства» приводит пример: сетевые жители рассматривают аватары как продолжение себя. Когда некто присваивает себе в визуальном чате «Palace» чужие аватары, это расценивается как кража, нарушение личной визуальной территории, идентичности [10].

В современном культурном пространстве виртуальность достигает максимальных пределов, она лишена всяких видимых оснований в «отражаемой действительности»: «Возникает мир видимости и очарования, отрывающийся от „действительности“. Мир видимости ширится и имеет тенденцию захватывать у других миров их содержательную реальность. Все больше и больше производится образов, отправной точкой которых являются только они сами и которым не соответствует никакая „действительность“» [3, с. 204].

Каждый знак в виртуальном мире имеет свою целостную логико-смысловую версию существования. Лучше понять его сущность можно, установив отношения между знаком,

¹ Под вторичными моделирующими системами подразумеваются «семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов» [4, с. 520].

² Ник, или никнейм (от *англ.* nickname – первоначально кличка, прозвище), – псевдоним пользователя в сети Интернет.

³ Аватар (от *санскр.* अवतार – нисхождение божества) – в самом общем плане понимается как «графическое представление, которое персонифицировано посредством компьютерных технологий» [9, с. 743]. Это может быть некое статическое изображение или движущийся персонаж, используемые для обозначения индивида на экране компьютера.

денотатом⁴ и концептом⁵. Связь их выражается в так называемом треугольнике Фреге (см. рис. 1). Кто же является денотатом для идентификационных знаков в сети с точки зрения семиотического треугольника Фреге? На первый взгляд может показаться, что это тот человек, который выбрал его себе. Но узнать, стоит ли за знаками реальный человек, не представляется возможным. Множество различных знаков может генерировать как один человек, так и запрограммированная с использованием генератора случайных чисел машина. Таким образом, денотат, обычно понимаемый как явление реального мира, в данном случае оказывается скорее неким существом, принадлежащим виртуальному миру.

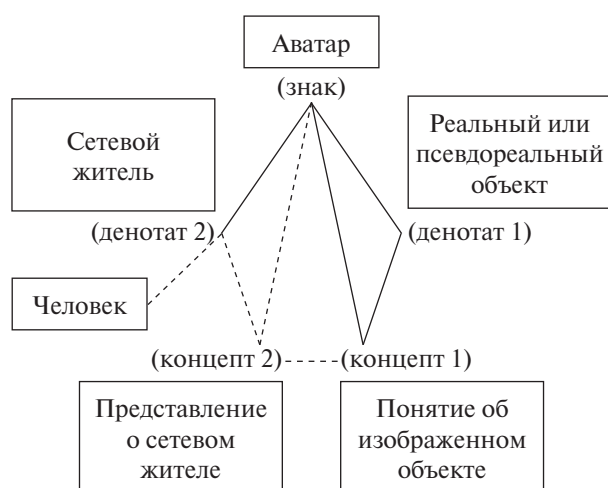

Рис. 1. Применение семиотического треугольника Фреге для анализа аватара

Физическая сущность человека чаще всего не видна в аватаре. Аватар, как иконический знак, отсылает к некоему понятию, соответствующему изображенному на картинке. Однако в силу конвекционных правил общения, воспринимая изображение животного, пейзажа, персонажа и т. д., реципиент знает, что за данным знаком стоит разумное существо, и, таким образом, новый концепт строится уже исходя из переноса неких представлений о базовом поня-

тии на человека, владеющего данным знаком. Аналогично ник, который может представлять собой существительное, прилагательное или некое словосочетание, утрачивает первоначальный смысл и начинает интерпретироваться как псевдоним, имеющий некое отношение к личности, скрывающейся за ним. Впечатление о сетевом жителе складывается из сопоставления двух знаков, каждый из которых вносит свой вклад в образ.

Особый интерес вызывают вопросы: насколько связаны знаки самоидентификации с личностью их обладателя и каким же образом строится представление об интернет-собеседнике, исходя из его аватара и ника?

В ходе исследования особенностей интерпретации ников, проведенного Ю.В. Чепель, было выявлено, что люди на основе своего «личностного переживания» ника способны описать черты характера его автора, судить о возможных особенностях его мировоззрения и взглядах. Причем псевдоним может содержать информацию, противоположную его значению, лежащему на поверхности. Часть данного исследования была посвящена выбору к заданным аватарам ников из списка [8, с. 111–186]. Надо отметить, что респонденты склонялись к описательным никам, отражающим изображенное на картинке. Фактически же пары ников и аватаров, имеющих очень близкие значения, составляют меньшинство. Чаще связь между идентификационными знаками гораздо сложнее и многограннее. Учитывая, что ник является основой для регистрации в виртуальном сообществе, именно от него отталкивается человек при формировании виртуального образа. Аватар подбирается к уже выбранному нику и может меняться в зависимости от настроения или специфики общения.

Серьезное исследование «Аватары как информация: восприятие потребителей, основанное на их аватарах в виртуальных мирах» было проведено в 2010 году профессором Х. Онур Бодур и Ж.-Ф. Белислем. Данная работа имела целью проследить связь между особенностями аватаров и их обладателями. Объектом исследования явилась огромная социальная сеть «Second Life». Ее особенность состоит в том, что в качестве аватара здесь используется человек-персонаж, который может модифицироваться в зависимости от желания его владельца.

⁴ Денотат – реальный предмет или класс предметов как типовое представление предмета реальной действительности.

⁵ Концепт – содержание понятия.

После регистрации аватар пользователя имеет довольно примитивный вид и некрасивую походку. Чтобы полноценно играть, ему требуется приобрести (или сделать самому) следующее: фигуру; «кожу» (определяет реалистичные черты лица и макияж для женщин, а также ключицы, лопатки, рельеф мышц у мужчин, соски, пупок и т. д.); волосы (прическу); различные виды одежды и обуви (не менее разнообразной, чем в реальном мире).

Резидентов «Second Life» попросили пройти анкетирование, в ходе которого им предлагалось описать свое лицо и личные качества. Далее ученые сравнивали полученные данные с аватарами пользователей. Результаты позволили проследить определенную связь между физическими чертами аватаров и настоящим обликом их владельцев. Еще более интересными оказались данные о том, что аватары раскрывают и внутренний мир жителей сети. Например, люди с привлекательными внешне аватарами, с элегантными прическами и стильной одеждой, воспринимались окружающими как экстраверты, что в реальности соответствовало истине и было подтверждено в ходе исследования [9, с. 750–765]. Заметим, что антропоморфность аватаров в «Second Life» значительно облегчала исследовательскую задачу. Хотя здесь и имеется значительное поле для выбора собственного аватара, оно резко сужено относительно других виртуальных социальных общностей, где выбор знаков для аватаров может считаться не имеющим границ, так как семиотиками признается отсутствие в иконическом сообщении «кладовой знаков» или кода [1, с. 302]. Известно, что в виртуальной сети существует масса коллекций аватаров, среди которых можно выбрать подходящий по разным критериям, но никто не ограничен ими в своем выборе и способен самостоятельно разместить любое изображение – от своей фотографии до самостоятельно сделанного рисунка.

В 2012 году нами было проведено пилотажное исследование с целью выявить, насколько верно искушенные интернет-пользователи могут оценить коммуникативные качества своего потенциального собеседника в сети по его идентификационным знакам. Среди исследуемых нами аватаров только два представляли собой образ человека: один из них – фотография, а другой – «визуальная цитата» из картины. Тем

не менее респонденты оказались способны, опираясь на идентификационные знаки, верно оценить коммуникативные особенности своего виртуального визави, выделив по крайней мере одну ведущую коммуникативную черту сетевого жителя. Появление текста, изображение лица человека или антропоморфного зверя на аватаре увеличивали число верно определенных черт до трех. Мы нарочно говорим о сетевом жителе, а не о реальном человеке, отвечавшем на вопросы анкеты, так как о соответствии своего образа себе заявили только половина обладателей исследуемых ников и аватаров [2].

Каким же образом происходит получение информации о виртуальном собеседнике на основе его идентификационных знаков? Р. Барт писал о том, что подписи под картинами служат для того, чтобы «остановить» многозначность изображения, заставить зрителя выбрать задуманную автором трактовку [1, с. 306]. Безусловно, ник нельзя рассматривать как подпись к аватару – он обладает собственной полноценной значимостью. Подчас знаки самоидентификации могут даже противоречить друг другу, что, в свою очередь, позволяет сделать соответствующие выводы о качествах виртуального собеседника. Однако если слово подчеркивает некий смысл изображения (ник – описание внешности, характера, эмоций, интересов, профессии, иллюстрированных аватаром), то догадки о личности перерастают в уверенность. Казалось бы, информации, почерпнутой из идентификационных символов, недостаточно, чтобы составить представление о человеке, однако результаты исследований показывают, что и в реальной жизни люди довольствуются минимальной доступной информацией для формирования впечатления о других – для того чтобы составить суждения об их личностных качествах или предположить, к какому типу людей они относятся [6, с. 101–104].

Легче всего получить информацию из ника и аватара в том случае, если сам автор старался вложить в них какую-то идею. Допустим, свои идеологические взгляды, убеждения или особую характеристику. Основная идея может быть прямо написана в нике, аватар может представлять собой плакат и даже содержать текст призыва или некий знак, однозначно воспринимаемый как символ каких-либо взглядов (принадлежащий к определенному культу или

идеологии; общепринятая символика). Такие аватары редко берутся из готовых коллекций, а ищутся или создаются самостоятельно. Информация, заложенная в нике и аватаре, легко считается сетевыми жителями. Что касается других качеств личности, то они экстраполируются или приписываются владельцу аватара, исходя из того, что данный человек концентрирован на одной идее.

Если на аватаре представлены лицо и жесты человека (или антропоморфного персонажа), это также помогает определить характерные черты. В реальной коммуникации люди привыкли обращать особое внимание на выражение лица, поэтому аватар, содержащий подчеркнуто яркую мимику, легко интерпретируется. Большую информацию на аватаре несут жесты рук. Они бывают иллюстративные, условные и психологические. Богатым материалом для передачи личностных качеств являются так называемые психологические жесты, которые не имеют никакого символического значения, однаковольно или невольно расшифровываются зрителями. Если человек на аватаре представлен таким образом, чтобы не было видно лица, это, в свою очередь, дает представление о сетевом жителе как о более замкнутом по сравнению с обладателями относительно открытых аватаров.

Аватары и ники, отсылающие к известным личностям, персонажам (прежде всего фильмов и мультфильмов), также предоставляют богатые возможности для построения портрета протагониста, поскольку дают много материала для перцептивно-ассоциативного восприятия. По каким бы мотивам ни был выбран персонаж, он будет иметь некое психологическое родство с обладателем знака.

Попробуем рассмотреть, каким образом могут интерпретироваться знаки, в которые сетевой житель не вложил явных подсказок. Для примера возьмем сетевого жителя с ником «Рыжая Липси» и аватаром в виде кошки в очках (рис. 2). Какая информация может быть получена из имеющихся символов? Слово «рыжая» позволяет нам с высокой вероятностью определить пол обладателя знака (что не всегда просто в виртуальной коммуникации). Кроме того, оно добавляет яркости и насыщенности образу. Слово «Липси», которое используется в нике как имя, — название современного бального танца. Это позволяет предположить наличие у обладателя ника интереса к танцам. Визуальный знак может иметь разнообразные трактовки, мы выделим лишь основные элементы: кошка может рассматриваться как символ независимости; очки — как символ ума, интеллектуальности;

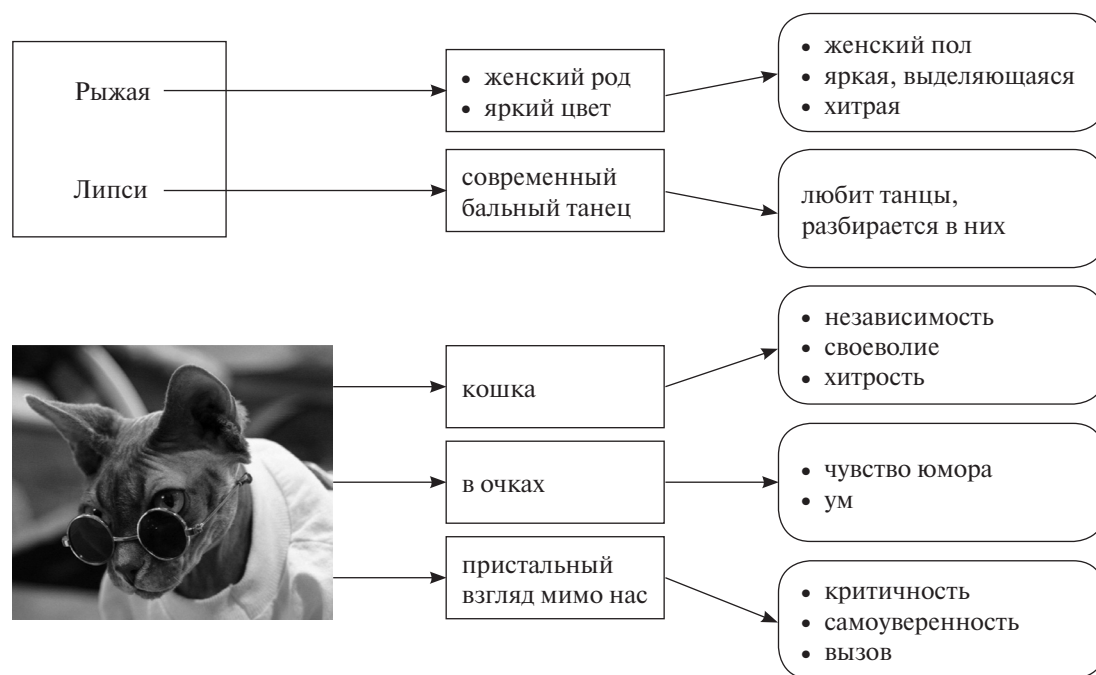

Рис. 2. Пример интерпретации знаков самоидентификации

сочетание «кошка в очках» говорит о том, что у обладателя знака есть чувство юмора. Пристальный суровый взгляд мимо зрителя может ассоциироваться с такими чертами, как склонность к критике, самоуверенность, вызов. В итоге, исходя из знаков самоидентификации, получается примерно такой образ сетевого жителя: независимая, умная и самоуверенная женщина, разбирающаяся в танцах и имеющая чувство юмора.

Естественно, в реальности процесс оценки ника и аватара виртуального собеседника происходит практически мгновенно, а полученные выводы не фиксируются специально. Несмотря на спонтанность, подобная оценка может существенно влиять на особенности коммуникации в интернет-сообществе.

Существуют аватары и ники, которые непонятны большинству сетевых жителей. Ники, содержащие туманные фразы, сопровождаемые картинками с загадочным содержанием, кажется, не дают никаких подсказок для интерпретации. Однако тот, кто выбирает себе подобный знак, уже охарактеризовал себя как человека,

не желающего раскрывать свою личность, человека со сложной внутренней жизнью. Ситуация, когда ник и аватар дают противоположные трактовки, интерпретируется жителями виртуальных миров чаще всего как желание удивить, шокировать, иногда как насмешка над собственным определением или над легковыми собеседниками.

Знакотворчество, ставшее необходимой составляющей виртуального присутствия человека в сетевом пространстве, сегодня начинает привлекать внимание ученых. Так как ник и аватар принадлежат к разным знаковым системам, они исследуются автономно в рамках соответствующих наук. Однако ввиду того, что знаки самоидентификации составляют смысловую пару, которая создается и интерпретируется вместе, представляется необходимым исследовать их совместно. Для этого мы предлагаем использовать семиотический подход, позволяющий соединить множественность визуальных и вербальных значений, скрытых в нике и аватаре, в одно целое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барт, Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. — М.: Прогресс : Универс, 1994. — 616 с.
2. **Быльева, Д.С.** Оценка коммуникативных качеств виртуального собеседника на основании ника и аватара [Текст] / Д.С. Быльева // Телескоп: журн. социол. и маркетинговых исследований. — 2012. — № 3. — С. 45–48.
3. **Вульф, К.** Антропология: история, культура, философия [Текст] / К. Вульф; пер. с нем. Г. Хайдаровой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — 280 с.
4. **Лотман, Ю.М.** Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство, 2000. — 704 с.
5. **Ляшенко, Е.С.** Семиотический аспект интернет-культуры [Текст] / Е.С. Ляшенко // Гуманит. вектор. — 2011. — № 2 (26). — С. 99–105.
6. **Тейлор, Ш.** Социальная психология [Текст] / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. — СПб.: Питер, 2004. — 767 с.
7. **Флоренский, П.А.** Имена: сочинения [Текст] / П.А. Флоренский. — М.: Эксмо, 2006. — 896 с.
8. **Чепель, Ю.В.** Специфика синонимии в интернет-коммуникации [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Чепель. — Курск, 2009. — 209 с.
9. **Bélisle, J.-F.** Avatars as information: Perception of consumers based on their avatars in virtual worlds [Text] / J.-F. Bélisle, H. Onur Bodur // Psychology & Marketing. — 2010. — Vol. 27. — Iss. 8. — P. 741–765.
10. **Suler, J.** The Psychology of Avatars and Graphical Space in Multimedia Chat Communities [Electronic resource] / J. Suler // The Psychology of Cyberspace / Rider University. Official website. — Access mode: <http://www-usr.rider.edu/~suler/psycyber/psyav.html> (reference date: 11.12.2012).

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМАМ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Изменения, происходящие в системе профессионального образования, касаются всех звеньев процесса обучения: его целей, содержания, методов, форм, результатов. Это не случайно. Мы наблюдаем смену образовательных парадигм (от знание-ориентированной к личностно ориентированной). Если же рассматривать парадигму как гипотетическую модель системы, или систематический подход [1, с. 159], то становится понятно, что реформированию должны подвергаться все элементы образовательного процесса. Стандарты высшего образования третьего поколения уделяют особое внимание формированию у будущих специалистов активной позиции в процессе обучения, способности целостного системного видения профессиональной деятельности, действия в ней, решения новых проблем. Без изменения форм организации образовательного процесса в высшей школе решить поставленные задачи невозможно.

В современной педагогической литературе нет однозначной трактовки понятия «формы обучения», единой классификации организационных форм (или форм организации обучения), четкого понимания, как может быть трансформирована традиционная лекционно-семинарская система, какие альтернативные ей формы обучения существуют. Все это делает актуальными исследования возможных форм организации обучения в высшей школе.

Сначала надо определиться с самим понятием «формы обучения». И.М. Чередов, исходя из философского понимания формы как внутренней организации содержания, охваты-

вающей систему устойчивых связей предмета, определяет организационную форму обучения как специальную конструкцию процесса обучения, характер которой обусловлен его содержанием, методами, приемами, средствами, видами деятельности учащихся. Такая конструкция представляет собой внутреннюю организацию содержания, которым является процесс взаимодействия учителя с учениками при работе над определенным учебным материалом и освоением способов деятельности. [2, с. 3] Аналогичные трактовки данного понятия мы наблюдаем у ряда других педагогов.

Так, И.П. Подласый определяет формы организации обучения (организационные формы) как внешнее выражение согласованной деятельности учителя и учащихся, осуществляемой в определенном порядке и режиме [3, с. 115]. Н.В. Бордовская, А.А. Реан считают, что формы организации процесса обучения раскрываются через способы взаимодействия педагога с учащимися при решении образовательных задач. Они решаются посредством различных путей управления деятельностью, общением, отношениями. В рамках последних реализуются содержание образования, образовательные технологии, стили, методы и средства обучения.

Несколько иную трактовку предлагает В.И. Загвязинский. Он определяет форму как способ, характер взаимодействия педагогов и учащихся, учащихся между собой, учащихся с изучаемым материалом [4, с. 130].

Выделяют общие и конкретные формы организации учебного процесса. В определении конкретных форм сходятся все авторы. Это урок, лекция, семинар, учебная конференция,

экскурсия, практикум, зачет, экзамен и т. д. Процесс обучения в каждой конкретной форме его организации включает в себя:

- управление учебной деятельностью учеников (определение педагогом целей, задач, планирование, организация их учебной работы, контроль за выполнением заданий, усвоением знаний, корригирование деятельности);
- познавательную деятельность учащихся, в ходе которой они усваивают определенные знания, способы деятельности, приобретают умения и навыки;
- взаимодействие педагога и учащихся;
- регулирование педагогом межличностных отношений учащихся;
- создание педагогом эмоционального фона, стимулирующего продуктивную учебную деятельность учеников [2, с. 4].

При классификации общих форм организации учебного процесса у исследователей нет единого мнения. И.М. Чередов разделяет общие формы следующим образом:

- фронтальная (учитель работает со всем классом);
- групповая (состав класса разбивается на пары, группы, бригады, звенья); при этом выделяются подвиды групповой формы: парные, звеньевые, бригадные, кооперированно-групповые, дифференцированно-групповые;
- индивидуальная (каждый ученик работает самостоятельно); подвиды: индивидуализированная, индивидуализировано-групповая формы.

И.П. Подласый общие формы обучения классифицирует по различным критериям: количеству учащихся, месту учебы, продолжительности учебных занятий и др. По количеству учащихся выделяются массовые, коллективные, групповые, микрогрупповые и индивидуальные формы обучения, по месту учебы – аудиторные и внеаудиторные.

В.И. Загвязинский выделяет индивидуальную (обучающий – обучающийся), индивидуально-групповую (обучающий – группа обучающихся), коллективную (обучающий – все обучающиеся), групповую (обучающий – несколько групп обучающихся) формы обучения [4, с. 131].

Кроме того, история образования знает различные системы обучения, в которых преимущество отдавалось тем или иным организационным формам: взаимному обучению (белланкастерская система в Англии), диффе-

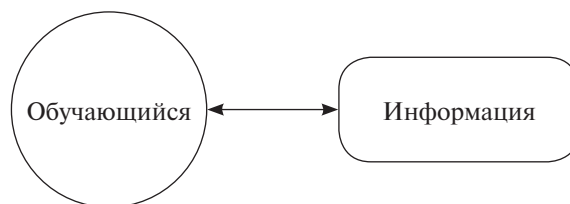
ренцированному обучению по способностям учащихся (мангеймская система), бригадному обучению (существовало в 1920-е годы в советской школе), американскому «плану Трампа», согласно которому 40 % времени учащиеся проводили в больших группах (100–150 человек), 20 % – в малых группах (10–15 учащихся) и 40 % времени отводилось на самостоятельную работу, и т. д. Как правило, эти формы причисляют к альтернативным и не вносят в общую классификацию.

Наиболее последовательным и отвечающим современным требованиям представляется подход к определению и классификации форм обучения, предложенный В.К. Дьяченко. Он исходит из того, что обучение – это общение между обучающим и обучаемыми. Общение, в процессе которого, посредством которого происходит воспроизведение и усвоение всех видов человеческой деятельности [5, с. 84].

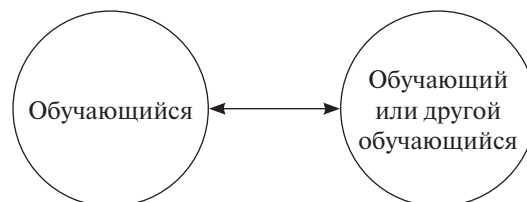
Обобщая опыт использования механизма диалогового общения в учебном процессе, Дьяченко создал теорию коллективного способа обучения (КСО). По сути, он предложил альтернативную общую теорию дидактики, которую постарался выстроить логически последовательно. В соответствии с этим Дьяченко ввел принцип, согласно которому «общие формы организации обучения» должны быть аналогичны основным формам общения людей.

Таких форм четыре:

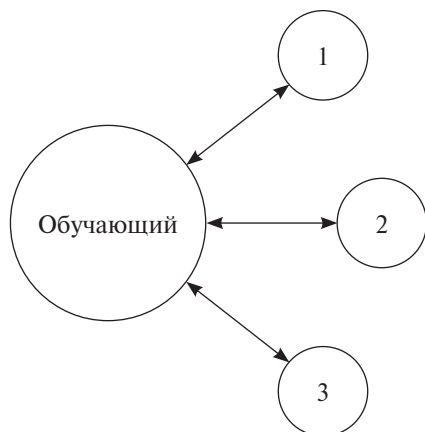
- индивидуальная (обучающийся – информация)

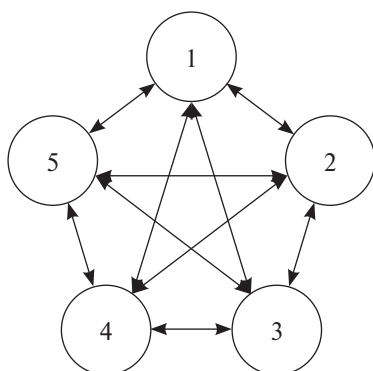
- парная (обучающий – обучающийся, обучающийся – обучающийся)

- групповая (обучающий – группа)

- коллективная (каждый участник процесса обучения с каждым)

Примером коллективного способа обучения могут служить пары сменного состава (по М.Н. Скаткину) или диалогические сочетания (по А.Г. Ривину) или динамичные пары (по А.С. Границкой).

Общие формы организации процесса обучения охватывают весь учебный процесс; они составляют его материальную основу, являются формами существования процесса обучения, а их применение в соответствии с конкретными, или специальными, целями обучения дает нам множество конкретных, или специальных, форм организации учебной работы. Конкретных форм учебных занятий может быть много, неограниченное множество, но всегда в их основе лежит применение для тех или других общих форм.

Коллективная организационная форма обучения, предложенная В.К. Дьяченко еще в 1980–1990-х годах, не была полностью реализо-

вана так, как это видел автор, однако отдельные ее приемы, основанные на идее коллективного обучения, получили довольно широкое распространение в школах (Красноярск, Санкт-Петербург и т. д.), но в высшей школе коллективная форма используется мало (М.А. Мкртчян, К.П. Захаров).

Новый интерес к дидактике В.К. Дьяченко возникает в контексте требований ФГОС третьего поколения. Стандарт предписывает обязательное использование интерактивных методов обучения, мотивирующих обучающихся к самостоятельному, инициативному и творческому освоению учебного материала в процессе познавательной деятельности [6, с. 4].

Одним из основополагающих принципов интерактивного обучения как раз и является принцип диалогического общения. Только всестороннее коллективное обсуждение учебного материала позволяет сформировать у обучающихся комплексное представление о профессионально значимых явлениях, процессах и деятельности в целом [Там же. С. 5].

Традиционная лекционно-семинарская форма обучения ограничивает возможности организации диалогового взаимодействия обучающихся. Использование в учебном процессе коллективной организационной формы открывает широкие возможности для реализации субъект-субъектной позиции участников образовательного процесса (обучающего и обучаемого), личностно-центрированного подхода в обучении, организации совместной деятельности обучаемого с одноклассниками и преподавателем при подготовке и в процессе обучения, элективности и рефлексивности обучения.

Опыт проведения занятий с использованием коллективной формы обучения показал, что 96 % студентов отмечают эту форму как интересную, позволяющую создать атмосферу доверия (в данных условиях работают все, больше узнаешь о других и о себе).

Таким образом, современные требования к организации обучения в высшей школе делают необходимой трансформацию традиционной лекционно-семинарской системы обучения. Использование коллективной, диалоговой формы обучения, обеспечивающей целенаправленное применение интерактивных методов, является необходимым условием под-

готовки квалифицированных специалистов. Студент должен восприниматься преподавателем как уникальная, внутренне детерминированная, самооценная личность, равноправный участник образовательного процесса. Обучающийся перестает быть пассивным реципиентом информации, а преподаватель становится в

большей степени консультантом, наставником и посредником. Поэтому разработка конкретных методик коллективной организационной формы обучения и апробация их в учебном процессе технического вуза являются одной из приоритетных задач в современной дидактике высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тряпицына, А.П.** Педагогика: учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения [Текст] / А.П. Тряпицына. – СПб.: Питер, 2013.
2. **Чередов, И.М.** Формы учебной работы и проблемно-поисковые методы обучения как условия развития активности и самостоятельности личности [Текст] / И.М. Чередов // Формы обучения как условия развития активности и самостоятельности личности учащихся: материалы науч.-практ. конф. / Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2000. – С. 3–9.
3. **Подласый, И.П.** Педагогика [Текст]. В 2 т. Т. 2. Практическая педагогика: учеб. для бакалавров / И.П. Подласый. – М.: Просвещение : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2013.
4. **Загвязинский, В.И.** Теория обучения: современная интерпретация [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / В.И. Загвязинский. – 5-е изд., стер. – М.: Академия, 2008.
5. **Дьяченко, В.К.** Новая дидактика [Текст] / В.К. Дьяченко. – М.: Нар. образование, 2001.
6. **Касьяник, П.М.** Интерактивное обучение. Формы, методы, приемы [Текст]: метод. пособие для преподавателей / П.М. Касьяник, В.Н. Кругликов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011.

УДК 81-25

Ю.В. Ахметшина

КОРПОРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Общество определяет развитие языка как социального явления. При изучении иностранного языка в коллективе появляется уникальная возможность проникнуть в его сущность, чувствовать его направление, тенденции. Формирование коммуникативной компетенции студентов в процессе преподавания иностранного языка способствует приобретению богатого опыта во взаимодействии со студентами учебной группы.

Согласно программе «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов, преподавание иностранных языков студентам гуманитарных вузов и факультетов по дисциплине «Иностранный язык» блока гуманитарно-социально-экономических дисциплин должно базироваться на принципах коммуникативной направленности, культурной и педагогической целесообразности, интегративности, автономии студентов. Преподавание иностранного языка должно быть направлено на комплексное развитие коммуникативной, социокультурной и учебно-познавательной компетенции [7, с. 3].

Основной целью обучения иностранным языкам в неязыковом вузе является формирование/совершенствование иноязычных коммуникативных умений студентов. В данном случае мы акцентируем внимание на требованиях в области говорения, которое включает в себя следующие аспекты: начинать, вести/поддерживать и заканчивать диалог-расспрос об увиденном, прочитанном, диалог-обмен мнениями и диалог-интервью/собеседование при приеме на работу, соблюдая нормы речевого этикета, при необходимости используя стратегии восстановления сбоя в процессе коммуникации (переспрос, перефразирование и др.); расспрашивать собеседника, задавать вопросы и отвечать на них, высказывать свое мнение, просьбу, отвечать на предложение собеседника (принятие предложения или отказ); делать сообщения и выстраивать монолог-описание, монолог-повествование и монолог-рассуждение [Там же. С. 21].

Формирование коммуникативной компетенции происходит в основном в вузовском процессе, поэтому при подготовке специалиста-профессионала можно говорить скорее о необходимости развития и совершенствования коммуникативной компетенции в процессе изучения иностранного языка.

Преподаватели и студенты представляют собой единство телесного, душевного и духовного, иными словами, единство «телесного опыта, чувственных восприятий, чувств, мышления и действий», следовательно, эффективность обучения обеспечивается участием и интеграцией всех сфер в процессе усвоения и развития коммуникативной компетенции [2, с. 348]. Работа в группе дает возможность чаще вступать в коммуникацию с другими членами команды, формулировать свою позицию, согласовывать действия, что, безусловно, способствует развитию сотрудничества, коммуникационной и корпоративной культуры, а также формирует социальную ответственность.

Под корпоративными формами преподавания следует понимать такие формы организации деятельности, при которых совместное выполнение учебного задания с использованием ролевых игр, аудио- и видеоматериалов, интерактивных методов обучения дает высокий уровень сплоченности группы, обеспечивает получение новых навыков и умений членами группы с целью повышения эффективности работы каждого студента в отдельности и всей группы в целом. Корпоративные формы нацелены на готовность учащихся со средним уровнем языковой подготовки для продвижения на основе взаимопомощи и взаимовыручки и понимания своей роли в процессе корпоративного общения «студент – студент – преподаватель» с целью усвоения коммуникативной и социокультурной компетенций. Таким образом, успех корпоративной работы зависит от профессиональных и личностных качеств преподавателя, а также от желания и намерения студентов работать совместно и согласованно.

К корпоративным формам преподавания предъявляются следующие требования:

а) преподаватели и студенты должны быть психологически готовы к работе в группе и к организации работы групп. Преподавателю необходимо подготовить студентов к работе с корпоративными формами обучения, а затем предлагать им решать учебные задачи;

б) готовность студентов говорить на иностранном языке в присутствии других, желание учащихся работать в группе с сокурсниками;

в) продуктивный темп работы, позволяющий студентам качественно выполнять задание;

г) по своей структуре задание должно быть таким, чтобы его можно было расчленить на отдельные подзадачи и подпункты;

д) содержание материала должно быть достаточно трудным, желателен проблемный, допускаются различные точки зрения, несоответствие позиций.

Работа в партнерстве с другими участниками обучения «накладывает определенные обязательства, стимулирующие изучение иностранного языка, – общение в парах и группах подразумевает использование корректных и уместных слов и словосочетаний, понимание собеседника для успешной коммуникации» [3, с. 88]. Корпоративные формы направлены на обучение группы достаточного уровня сплоченности, в которой ее члены объединены общностью целей, ориентируются на единые ценности, качественно осуществляют групповое взаимодействие [1]. Группа должна обладать рядом важнейших характеристик коллектива, в данном случае студенческого сообщества, в котором «корпоративные интересы» являются преобладающими по отношению к интересам социального целого [2, с. 7].

Необходимо заметить, что нами часто используются корпоративные формы обучения в преподавании иностранных языков. Однако интеграция таких форм в процесс преподавания вне целостного подхода, без учета их эмоциональной направленности, не обеспечивает достижения максимально возможной эффективности учебного процесса [4].

Учебный материал должен сопровождаться позитивной фоновой информацией с целью формирования ассоциативных связей с внутренними эмоциональными (позитивными) переживаниями. Особая роль отводится музыке,

что объясняется способностью «музыкально-акустических стимулов вызывать определенные эмоциональные состояния» [5, с. 13].

На практике «эмоциональное» влияние музыки используется с целью мотивирования, снятия эмоционального напряжения и скованности, стимулирования когнитивных и ассоциативных процессов и в конечном итоге речевой деятельности обучающегося в процессе развития коммуникативной компетенции на занятиях по иностранному языку. В классификации, предложенной Х.-Й. Бетцем и Р. Леффером, представлены следующие формы такой интеграции:

- соединение речи и видеоряда;
- соединение речи и музыкально-ритмических элементов;
- соединение речи и движений;
- соединение речи, музыки и движений;
- соединение речи, музыки и невербального представления информации;
- соединение речи, музыки, положительных эмоций, а также слуховых, зрительных и кинестетических (двигательных) представлений в предполагаемых путешествиях (фантазирование);
- соединение речи и элементов естественных коммуникативных ситуаций (контакт действий, эмоционального участия, мимики, жестов, интонационных и других характеристик речи) в диалогах, ролевых играх, при запросе и обмене информацией, в дискуссиях [9, с. 139].

Предлагаемые нами корпоративные формы обучения, такие как коллаж, Action Songs, воображаемые путешествия, проекты, презентации, дискуссии («круглый стол»), пантомима, полностью соответствуют требованиям программы по преподаванию иностранного языка. Коллаж – это соединение вербального и невербального представления информации. Студенты получают большое количество фотографий какой-либо современной знаменитости из страны, где говорят на изучаемом языке. Отобрав необходимые, с их точки зрения, фотографии (периодов детства, юности, начала карьеры), учащиеся составляют «фотобиографию» и подписывают комментарии к каждому фото с точки зрения самого популярного народного артиста. Подобная форма работы вызывает у каждого студента живой эмоциональный отклик и желание принять непо-

средственное участие, так как юмор и ирония поощряются.

Action songs – соединение речи, музыки и движений. При этой форме обучения студенты поют известную им песню под музыкальное сопровождение диска и демонстрируют движения, называемые или предполагаемые по содержанию текста. Учащимся на выбор предоставляется песня на изучаемом языке, они должны самостоятельно перевести ее слова (таким образом, первое задание включает в себя аудирование), а затем выполнить перевод песни. Следующее задание связано с работой над грамматическими структурами и тематически направленной лексикой. Студенты выполняют литературный перевод песни, включающий правильную подстановку лексических единиц, оформление важных мыслей, фактов, изложение в письменном виде.

Сама презентация ориентирует студентов на использование элементов ораторского искусства. Задача такого вида деятельности ориентирует «продюсера», «промоутера» на убеждение зрителей, спонсоров внести вклад в развитие данного проекта, песни, и доказать, что она будет экономически выгодной. Этот вид деятельности требует умения свободно общаться с публикой, реагировать на вопросы, тактично убеждать и доказывать свою точку зрения на иностранном языке. Некоторые студенты, по желанию, могут под фонограмму самостоятельно исполнить песню, переведенную ими.

Воображаемые путешествия – это соединение речи, музыки, положительных эмоций, а также слуховых и зрительных представлений. Мы рекомендуем применять данную корпоративную форму при работе со студентами 1-го курса в блоке «Иностранный язык для общих целей» в сфере общения «Я и мир, Я и моя страна» по проблематике общения «Путешествия и туризм как средство культурного обогащения личности. Популярные туристические маршруты». Звучащая после объявления цели путешествия музыка снимает напряжение и формирует у студентов ассоциативные связи между темой и приятным отсутствием напряжения. После сеанса релаксации учащимся предлагается начать путешествие. В воспроизводимом преподавателем тексте описываются впечатления слухового, зрительного, кинестетического, осязательного и даже вкусового характера,

способствующие в конечном итоге активному усвоению вербальной информации.

Иллюстрацией последнего вида аудиторной деятельности может послужить фрагмент разработанной К. Маккензи-Копп экскурсии по Лондону. Экскурсия заканчивается в Green Park: «...You cross the road to Green Park. How lovely and green the grass is. On the corner they're selling the evening papers already, even though it's just past midday, but you don't want a paper now. The sun is shining on your skin. You can hear singing birds. You take off your shoes and feel the cool grass between your toes. That's better. Look, there are yellow daffodils, and a big tree. In the distance you can hear a band playing...» [10, с. 108].

Воображаемое путешествие в Лондон включает в себя шесть этапов: 1) начало путешествия – музыкальное сопровождение; 2) объявление ведущего о цели путешествия (присутствие в данной аудитории вымышленных «туристов»); 3) обращение к закрепленной на доске карте с изображением центральных улиц Лондона; 4) обсуждение дальнейших «планов», исходя из схемы улиц Лондона, «наличия» у каждого студента банкноты номиналом в 100 евро и фотоаппарата; 5) изложение интересных фактов по истории Лондона; 6) интервьюирование местных жителей для изучения традиций и менталитета англичан. Все перечисленное дает возможность настроить студентов на положительное восприятие изучаемой темы через игровой элемент. Далее следует видеоэкскурсия по улицам Лондона на автобусе с показом достопримечательностей, примером которой может послужить интернет-ресурс <http://www.youtube.com/watch?v=n1t4n-SAc34>. Использование мультимедийных средств значительно повышает интерес к занятию, при этом в качестве контроля усвоенного самостоятельно материала может быть представлен кроссворд, метод Silent Pictures или фотографии изучаемой страны.

Проектная работа – это соединение речи, визуализации, движений и музыкального сопровождения, которое предлагается студентам 2-го курса в сфере профессионального общения (тема «Я и моя будущая профессия»). При изучении темы «Looking for a Job», согласно программе «Иностранный язык» для неязыковых вузов, студентам, изучающим деловой иностранный язык, на завершающем заня-

тии предлагается тема «Job Description and Company Structure» [7, с. 16]. На заключительном занятии студенты представляют вымышленную фирму с описанием конкретных отделов компании. Они должны уметь объяснить форму работы предприятия, количество сотрудников, отделов, объем производства. Каждому студенту необходимо принять участие в защите проекта, представляя отдельный блок с внедрением элементов Mind-Map. Этот вид деятельности соединяет в себе речь, движение, картинки, фантазию в русле основного материала, предусмотренного рабочей программой по иностранному языку. Х.-Й. Бетц обращает наше внимание на то, что преподаватель, в большинстве случаев с искренним и нескрываемым интересом, принимает живое участие в подобных формах работы наравне со студентами [8, с. 113].

Деловая игра как корпоративная форма обучения будущих специалистов, по нашему мнению, выполняет ряд функций: вооружает участников профессиональными знаниями и умениями их применять в действительности; развивает творческое мышление; формирует нравственные профессиональные представления и отношения. Деловая игра способствует накоплению умений и навыков работы в коллективе единомышленников при решении деловых задач [6, с. 108]. Мы неоднократно проводили деловую игру «Вступление в должность руководителя компании». На практике студенты реагируют на появление нового руководителя в компании следующим образом: удовлетворены заменой; довольны приходом

нового руководителя; безразличны к тому, кто будет новым руководителем; испытывают настороженность. Вступление в должность нового руководителя — это важное событие в жизни сотрудников, оно может вызывать у него сомнения, иногда боязнь.

В ходе игры нами учитывались различные обстоятельства (их вводили в игровой контекст сами участники или руководители игры), продумывались и проигрывались самые различные варианты вступления в должность руководителя. При этом оценивалась готовность студента представить себя компании при первой встрече, установить эмоциональный контакт, разработать индивидуальный план работы, продемонстрировать ответственные решения и прогнозировать их последствия. У будущих специалистов в ходе игры формируются в первую очередь профессиональные установки на понимание экономической действительности, на совместную корпоративную творческую деятельность.

Таким образом, корпоративные формы работы обеспечивают эмоциональность занятия, а также ассоциативные связи учебного материала с переживаемыми на занятии позитивными эмоциональными состояниями, возникновению которых способствует соответствующая фоновая информация. Содержательное и эмоционально насыщенное занятие по иностранному языку способствует развитию коммуникативной компетенции и носит деятельностный характер, что обеспечивается взаимодействием речевых и неречевых действий, а также зрительных и слуховых представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Киркпатрик, Дж.** Три шага к эффективности обучения [Электронный ресурс] / Дж. Киркпатрик. — Режим доступа: <http://e-xecutive.ru/education/adviser/1432058/>.

2. **Куликова, Л.Н.** Корпоративный дух образовательного учреждения: сущность, психолого-педагогические основы развития [Текст] / Л.Н. Куликова // Корпорат. дух образоват. учреждения как фактор саморазвития личности: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2005. — С. 3–10.

3. **Кунгурова, Г.Г.** Создание и использование речевых ситуаций для активизации речевой деятельности [Текст] / Г.Г. Кунгурова // Формирование ком-

муникат. инояз. компетенции в свете социального заказа. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. — С. 88–89.

4. **Пономарева, М.** Корпоративное обучение: от теории к практике [Электронный ресурс] / М. Пономарева. — Режим доступа: <http://e-xecutive.ru/education/adviser/1156185/>.

5. **Рубинштейн, С.Л.** Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2000. — 712 с.

6. **Стрельников, А.В.** Формы корпоративного обучения как элемента системы непрерывного обучения персонала [Текст] / А.В. Стрельников // Сервис в России и за рубежом. — М.: Изд-во Рос. гос. ун-та туризма и сервиса, 2011. — Т. 2. — С. 104–110.

7. **Тер-Минасова, С.Г.** «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов преподавания иностранных языков. Программа для преподавания иностранных языков блока гуманитарно-социально-экономических дисциплин (федеральный компонент ГОС ВПО) [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2009. – 23 с.

8. **Филонова, Е.А.** Психологические условия формирования лингвистического мышления [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Е.А. Филонова. – М., 2002. – 217 с.

9. **Хмелева, О.Г.** Социокультурные аспекты обучения учащихся начальной школы на основе диалога культур [Текст] / О.Г. Хмелева // Образование и взаимодействие культур: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – С. 137–145.

10. **Шкурагова, И.П.** Когнитивный стиль и общение [Текст] / И.П. Шкурагова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. – 156 с.

УДК 002:372.8

И.Б. Горбунова, П.Д. Родионов, Л.Ю. Романенко

МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКАНТА

При создании и реализации ФГОС ВПО третьего поколения на основе компетентностного подхода по различным направлениям музыкального искусства и образования оказалось важным определить роль и место информационных технологий (ИТ) в современном музыкально-образовательном пространстве, разработать адекватные пути формирования информационной компетентности студентов различных музыкальных специальностей, учитывая при этом сложность музыкально-образовательного процесса. Комплексный компетентностный подход, устанавливающий связь различных стратегий развития образовательного потенциала музыкантов в области овладения ИТ в контексте происходящих изменений и реформирования системы образования, позволил объединить традиционные, классические методы в подготовке музыканта и возможности современных ИТ и музыкально-компьютерных технологий (МКТ).

В работе [1] проанализированы теоретические проблемы формирования информационной компетентности студентов различных музыкальных специальностей в вузе, проведен анализ процесса обучения информатике и ИТ музыкантов в системе высшего профессионального и дополнительного образования.

В проведенном авторами исследовании рассмотрены вопросы формирования информационной компетентности студентов музыкальных вузов как основы развития их профессиональных компетенций, определены как универсальные, так и профессиональные информационные компетенции, рассмотрены содержание, средства и формы их развития.

Понимая компетенцию как динамичную совокупность знаний, умений, навыков, способностей, ценностей, которая необходима для эффективной профессиональной и социальной деятельности и личностного развития выпускников и которую они обязаны освоить и продемонстрировать после завершения части или

всей образовательной программы, выделяют две основные группы компетенций: общекультурные и профессиональные (*Байдено В.И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения; *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции и образовательные стандарты). К основным компетенциям при подготовке будущих музыкантов можно отнести информационную компетентность, предполагающую овладение средствами современных ИТ и МКТ, составляющих базу успешной деятельности в сфере музыкального образования и творчества.

Информационная компетентность является одной из ключевых компетенций современного человека и проявляется прежде всего при решении конкретных профессиональных задач [7]. Необходимость разработки методики обучения информатике и ИТ студентов различных музыкальных специальностей на базе МКТ в высшей школе обусловлена требованием формирования адекватной информационной компетентности. Достижение этой цели предполагает решение ряда насущных проблем, в том числе: а) выявление основных педагогических условий формирования информационной компетентности будущего музыканта на основе стандартов третьего поколения, б) создание методической системы формирования информационных компетенций студентов музыкальных вузов средствами общеобразовательных (предметы цикла гуманитарных и естественно-научных дисциплин) и профильных (специальных) дисциплин в рамках ФГОС третьего поколения, в) разработка основных принципов проектирования соответствующего учебно-методического процесса и др.

Под обучением информатике и ИТ в системе современного музыкального образования мы будем понимать совокупность разнообразных процессов:

- обучение информатике и ИТ будущих профессионалов в области музыкального твор-

чества, музыкальной педагогики и музыкальной информатики, а также менеджеров в области музыкального образования, продюсирования, шоу-бизнеса и др.;

- обучение базовой общеобразовательной информатике (например, дисциплины «Информатика», «Информатика и математика», «Информационные и коммуникационные технологии в образовании» в рамках ГОС ВПО второго поколения и дисциплины «Информационные технологии» и «Современные информационные технологии» в рамках ФГОС ВПО третьего поколения изучаются будущими профессионалами, как правило, на младших курсах);

- обучение прикладным ИТ и МКТ, которые изучаются будущими музыкантами чаще всего на старших курсах;

- обучение информатике на различных уровнях (будущих бакалавров, магистров, специалистов, аспирантов);

- обучение информатике в системе дополнительного профессионального образования (программы профессиональной переподготовки, повышения квалификации, курсовое обучение);

- реализацию традиционных и нетрадиционных форм организации учебной деятельности при изучении информатики, включая дистанционные и самостоятельные формы организации учебного процесса (*Беличенко В.В., Брянцев М.М., Горбунова И.Б., Камерис А., Кибиткина Э.В.* Формирование информационной компетентности современного музыканта на основе музыкально-компьютерных технологий, 2012).

Было выявлено, что процесс формирования информационной компетентности, понимаемой как «интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности» (*Тришина С.В.* Информационная компетентность как педагогическая категория), невозможно адекватно сформировать при освоении какой-либо отдельной дисциплины. Необходим комплексный подход, когда в течение всего периода обучения в вузе на базе современных ИТ и МКТ оказывается возможным развивать информационную

культуру будущих музыкантов на основе изучения предметов, которые входят в общенаучный (гуманитарный, математический и естественно-научный) и профессиональный циклы ГОС ВПО в области музыкального образования и музыкального искусства, с учетом формирования как общекультурных, так и профессиональных компетенций. Выявление основных компетенций, представляющих информационную компетентность современного музыканта, представляется чрезвычайно актуальной и важной задачей.

Рассматривая универсальные и профессиональные компоненты информационной компетентности музыканта (см.: *Ложакова Е.А.* Формирование информационной компетентности будущих музыкантов в процессе обучения информатике, 2012; *Беличенко В.В.* Структура, составляющие и средства формирования информационной компетентности современного музыканта, 2011), авторы отмечают, что универсальные (инвариантные) составляющие информационной компетентности не зависят от уровня и направления подготовки будущих специалистов в области музыкального искусства и образования, в то время как профессиональные (вариативные) составляющие связаны с решением конкретных профессиональных задач музыканта и зависят от его специализации. Данная позиция выражена также авторами работы [1].

Таким образом, основной задачей стала разработка педагогических технологий, которые позволили бы гибко и разносторонне использовать богатый педагогический инструментарий традиционного обучения музыке и безграничные возможности МКТ, позволяющие использовать музыкальный компьютер как средство обучения и как средство воспитания и развития творческих способностей обучаемых через музыкальное искусство в системе непрерывного образования [11].

Формирование информационной компетентности музыкантов различных специальностей в современных условиях высокотехнологичной информационной образовательной среды осуществляется средствами общеобразовательных предметов (цикл математических и естественно-научных дисциплин ГОС ВПО второго поколения или цикл гуманитарных, социальных и экономических дисциплин ФГОС

ВПО третьего поколения) и профессиональных предметов (цикл дисциплин профильной подготовки ГОС ВПО второго поколения или профессиональных дисциплин ФГОС ВПО третьего поколения).

Вместе с тем информатику отличает исключительная динамичность развития, отсюда возникают многочисленные проблемы обучения информатике и ИТ музыкантов, обусловленные непрерывным изменением содержания, методов, форм и средств обучения, возникают проблемы, требующие оперативного решения [9]. Одно из решений данной проблемы заключено в поиске новых педагогических технологий для оптимизации учебного процесса при участии МКТ, которые позволят гибко и разносторонне использовать богатый педагогический инструментарий традиционного обучения музыке и безграничные возможности музыкального компьютера. Таким образом, роль и функции МКТ в данном процессе становятся чрезвычайно актуальными и востребованными.

Авторы статьи уточняют понятие «музыкально-компьютерные технологии» с учетом исторической ретроспективы развития МКТ и возникновения ИТ в музыке как новой сферы деятельности музыкантов и специалистов в области ИТ. В ходе педагогического исследования предложена классификация современных специализированных музыкальных программно-аппаратных средств и комплексов, составляющих действенную основу современных МКТ, а также подготовлены конкретные методические рекомендации по формированию информационной компетентности музыкантов как основы их профессионализма на базе МКТ [3, 10, 12].

Формирование информационной компетентности современного музыканта на основе МКТ обусловило:

- разработку методической системы формирования информационных компетенций студентов музыкальных вузов средствами общеобразовательных и специальных дисциплин в рамках ФГОС ВПО третьего поколения, основных принципов проектирования учебно-методического процесса (результатом разработки методической системы обучения ИТ музыкантов различных специальностей в высшей школе в условиях функционирования высокотехнологичной образовательной творческой среды являются практические рекомендации по

применению разработанной методики, внедрению и корректировке процесса обучения ИТ в системе высшего профессионального музыкального образования) [1, 3 и др.];

- разработку разнообразных сервисов обучения музыке и музыкальным дисциплинам с использованием МКТ, соответствующих расширяющимся возможностям клиентов коммуникационных сетей в процессе организации дистанционных форм обучения музыке музыкантов различных специальностей в системе высшего и среднего профессионального образования, а также сервисов обучения музыкантов различных специальностей ИТ, реализуемым в традиционной и нетрадиционной системе современного музыкального образования, включая различные виды самостоятельной работы [1, 10 и др.];

- определение условий функционирования теории открытых систем в современном музыкально-образовательном пространстве и адаптацию их для формирования высокотехнологичной творческой образовательной среды обучения музыкантов в высшей школе.

В музыкальной практике большое распространение приобрел класс музыкальных инструментов, включающий в себя клавишные синтезаторы, рабочие станции, мультимедийные компьютеры и др. Инструменты, созданные на основе цифровых технологий, отличаются значительными выразительными ресурсами, а управлять ими с помощью программных средств несложно, что открывает широкие перспективы применения таких инструментов в музыкальном образовании.

Как отмечает И.М. Красильников, МКТ открывают в музыкальном творчестве новый круг проблем, разработка которых может иметь прорывные результаты для музыкально-педагогической науки и практики. Это может обеспечить интенсивное и гармоничное развитие музыкально-творческих способностей учащихся на основе расширения возможностей музыкальной деятельности (за счет обращения к элементам композиции, исполнительства, звукорежиссуры и звукового синтеза), а также более глубокое освоение ими неисчерпаемого эстетического и этического опыта, заложенного в народной, классической и современной музыке. Композитором предложены новые понятия: «электронное музыкальное творчество», «стереофонический склад фактуры», «по-

нимание электронной музыки как основанной на этом складе», «трактовка музыкальности как способности к интонационной деятельности» и др. [8].

Разработка основ формирования информационной компетентности музыканта связана также с развитием теоретических основ и методического обеспечения музыкально-эстетического воспитания на основе МКТ – сохранением культурных ценностей в новых технологических условиях через разработку новых элементов образования, позволяющих адекватно интерпретировать традиционное музыкальное (концертно-музыкальное, музыкально-театральное) искусство в цифровом формате; формированием необходимых аксиологических качеств учащегося в создании, исполнении и восприятии музыки посредством электронных медиа; созданием специализированных мультимедийных средств для обучения экранным, аудиовизуальным и другим видам современного искусства [4].

Универсальные (или вариативные) составляющие информационной компетентности будущих музыкантов формируются в основном в процессе обучения базовой общеобразовательной информатике (в рамках ГОС ВПО второго поколения – дисциплины «Информатика», «Информатика и математика», «Информационные и коммуникационные технологии в образовании», реализуемые в «Математическом и естественно-научном цикле» дисциплин основных образовательных программ бакалавриата, которые изучались на младших курсах; в рамках ФГОС ВПО третьего поколения – дисциплины «Современные информационные технологии»). Как показали исследования, проводимые в учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена, обучение в рамках этого цикла целесообразно дополнить введением дисциплины «Музыкальная информатика», непосредственно ориентированной на формирование универсальных компонентов информационной компетентности музыканта на базовом уровне (см., например, диссертационные исследования: *Горельченко А.В.* Операционность знаний по информатике учащихся музыкальных школ с использованием музыкально-компьютерных технологий, 2007; *Чёрная М.Ю.* Методика обучения информатике учащихся музыкальных

школ с использованием звукового программно-аппаратного комплекса, 2012).

В дальнейшем, на этапе изучения дисциплин профессионального цикла программ бакалавриата, осваиваемого будущими музыкантами, как правило, на старших курсах и включающего обучение прикладным ИТ и МКТ, считаем необходимым введение в базовую часть цикла дисциплин «Программное обеспечение профессиональной деятельности музыканта», «Компьютерная музыка», «Музыкально-компьютерные технологии», «Информационные технологии в музыке». Информационные компетенции, которые осваиваются в процессе изучения данных дисциплин, можно назвать межпредметными, охватывающими дисциплины профессионального цикла по направлениям образования, связанным с музыкальным искусством и музыкальным образованием (диссертационное исследование *Камериса А.* Пути реализации концепции музыкально-компьютерного образования в подготовке педагога-музыканта, 2007).

В вариативной части профессионального цикла дисциплин ФГОС ВПО третьего поколения для студентов, обучающихся по профилю «Музыкально-компьютерные технологии» и направлениям, связанным с электронной музыкой и компьютерным музыкальным творчеством, наряду с базовыми дисциплинами, такими как «Основы композиции, инструментоведение и компьютерная аранжировка», «Технологии студийной звукозаписи», «Дополнительный музыкальный (электронный) инструмент», «Информационные технологии в музыке» и др., считаем необходимым введение обязательных дисциплин «Электронные музыкальные инструменты», «Аранжировка на синтезаторе», «Компьютерное музыкальное творчество», «Методика обучения игре на электронном музыкальном инструменте», «Музыкально-компьютерные технологии в образовании» и др., в процессе овладения которыми наиболее продуктивно формируются профессиональные компоненты информационной компетентности современного музыканта.

Большие возможности для совершенствования навыков использования современных ИТ и формирования информационной компетентности будущих специалистов в сфере музыкального искусства и образования имеет

самостоятельная работа (подготовка курсовых и дипломных работ, творческих музыкальных проектов, подготовка мультимедийных программно-педагогических средств и т. д.), в процессе которой студенты осваивают ИТ, используемые ими в конкретных видах учебной и практической деятельности.

Существенное значение в формировании информационной компетентности будущих музыкантов в высшей школе имеет использование метода проектов, в основу которого положена идея о направленности учебно-познавательной деятельности на результат при создании конкретного творческого проекта, когда «результат – опыт деятельности – становится бесценным достоянием учащегося» [6]. Особое внимание, по нашему мнению, следует уделять интегрированным учебным проектам: именно они формируют навыки работы с информацией, навыки целостного творческого анализа, постановки цели исследования, формулировки гипотезы, соотнесения общего содержания с конкретным способом его реализации, развивают исследовательские навыки работы студентов, непосредственно сопряженные с применением их в практической деятельности. Эффективным инструментом формирования информационной компетентности студента – будущего музыканта является и метод непосредственного включения студента в сетевую образовательную среду.

В системе дополнительного профессионального образования (программы профессиональной переподготовки, повышения квалификации, курсовое обучение) формирование информационной компетентности слушателей с высшим и средним профессиональным образованием происходит в процессе овладения ими дисциплинами, включаемыми в программы профессиональной переподготовки «Преподавание музыкальных дисциплин с использованием музыкально-компьютерных технологий в образовательных учреждениях» и «Преподавание электронных музыкальных инструментов в средних профессиональных образовательных учреждениях (педагогические и музыкально-педагогические училища)», а также в программы повышения квалификации: «Музыкально-компьютерные технологии», «Методика преподавания музыкальных дисциплин с использованием музыкально-компьютерных технологий»,

«Компьютерное музыкальное творчество», «Методика преподавания электронных музыкальных инструментов», «Аранжировка музыки на электронных музыкальных инструментах», «Дистанционное музыкальное образование», «Информационные технологии в музыке», «Музыкальный компьютер – новый инструмент музыканта», «Преподавание музыкальных дисциплин с использованием синтезатора и компьютера в ДМШ, ДШИ», «Информационные технологии в музыкальном образовании», «Музыкальный компьютер в детской музыкальной школе», «Звуковой дизайн», «Прикладная звукорежиссура», «Основы музыкального программирования», «Современные методы преподавания музыкальных дисциплин с использованием компьютерных технологий», «Инновационные методы и технологии музыкального развития детей дошкольного возраста на основе музыкально-компьютерных технологий», «Интенсивный курс игры на клавишных инструментах (музыкальный компьютер и синтезатор)», «Компьютерная аранжировка и композиция», «Современная студия звукозаписи и работа в ней», «Оформление нотных изданий на компьютере», «Методика обучения музыке людей с ограниченными возможностями (зрения, слуха) с использованием МКТ» и др.

В качестве основы научного задела заявленного направления исследований следует рассматривать созданную сотрудниками учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена под руководством профессора И.Б. Горбуновой комплексную инновационную образовательную систему «Музыкально-компьютерные технологии в образовании», которая, опираясь на лучшие традиции отечественного классического музыкального образования, инновационный зарубежный опыт и современные МКТ, не только развивает музыкальное и информационно-технологическое образование, но и затрагивает социальные аспекты процесса информатизации образования в целом.

Принципы, положенные в основу создания методической системы, являются базовыми для формирования новой предметной области в музыкальном образовании, возможность появления которой обусловлена возникновением и развитием МКТ. Их существование – это фундамент для сформировавшихся на современном этапе видов профессиональной деятельности

как музыкантов, работающих с МКТ (звуко-режиссура, цифровая звукозапись, саунд-дизайн, саунд-продюсирование, исполнение на синтезаторах и миди-инструментах и пр.), так и программистов — разработчиков в области компьютерных музыкальных систем.

Апробация элементов разработанной комплексной инновационной образовательной системы «Музыкально-компьютерные технологии в образовании» была проведена в пилотных регионах России. В открытом доступе в сети представлены открытые образовательные продукты, цифровые образовательные ресурсы (ЦОР), инновационные учебно-методические комплексы (ИУМК), информационные источники сложной структуры (ИИСС), в частности:

- ИУМК «Музыка и информатика» (1–4-й классы) — при поддержке НФПК разработан, внедрен и апробирован в рамках проекта «Информатизация системы образования» [5];

- ИУМК «Музыкальный компьютер (новый инструмент музыканта)» (авторы Г.Г. Белов, И.Б. Горбунова, А.В. Горельченко) — при поддержке НФПК в проекте «Создание учебной литературы нового поколения» разработан, апробирован и внедрен в образовательный процесс;

- ИИСС и ЦОР «Музыка в цифровом пространстве» (5–9-й классы) и «Звук и музыка в мультимедиа-системах» (8–11-й классы) — при поддержке НФПК разработаны в рамках проекта «Информатизация системы образования» [2].

К рассматриваемым ресурсам имеет неограниченный доступ любой учитель и ученик, любой ребенок и родитель. Мы считаем, что для современного учителя и учащегося крайне важна доступность и открытость разработанной методической системы.

Музыкально-компьютерные технологии как средство формирования информационной компетентности музыкантов-педагогов для системы инклюзивного образования, являющегося частью комплексной инновационной образовательной системы «Музыкально-компьютерные технологии в образовании», были апробированы в Санкт-Петербурге в интернате № 1 для слабовидящих детей и ГБУ «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов». Для музыкального образования и реабилитации обучаемых с ограниченными возможностями с использованием МКТ были созданы все необходимые условия. Преподава-

ние по разработанным методикам проводилось А.М. Вороновым.

К имеющемуся научному заделу по различным направлениям исследования следует отнести кандидатские диссертации, которые посвящены функционированию МКТ в музыкально-образовательном процессе, музыкальном творчестве, ИТ в музыке и музыкальном образовании и компьютерному моделированию элементов музыкального творчества и защищены в результате проведенных на базе учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена исследований под руководством профессора И.Б. Горбуновой (*Чёрная М.Ю.* Методика обучения информатике учащихся музыкальных школ с использованием звукового программно-аппаратного комплекса, 2012; *Привалова С.Ю.* Информационная образовательная среда обучения информатике учащихся в школах с углубленным изучением предметов музыкального цикла, 2012; *Кибиткина Э.В.* Методика обучения основам музыкального программирования, 2011; *Камерис А.* Пути реализации концепции музыкально-компьютерного образования в подготовке педагога-музыканта, 2007; *Горельченко А.В.* Операционность знаний по информатике учащихся музыкальных школ с использованием музыкально-компьютерных технологий, 2007; *Чибирёв С.В.* Исследование математических моделей, разработка алгоритмов интерфейса программного комплекса обработки звуковых фрагментов в формате MIDI, 2007; *Заболотская И.В.* Новые информационные технологии в современном музыкальном образовании, 2000; и др.), а также проводимые в настоящий момент диссертационные исследования по следующим специальностям: 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (музыка, уровни общего и профессионального образования); 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (информатика, уровни общего и профессионального образования); 05.13.18 — Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ; 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования; 24.00.01 — Теория и история культуры.

Отметим, что в настоящее время сформировались новые специальности в сфере музыкального образования и творчества — музы-

кальный звукорежиссер, специалист в области звукосинтеза, звукотембрального программирования, исполнитель на электронных музыкальных инструментах и др. В современном электронном и компьютерном музыкальном инструментарии наиболее полно и совершенно воплотились веками накопленные ИТ в музыке и искусстве музицирования. Это требует подготовки музыкантов, разбирающихся в современных МКТ, владеющих знаниями в области звукосинтеза, звукотембрального программи-

рования, владеющих технологиями студийной звукозаписи, музыкально-компьютерными программами, современными музыкальными программно-аппаратными комплексами. Все сказанное обуславливает необходимость формирования адекватного уровня информационной компетентности современных музыкантов различных специальностей для их успешного функционирования в высокотехнологичной информационной образовательной творческой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беличенко, В.В.** Феномен музыкально-компьютерных технологий в обучении музыкантов информатике (в условиях перехода на новые образовательные стандарты) [Текст]: моногр. / В.В. Беличенко, И.Б. Горбунова. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. — 220 с.
2. **Белов, Г.Г.** Музыка в цифровом пространстве [Электронный ресурс] / Г.Г. Белов, И.Б. Горбунова, А.В. Горельченко; компьютерная студия «Март» // Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов. — Режим доступа: www.school-collection.edu.ru ФГУ ГНИИ ИТТ «Информика»: Уникальный идентификатор: 57b1b94d-b095-48e1-b60f-12f87d0b61c5, 2008 (1 Гб).
3. **Горбунова, И.Б.** Информационные технологии в музыке [Текст]: учеб. пособие. В 3 т. / И.Б. Горбунова. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009–2011. — 175 с. (Т. 1), 205 с. (Т. 2), 399 с. (Т. 3).
4. **Она же.** Феномен музыкально-компьютерных технологий как новая образовательная творческая среда [Текст] / И.Б. Горбунова // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. — 2004. — № 4 (9). — С. 123–138.
5. **Она же.** Музыка и информатика: инновационный учебно-методический комплекс [Электронный ресурс] / И.Б. Горбунова, М.В. Демидов, С.Ю. Привалова, С.В. Чибирёв; компьютерная студия «Март» // Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов. — Режим доступа: www.school-collection.edu.ru ФГУ ГНИИ ИТТ «Информика»: Уникальный идентификатор: 57b1b94d-b095-48e1-b60f-12f87d0b61c5, 2008 (1,7 Гб).
6. **Доброва, Н.Н.** Формирование информационной компетенции учащихся [Электронный ресурс] / Н.Н. Доброва, А.В. Краузе. — Режим доступа: <http://www.bytic.ru/cue/2005/tezis3.htm> (дата обращения: 05.01.2012).
7. **Инновации** в образовании: человекообразный ракурс [Текст]: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. — М.: ЦДО «Эйдос», 2009. — 220 с.
8. **Красильников, И.М.** Электронное музыкальное творчество в системе художественного образования [Текст] / И.М. Красильников. — LAP LAMBERT Academic Publishing. — Saarbrücken, Germany, 2012. — 447 s. — ISBN 978-3-8473-4716-3.
9. **Роберт, И.В.** Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) [Текст] / И.В. Роберт. — 2-е изд., доп. — М.: ИИО РАО, 2008. — 274 с.
10. **Родионов, П.Д.** Построение DAW [Текст] / П.Д. Родионов // Междунар. науч.-практ. конф. «Региональная информатика РИ — 2012»: материалы конф. / СПОИСУ. — СПб., 2012. — С. 256–257.
11. **Романенко, И.Б.** Непрерывное образование и проблема фундаментальности [Текст] / И.Б. Романенко // Непрерывное образование. — 2012. — Вып. 1. — С. 12–17.
12. **Романенко, Л.Ю.** Историческая проблема авторства в музыке и современная задача идентификации мелодии [Текст] / Л.Ю. Романенко // Междунар. науч.-практ. конф. «Региональная информатика РИ — 2012»: материалы конф. / СПОИСУ. — СПб., 2012. — С. 257–258.

УДК 378

Н.А. Степаненко

ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»), в частности, отмечается, что выпускник должен обладать профессиональными компетенциями (ПК): способностью организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, их творческие способности (ПК-7); способностью разрабатывать современные педагогические технологии с учетом особенностей образовательного процесса, задач воспитания и развития личности (ПК-12) [4].

В связи с вышеизложенными требованиями к выпускнику – будущему учителю возникает необходимость обращения к проблеме развития педагогической креативности студентов.

Проанализируем содержание понятия «креативность». Ряд авторов (А.К. Маркова, Л.М. Митина, Я.А. Пономарёв и др.) ставят знак равенства между понятиями «творчество» и «креативность». По их мнению, креативность обусловлена творческим подходом к своей деятельности. М.М. Зиновкина отмечает связь между этими понятиями, определяя второе как производное от первого [2, с. 106]. По утверждению же М.М. Кашапова, «творчество» и «креативность» – это различные понятия. Он считает, что творческий процесс базируется на вдохновении автора, его способностях, традициях, которым он следует, а в креативном процессе главной составляющей является прагматизм, т. е. изначальное понимание того, «зачем создавать, для кого создавать, как создавать и что именно нужно создавать» [3].

В связи с наличием разных точек зрения у исследователей по данному вопросу возникла необходимость в дифференциации терминов «творчество» и «креативность».

В научных трудах отечественных психологов и педагогов (Б.Г. Ананьева, Б.Д. Богоявленской, Я.А. Пономарева, С.Л. Рубинштейна

и др.) творчество рассматривается с двух позиций: одни ученые выделяют личностную основу творчества, утверждая, что творчество – это интегративное качество личности, внутренняя нацеленность на открытие нового, способность личности удивляться и познавать, умение находить решение в нестандартных ситуациях, а другие – деятельностную основу творчества, связывая его с процессом создания новых материальных и духовных ценностей. Л.С. Выготский определяет творчество как «такую деятельность человека, которая создает нечто новое, все равно, будет ли это созданное какой-нибудь вещью внешнего мира или известным построением ума или чувства...» [1, с. 3].

Таким образом, можно сделать вывод, что творчество, как и креативность, рассматривается двуаспектно: с выделением личностной и деятельностной основ.

Для того чтобы разделить эти два понятия, необходимо определить их отличительные признаки.

Анализ литературных источников, диссертационных работ и проведенное нами исследование позволили сделать вывод о различии понятий «творчество» и «креативность». Выделенные отличительные признаки этих понятий представлены в табл. 1.

Таблица 1

Отличительные признаки понятий «творчество» и «креативность»

Характеристика	Отличительные признаки понятий	
	«Творчество»	«Креативность»
Существенный признак	Процесс	Личностное качество
Состояние, качество	Вдохновение, стремление к самовыражению, незапрограммированность	Прагматизм, творчество подчинено определенной цели
Вид деятельности	Спонтанная деятельность	Целенаправленная деятельность

Таким образом, мы, как и М.М. Кашапов, придерживаемся мнения, что понятия «креативность» и «творчество» не идентичны.

На основе анализа вышеизложенных образовательных стандартов можно сделать вывод о целесообразности введения понятия «креативность» в профессиональную подготовку учителя. Предлагаем следующее понятие: *«Педагогическая креативность – это профессиональное качество личности, которое проявляется в целенаправленной, креативной деятельности учителя, способного ставить, видеть нестандартные педагогические задачи и оригинально их решать».*

Как показало исследование, развитие педагогической креативности имеет ряд стадий (см. табл. 2). Переход от одной стадии к другой происходит посредством реализации разработанной нами технологии развития педагогической креативности.

Таблица 2

Стадии развития педагогической креативности

Стадия	Характерные черты педагогической креативности
Потенциальная	Додеятельностная. Готовность к приобретению знаний, опыта креативной педагогической деятельности, а также к проявлению педагогической креативности
Недифференцированная	Проявление общей творческой способности индивида, не дифференцированной по отношению к педагогической деятельности
Целенаправленная	Способность ставить, видеть нестандартные педагогические задачи, оригинально их решать, а также быстро ориентироваться в создавшихся педагогических ситуациях

Нами разработаны структура и содержание технологии развития педагогической креативности. В данную технологию входят методическое сопровождение процесса развития креативной педагогической деятельности и описание деятельности преподавателей и студентов.

В качестве методического сопровождения процесса развития педагогической креативности нами разработаны: сценарий обучающей компьютерной программы; программа спец-

практикума «Развитие педагогической креативности»; комплекс эвристических учебно-профессиональных задач (ЭУПЗ); описание тренингов по развитию личностных качеств будущего педагога; задания для производственной практики, выполнение которых предусматривает разработку планов уроков с применением технологий организации креативной педагогической деятельности.

Приведем краткое описание содержания методического сопровождения процесса развития педагогической креативности.

Целью диагностико-обучающей компьютерной программы являются обучение студентов и диагностика уровней развития у них педагогической креативности. Программа содержит цикл заданий и упражнений, направленных на освоение необходимого объема теоретических знаний и практических умений, диагностические задания и тесты, с помощью которых студент может определить свой уровень развития педагогической креативности. В программе представлены фрагменты видеоматериалов, содержащих педагогические ситуации. После их просмотра студенту необходимо проанализировать данные ситуации и ответить на ряд предложенных вопросов.

Цель спецпрактикума – развитие педагогической креативности. Программа спецпрактикума включает в себя четыре раздела: первый раздел – теоретический материал основ креативной педагогической деятельности; второй – характеристики педагогических технологий организации креативной педагогической деятельности (методы эвристических вопросов, многомерных матриц, свободных ассоциаций, инверсий, эмпатии, синектики, организованных стратегий, «мозговой атаки»); третий – содержание теоретических знаний по креативному взаимодействию учителя с учащимися; четвертый – описание тренингов и комплекса условий ЭУПЗ.

Проведенное нами исследование показало эффективность ЭУПЗ в развитии педагогической креативности, так как они являются практико-ориентированным средством активизации деятельности студента. Решение студентами ЭУПЗ предполагает овладение профессиональными знаниями, умениями, а также создание своих собственных образовательных продуктов.

Под ЭУПЗ, развивающими педагогическую креативность, мы понимаем задачи, требующие от студентов мыслительных и практических действий, направленных на усвоение ими умений анализировать педагогическую ситуацию и принимать креативные решения, выполнять действия, направленные на создание креативной ситуации, оценивать результаты решения. Выполнение требований ЭУПЗ способствует приобретению будущим учителем опыта креативной педагогической деятельности и развитию психологических качеств педагога. Опираясь на методику, описанную А.В. Хуторским [5], мы выделили три типа ЭУПЗ: когнитивные, креативные, оргдеятельностные. Примеры задач, классифицированных по предложенным типам, приведены в табл. 3.

В эксперименте, который проводился в Орском гуманитарно-технологическом институте (филиале) ОГУ, принимали участие 116 студентов физико-математического, филологического и исторического факультетов. По уровням развития компонентов педагогической креативности (когнитивный, деятельностный психологический) на итоговом этапе участники эксперимента распределились следующим образом:

- 5-й курс:
 высокий уровень – 39,9 %, средний – 42,4 %, низкий – 18,5 %;
- 1-й курс:
 высокий уровень – 13,4 %, средний – 36,7 %, низкий – 49,9 %.

Т а б л и ц а 3

Примеры эвристических учебно-профессиональных задач (ЭУПЗ)

Тип ЭУПЗ	Задание
Когнитивные	Разработайте план креативного урока или креативный фрагмент урока, используя информационные технологии. Апробируйте на учебном занятии или на производственной практике данный урок или фрагмент урока
Креативные	Исходя из выбранного индивидуального задания, изучите литературу, подготовьте короткое сообщение по заданию и представьте информацию в нестандартном виде: <ul style="list-style-type: none"> • плакат и его особенности в обучении, • учебное кино, • гипертекст в обучении
Оргдеятельностные	На производственной практике изучите опыт работы учителя. Проанализируйте его и выделите креативные действия, фрагменты урока в его профессиональной деятельности. Составьте ранжирование креативных ситуаций или действий учителя. Сравните свои результаты с результатами работы других студентов

Результаты проведенного исследования показали, что применение разработанной технологии позволило получить положительную динамику развития педагогической креативности у будущих учителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Выготский, Л.С.** Воображение и творчество в детском возрасте [Текст] / Л.С. Выготский // Психол. очерк: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1996. – 93 с.
2. **Зиновкина, М.М.** НФТМ-ТРИЗ: креативное образование XXI века (Теория и практика) [Текст]: моногр. / М.М. Зиновкина. – М.: Изд-во МГИУ, 2007. – 306 с.
3. **Кашапов, М.М.** Психология творческого мышления профессионала [Текст]: моногр. / М.М. Кашапов. – М.: Изд-во ПЕР СЭ, 2006.

4. **Федеральный** государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prgm788-1.pdf.
5. **Хуторской, А.В.** Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения [Текст] / А.В. Хуторской. – М.: Изд-во МГУ, 2003.

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЕ СОЗДАНИЯ ТЕКСТА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Вопросы, связанные с различными аспектами анализа художественного текста, в том числе с необходимостью изучения специфики литературного произведения в высшей школе, не утрачивают актуальности в начале XXI века, причем можно говорить о важности подобного изучения применительно к обучению не только студентов-филологов, но и студентов-гуманитариев технического вуза.

Рассмотрение художественного текста в курсе «Русский язык и культура речи» имеет большое значение для студентов, обучающихся по специальности «Реклама и связи с общественностью», и в первую очередь для их будущей профессиональной деятельности, которая непосредственно связана с созданием рекламных текстов. Знание особенностей воздействия языковых единиц текста на адресата должно помочь будущему специалисту не только отличить «качественный» текст от неумело созданного, но и самому создать текст, обладающий эстетическими достоинствами.

Это касается прежде всего двух аспектов.

1. Умение вычленять языковые феномены, которые придают художественному тексту эстетические качества, способствует духовному развитию личности студента и формированию у него эстетического чувства и элементарного вкуса, необходимого для выработки навыка самостоятельного создания текстов, в том числе рекламных и PR-текстов.

2. Этическое воспитание будущих специалистов не позволит им использовать в устной и письменной коммуникации манипулятивные тактики, «нечестные» риторические уловки и речевую агрессию.

При анализе художественного текста можно выделить три взаимосвязанных аспекта, которые в совокупности позволяют наиболее полно представить его специфику (эти три направления анализа в методических целях могут рассматриваться по отдельности, хотя, несомненно, они тесно взаимосвязаны

и переплетаются при исследовании любого подобного текста):

1) проблема эстетической трансформации семантики языковых единиц художественного текста и приобретения ими эстетического значения;

2) проблема экспрессивности художественного текста, связанная с актуализацией определенных, значимых для автора смыслов и усилением речевого воздействия на адресата;

3) проблема образа автора как важнейшей категории литературного произведения, обеспечивающей взаимодействие всех элементов художественного целого и определяющей точку зрения на созданную с помощью языковых единиц виртуальную реальность.

1. Феномен, который Б.А. Ларин в свое время назвал «приращением смысла» [8], а Л.А. Новиков – «семантико-эстетическим приращением» [10], в сущности, является трансформацией значения языковой, прежде всего лексической, единицы, перегруппировкой сем в ее семантической структуре: «Благодаря разнообразным контекстуальным связям его (поэтического слова. – Е. С., Ю. К.) значение чаще всего получает семантико-эстетическое приращение, становясь неравным словарному и вовлекая другие слова в общую образность текста... Есть все основания в этой связи говорить об особой единице языка художественной литературы – поэтеме...» [Там же. С. 83–84].

Действительно, вслед за Л.А. Новиковым можно говорить о поэтеме как об особой единице языка художественной литературы. С нашей точки зрения, поэтема – языковой эстетический знак в художественном контексте, на основе трансформированного общезыкового значения приобретающий индивидуальную образную семантику. Поэтема может состоять из отдельной лексической единицы, но не менее часто это несколько единиц, объединенных в словосочетание, обособленный оборот, целое предложение. Объем поэтемы чаще всего кор-

релирует со степенью семантического сдвига в языковой единице или конструкции.

Так, наиболее простым примером может быть эпитет «шоколадный» в романе М. Булгакова «Белая гвардия»: «*Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах...*» [2, с. 15]. В семантике прилагательного, помимо элемента значения «цвета шоколада», присутствуют значения «старинный», «таинственный», «пахнущий шоколадом» (ср. в том же контексте «лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом», а также на основе вкусовой ассоциации — «вкусные и доставляющие удовольствие, приятные, как шоколад» [Там же]). Аналогичный по степени семантической трансформации пример — употребление в переносном значении глагола «отмывать» в тексте стихотворения И. Бродского «Колыбельная»: «*Белый лист и желтый свет отмывают мозг от бед*» [15, с. 385].

Менее элементарная эстетическая трансформация — эпитеты «голодный» и «голый» в стихотворении Бродского «Глаголы»: «*Меня окружают... голодные глаголы, голые глаголы...*» [Там же. С. 41]. Сочетание приведенных прилагательных с существительным «глагол» воспринимается как парадоксальное, что увеличивает степень семантического сдвига и делает уподобление глаголов (причем это слово употребляется одновременно в двух значениях: «часть речи» и «речь, слово») живым существам максимально ярким, причем семантический эффект усиливается звукообразом.

Наконец, целостная поэма — строфа стихотворения И. Бродского, представляющая собой развернутую метафору: «*Дни бегут над мной, / словно тучи над лесом, / у него за спиной / сбившись стадом белесым. / И, застыв над ручьем, / без мычанья и звона, / налегают плечом на ограду загона*» [Там же. С. 337].

Представляется, что все приведенные случаи эстетического преобразования лексических единиц обладают экспрессивностью, поскольку демонстрируется явно ненейтральное отношение автора к описываемому.

2. Экспрессивность — основополагающая категория текста, которая демонстрирует ненейтральное (прежде всего оценочное и эмоциональное) отношение пишущего к предмету речи, обладает функцией воздейст-

вия и служит для выделения особенно значимых для автора фрагментов повествования, что обуславливает аналогичное восприятие их читателем.

Под экспрессивностью можно понимать также «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка», обеспечивающих ее способность выступать в художественном тексте в качестве средства субъективного выражения отношения автора к повествованию. Можно выделить морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические экспрессивные средства.

Следовательно, экспрессивные — языковые единицы, в семантической структуре которых присутствуют коннотации эмоционально-оценочного характера [ср.: 4]. Понятие экспрессивности и связанные с ней термины (экспрессив, экспрессив) рассматривались во многих исследованиях [см.: 7, 9]. Представляется, что чаще всего экспрессив — сверхсловная номинация, иногда даже выходящая за пределы синтаксической конструкции, однако она может быть выражена и одной лексемой.

Оценочно-характеризующий взгляд автора и, отчасти, одного из главных героев романа М. Булгакова «Белая гвардия», Николки, выражается с помощью употребления суффиксов *-ик* и *-ишк*: «*У самого спуска на Подол из подъезда серокаменного дома вышел торжественно кадетшишка в серой шинели... Николка резко оборвал маршрут, двинул поперек тротуара, напер на кадетика грудью... Кадетшишка вздрогнул, испугался, отшатнулся...*» [2, с. 156]. В романе этого же автора «Мастер и Маргарита» употребленная в литературном повествовании от 3-го лица разговорная лексема «рассказни» не просто увеличивает степень выразительности текста, но и представляет, помимо точки зрения автора, точку зрения персонажей, которые воспринимают абсолютно правдивый рассказ как выдумку: «*...рассказывал Николай Иванович и закончил свои рассказы просьбой ни словом не сообщать об этом его супруге*» [Там же. С. 757].

Приведенные примеры демонстрируют, что наиболее простое средство создания экспрессивности в художественном тексте — использование экспрессивных единиц языка. При этом средства воплощения категории экспрессивности в художественном тексте фактически ничем не ограничены. Среди них

могут быть даже языковые единицы, далеко выходящие за пределы литературного языка, но при этом, однако, создающие яркий стилистический эффект в контексте художественного целого, как это происходит в стихотворении И. Бродского «КПЗ», построенном на столкновении предельно низких, даже нецензурных, лексических единиц и высокой, поэтической лексики: *«Прихлебывает чай дежурный. / И сам себе кажусь я урной, / куда судьба сгребает мусор, / куда плюется каждый мусор. / Колючей проволоки лира / маячит позади сортира. / Болото всасывает склон. / И часовой на фоне неба / вполне напоминает Феба. / Куда забрел ты, Аполлон!»* [15, с. 423].

В связи с подобными примерами встает вопрос, следует ли считать экспрессемами отдельные лексические единицы в тексте или можно воспринимать как единую экспрессему тот контекст, в котором сопоставлены и противопоставлены разноплановые лексические единицы. Вероятно, имеет право на существование и та, и другая точка зрения. Тем не менее в некоторых случаях только как единую экспрессему можно воспринимать некую совокупность лексических единиц, в частности неоднократный повтор прилагательного «холодный» и его деривата «холодно», с помощью которого подчеркивается важная для автора противоположность мира умерших увиденному глазами «детей из усадьбы» теплему и солнечному миру в тексте миниатюры И. Бунина «Часовня» («оттуда только холодно дует», «а там темно и холодно», «они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках», «тем холоднее дует из тьмы») [3, с. 392].

Следует отметить, что во многих рассмотренных примерах проявляется образ автора, определяющий степень интенсивности, вектор восприятия и аксиологическую составляющую экспрессемы. В повести З. Прилепина «Восьмерка», несомненно, экспрессивно описание драки, демонстрирующее желание автора представить эту драку как серьезный труд «над кем-то» (и этому труду повествователь явно сочувствует, заставляя подобным же образом относиться и читателя), а результат этого труда описать как нечто яркое, значимое и запоминающееся: *«Лыков, Грех и Шорох работали руками и ногами; те, над кем они работали, распозались по углам, как аквариумные черви. Стекло то здесь,*

то там было в красных мазках, странно, что не разбили... Сама атмосфера в фойе была спокойной и рабочей... Три вьялых полутрупа лежали по углам. Один свернувшись, как плод в животе, другой ровно вытянувшись вдоль плинтуса, третий засунув голову меж коленей и все это обхватив длинными руками — так что получился почти колобок — толкни и покатится по ступенькам, никак не возражая» [12, с. 32–33].

Показательно, что приведенные фрагменты демонстрируют тесную связь категории экспрессивности и эстетического приращения значения, поскольку степень экспрессивности увеличивается за счет употребления простейшего художественного средства — сравнения: «как аквариумные черви», «как плод в животе». Таким образом, в приведенном контексте наглядно демонстрируется единство категорий образа автора и экспрессивности и эстетических приращений смысла в художественном тексте.

3. Проблема образа автора рассматривалась еще В.В. Виноградовым, причем как одна из важнейших в стилистике художественной речи. Не случайно он утверждал, что в образе автора, как в фокусе, сходятся все структурные качества художественного текста. С точки зрения Виноградова, образ автора — индивидуальная речевая структура, организующая художественный текст и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов [5]. Образ автора возникает тогда, «когда внутри произведения создается образ творца данного произведения» [6, с. 17]. Образ автора — это «...художественная категория, формирующая единство всех элементов многоуровневой структуры литературного произведения; образ творца, создателя художественного текста, возникающий в сознании читателя в результате его познавательной деятельности» [16].

В статье под образом автора понимается текстовая категория, воплощающая художественную личность, формирующуюся в процессе создания и восприятия текста и обеспечивающую единство всей многоуровневой системы художественного текста.

На современном этапе развития науки уже не требуется доказывать, что образ автора не равен самому автору произведения, однако аксиологическая и эстетическая составляющая картины мира этого автора в образе автора так

или иначе воплощается. Так, в новелле И. Бунина «Далекое» рассказчик, сосед персонажей («жил да был вместе со мною», «кончались мои студенческие годы»), знающий о них как будто только то, что видит («Чем он у себя занимался, как коротал свой досуг? А бог его знает»), постепенно превращается в автора-философа, вспоминающего это «далекое» только затем, чтобы предложить читателю свои мысли о жизни: *«Сбылась ли эта мечта и чем вообще кончился порыв Ивана Ивановича к новой жизни, право, не знаю. Думаю, что кончился он, как и большинство наших порывов, неважно, но, повторяю, ничего определенного сказать не могу. А не могу потому, что вскоре мы все, то есть князь, Иван Иванович и я, в один прекрасный день расстались и расстались не на лето, не на год, не на два, а навеки. Да, не больше не меньше как навеки, то есть чтобы уж никогда, ни в какие времена до скончания мира не встретиться... В сущности, все мы, в известный срок живущие на земле вместе и вместе испытывающие все земные радости и горести... и все поголовно обреченные одной и той же казни, одному и тому же исчезновению с лица земли, должны были бы питать друг к другу величайшую нежность, чувство до слез умиляющей близости и просто кричать должны были бы от страха и боли, когда судьба разлучает нас, всякий раз имея полную возможность превратить всякую нашу разлуку, даже десятиминутную, в вечную...»* [3, с. 8, 9, 13]. Повествователь — действующее лицо в тексте превращается в повествователя — творца реальности текста.

В повести З. Прилепина «Лес» образ автора проявляется на всех уровнях повествования, начиная с употребления местоимений 1-го лица и номинации «отец», демонстрирующей точку зрения мальчика-сына, и заканчивая описанием окружающего мира именно таким, каким его видит, слышит, осязает повествователь: *«...Вокруг стоял просторный и приветливый в солнечном свете сосновый лес... Если лечь на спину и смотреть вверх — промеж крон, — начнет казаться, что сосны вот-вот взлетят, вырвавшись из земли, и унесут в своих огромных корнях, как в когтях, целый материк. И меня на нем. ...Простыня показалась удивительно чистой и грубой на ощупь, а кровать крепкой и жесткой. ...Луна лежала на месте, не шевелясь, — плоская и жирноватая, как блин в застылом масле.*

Я долго смотрел прямо в лес на другом берегу, желая сказать ему хоть что-то примиряющее нас и располагавшее ко мне — но таких слов у меня не нашлось... Воздух показался еще холоднее, чем был. Он не полз в рот, и я дышал ноздрями.

В реке плеснула рыба, но темнота разом съела и рыбу, и плеск.

Больше не осталось ничего. Не дыша, стояла вокруг ночь» [12, с. 320, 340, 343].

Языковые средства, воплощающие образ автора, часто являются и средствами эстетического приращения смысла. Так, в приведенных выше фрагментах повести «Лес» можно выделить сравнения «как в когтях» и «как блин в застылом масле», эпитеты «приветливый», «плоская и жирноватая», метафоры «темнота разом съела и рыбу, и плеск» и «не дыша, стояла ночь», «воздух... не полз в рот».

Автор-повествователь с его особым восприятием женщины как рассказчик и как личность наглядно предстает перед читателем в описании героини повести «Восьмерка»: *«Глянька была в черных брюках, в белой короткой рубашонке, на высоких каблучках, глазастая, с улыбкой, в которой так очевиден женский рот, язык и эти, Боже ты мой, действительно влажные зубы. Она не то чтоб танцевала, а просто не прекращала двигаться — немножко переступала на каблучках, четко, как маятник, покачивала головой, влево-вправо, влево-вправо, чуть заметно рука с тонким голым запястьем отбивала по воздуху ритм, потом плечиком вверх-вниз, шаг назад, шаг вперед и опять стоит напротив меня, как мина с часовым механизмом, которой не терпится взорваться»* [Там же. С. 38]. При этом нарушение лексической нормы при употреблении слова «очевиден», употребление указательного местоимения «эти» и междометной конструкции «Боже ты мой» являются средствами и создания образа автора, и воплощения категории экспрессивности (наряду с употреблением суффикса субъективной оценки в слове «рубашонка» и определением «глазастая»), а развернутое сравнение, завершающее фрагмент, несет двойную смысловую нагрузку, так как, с одной стороны, намекает на опасно-взрывной характер героини, а с другой — обрисовывает образ рассказчика — бывшего «черного берета», спецназовца.

Научить студентов понимать весь богатый смысловой, стилистический, эмоциональный

потенциал художественного текста — задача, почти невыполнимая в условиях технического вуза, даже если это касается студентов, обучающихся по специальности «Реклама и связи с общественностью». Прежде чем самим создавать рекламные тексты и слоганы, студентам необходимо научиться различать уже существующие тексты по степени их художественного качества. Существует целый ряд пособий, посвященных анализу художественного текста [См., например: 1, 19 и др.]. К сожалению, как показывает практика, даже студенты этой специальности, непосредственно связанной с созданием текстов воздействующего характера, не обладают необходимыми навыками и не могут отличить художественные тексты от пародий или текстов некачественных.

В группах студентов 1-го и 3-го курсов, обучающихся по специальности «Реклама и связи с общественностью», был проведен эксперимент. Студентам было предложено проанализировать шесть фрагментов поэтических текстов из произведений художественной литературы. Однако среди этих шести фрагментов не все тексты могут быть отнесены к текстам «качественным», обладающим некими художественными достоинствами. Два отрывка из предложенных шести — это стихотворения Б. Пастернака «Гефсиманский сад» [11, с. 538–540] и А. Тарковского «Жизнь. Жизнь...» («Предчувствиям не верю...») [18, с. 265], два фрагмента — пародии известного русского философа и поэта В. Соловьева [14, с. 40–41] на стихотворения символистов и два фрагмента — стихотворения, найденные нами на сайте «Стихи.ру» [17] и не удовлетворяющие ни одному требованию, предъявляемому к поэтическому тексту (сами эти тексты приведены в учебнике «Русский язык и культура речи» [13, с. 209–212]).

Студентам было предложено проанализировать данные тексты и отнести их к одной из условных категорий:

1) «хорошие тексты» — поэтические тексты высокого качества, обладающие художественными достоинствами и большой силой эмоционального воздействия;

2) поэтические тексты-пародии, имеющие технические достоинства, но комические по содержанию;

3) «плохие тексты», лишь с большой долей условности называемые «поэтическими», не об-

ладающие ни техническими, ни эстетическими достоинствами.

В ходе эксперимента лишь около 60 % студентов смогли безошибочно определить, какие же из текстов обладают достоинствами настоящего художественного произведения, и лишь около 50 % смогли правильно объяснить свой выбор.

Трудности при анализе вызвали все тексты без исключения. Что касается поэтических текстов Б. Пастернака и А. Тарковского, то тематика этих стихотворений — не любовная, а скорее философская, отчасти даже религиозная, и именно это вызвало наибольшее количество вопросов. Стихотворение Пастернака — описание последних дней Христа перед распятием, его молитвы в Гефсиманском саду. Однако большинство студентов не могут не только оценить художественные достоинства стихотворения, но и ответить на вопросы о том, где же происходит действие в тексте (а в стихотворении есть на это прямые указания — река Кедрон, Гефсиманский сад, оливковая роща), кто «главный герой» текста («Он» — местоимение с большой буквы, ученики, молитва «Его» Отцу) и о чем вообще идет речь. Поэтому говорить о художественных достоинствах текста студенты могут лишь после того, как им становится понятен смысл текста.

Библейский сюжет, изложенный в поэтической форме, представляет трудности для восприятия не только в содержательном плане, но и с точки зрения формы. Сложные метафоры, образы оказываются непонятны студентам и требуют подробных комментариев со стороны преподавателя. Но после таких комментариев говорить о художественных достоинствах текста достаточно сложно — сами студенты их не видят или не воспринимают. Если же их не комментировать, то, как показывает практика, студенты относят сложность и образность текста к его недостаткам и квалифицируют текст как «некачественную, непонятную, заумную» поэзию.

То же самое можно сказать и о стихотворении А. Тарковского: сложность его ритмического решения (фраза длиннее строфы, окончание фразы и окончание строфы не совпадают, что создает иллюзию свободного течения речи) также причисляется студентами к его недостаткам.

Что касается текстов пародий В. Соловьева, то здесь нарочитое обилие метафор и нагромождение образов («мыши тоски», «леопарды мщенья», «гиена подозренья», «слоны терпенья» и т. д.) примерно в 50 % случаев воспринимаются как достоинство текста и сам этот текст относится не к пародиям, а к «хорошей поэзии». И содержание текста также не всеми студентами воспринимается как комическое, но скорее как «любовное».

Пожалуй, с наибольшей степенью точности студентами квалифицируются именно «плохие» стихи – около 80 % студентов безошибочно отмечают низкое качество этих текстов. При чтении таких текстов вслух у студентов возникают трудности, связанные с тем, что ритм этих «некачественных» стихов не выдержан, происходят постоянные сбои, что затрудняет чтение. Однако сформулировать, в чем же заключается проблема, опять же могут не все. Тем не менее среди недостатков этих стихотворений совершенно справедливо отмечают:

- нарушение орфографических и пунктуационных норм, ритмические сбои, низкое качество рифм (глагольные рифмы, пропуск рифм, т. е. рифмуются только вторая и четвертая строфы, а первая и третья не рифмуются). Вообще о качестве рифмы студенты также имеют достаточно ограниченное представление, так что необходимо предварительно объяснять, что же такое «богатая» рифма и почему глагольная рифма или рифма с совпадающим одним звуком (типа «хмуро – иду я» или «страшный сон» – «под окном») не считаются удачными;

- клишированность, стандартность образных средств, нагромождение в одном тексте поэтических штампов («Взгляд твоих глаз тре-

петать заставляет», «Ты мне солнца луч напоминаешь», «В ночи жизни горишь, как костер», «И в снах я вижу цветочный ковер», «И яркое звездное небо над ним»);

- содержательная бедность (несчастливая любовь / самоубийство).

Таким образом, анализ поэтического текста на уроке русского языка показывает, что студенты не подготовлены не только для создания собственных текстов, но и для восприятия уже существующих текстов, не говоря об их детальном анализе. И результатом этой низкой подготовки оказываются все те неудачные рекламные слоганы и тексты, которыми полон наш телеэфир и другие СМИ.

Научить студентов различать «плохие» и «хорошие» тексты, а потом и создавать собственные тексты – задача довольно сложная и многоплановая. Привить вкус и научить разбираться в поэзии за 2-3 урока (а чаще всего и за меньшее количество времени) просто невозможно. Нам представляется, что для студентов, будущая профессиональная деятельность которых связана с созданием рекламных роликов, текстов, сюжетов, необходимо больше времени для изучения таких сфер русского языка, как риторика, теория художественного текста, его анализ и интерпретация, язык рекламы. Студентам надо прививать также навыки и умения использовать на практике речевые средства экспрессии, выразительности, тактики создания оригинальных текстов, столь необходимые будущим специалистам в сфере рекламы. И основа формирования этих профессиональных навыков специалистов по рекламе закладывается именно в процессе работы над восприятием и интерпретацией художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бабенко, Л.Г.** Лингвистический анализ художественного текста [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта, 2009. – 495 с.
2. **Булгаков, М.** Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита [Текст] / М. Булгаков. – Л.: Худож. литература, 1978. – 816 с.
3. **Бунин, И.А.** Собрание сочинений [Текст]. В 5 т. Т. 4 / И.А. Бунин. – М.: Правда, 1956. – 424 с.
4. **Вакула, Е.А.** Эмоциональные средства воздействия плана выражения, плана содержания и социальные поля (на материале произведений художест-

венной прозы и фантастики) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Вакула. – М., 2012. – 18 с.

5. **Виноградов, В.В.** О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.

6. **Есин, А.Б.** Принципы и приемы анализа литературного произведения [Текст] / А.Б. Есин. – М.: Флинта : Наука, 2000. – 248 с.

7. **Костомаров, В.Г.** Русский язык на газетной полосе [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.

8. **Ларин, Б.А.** Эстетика слова и язык писателя [Текст]: сб. статей / Б.А. Ларин. — Л.: Худож. литература, 1974. — 285 с.
9. **Лукьянова, Н.А.** О термине «экспрессив» и о функциях экспрессивов русского языка [Текст] / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — 1980. — Вып. 9. — С. 3–22.
10. **Новиков, Л.А.** Значение эстетического знака [Текст] / Л.А. Новиков // Филол. науки. — 1999. — № 5.
11. **Пастернак, Б.** Гефсиманский сад [Текст] / Б. Пастернак // Собр. соч. В 5 т. Т. 3. — М.: Худож. литература, 1990.
12. **Прилепин, З.** Восьмерка: маленькие повести [Текст] / З. Прилепин. — М.: Астрель, 2012. — 352 с.
13. **Сергеева, Е.В.** Русский язык и культура речи [Текст] / Е.В. Сергеева, Ю.А. Кумбашева. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. — 394 с.
14. **Соловьёв, В.** Три пародии [Текст] / В. Соловьёв // Рус. литература XX века в зеркале пародии. — М.: Высш. шк., 1993.
15. **Сочинения** Иосифа Бродского [Текст]. В 4 т. Т. I / И. Бродский. — СПб., 1992. — 478 с.
16. **Стилистический** энциклопедический словарь русского языка [Текст] / под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Флинта : Наука, 2006. — 696 с.
17. **Стихи.ру** — национальный сервер современной поэзии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.stihi.ru/>.
18. **Тарковский, А.** Жизнь, жизнь... [Текст] / А. Тарковский // Благословенный свет. — СПб.: Северо-Запад, 1993.
19. **Тюпа, В.И.** Анализ художественного текста [Текст] / В.И. Тюпа. — М.: Академия, 2009. — 336 с.

УДК 378.147.333:681.3.069

А.А. Михонин, А.О. Цыганок, А.Ю. Буздов

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ЖЕНЩИН

В настоящее время в Вооруженных силах Российской Федерации возрастает численность военнослужащих-женщин. Подготовка этой категории военнослужащих к ведению рукопашного боя становится одним из актуальных аспектов физической подготовки в вузе.

Участившиеся случаи нападения на женщин с целью физического насилия или грабежа дают преподавательским составом кафедр физической подготовки вузов повод для включения в учебно-тренировочные занятия по рукопашному бою приемов и действий по отражению нападения в повседневной деятельности. Необходимость разработки специальной программы по рукопашному бою, которая включала бы в себя вопросы технической и психологической подготовки, становится очевидной.

По мнению известного специалиста по рукопашному бою А.Е. Тараса, для того чтобы дать отпор нападающему, не обязательно посвящать всю свою жизнь изучению различных техник рукопашного боя, достаточно натренировать несколько ударов по уязвимым местам и довести их до уровня двигательного навыка. Как говорили китайские мудрецы, практикующие рукопашный бой, не надо иметь черный пояс по каратэ или становиться мастером восточных единоборств, главное – это умение определять слабые стороны противника и противостоять сильным [4]. С таким мнением мы согласны не полностью. Как известно, подготовка по рукопашному бою должна носить комплексный характер и включать в себя как минимум три этапа.

I этап. Основная задача обучения заключается в том, чтобы обучаемые овладели приемами рукопашного боя и были способны их выполнить в стандартных условиях (на площадке рукопашного боя или в зале).

II этап. Обучаемые усваивают действия в единоборствах до такого уровня, чтобы они стали привычными для каждого обучаемого. Путем многократного повторения упражнений обучаемые овладевают широким диапазоном тактико-технических взаимодействий с «про-

тивником», в ходе которых вырабатывается способность самостоятельно и творчески действовать в конкретных условиях единоборства.

III этап. Подготовка к условиям, максимально приближенным к реальным, путем моделирования различных видов рукопашного боя и многократного повторения упражнений в них на фоне нервно-психической и физической усталости [2, с. 76].

С мнением специалистов по восточным единоборствам мы согласны в том, что обучение рукопашному бою военнослужащих-женщин необходимо начинать с изучения наиболее уязвимых мест на теле человека, способов их поражения и возникающих эффектов после применения того или иного воздействия на эти места. Например, прием «давление на глазные яблоки» будет очень эффективен в противоборстве лежа; нанесение удара рукой, местом между большим и указательным пальцами, по горлу сразу же предотвратит захваты противника за одежду; удар сбоку по уху ладонью, сложенной «чашечкой», оглушит противника и дезориентирует на некоторое время; удары ногой, наносимые в область суставов ног противника (рис. 1) и в пах (рис. 2), лишат его возможности маневрировать.

По мере того как на плановых учебно-тренировочных занятиях по рукопашному бою обучаемые осваивают приемы с использованием штатного оружия, шанцевого инструмента, в занятиях с военнослужащими-женщинами необходимо включать приемы и действия рукопашного боя с применением подручных средств и элементов женского гардероба. Ведь в возникающих экстремальных ситуациях почти в 50 % случаев есть возможность воспользоваться «подручным оружием». Если ситуация возникла в местах общепита, то можно с успехом использовать для самозащиты сервировочный нож или вилку, а на улице всегда можно подобрать камень или осколок стеклянной бутылки.

Немаловажной частью подготовки военнослужащих-женщин по рукопашному бою яв-

ляется психологическая подготовка. Приемы, отрабатываемые без определенной психологической подготовки, сводят результат занятия рукопашным боем к нулю. Страх, овладевающий человеком при непосредственном соприкосновении с противником, обездвиживает бойца, парализуя тело. Противоборство в условиях страха необходимо моделировать практически на каждом занятии по рукопашному бою с данной категорией военнослужащих. Ведь страх – это тревожное состояние, характеризующееся растерянностью, понижением устойчивости психических процессов, падением критичности мышления [2, с. 54]. Когда возникает чувство страха, мозг человека выделяет в кровь химические вещества, такие как адреналин, эндорфин и кортизол. При этом зрачки расширяются, «изображение» становится более резким, частота сердечных сокращений увеличивается в пять раз, в печень выбрасывается глюкоза, и организм мгновенно получает дополнительную энергию. В такой ситуации главное – «не павовать» перед опасностью, уметь мобилизовать свое тело, выполнить прием или действие, довести его до логического завершения [4]. Умение использовать приемы рукопашного боя в психологически стрессовых ситуациях необходимо отрабатывать путем комплексной тренировки, при этом формируется важный военно-прикладной навык.

Для формирования жизненно важных навыков самообороны нужно также проводить совместные учебно-тренировочные занятия

мужчин и женщин. В израильской системе рукопашного боя (Крав-мага) для подготовки военнослужащих-женщин к самообороне совместные занятия мужчин и женщин практикуются с давних пор. По данным периодической печати, эффект такой подготовки налицо: при нападении на женский персонал вооруженных сил Израиля нападающие получали тяжелые травмы (почти в 85 % случаев).

На занятиях по рукопашному бою с военнослужащими-женщинами также необходимо уделять внимание оценке предполагаемых ситуаций, проявлению необходимой бдительности в различной обстановке. В незнакомых местах мы часто сознательно ожидаем опасность и готовимся к ней, но в знакомом окружении опасность кажется маловероятной. Поэтому для занятий рукопашным боем будет лучше использовать постоянно изменяющуюся обстановку (спортивный зал, улица, узкие помещения, лестничные клетки и т. д.). Тренировка приемов и действий в разной обстановке придает большую уверенность в собственных силах, готовит к победе над противником.

Как показала практика, значительная часть военнослужащих-женщин не умеют применять приемы рукопашного боя на близких дистанциях и в положениях «вплотную» (рис. 3, 4). Известно, что основной лозунг окинавского каратэ: «Одним ударом – наповал!» [1, с. 343]. Он основывался на встречном движении рук: одна рука захватывала противника и тянула к себе, а другая выполняла встречный удар. При-

Рис. 1. Удар в область коленного сустава

Рис. 2. Удар в пах

ем очень эффективный. Такие приемы, как удар открытой ладонью в область паха, удар коленом в живот или ниже пояса, могут нанести огромный вред противнику. Разрыв мочевого пузыря, перелом лобковой кости — это лишь некоторые из повреждений, причиняемых противнику при выполнении таких приемов. Тренировка приемов «от захвата» на снарядах, с условным противником (на боксерских лапах и подушках для тренировки ударов ногами) устранит недостаток ведения рукопашного боя на ближней дистанции. Владение приемами из таких видов борьбы, как самбо, джиу-джитсу, дзюдо, хапкидо, поможет устранить боязнь нападения противника на дистанции вплотную.

Включение в программу подготовки по рукопашному бою военнослужащих-женщин многообразия ударов ногами обусловлено особенностями физиологии женского организма. У женщин более мощная тазовая область и нижняя часть тела сильнее верхней. Объем мышечных волокон и их сила наращиваются у женщин быстрее именно в нижней части туловища. Тренируя верхнюю часть туловища, следует соблюдать осторожность, чтобы не травмировать относительно слабые плечевые, локтевые и лучезапястные суставы. Относительно большая гибкость женщин позволяет использовать в тренировочном процессе широкую амплитуду движений, что положительно влияет на результат овладения ими приемами самообороны.

По статистике, приведенной в СМИ, большинство нападений на женский пол осуществляется группами, как правило, из двух, редко

из трех человек. Следовательно, умение избегать групповых нападений, при необходимости эффективно применять приемы рукопашного боя — это еще один аспект программы подготовки военнослужащих-женщин.

Преподавателями кафедры физической подготовки Военной академии связи были апробированы и рекомендованы упражнения, направленные на противостояние групповым нападениям, взятые из руководства по самозащите «Боевая машина» А.Е. Тараса [3]. В ходе отработки этих упражнений надо руководствоваться следующими положениями:

1. Чем больше нападающих, тем несогласованнее их действия.
2. Одновременно напасть могут не более трех человек, причем их нападение никогда не бывает синхронным.
3. Одного нападающего использовать в качестве прикрытия от других, постоянно в момент нападения перед вами должен находиться один противник.
4. В ходе групповых нападений следует непрерывно перемещаться.
5. Оказавшись в окружении, необходимо немедленно вырваться за его периметр.
6. Никогда не поворачиваться спиной к противнику.
7. Не допускать захватов за конечности и одежду.
8. Передвижения осуществлять с резкими изменениями направления движения [3, с. 314].

Упражнения, направленные на противостояние групповым нападениям, как правило,

Рис. 3. Прием рукопашного боя на близкой дистанции

Рис. 4. Положение «вплотную»

включаются в комплексную тренировку основной части учебно-тренировочного занятия по рукопашному бою.

Для того чтобы лучше сформировать навык отражения групповых нападений, необходимо эти упражнения усложнять путем:

- 1) увеличения продолжительности выполнения каждого задания;
- 2) увеличения количества участников и расширения спектра осваиваемых приемов;
- 3) включения в такие упражнения макетов предполагаемого оружия;
- 4) усложнения условий на местности;
- 5) введения ограничения на использование некоторых приемов [Там же. С. 315].

Основная задача тренировки по отработке самозащиты от группового нападения будет состоять в том, чтобы не давать противнику делать то, что он хочет, используя все возможности рукопашного боя.

Надо помнить, что, если военнослужащий знает множество различных техник рукопашного боя, но не довел их выполнение до максимального автоматизма, он не достигнет успеха в задуманных действиях.

Таким образом, подготовка военнослужащих-женщин к ведению рукопашных схваток в жизненных ситуациях мирного времени должна носить комплексный характер. В программу их подготовки по рукопашному бою необходимо включить: изучение наиболее уязвимых мест на теле человека, способов их поражения и возникающих эффектов после применения того или иного воздействия на эти места; отработку приемов и действий рукопашного боя с применением подручных средств и элементов женского гардероба; психологическую подготовку; изучение приемов и действий, основанных на особенностях физиологии женского организма; упражнения, направленные на формирование навыков отражения групповых нападений. Подготовка военнослужащих-женщин по рукопашному бою является педагогическим процессом. На основе деятельностного подхода к обучению рассматриваемой категории военнослужащих главное внимание в подготовке к рукопашному бою следует уделять поэтапному приобретению знаний, навыков, умений, при котором используются оптимальные методы, средства и формы обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Долин, А.А.** Кэмпо – традиция воинских искусств [Текст] / А.А. Долин, Г.В. Попов. – М.: Наука, 1991.
2. **Рукопашный бой и спортивные единоборства** [Текст]: учеб. пособ. / под общ. ред. А.В. Зюкина. – СПб.: Изд-во ВИФК, 2005. – 410 с.
3. **Тарас, А.Е.** Боевая машина: руководство по самозащите [Текст] / А.Е. Тарас. – Мн.: Харвест, 2004.
4. **Харлампиев, А.А.** Самозащита без оружия (самбо) [Текст]: учеб. пособ. для работников милиции / А.А. Харлампиев. – М., 1958. – 179 с.

УДК 378.02

Н.Э. Горохова, Г.С. Трофимова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АВТОНОМНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Развитие и новые задачи высшего образования в России обусловлены содержанием Болонского соглашения. Опыт преподавания иностранного языка в вузе показывает, что изменения касаются прежде всего содержания и технологии обучения. В основе обновлений лежит установление интегративных связей иноязычной подготовки студентов с информационной и профессиональной. Для преподавателя важно не столько передать обучающимся определенный набор знаний в области профессиональных интересов средствами иностранного языка, сформировать конкретные умения и навыки, сколько научить студентов самостоятельно приобретать, интерпретировать, критически оценивать и применять новые знания. Обновление системы иноязычной подготовки с учетом реалий общества и новой образовательной парадигмы предполагает развитие личности, способной к учебной автономности и обладающей ответственностью и самодисциплиной.

Вначале поясним, что студент магистратуры – это представитель социальной категории, определенной общности людей, окончивший высшее учебное заведение и имеющий степень бакалавра. Магистрант обучается 2 года, сдает экзамены и защищает магистерскую диссертацию, по итогам чего ему присуждается ученая степень магистра.

Предметом нашего специального исследования было изучение социально-психологического портрета магистрантов, их учебных мотивов, установок и профессиональных ожиданий для эффективной реализации системы иноязычной подготовки в магистратуре. Эмпирическим методом исследования был анкетный опрос 285 магистрантов разных профилей подготовки

1-го и 2-го курсов очной и заочной форм обучения. Исследование выявило четыре цели: прагматическую, непосредственно связанную с успешным дальнейшим трудоустройством (78 %); личностную, основу которой составляют саморазвитие и самосовершенствование (16 %); статусную, касающуюся получения определенного статуса и престижа (4 %); академическую, относящуюся к продолжению обучения в аспирантуре (2 %). Анализ уровня образования студентов до поступления в магистратуру СПбГИЭУ показал, что 65 % поступающих окончили бакалавриат в Санкт-Петербурге, 35 % – вузы ближнего и дальнего зарубежья; 77 % опрошенных обучались по экономическому направлению, 9 % – по естественно-научному, 10 % – по техническому, 4 % – по гуманитарному. Важно подчеркнуть, что выбор Института магистерских программ СПбГИЭУ в качестве учебного заведения обусловлен соблюдением в нем принципа академической мобильности (25 %), наличием конкретных направлений и программ магистерской подготовки (74,5 %), обучением в бакалавриате этого вуза (81 %). Согласно данным анкетирования, основная установка по завершении двухлетнего обучения касается профессиональной деятельности в сфере экономики и менеджмента (86 %).

Очевидно, получение ученой степени магистра означает и профессиональный рост, и личностное саморазвитие, формирование чувства ответственности и самостоятельности.

Составить социально-психологический портрет магистрантов помогли данные анкетирования и индивидуальных бесед. Оказалось, что 73 % магистрантов составляют девушки. Минимальный возраст магистрантов – 21 год, максимальный – 36 лет. 96,5 % магистрантов находятся

в возрастных границах от 21 года до 25 лет. 15 % опрошенных состоят в браке, из них 2 % имеют детей. Практически все опрошенные магистранты совмещают учебу с работой (82 %). При этом 31 % магистрантов оплачивают обучение в магистратуре самостоятельно (1 % – оплачивают супруги, 67 % – родители, 1 % – компания). Оценивая уровень владения иностранным языком (по европейской шкале) на момент поступления в магистратуру, 9 % опрошенных отметили, что их уровень соответствует A1 (уровень выживания, Elementary), 27 % – A2 (предпороговый, Pre-Intermediate), 42 % указали B1 (пороговый, Intermediate), 22 % – B2 (пороговый продвинутый, Upper-Intermediate), 1 % – C1 (уровень профессионального владения, Advanced). Кроме того, среди работающих магистрантов 7 % заняты в международных компаниях и организациях, 4 % испытуемых постоянно связаны с английским языком (письменным и устным), 8 % ведут рабочую переписку на иностранном языке.

Существенным дополнением к рассматриваемому вопросу является анализ мотивации учебной деятельности обучающихся. Традиционно среди классификации мотивов учебной деятельности выделяют: 1) профессионально-познавательные, основу которых составляют когнитивные потребности, интерес к знаниям, необходимым для будущей профессии; 2) мотивы получения ученой степени магистра (наличие определенного статуса); 3) мотивы межличностного общения (необходимость и желание общения с людьми, имеющими общие профессиональные интересы). Необходимо отметить, что в условиях обучения в магистратуре мотив получения степени магистра качественно меняет свое содержание. На этапе обучения в магистратуре появляются совершенно новые мотивы, связанные прежде всего с профессиональной деятельностью. Чтобы выявить эти мотивы, мы предложили магистрантам в форме сочинения высказать мнение о том, что для них представляет наибольшую ценность при обучении. Обнаружилось, что, действительно, большинство магистрантов (81 %) отметили значимость профессионального и личностного роста, 16 % – развитие способности к рефлексии, 21 % – принятие ответственности за свое образование. Магистранты также указывали, что обучение должно помочь в «поисках себя» как личности и профессионала. Для нас важ-

ным аспектом в проведенном исследовании является вопрос о роли иноязычной подготовки в профессиональной деятельности будущих магистров. Это нашло отражение в ответах магистрантов: 47 % отметили важность владения иностранным языком в межкультурном взаимодействии, 59 % – в профессиональном развитии, 7 % – в саморазвитии, самоорганизации.

Следовательно, обобщенный социально-психологический портрет современного магистранта экономического вуза таков: лица преимущественно в возрасте от 21 года до 25 лет, работающие, получившие образование в бакалавриате в области экономики и менеджмента, владеющие, как правило, одним иностранным языком (английским) на уровне B1. Большая часть магистрантов – это взрослые люди, поэтому они ориентированы на подготовку к профессии, апробирование будущей деятельности. На этом этапе ведущие учебные мотивы включают профессионально-познавательный мотив, мотив реализации личностного потенциала самосовершенствования. Заметим, учебное расписание магистрантов составлено, исходя из их реальных возможностей посещать учебные занятия только в вечернее время. Ключевым моментом в построении новой системы иноязычной подготовки магистрантов является тот факт, что из общего количества академических часов, отведенных на дисциплину «Иностранный язык» с учетом различных направлений магистерской подготовки, самостоятельная работа занимает от 50 до 80 % согласно ФГОС. Это обстоятельство ставит нас, преподавателей иностранного языка, перед необходимостью поиска механизмов, обеспечивающих автономию магистрантов в процессе их обучения на этапе магистратуры.

Остановимся на нескольких аспектах этой проблемы. С нашей точки зрения, необходимость учебной автономности в процессе иноязычной подготовки магистрантов в контексте уровневого образования основана на их личностной потребности в самостоятельности. Прежде чем раскрыть собственное понимание термина «автономность учебной деятельности», представим точки зрения разных исследователей на данный вопрос. Сущность автономности обучающегося раскрывается через такие понятия, как «учебная самостоятельность» (Н.В. Бордовская), «индивидуализация обучения» (О.С. Гребенюк), «саморегуляция поведения» (Т.П. Гаврилова).

В работах данных исследователей показано, что индивидуальность обеспечивает свободу личности, что стимулирует становление автономности или определенной независимости.

В педагогике развитие автономности связано с формированием самостоятельности. Н.В. Бордовская (1969) трактует самостоятельность как целостное интегральное личностное образование и рассматривает автономность как переход от внешней регуляции поведения к внутренней саморегуляции. О приоритетном направлении в построении учебного процесса (на примере общеобразовательной школы) указывают результаты исследования В.В. Зайцева, рассматривающего автономность как одно из свойств личностной свободы. Тхонг Ле Динь (2002) подчеркивает, что автономность проявляется тогда, когда личность демонстрирует осознанность своего поведения, деятельности. При этом высокий уровень самосознания, самодисциплины, по мнению Е.В. Бондаревской, характерен только для личности с развитой степенью автономности.

Интерес представляет и подход Н.М. Миняевой (2011), которая изучает актуализацию ресурса самообразовательной деятельности студента, рассматривая ее как процесс поиска и реализации инновационных идей самообразования, умений самообразовательной деятельности, формирования у него самообразовательной компетентности. Суть такой компетентности связана с усвоением студентом знаний, развитием умений и применением их как показателя правильного действия, приобретением опыта самообразовательной деятельности.

Понятие «автономность» постепенно входит в тезаурус методики и лингводидактики. В философии, психологии, педагогике оно соотносится с личностной свободой, рефлексией, самооценкой, самостоятельностью. Понятие свободы, с позиции философской науки, касается одной из значимых характеристик субъективной свободы личности. С точки зрения русского философа Н.А. Бердяева (1937), личность определяет себя изнутри, соответственно все внешние детерминанты для человека безличны.

В психолого-педагогической литературе «автономность» соотносят с близким по значению термином «самостоятельность». Самостоятельность рассматривают как личностное качество (Ю.К. Бабанский, 1977; М.А. Данилов, 1948;

В.А. Крутецкий, 1980), черту характера (З.Ф. Пономарева, 1978) или как целостное личностное образование (П.И. Пидкасистый, 1980). В 1990-е годы проблема, связанная с формированием автономности, находит новое педагогическое решение в концепте личностно ориентированного образования (Е.В. Бондаревская, 1995; В.В. Сериков, 1994; И.С. Якиманская, 1996). Автономность, согласно Е.В. Бондаревской, — это характеристика личности с высоким уровнем развития самосознания, самодисциплины и самостоятельности. По мнению В.В. Серикова, автономность проявляется, во-первых, в самостоятельной постановке задачи и, во-вторых, в самоконтроле. Принимая данные подходы к определению понятия «автономность», мы считаем, что учебная автономность проявляется только в случае, если обучающийся осознает свою деятельность или поведение. Иллюстрируя тезис об автономности, снова вернемся к философии, которая показывает, что автономность совершенно противоположна принуждению Н.В. Бордовская (1969) рассматривает автономность как переход от способов внешней регуляции к внутренней.

Первое место в иерархии факторов, влияющих на обеспечение автономности, занимает мотивация и осознание обучающимся зависимости успешности учения от собственного учебного стиля (Т.Ю. Терновых, 2007). Отметим, что Х. Холек (1985) видит автономность в способности руководить своим собственным учебным процессом. Раскрывая понятие «автономность» и содержание, которое вкладывают в него разные авторы, следует отметить, что в лингводидактике данный термин является заимствованным, поэтому представляется важным установить, в чем разница между понятиями «автономность» и «самостоятельность».

Английское слово «autonomy» означает способность принимать свои собственные решения (Macmillan Essential Dictionary, 2003). Соответственно его синонимом является «независимость». В Лингводидактическом энциклопедическом словаре А.Н. Шукина (2008) вообще отсутствует термин «автономность», есть только «автономная речь». Под самостоятельной же работой понимается «вид учебной деятельности, выполняемый учащимся без непосредственного контакта с преподавателем или управляемый преподавателем опосредованно». Далее, заметим, указано, что «овладе-

ние приемами самостоятельной работы является обязательным условием развития навыков самообразования» [4, с. 294–295]. Развитие автономности обучающихся понимается зарубежными авторами как настрой и личное желание. Данное понятие связывается с развитой способностью школьника или студента осуществлять учебную деятельность независимо. Постоянные контакты с коллегами, работающими в колледжах Австрии (Gerda Thenner, Höher Lehranstalt für Wirtschaftliche Berufe, Österreich, Wiener Neustadt), США (Allison Tubío, Los Medanos College, Pittsburg, California, USA); Венском университете (Barbara Müller, Innovationszentrum der Universität Wien), показывают, что в Европе или США проблема поиска средств формирования автономности студентов не является актуальной. Способность действовать самостоятельно формируется в процессе учебной деятельности уже в общеобразовательной школе. Поэтому, будучи студентом колледжа или университета, обучающийся умеет управлять собственным образовательным процессом. Способность работать автономно, как показывает практика, у наших магистрантов не сформирована. В связи с этим нас интересует главным образом система и последовательность действий преподавателей иностранного языка, формирующих автономность магистрантов в процессе их иноязычной подготовки. Причем обеспечение автономности должно происходить, как мы видим из опыта работы, по вектору «желание – способность». Данное умозаключение правомерно, так как процесс иноязычной подготовки – это то, что происходит при помощи самого магистранта, а не то, как это принято считать, что можно сделать для магистранта. Этот вывод прекрасно иллюстрирует известное высказывание, что научиться ничему нельзя, в частности иностранному

языку, можно только научиться. В этом смысле, как подчеркивает Т.К. Цветкова (2001), любое учение автономно. Верно отмечает Н.И. Алмазова: обучаемые должны быть вовлечены в активный процесс познания сути явлений, которые они изучают [1, с. 22]. Г.С. Трофимова и Р.Б. Дериглазова указывают, что главное звено обучения – именно процесс усвоения [3, с. 7].

На наш взгляд, сформированная способность учиться автономно – это следствие целого комплекса факторов: мотивы – уверенность в себе – определенный уровень знаний и умений – ответственность субъектов деятельности. Сущность автономности, по словам Е.А. Цыркуновой (2002), заключается в последовательном развитии мотивации, знаний и умений, которые являются необходимыми составляющими, чтобы самостоятельно учиться, общаться на языке и быть самостоятельной личностью.

Рассуждая о современных требованиях к усилению степени автономности, В.А. Маевская и Н.Э. Горохова отмечали, что они неразрывно связаны с необходимостью переосмысления и построения самим обучающимся траектории личностно-профессионального саморазвития [2, с. 19]. По нашему мнению, степень владения студентами магистратуры информационно-лингвистическим поиском определяет успешность обеспечения автономности магистрантов в процессе их иноязычной подготовки. Научное осмысление и педагогическая интерпретация процесса обучения поиску и работе с профессионально-ориентированными зарубежными источниками могут стать фактором изменения системы иноязычной подготовки магистрантов, что, в свою очередь, позволит организовать учебный процесс таким образом, чтобы создать условия для формирования внутренних мотивов, обеспечивающих максимальную автономность обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазова, Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Н.И. Алмазова. – СПб., 2003. – 47 с.

2. Маевская, В.А. Формирование языковой компетенции магистрантов в современном неязыковом вузе [Текст] / В.А. Маевская, Н.Э. Горохова // Вестн. ИН-ЖЭКОНА. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – № 4 (55). – СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012. – С. 18–22.

3. Трофимова, Г.С. Программа-концепция профессионально-педагогической подготовки студентов – будущих учителей в университете [Текст] / Г.С. Трофимова, Р.Б. Дериглазова. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. – 36 с.

4. Шукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь [Текст] / А.Н. Шукин. – М.: Астрель : АСТ : Хранитель, 2008. – 746 с.

УДК 348

Ф.И. Валиева

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Значительные изменения, происходящие в современной российской системе образования, имеют сложный поливекторный характер. Несмотря на прогрессивные, поступательные интенции и усилия, ориентированные на вывод образования на более совершенный стратегический уровень, положительные изменения сопровождаются рядом блокирующих, приводящих к деформации образовательного пространства элементами. Процесс адаптации как актуальная проблема привлекает внимание многих исследователей в области педагогики, психологии и социологии. Это касается не только различных интерпретативных подходов к этому многоаспектному явлению.

Профессиональная адаптация молодого специалиста – перманентно идущий процесс, имеющий свою динамику и особенности. Нередко подчеркивается его связь с процессом профессиональной самоидентификации, имеющей свой сложный и специфический механизм. Процесс профессиональной самоидентификации является важнейшим для переходного этапа, затрагивающего временной промежуток окончания вуза и начала профессиональной деятельности. Как показывает анализ результатов социологического опроса, более 60 %, а в некоторых профессиональных областях более 70 % выпускников на фоне искреннего стремления «открыть новую страницу своей жизни» с началом профессиональной деятельности сталкиваются с серьезными проблемами. Спектр данных проблем сосредоточен главным образом в социальной и сугубо профессиональной сфере адаптации молодого специалиста.

Проблема профессиональной адаптации молодых преподавателей и врачей, к сожалению, пока не получила должного внимания со стороны психолого-педагогической науки. Наиболее интересные результаты были достигнуты учеными по данной проблематике в странах с устойчивой рыночной экономикой (США, Канада, Германия, Япония), где проводятся широкомасштабные исследования различных

проблем адаптации на базе крупных международных центров.

Адаптивная проблематика является перспективным исследовательским направлением. Тем более, что здесь очевиден разрыв между большим количеством теоретических трудов и малым числом эмпирических исследований.

Наше исследование состояло из двух этапов: теоретического и экспериментального. На теоретическом этапе были выделены основные методологические подходы к проблеме адаптации и подготовки будущих специалистов к адаптационному периоду, а также определены концептуальные подходы к исследуемой проблеме. В частности, были рассмотрены факторы, психолого-педагогические основы адаптационного механизма и выделены базовые характеристики для констатирующего среза.

Профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и гармонизация его взаимодействия с профессиональной средой (В.А. Сластенин, В.П. Каширин). Процесс профессиональной адаптации включает в себя ряд основных составляющих: взаимодействие личности со средой, возникновение противоречия между личностью и средой, возникновение потребностного состояния (дезадаптация), появление защитных реакций, включения защитного адаптационного поведения, снижение или снятие противоречия между личностью и средой.

Успешность профессиональной адаптации молодого специалиста зависит от ряда факторов: наличие внутренних предпосылок, достаточного уровня адаптивности, мотивации профессиональной деятельности, четких представлений о содержании деятельности, социальной среды, специального психологического обеспечения. В первую очередь успешность профессиональной адаптации молодого специалиста зависит от индивидуально-личностных особенностей: социальной и эмоциональной гибкости, стрессоустойчивости, адекватной самооценки, включая профессиональную само-

оценку, саморегуляционных способностей личности, прогностических способностей и др.

Аналитический обзор научных исследований в области повышения адаптивности будущих специалистов и создания необходимых условий для их успешной адаптации в рамках профессиональной деятельности позволил нам выделить следующие научно-методологические подходы:

- *интегративно-компетентностный подход*, в рамках которого процесс подготовки к будущей профессиональной деятельности и адаптации рассматривается как развитие личностного потенциала будущего специалиста и его оптимальное использование для эффективного решения профессионально значимых задач в будущей деятельности (В.И. Загвязинский, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя, В.В. Краевский, А.К. Маркова, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский и др.);

- *деятельностный подход*, при котором адаптация подразумевает взаимодействие личности с окружающей средой за счет активного участия индивида в творческо-преобразовательной социально ориентированной деятельности (М.С. Каган, Я.А. Пономарев и др.); процесс и результат встречной активности субъекта и социальной среды (А.В. Мудрик);

- *развивающий подход*, в рамках которого адаптация интерпретируется как возможность реализации индивидуальных потребностей личности – «активная и пассивная адаптация» (А.А. Реан, И.К. Кряжева и др.);

- *гуманистический подход*, когда адаптация рассматривается как процесс взаимодействия и взаимовлияния социальной среды и личности, что, в свою очередь, приводит к изменениям в обеих системах (Л.П. Буюва);

- *интегративный подход*, акцентирующий внимание на подготовке к адаптации как процессу, ориентированному на гармонизацию отношений, способствующему освоению социальных ролей, принятию норм и ценностей социальной группы (Р.А. Литвак);

- *социально-институциональный подход*, когда адаптация идентифицируется с процессом овладения опытом социальной жизни (В.С. Олейников), приспособлением к окружающей действительности (Н.А. Агаджанян и др.);

- *синергетический подход*, позволяющий рассматривать процесс подготовки к адапта-

ции как процесс профессиональной подготовки студента, представляющей собой целостную адаптивную систему, направленную на упорядочивание и связь элементов этой системы, способной к самоорганизации;

- *проективный подход*, основывающийся на построении специфической, пластичной стимульной ситуации в обучении, стремление к разрешению которой способствует актуализации в восприятии тенденций, установок в планируемой профессиональной деятельности;

- *научно-плюралистический подход*, позволяющий рассмотреть процесс активного приспособления индивида к нормам и ценностям новой социальной среды с учетом междисциплинарного принципа с опорой на знания по социологии, философии, психологии и педагогике;

- *этапный подход*, который строится на психологической классификации этапов адаптации: преадаптация (приспособление к будущим ситуациям, психологическая установка на адаптацию), дезадаптация, деадаптация (неадаптированность, неспособность приспособиться к новым условиям социальной среды); естественно-культурный, социально-культурный, личностный (В.И. Гурова, А.В. Мудрик). Как правило, в рамках образовательных учреждений развиваются компетенции, необходимые для преадаптационного периода.

Образование, обращенное к человеку и ориентированное на культуру и личные смыслы, часто называют культурологическим, личностно ориентированным. С другой стороны, культурологический подход может выступать в качестве обобщенной методологической основы при исследовании психолого-педагогических и социологических проблем. В условиях профессионально-педагогического образования культурологический аспект может интерпретироваться как овладение педагогом общей и профессионально-педагогической культурой, активное усвоение профессиональных компетенций, ценностей, технологий.

Культурологический подход к исследованию проблем профессиональной деятельности – это совокупность теоретико-методологических положений и организационных мер, направленных на создание условий по освоению и трансляции ценностей и технологий, обеспечивающих самореализацию личности

будущего специалиста в профессиональной деятельности. Культурологический аспект, таким образом, может выступать в качестве системообразующего фактора через формирование профессиональной культуры.

Следующие стороны профессиональной адаптации имеют выраженный культурологический аспект: социально-психологическая адаптация, что подразумевает включение начинающего работника в сложившуюся систему взаимоотношений коллектива с его традициями и ценностными ориентирами; организационно-административная адаптация, предусматривающая приспособление к новой корпоративной культуре, стилю руководства и др. Одновременно с этим в условиях социально-профессиональной адаптации следует выделять ряд важных составляющих: адаптацию как процесс приспособления к изменяющимся условиям профессиональной среды, адаптацию как результат приспособления, характеризующийся степенью итоговой адаптированности человека (что, в свою очередь, возможно лишь в случае активных со стороны личности изменений), адаптацию как источник новообразований, в состав которых входят не только соответствующие компетенции, но и сложная система межличностного взаимодействия с социально-профессиональным окружением. Активный трансформационный процесс в условиях новых социально-профессиональных отношений возможен при наличии когерентности, совпадении личностных установок и требований со стороны организационно-профессиональной среды.

Адаптация молодого специалиста предполагает не только приспособление к новым условиям жизнедеятельности, но и активное усвоение норм профессионального общения, традиций трудового коллектива через вхождение в социальную среду.

Социально-профессиональная адаптация представляет собой сложный, длительный, а иногда даже болезненный процесс, связанный с изменением внутреннего мира человека. Нередко он предполагает отказ от привычного, устоявшегося, связан с преодолением различных социально-профессиональных затруднений. При этом формируются новые навыки, компетенции, ломаются прежние стереотипы, представления, изменяется поведение. В таких условиях молодой специалист вынужден мо-

билизовать свои силы и энергию, сдерживать свои эмоции.

Социальная ориентация в рамках проблемы профессиональной адаптации длительное время рассматривалась через призму доминантного адаптирующего воздействия социума, основанного на нормативном подходе. Необходимость в смещении акцентов на субъективно опосредованное развитие уже отмечалась отечественными исследователями [1]. Безусловно, процесс адаптивности в системе образования и большей частью здравоохранения представляет собой субъектно-объективное социальное взаимодействие.

В наиболее распространенной модели социально-профессиональной адаптации специалиста выделяют профессионально-функциональную и социально-психологическую сферы, что в комплексе образует единичный адаптационный цикл.

Адаптационный процесс всегда сопряжен с преодолением predetermined профессиональной сферой адаптивных барьеров. Именно адаптивные барьеры и их преодоление составляют основу для индивидуально-личностных реструктуризаций и качественных изменений. В целом барьеры, тормозящие социально-профессиональную адаптацию, можно разделить на индивидуально-личностные, информационно-адаптивные, ситуативные [2]. В качестве барьеров могут выступать и несоответствия в сфере системы ценностей, вознаграждения, контроля, ролевых установок, имеющегося состава компетенций и необходимых умений и навыков и др.

Как показывает практика, востребованными и актуальными для молодого специалиста являются социально-коммуникативные компетенции. В их состав входят эмоциональный и социальный интеллект, конфликтологическая и речевая конфликтологическая компетенция, стрессоустойчивость, готовность к взаимодействию и др.

Социально-коммуникативные компетенции составляют основу социально-коммуникативной культуры личности будущего специалиста. В свою очередь, социально-коммуникативная культура может быть определена как интегративное качество личности, включающее такие составляющие, как культура мышления, культура чувств, коммуникативная

и поведенческая культура, проявляющаяся в конструктивных стратегиях поведения.

Коммуникативная культура выражается в умении устанавливать гуманистические, лично ориентированные взаимоотношения с коллегами, что предполагает наличие у специалиста: ориентации на признание положительных качеств, сильных сторон, значимости другого; способности к эмпатии, пониманию и учету эмоционального состояния другого; умения давать положительную обратную связь другому; умения мотивировать других на деятельность и достижения в ней; конкретных коммуникативных умений: приветствовать, общаться, задавать вопросы, отвечать, активно слушать, оценивать, просить, поддерживать, отказывать и т. д.; уважения к самому себе, знания собственных сильных сторон, умения использовать их в собственной деятельности; способности осуществлять педагогическую поддержку организации совместной деятельности и межличностного общения учащихся; речевой культуры. На первых этапах социально-профессиональной адаптации перечисленные аспекты на практике нередко проявляются в коммуникативных стилях [5].

Одной из актуальных форм коммуникации является интеракция, которая также может существенно влиять на процесс успешной профессионализации педагога. Педагогическая интеракция представляет собой взаимодействие в условиях педагогической системы через категорию отношения. Принципиальность ситуации эффективной педагогической интеракции, как одного из важнейших проявлений профессиональной культуры и средств самоорганизации, заключается в возможности реализации образовательных целей при условии развития субъектных свойств каждого участника педагогического взаимодействия. Интеракция в системе профессиональной деятельности может происходить между всеми участниками процесса.

Одной из важнейших форм интеракции является социальная поддержка. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что социальная поддержка — это многомерная конструкта. При более близком изучении становится очевидным, что социальная поддержка может быть определена и измерена с двух наиболее существенных точек зрения: структурной и функциональной. Структурное

определение фокусируется на социальной принадлежности личности. С этой точки зрения социальная поддержка относится к связям, которые личность имеет относительно других, не менее важных в своем социальном окружении [3]. Функциональный подход касается не только наличия связей и отношений, но также целей, которые выполняют эти отношения для личности [4]. В противовес структурной стороне они измеряют либо наличие определенных функций поддержки, либо истинные проявления функции поддержки, полученные за определенный промежуток времени.

Социальная поддержка может выступить в качестве фактора, защищающего индивидуума от воздействия стресса. Социальную поддержку можно рассматривать как информацию, которая помогает человеку поверить в то, что о нем заботятся, его уважают, ценят и что он является полноправным участником процесса коммуникации и взаимных обязательств.

Таким образом, в качестве определяющих характеристик культурологического аспекта социально-профессиональной адаптации как на личностном, так и на социально-групповом уровне могут выступать индивидуальные коммуникативные стили, социальная поддержка, организационная культура. В свою очередь, организационная культура может проявляться через такие сферы профессиональной жизни, как коллеги и взаимоотношения с ними, система распределения вознаграждений, нагрузка, система контроля, справедливость, система ценностей в рамках профессиональной группы.

В рамках нашего исследования был проведен констатирующий эксперимент, ориентированный на определение сфер профессиональной жизни, в рамках которых обнаруживается наибольшее количество «несоответствий». Параллельно с этим респонденты проходили тестирование на определение ведущего коммуникативного стиля и уровня развития навыков в социальной поддержке. Исследование проходило в два этапа: на первом этапе были опрошены молодые специалисты, выпускники Санкт-Петербургских университетов и ВМА; на втором этапе была реализована попытка провести кросскультурное исследование, в рамках которого проводился опрос молодых специалистов из России и Турции. В общей сложности было опрошено более 150 человек.

В работе использовались следующие опросники и шкала:

- опросник по выявлению наиболее стрессогенных сфер в профессиональной деятельности у молодых специалистов в авторской интерпретации. Опросник включает в себя семь сфер, которые могут вызывать наибольшие проблемы у молодых специалистов: объем рабочей нагрузки, профессиональная готовность, оценивание результатов работы, взаимоотношения с коллегами, справедливость, система ценностей, независимость и контроль;

- авторская шкала на определение уровня развития социальной поддержки, включающая в себя разделы: потребность и готовность к оказанию социальной поддержки, ее виды и формы;

- опросник по определению ведущих коммуникативных стилей С. Роббинса в авторской интерпретации, позволяющий выявить, какие из семи коммуникативных стилей являются для респондента ведущими (доминирующий, свободный, конфликтный, внимательный, дружественный и др).

Результаты статистической обработки данных представлены в диаграммах (рис. 1–4). На первой диаграмме (рис. 1) отражена сравнительная картина показателей уровня развития социальной поддержки у молодых специалистов в области медицины и образования. Пункты 1–6 отражают возможность получения со-

циальной поддержки со стороны своих коллег, друзей и семьи; пункты 7–12 – готовность респондента оказать поддержку своим коллегам и друзьям; пункты 13–22 – источники и наиболее часто встречающиеся формы поддержки: выслушивание (на эмоциональном уровне); соучастие, отклик (на эмоциональном уровне); время, проведенное совместно с пользой (на инструментальном уровне); совет, полезная информация (на информационном уровне); детальная глубокая оценка произошедшего или происходящего отражена в пунктах 18–22.

По результатам опроса видно, что уровень готовности оказать социальную поддержку у преподавателей немного выше, чем у врачей. Возможно, это объясняется большей нагрузкой и эмоциональным напряжением молодых медиков. Они чаще получают инструментальную поддержку и участвуют в детальном анализе происходящего, чего нередко не хватает молодым преподавателям. Преобладание поддержки на эмоциональном уровне у преподавателей можно отчасти объяснить преобладанием в группе респондентов преподавателей иностранных языков.

Коммуникативная культура молодого специалиста, как уже было сказано, играет немаловажную роль в процессе успешной адаптации. Наиболее часто встречающиеся коммуникативные стили у врачей и преподавателей можно проследить на второй диаграмме (рис. 2).

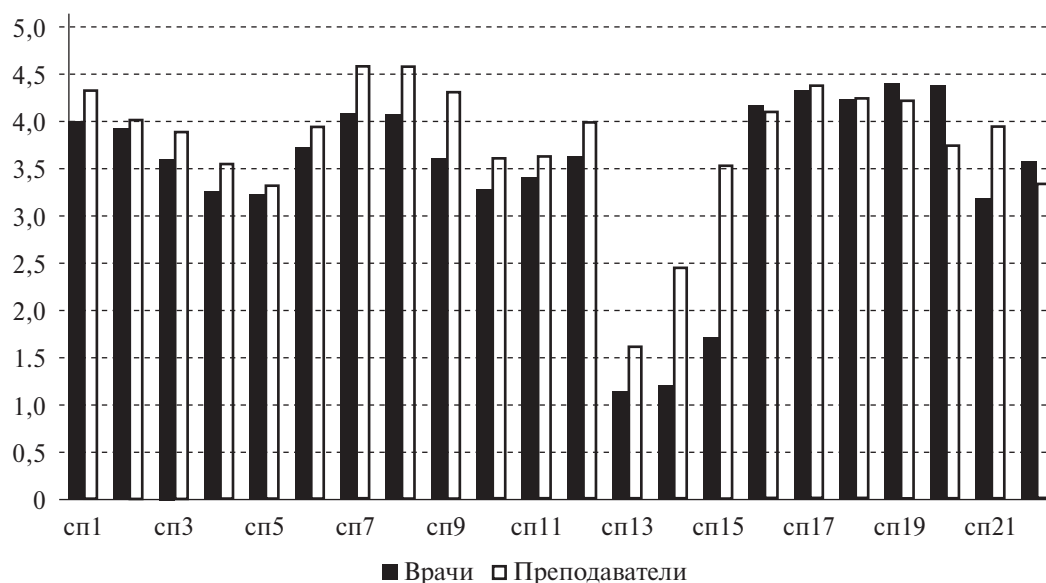

Рис. 1. Показатели уровня развития социальной поддержки у врачей и преподавателей

Как видно из диаграммы, «внимательный» стиль ярко выражен у преподавателей, в то время как у врачей чаще встречаются «расслабленный» и «открытый», что свидетельствует о большей социальной пластичности и эмоциональной гибкости у врачей.

На рис. 3 в сравнении представлены стрессогенные области профессиональной деятельности. Наибольшее несоответствие между желаемым и действительным в аспекте вознаграждения и справедливости выявлено у преподавателей. В то же время профессиональная реальность у медицинских работников намного больше разнится с тем, к чему их готовили.

Благодаря факторному анализу удалось определить наиболее значимые факторы среди влияющих на адаптивность молодых специалистов или способствующих ее снижению в условиях профессиональной среды (представлены в порядке значимости):

- 1-е место – блок «Коллектив» – 0,768;
- 2-е место – блок «Вознаграждение» – 0,730;
- 3-е место – блок «Профессиональная готовность» – 0,710;
- 4-е место – блок «Справедливость» – 0,623;
- 5-е место – блок «Рабочая нагрузка» – 0,520.

Главным фактором, негативно влияющим на адаптацию молодых преподавателей, являются взаимоотношения и атмосфера в коллективе, а также отношения студентов к преподаванию и учебному процессу. Важное место в группе факторов занимает и аспект «Вознаграждение». Причем речь идет не столько о материальном, сколько о моральном вознаграждении

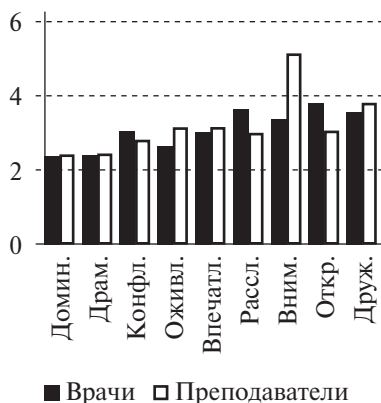

Рис. 2. Сравнительная диаграмма коммуникативных стилей, присущих врачам и преподавателям

в форме одобрения со стороны администрации и учащихся или пациентов. Фактор «Профессиональная готовность», который занимает 3-е место, позволяет сделать вывод о том, что на развитие дезадаптации влияют несколько идеализированные представления о будущей работе, а возможно, и просто «удручающая реальность» профессиональной сферы.

С целью определения наиболее валидных связей между исследуемыми показателями и конструктами свойств, способностей и качеств молодых специалистов на каждом этапе проводился корреляционный анализ. В целом были выявлены достаточно значимые положительные и отрицательные корреляционные связи в диапазоне от $-0,780$ до $0,850$.

На одном из этапов констатирующего эксперимента нами были опрошены молодые и будущие специалисты в сфере преподавания из России и Турции на предмет выявления уровня развития социальной поддержки. Систематизация и анализ полученных данных позволили выявить определенные тенденции в аспекте социальной поддержки, ее развития, основных видов и источников у представителей двух стран.

Молодые преподаватели из обеих стран в первую очередь отметили (оценили наивысшим баллом), что всегда готовы прийти на помощь друзьям и близким, когда им это нужно. Российские преподаватели готовы поддержать главным образом эмоционально и словесно, а

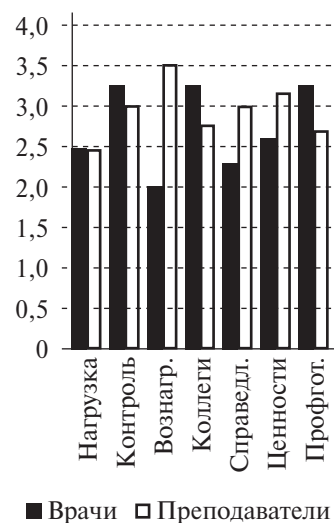

Рис. 3. Показатели стрессогенных областей профессиональной деятельности

преподаватели из Турции скорее ориентированы на словесную поддержку с профессиональной точки зрения. В качестве источника поддержки для молодых преподавателей из России чаще выступает семья, а из Турции – коллеги. Российские педагоги предпочитают поддержку в форме выслушивания на эмоциональном уровне, у турецких специалистов большей популярностью пользуется соучастие и отклик (на эмоциональном уровне).

Количественные показатели опроса по социальной поддержке педагогов из России и Турции представлены на рис. 4.

Как видно из диаграммы, турецкие молодые преподаватели чаще получают социальную поддержку в разных ее формах, нежели специалисты из России.

Рис. 4. Показатели частоты получения социальной поддержки российскими и турецкими преподавателями

Как один из факторов успешности в профессиональной деятельности педагоги из России и Турции рассматривают возможность получения адекватной социальной поддержки: быть выслушанными своими коллегами и администрацией; быть обеспеченными инструментальной поддержкой. Те и другие испытывают потребность в эмоциональном сочувствии и сопереживании, выражают готовность воспринимать определенную критику и предложения, ориентированы на совершенствование профессиональной деятельности.

Подводя итог вышесказанному, можно еще раз подчеркнуть сложность и многоаспектность процесса социально-профессиональной адаптации, особенно молодых специалистов. Эффективность адаптации молодого специалиста зависит от комплекса факторов, как внешних, так и внутренних. Значимую роль в успешности адаптационного процесса играет культурологический аспект, включающий в себя социально-коммуникативную культуру на индивидуально-личностном и социально-групповом уровнях.

Полученные экспериментальные данные позволяют выявить специфические особенности протекания адаптационного процесса в двух значимых профессиональных сферах: образовательной и медицинской, которые выражаются в различных сферах «несоответствия» в условиях профессиональной деятельности, разных предпочтительных коммуникативных стилях и отличающихся стратегиях в организации социальной поддержки.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ, соглашение № 14.В37.21.0545.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дормидонтова, Л.М.** Формирование адаптивных качеств выпускников в системе профессионального образования [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Л.М. Дормидонтова. – Уфа, 2005.
2. **Матвеева, А.И.** Социальная адаптация молодых специалистов в системе образования: интерактивный подход [Текст] / А.И. Матвеева. – М., 2011.
3. **Cobb, S.** Social support as a moderator of life stress. *Psychosomatic Medicine* [Text] / S. Cobb //

4. **House, J.S.** Work Stress and Social Support [Text] / J.S. House. – Addison-Wesley Educational Publishers Inc., 1981. – 156 p.
5. **Mitchell, T.** Organisational culture in a Good High School [Text] / T. Mitchell // *J. of Educational Administration*. – Vol. 30. – Bradford: MCB, 1992. – P. 6–17.

«ЛИНИЯ КЕККОНЕНА» В ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Исторические связи России и Финляндии имеют давние традиции. В течение столетий они были многообразны, охватывали сферы политической и экономической жизни, духовной и материальной культуры. В настоящий момент, когда и Россия, и Финляндия заинтересованы в укреплении межгосударственных контактов, необходимо вспомнить один из «показательных исторических уроков». В данной работе взаимоотношения России и Финляндии рассматриваются посредством исследования внешнеполитической доктрины, получившей название «линия Кекконена». Выбор темы не случаен. Во-первых, следует указать на ее новизну, отсутствие связи с идеологическими ограничениями. Во-вторых, в отечественной истории эта тема мало разработана и, следовательно, в современном состоянии российско-финляндских отношений в изучении данной тематики имеются белые пятна. В-третьих, изменилась роль Финляндии в современных международных отношениях: если ранее она считалась «краем света» в мировой политике, то сегодня вопрос отношений с Финляндией, членом Европейского союза (ЕС), является одним из ключевых для России. Актуальность данной темы, по нашему мнению, состоит в том, что Финляндия, находясь под огромным давлением большого соседа на востоке, т. е. СССР, сохранила свой суверенитет в определении внутри- и внешнеполитического курса и после распада Советского Союза не проявила радикализма в своей внешней политике. Главная цель работы – рассмотрение спектра вопросов, связанных с внешнеполитическим курсом У.К. Кекконена и советско-финляндскими отношениями в период холодной войны.

После окончания Второй мировой войны перед Финляндией стояла непростая задача – поиск своего места во вновь образовавшемся мироустройстве. Финляндия в отличие от других западных соседей Советского Союза не стала государством «социалистического лагеря», но примкнула к СССР, заключив с ним в 1948 году Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [6, с. 12]. Советско-финляндские отношения образовали уникальную модель межгосударственного сотрудничества в условиях конфронтации между Западом и Востоком. 1940-е и 1950-е годы стали для Финляндии временем исканий. Это время активной деятельности еще одной выдающейся политической фигуры – Ю.К. Паасикиви. Он не только сформулировал и официально провозгласил основные принципы новой внешней политики, но на протяжении 12 лет руководил претворением этих принципов в жизнь, проводил большую работу, направленную на то, чтобы новый курс был не только правительственной, но и общенациональной политикой [4, с. 154].

За это время Кекконен приобрел значительный политический вес, активно участвуя в Комитете совместных действий – связующем органе, который положил начало формированию мирной оппозиции. Совместная политическая работа Кекконена и Паасикиви привела к подписанию договора 1948 года, ставшего фундаментом внешней политики Финляндии. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР стал важнейшей вехой в формировании и дальнейшем упрочении нового внешнеполитического курса Финляндии. Оценивая значение договора 1948 года в ракурсе внешней политики Финляндии, станов-

ления ее международного положения, У.К. Кекконен подчеркивал, что «в договоре нашли свое выражение долговременные интересы политики безопасности Финляндии» [3, с. 85].

Фактически Паасикиви подготовил почву для возвращения главных идей Кекконена. Этим людям сближало общее видение политической обстановки, одинаковое представление о том, как и на каких принципах должна строиться международная политика Финляндии. Самостоятельно Кекконен начал проводить свой курс с 1 марта 1956 года, когда был избран президентом страны. Однако еще в 1955 году Финляндии удалось добиться значительных успехов на международной арене, появилась разрядка в международных отношениях после напряженной ситуации с Парижским договором 1947 года [Там же. С. 94–95]. Финляндия без каких-либо возражений со стороны СССР вступила в Северный совет (организацию, созданную для координации сотрудничества между парламентами и правительствами стран Северной Европы). К тому же советская сторона вернула Финляндии территорию Порккала-Удд (что, как считал Паасикиви, создало предпосылки для финляндского нейтралитета). Уже в декабре 1955 года Финляндия стала членом ООН. Все эти успехи вызывали лишь небольшую долю оптимизма у Кекконена, который полагал в то время, что стране еще предстоит проделать колоссальную работу, чтобы утвердиться в мировом сообществе. Отношения СССР и Финляндии при Кекконене приняли совсем иной формат: теперь их развитие стало осуществляться на высшем уровне. Начало таким отношениям положил визит в Финляндию Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова в 1956 году. Ответный визит финляндской делегации во главе с премьер-министром К.-А. Фагерхольмом состоялся в 1957 году. С исторической точки зрения этот визит очень важен. В коммюнике, опубликованном 2 февраля 1957 года, советская сторона впервые на официальном уровне выразила свое отношение к новой внешней политике Финляндии: «Проводимая Финляндией миролюбивая и нейтральная внешняя политика, стремящаяся к миру, а также дружественные отношения, поддерживаемые ею со всеми странами, в свою очередь, ценным образом содействуют обеспечению международного мира» [4].

Это был первый реверанс в сторону Кекконена, первый шаг к большому политическому успеху.

У.К. Кекконену удалось выстроить очень хорошие личные отношения с Н.С. Хрущевым. Надо сказать, что в «хрущевский» период две страны очень сблизились. Началом этому сближению послужил визит Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина в июне 1957 года. В ходе этого визита были достигнуты договоренности о займе для Финляндии на сумму 0,5 млрд рублей под низкие проценты и оговорены заказы на строительство. Среди главных строительных объектов значились сталеплавильный завод в городе Раахе и горнодобывающий центр в Карелии в городе Костамукша, откуда планировалось поставлять руду. Это еще один, теперь экономический, успех Кекконена, обусловленный его личными качествами и способностями политика. Кекконен произвел сильное впечатление на Хрущева. Лидер Советского государства посетил Финляндию в сентябре 1960 года с официальным визитом, приуроченным к 60-летию финского президента. На встрече обсуждался ряд вопросов, в частности условия присоединения Финляндии к ЕАСТ (Европейской ассоциации свободной торговли). Финляндия должна была стать ассоциированным членом при следующем условии: она обязана гарантировать стабильное развитие «восточной торговли» (т. е. с СССР) на том же уровне, на каком это будет происходить со странами – членами ЕАСТ [5, с. 134–138]. Полноправным членом ЕАСТ Финляндия стала только в 1986 году. Кекконен решился на такой шаг по следующим причинам: во-первых, это было сделано на благо страны, Финляндия была в поиске своего места в Европе, требовалось укрепление международного положения; во-вторых, с целью усмирить правые круги внутри страны, активно противоборствовавшие действующему президенту [Там же. С. 145].

19 октября 1960 года президент Финляндии выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с речью, которая была исторической, так как ранее У.К. Кекконен не выступал во всемирной организации, и к тому же само содержание его слов было значимым: «Наша политика нейтралитета, как мы неоднократно заявляли, нацелена на то, чтобы вывести Финляндию за пределы внешнеполитических спекуляций. Мы благодарны за то признание, которое везде

получили наше стремление к независимости, жизненная сила нашей демократии и наша любовь к миру» [3, с. 164]. Начиная с 1960-х годов в политический оборот вошел термин «финляндизация» [1, с. 115], подразумевающий ограничения, накладываемые неким сильным государством на более слабое соседнее государство, ограничивающие его права на самоопределение. Долгое время этот термин использовался для характеристики советско-финляндских отношений послевоенного времени, что было спровоцировано западными странами и противниками Кекконена внутри страны. Однако в 1961 году Кекконен в своем выступлении в парламенте четко изложил основополагающие принципы своей политики, выделив четыре принципа: 1) иностранные державы признают финляндский нейтралитет, 2) они доверяют ему, 3) собственный народ поддерживает его, 4) у Финляндии имеются достаточные возможности для отражения попыток нарушить ее нейтралитет [6, с. 173]. Это было отправной точкой к созданию политики нейтралитета и обеспечению стабильности в Европе. После переизбрания Кекконена президентом на второй, а затем и на третий срок ему посыпались приглашения посетить ту или иную европейскую страну. Со второго президентского срока Кекконен сосредоточился на определении роли Финляндии в европейской и мировой политике. Одновременно с этим росли и укреплялись отношения с СССР. Кекконен начал диалог о создании безъядерной зоны. Идея заключалась в следующем: страны Северной Европы, в том числе и Финляндия, должны были признать существующее положение и взять на себя обязательство и в будущем запрещать размещение и использование ядерного оружия на своей территории. Советский Союз готов был заявить, что согласен взять на себя обязательство относиться к территории, которая входит в зону, находящуюся вне сферы воздействия ядерного оружия, при условии, что западные державы, располагающие таким оружием, также возьмут на себя соответствующее обязательство. Кекконен подчеркивал важность создания подобной зоны, указывал на то, что она отвечала бы жизненно важным интересам всех стран, входящих в зону, а не только Финляндии. Полностью осуществить этот план удалось только спустя 15 лет [5]. «Линия Кекконена» активно развивалась и расширялась.

После отставки Н.С. Хрущева и прихода к власти Л.И. Брежнева доверительные отношения Кекконена с руководством СССР были утрачены. Главной фигурой, через которую осуществлялась связь с Москвой, был А.Н. Косыгин. В этот период основной целью двух государств становится проведение Совещания по безопасности в Европе. СССР выступал с этой инициативой еще в 1954 году, однако на тот момент Кекконен опасался, что такого рода инициатива скажется на статусе Финляндии как нейтрального государства. Однако после повторного заявления СССР в 1969 году президент Финляндии уже лично выступил с планом проведения подобного совещания. Ситуация в то время позволяла надеяться, что инициативу удастся провести, так как напряженность между Западом и Востоком в результате процесса разрядки спала. В Хельсинки сразу же приступили к подготовительным мероприятиям, понимая, что уже сам факт проведения совещания подобного рода, не говоря уже о его благоприятных для всей Европы последствиях, послужит национальным интересам финляндского государства. Первый этап СБСЕ формально начался в Хельсинки 3 июля 1973 года после окончания подготовительных обсуждений, проходивших в течение полугода (с ноября 1972 года) в «Диполи» в Эспо, городе-спутнике Хельсинки. Этот этап был продолжен в Женеве в сентябре того же года и длился по июль 1975 года. Финляндии было предоставлено право проведения у себя торжественного заключительного заседания. Высшими политическими руководителями стран-участниц, собравшимися в Хельсинки 31 июля — 3 августа 1975 года, в присутствии Генерального секретаря ООН был подписан Заключительный акт, который позднее стал основой общеевропейского процесса, внесшего свою лепту в окончание холодной войны. Для Кекконена это был не просто успех, это была грандиозная победа. Все его стремления, задумки, идеи воплотились в жизнь. Фактически этот акт был признанием его политического курса. Кекконен нашел место для своей страны на международной арене. Развиваясь несколько особняком от всех, придерживаясь нейтралитета, финляндское государство вопреки всему добилось международного признания и уважения [4, с. 213–218].

Именно Кекконен в условиях противостояния Востока и Запада смог не только обеспечить независимость, но и высокую динамику развития экономики и внешней торговли Финляндии. Как напутствие сегодняшним политикам звучат слова У.К. Кекконена из книги «Тамминиеми»: «Мне никогда не приходилось поступиться национальным достоинством... Мы убедились в том, что сотрудничество с Советским Союзом не только возможно, но и весьма выгодно для нас... Одной из важных предпосылок политики сотрудничества, основанного на доверии, является то, что мы смогли установить хорошие личные отношения. К этому, по моему убеждению, необходимо стремиться и в будущем» [2, с. 143]. Что касается Советского Союза, то его руководство, несмотря на отдельные ситуации, взяло курс на развитие взаимовыгодных отношений с Финляндией, ставших примером мирного сосуществования.

Кекконен делал все, чтобы воплотить в жизнь свою программу: сначала — в качестве министра юстиции, выпускавшего из тюрем коммунистов и отправлявшего туда политиков-«поджигателей войны» и военных, заложивших тайные склады оружия на случай оккупации Финляндии Советским Союзом; потом — в качестве премьер-министра и президента. Он на многие десятилетия определенным образом «монополизировал» отношения с СССР. Кекконен был искренне убежден сам, и ему удалось

убедить очень многих финнов, как политиков, так и рядовых граждан, что он, и только он способен наладить хорошие отношения с восточным соседом. Кекконен на практике проводил политику невмешательства в конфликты между крупными государствами [7, с. 94].

Выстроенная У.К. Кекконеном политика внешнеполитического развития, получившая название «линия Кекконена», и сегодня является примером поиска ориентиров в международной жизни, в межгосударственном общении. Какие же положительные моменты принесла реализация «линии Кекконена»?

1. Была сохранена национальная и европейская идентичность Финляндии. Страна не стала идеологическим сателлитом СССР, в ней успешно функционировали рыночная экономика и многопартийная демократия.

2. Финляндия получила действительно значимые прерогативы во внешней торговле. Выполнение советских заказов по системе клиринговой торговли дало возможность провести технологическое перевооружение отраслей хозяйства, что вывело экономику страны на более высокий уровень и способствовало росту благосостояния. В 1980-е годы СССР стал главным торговым партнером Финляндии.

3. Благодаря сбалансированной внешней политике стране удалось одержать несколько значительных дипломатических побед на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Воронков, Л.С.** Северная Европа: ответственность и проблемы внешней политики [Текст] / Л.С. Воронков. — М., 1976.
2. **Кекконен, У.К.** Финляндия и Советский Союз: добрососедство, сотрудничество, взаимопонимание. Речи 1967–1972 гг. [Текст] / У.К. Кекконен. — М., 1973.
3. **Он же.** Финляндия: путь к миру и добрососедству: статьи, речи, письма 1943–1978 гг. [Текст] / У.К. Кекконен. — М., 1979.

4. **Комиссаров, Ю.Д.** «Линия Паасикиви — Кекконена»: история, современность, перспективы [Текст] / Ю.Д. Комиссаров. — М., 1985.
5. **Мейнандер, К.Х.** История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты [Текст] / К.Х. Мейнандер. — М., 2008.
6. **Похлебкин, В.В.** Кекконен У.К.: политическая биография [Текст] / В.В. Похлебкин. — М., 1985.
7. **Юссила, О.** Политическая история Финляндии 1809–1995 гг. [Текст] / О. Юссила, С. Хентия, Ю. Невакиви. — М., 1998.

УДК 327.81

К.А. Агафонов

ПЛАН МАРШАЛЛА КАК ВЫЗОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ФИНЛЯНДИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

В базовых исследованиях политического курса послевоенной Финляндии и ее места в системе международных отношений часто уделяют мало внимания проблеме участия страны в программе восстановления Европы, более известной как план Маршалла, называя поворотным 1948 год. Безусловно, заключение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР послужило базисом внешней политики Финляндии, определило рамки ее участия в международных интеграционных процессах на долгие годы.

Однако детальный анализ политических предпосылок, перспектив участия и причин окончательного отказа от плана Маршалла позволяет в полной мере понять и изучить баланс восточного и западного векторов во внешнеполитическом курсе восстановительного периода Финляндии, известного как «линия Паасикиви».

В исследованиях по международной экономике, экономической дипломатии, геополитике и политике международных отношений до сих пор не стихают споры о том, с какой стороны необходимо рассматривать этот акт экономической помощи США разрушенным войной странам Европы. Сама речь госсекретаря Дж. Маршалла в Гарвардском университете в 1947 году подчеркивала демократический характер оказания помощи и отсутствие политической направленности против конкретной доктрины. Последующие исследования экономических результатов программы часто определяют план Маршалла как главенствующую предпосылку осуществления «экономического чуда» в Западной Европе после Второй мировой войны.

С другой стороны, ряд исследований политической составляющей плана Маршалла и его влияния на геополитическую карту миру изобличают его как главный инструмент в развязывании холодной войны, образовании блоков и превращении Европы в военно-стратегический придаток американского империализма [3].

Именно комбинация экономического и геополитического взглядов позволяет понять причины неприсоединения Финляндии и важность этого решения для поддержания ее безопасности в холодной войне.

Соглашение о перемирии 1944 года больно ударило по и без того истощенной войной экономике Финляндии. На территориях, отошедших к СССР, располагалось более четверти мощностей деревообрабатывающей, бумажной и энергетической отраслей финской промышленности. Согласно 11-й статье соглашения о перемирии, Финляндия обязывалась выплатить СССР репарации на сумму 300 млн долларов США товарами за 6 лет по ценам 1938 года, которые были значительно ниже существовавших на тот момент. Уже позднее, в декабре 1944 года, при подписании соглашения о поставках СССР запросил 2/3 репарационных выплат предоставить товарами металлообрабатывающей промышленности, а не традиционной для Финляндии деревообрабатывающей, что поставило экономику Финляндии в зависимое положение и сформировало характерную систему торговых отношений между СССР и Финляндией на продолжительное время [1, с. 309–310]. Принятое в июле 1945 года решение Потсдамской конференции об обязательной выплате Финляндией Советскому Союзу 48 млн долларов США, причитавшихся Германии, окончательно развеяло надежды финнов на скорый выход из экономического кризиса [2]. В своем дневнике Ю.К. Паасикиви с горечью подмечал: «Русские хотят сорвать с нас последнюю рубашку» [Там же. С. 273].

Финляндия встретила 1947 год в бедственном положении: стоимость жизни в стране возросла практически в 4 раза, 2/3 бюджета страны уходило на выплату военных долгов. В создавшихся условиях единственной надеждой финнов стали иностранные заимствования. Первый послевоенный год стране помог пережить крупный кредит, предоставленный Швецией, которая, однако, дала понять, что дальнейшие

ее возможности о предоставлении помощи крайне ограничены. Великобритания, экономика которой также была сильно ослаблена послевоенным кризисом, отказала финнам в рассмотрении вопроса о предоставлении кредитов. У Финляндии не оставалось другого выбора, как обратиться за экономической помощью к Соединенным Штатам [4, с. 171–173].

Доподлинно известно, что с 1945 года финское руководство всячески прибегало к переговорам с США о предоставлении кредитов Финляндии. Парламентские выборы в Финляндии в 1945 году были восприняты американским руководством как возврат к демократическим основам осуществления власти в стране, способствующим самоопределению Финляндии на мировой арене и успешному разрешению основных спорных вопросов с Советским Союзом. США, в свою очередь, имели определенные интересы по поддержанию политической системы, основывающейся на принципах западного парламентаризма. Более того, рынок Финляндии тогда и впоследствии представлял интерес для внешней торговли США.

Несмотря на это, после многочисленных переговоров США были готовы предоставить лишь ограниченную помощь. Во-первых, в общую политику оказания экономической помощи входило финансирование определенных проектов по восстановлению экономики страны. США скептически относились к идее предоставления кредитов странам с тяжелой ношей военных репараций. Во-вторых, Соединенные Штаты, не имеющие принципиальных стратегических интересов в Финляндии, остерегались пристального внимания СССР и напряжения обстановки в регионе [6, с. 210–213].

Нет ничего удивительного, что предложение США о безвозмездной помощи по плану Маршалла вызвало общественный резонанс в Финляндии. Финское руководство было готово с радостью принять участие в европейской конференции для обсуждения деталей программы. Большинство политических деятелей Финляндии после подписания Парижского соглашения были готовы воспользоваться вновь обретенным суверенитетом. Придавало уверенности и первичное решение Молотова об участии СССР в переговорах.

Внутриполитическая обстановка в Финляндии также способствовала положительному

решению по вопросу участия Финляндии. Коммунисты, в значительной степени утратившие поддержку после выступлений против попытки смягчения условий мира, предпринятой Финляндией на Парижской мирной конференции, были далеки от возможности лоббировать проект как на уровне общественного влияния, так и в парламенте.

Оставался открытым вопрос о присутствии стран Восточной Европы на конференции. Прогрессивные круги Финляндии уже тогда понимали, что участие лишь части европейских стран в программе угрожало разделением Европы на два лагеря. В этой ситуации Финляндия против собственного желания могла быть приписана к восточному лагерю. У финского руководства было чуть более одной недели, чтобы проанализировать политическую подоплеку и вынести окончательное решение.

На совещании в МИДе Финляндии с представителем Франции К. Энкель подчеркивал, что Финляндия планирует развивать отношения как с Востоком, так и с Западом и не желает оказаться приписанной ни к одному из блоков в случае конфликта интересов великих держав. Финский министр полагал, что СССР не вправе оказывать давление на свободные страны с целью отказа от помощи США, не вешая на себя ярлык якоря восстановительного процесса в Европе. Французский посланник, более сдержанный в своих высказываниях, подтвердил, что Франция и Великобритания были готовы поддержать позицию Финляндии [7, с. 312–313].

Беседа с Молотовым укрепила уверенность К. Энкеля – у Молотова не было конкретных инструкций от своего руководства по поводу модели поведения Финляндии в отношении этого вопроса. На заверения финского министра о том, что Финляндия ни при каких условиях не примет участия в плане, направленном против СССР, Молотов заверил, что участие Финляндии в международной кооперации находится в соответствии с политикой СССР по отношению к Финляндии. Было решено, что Финляндия примет участие в конференции в качестве пассивного наблюдателя по экономическим соображениям [Там же. С. 315].

Исключительно важным фактором для Финляндии была информация, поступающая из других европейских стран, особенно из стран, находящихся на возможной грани-

це между Западом и Востоком Европы. На тот момент существовали две политические альтернативы, которые могли предопределить решение Финляндии. Во-первых, если бы другая нейтральная страна, например Швейцария или кто-то из скандинавских соседей, отказалась от участия, Финляндия могла бы поступить так же, не отождествляя себя с сателлитом СССР. Во-вторых, если бы к программе примкнула страна из Восточной Европы, Финляндия могла бы форсировать положительное решение, не опасаясь давления со стороны СССР. В этой связи наиболее важным маячком должно было стать решение Польши и Чехословакии, представители которых в Финляндии были в тот момент совершенно уверены в положительном решении своего руководства по участию в конференции [7, с. 317].

Президент Ю.К. Паасикиви занял еще более убедительную позицию, определяя участие Финляндии в плане Маршалла как единственную возможность дальнейшей интеграции страны в общеевропейский процесс послевоенного восстановления и развития разновекторной системы внешней политики Финляндии в целом. Президент опасался, что, оставшись в стороне от участия в конференции, Финляндия потеряет доступ к внешним кредитам, что может стать фатальным для экономики страны, нуждающейся, согласно подсчетам экспертов, в 100–180 млн долларов США в 1948–1949 годах [6, с. 218].

Как только стало известно о решении других Скандинавских стран принять участие в программе, Паасикиви фактически был готов взять на себя ответственность за проталкивание соответствующего решения в парламенте. Интересно, что даже коммунисты не были готовы оспаривать это решение, несмотря на их скептическое отношение к участию в конференции до получения четких инструкций от СССР.

Гроном среди ясного неба стало сообщение Союзной контрольной комиссии, согласно которому Москва потребовала, чтобы руководство Финляндии воздержалось от участия в конференции. Ю.К. Паасикиви был в бешенстве, так как проводимая им политика была растоптана в один миг. Соблюдая все условия мирного договора и обеспечивая сохранность стратегических интересов СССР, президент рассчитывал, что могущественный сосед с должным уважением

отнесется к независимости Финляндии. Масла в огонь подливали ряд политических деятелей во главе с К.Ю. Стольбергом, считавших, что для обеспечения независимости Финляндии необходимо проявить твердость в отношении СССР и прекратить идти на уступки [7, с. 321]. В действительности у СССР не было никаких формальных прав влиять на решение Финляндии. Оговорка соглашения о перемирии, обязывающая Финляндию не принимать участия в любых направленных против СССР организациях, в данном случае едва ли могла стать правоприменительной.

В который раз настал момент, когда Ю.К. Паасикиви должен был проявить хладнокровие при принятии решения. Положение Финляндии было слишком зыбким для игр с огнем. В случае нелояльности СССР мог значительно усложнить Финляндии жизнь. Основным рычагом воздействия стало бы затягивание окончательной ратификации мирного договора. В этом случае суверенитет Финляндии мог находиться в подвешенном состоянии сколь угодно долго, что в конце концов вызвало бы внутривнутриполитический кризис и ни в коей мере не способствовало развитию и укреплению внешнеполитического курса страны. Некоторые политические процессы, такие как суд над виновниками войны и дело о тайных складах оружия, не были завершены, и вмешательство СССР в них было крайне нежелательным.

Согласование окончательного решения проходило в весьма неопределенных условиях. Хотя сам президент уже был готов дать четкий отказ представителям Великобритании и Франции, большая часть общественности и бизнеса ратовала за принятие американского плана помощи. До сих пор не было четкого понимания того, как может измениться состояние внешней торговли Финляндии после отказа.

Тем не менее 11 июля 1947 года в своем ответе Ю.К. Паасикиви заключил, что Финляндия, желая остаться в стороне от возможного конфликта великих держав, вынуждена отклонить приглашение. Это решение в Европе было принято двояко. Некоторые страны, особенно Швеция, восприняли это как попрание Финляндией собственного суверенитета и неуверенность в проведении внешней политики [4, с. 181]. Большинство же стран отнеслось к решению Финляндии с пониманием, осозна-

вая, что этот вердикт стал вынужденной мерой. В создавшихся условиях окончательное урегулирование статуса отношений с СССР для нее было важнее долларовых кредитов.

Среди американского руководства также не было однозначного мнения о дальнейших действиях в отношении Финляндии. Объединенным комитетом начальников штаба было предложено незамедлительно разорвать все торговые соглашения с Финляндией. Остальная же часть руководящего аппарата отказывалась от санкций против Финляндии, апеллируя тем, что позиции коммунистической партии были заметно ослаблены. В целом Финляндия воспринималась американским руководством и общественностью как часть либеральной политической силы и позитивное исключение на той стороне железного занавеса [5, с. 21].

Несмотря на это понимание со стороны США, дальнейшая экономическая помощь Финляндии оставалась на умеренном и даже низком уровне по сравнению с тем объемом, который получили другие Скандинавские страны по плану Маршалла. Основываясь на этом сравнении, можно предположить, что доля Финляндии в случае участия в программе равнялась бы приблизительно 150 млн долларов США [6, с. 220]. Однако уже в конце 1940-х годов с подъемом цен на продукцию деревообрабатывающей промышленности, которую Финляндия смогла приберечь для экспорта ввиду вышеуказанных особенностей соглашения о

выплате репараций, страна смогла добиться стремительных темпов роста экономики и более не рассматривать отказ от участия в плане Маршалла как упущенную выгоду.

Подводя итоги, можно утверждать, что решение Финляндии по вопросу ее участия в плане Маршалла создало конструктивную основу ее дальнейшей интеграции в глобальную систему международных отношений. В ответ на лояльность Финляндии СССР ратифицировал Парижский мирный договор, что позволило подготовить еще более прочную базу для основанного на взаимном доверии двустороннего сотрудничества, вылившуюся в конечном итоге в Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Умение Финляндии выгодно использовать политическую конъюнктуру в своих интересах, проявленное в сглаживании последствий отказа от участия в плане Маршалла по отношению к США и странам Западной Европы, позволило Финляндии вновь избежать конфликта интересов с Соединенными Штатами и удержать свои позиции на западном направлении после подписания договора ДСВ-48. В конце 1948 года в Вашингтоне отмечали, что, хотя Финляндия географически находится в сфере влияния СССР, по экономическим, политическим и культурным соображениям страна принадлежит к Северной Европе и в интересах США необходимо поддержание в Финляндии сильной государственности с ориентацией на западную модель [8, с. 289].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Похлебкин, В.В.** СССР – Финляндия: 260 лет отношений (1713–1973) [Текст] / В.В. Похлебкин. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 408 с.
2. **Юссила, О.** Политическая история Финляндии 1809–2009 [Текст] / О. Юссила, С. Хентия, Ю. Невакиви; предисл. Ю.С. Дерябина. – М.: Весь мир, 2010. – 472 с.
3. **Allen, J.S.** Marshall Plan – Recovery or War? [Text] / J.S. Allen. – N. Y.: New Century Publishers, 1948. – 64 p.
4. **Browning, Ch.S.** Constructivism, Narrative and Foreign Policy Analysis: A Case Study of Finland [Text] / Ch.S. Browning. – N. Y.: Peter Lang Publishing, 2008. – 328 p.
5. **Hanhimäki, J.M.** Containing Coexistence: America, Russia and the «Finnish Solution» [Text] / J.M. Hanhimäki. – Kent; London: The Kent State University Press, 1997. – 279 p.
6. **Henkkilä, H.** Credits of export-import bank to Finland, 1945–1948 [Text] / H. Henkkilä // Scand. Economic History Rev. – 1982. – Vol. 30. – Nr. 3. – P. 207–225
7. **Majander, M.** The limits of sovereignty: Finland and the question of the Marshall Plan in 1947 [Text] / M. Majander // Scand. J. of History. – 1994. – Vol. 19. – Nr. 4. – P. 309–326.
8. **Nevakivi, J.** American reactions to the Finnish-Soviet friendship treaty of 1948 [Text] / J. Nevakivi // Ibidem. – 1988. – Vol. 13. – Nr. 2–3. – P. 279–291.

УДК 327

К.Е. Мещеряков

РОССИЙСКО-УЗБЕКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2008–2012 ГОДАХ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Узбекистан является одним из ключевых государств Центральной Азии. Обладая выгодным географическим положением, разнообразными природными ресурсами, богатым демографическим потенциалом, достаточно развитой и диверсифицированной экономикой, данная республика с момента обретения независимости играла особую роль в региональных делах и пользовалась существенным влиянием на мировой арене. К сожалению, российские дипломаты далеко не сразу правильно оценили значимость сотрудничества с Ташкентом для нашей страны: в первые годы президентства Б.Н. Ельцина он оказался буквально вытолкнут с орбиты влияния Москвы, предпочитавшей развивать контакты исключительно со странами Запада и практически не обращавшей внимания на ситуацию в Центральной Азии. Когда ошибочность подобного курса стала очевидной, реальные возможности для установления привилегированных отношений с Узбекистаном у России были уже упущены. В результате вплоть до отставки Б.Н. Ельцина между Москвой и Ташкентом сохранялись непонимание и отчужденность, а уровень их взаимодействия оставался крайне низким.

После прихода к власти В.В. Путина отечественная дипломатия развернулась в сторону СНГ, причем наибольшее внимание новое российское руководство стало уделять центральноазиатскому региону. Благодаря усилиям, предпринятым В.В. Путиным, уже к 2002 году Россия и Узбекистан полностью очистили свои отношения от негативного наследия предыдущих лет и начали стремительное сближение друг с другом. В 2004 году они достигли уровня стратегического партнерства, а в 2005 году провозгласили себя союзниками. Их диалог заметно интенсифицировался, межгосударственные контакты диверсифицировались и обогатились новыми формами сотрудничества.

В подобных обстоятельствах вполне естественным представлялся вопрос о том, какие изменения российско-узбекские отношения

претерпят после избрания на пост президента Д.А. Медведева. Поскольку новый российский лидер продемонстрировал намерение сохранить основные принципы внешней политики Москвы на постсоветском пространстве, большинство отечественных и зарубежных экспертов полагали, что характер российско-узбекского диалога останется прежним. На наш взгляд, подобные оценки лишь отчасти соответствовали действительности. Целью данной статьи является рассмотрение основных тенденций и проблем в отношениях между Москвой и Ташкентом в годы президентства Д.А. Медведева (2008–2012).

Примечательно, что президент Узбекистана И.А. Каримов изначально выступал против передачи В.В. Путиным власти Д.А. Медведеву, в котором он категорически не видел продолжателя курса прежнего российского лидера. Соответствующее заявление было сделано им еще в феврале 2008 года, в ходе его первого официального визита в Москву после переизбрания на пост главы государства в декабре 2007 года [6]. Д.А. Медведев, придерживавшийся сравнительно либеральных взглядов и пришедший к власти как представитель первого не связанного с советским прошлым поколения российских руководителей, оказался чуждым И.А. Каримову и политически, и идеологически. Между ним и главой Узбекистана сразу возникло непонимание. Так, И.А. Каримов стал единственным центральноазиатским лидером, не поздравившим Д.А. Медведева ни после выборов, ни в день его инаугурации. В результате свой первый зарубежный визит в должности президента Д.А. Медведев совершил в Казахстан – страну, являющуюся главным конкурентом Узбекистана в Центральной Азии. Данный визит имел статус государственного, что не оставляло иллюзий по поводу намерения нового российского лидера изменить установленный В.В. Путиным баланс в отношениях Москвы с Астаной и Ташкентом.

Тем не менее И.А. Каримов, как прагматически мыслящий деятель, был весьма далек

от стремления пойти на коренной пересмотр принципов взаимодействия Узбекистана и России. В июне 2008 года он отправился в Санкт-Петербург на неформальный саммит СНГ, где впервые встретился с Д.А. Медведевым в должности президента. Главы государств обсудили вопросы двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и перспективы реализации новых экономических проектов. Внешне Д.А. Медведев никак не отреагировал на демарши узбекского лидера, заявив, что «для нас Узбекистан – ключевой стратегический партнер в Средней Азии». В то же время примечательно, что в лексикон российского руководства неожиданно вернулся забытый еще в 1993 году термин «Средняя Азия», противопоставляющий южные республики центральноазиатского региона Казахстану. Подобная формулировка четко расставила все акценты: отныне в рамках всего центральноазиатского региона главным приоритетом российской дипломатии объявлялось укрепление партнерства с Астаной, и здесь для Ташкента не оставалось никаких шансов. Однако возродив понятие «Средняя Азия» и назвав Узбекистан ключевым партнером России в данном субрегионе, Д.А. Медведев попытался создать условия, при которых Москва сможет развивать отношения с Астаной и Ташкентом независимо друг от друга. В свою очередь, И.А. Каримов впервые поздравил коллегу со вступлением в новую должность и подтвердил, что для Узбекистана отношения с Россией остаются приоритетными [16].

Встреча Д.А. Медведева и И.А. Каримова выявила три основные тенденции. Во-первых, после смены власти в России отношения между Москвой и Ташкентом должны были продолжить поступательное развитие. Это представлялось особенно важным, учитывая, что соответствующий сценарий был разработан не Д.А. Медведевым, а В.В. Путиным. Во-вторых, в российско-узбекских отношениях более не могло приниматься прорывных решений. Кроме того, учитывая, что ни Д.А. Медведев, ни И.А. Каримов в своих выступлениях не назвали наши страны союзницами, речь могла идти даже о временном понижении градуса их взаимодействия. В-третьих, Россия однозначно поставила Узбекистан на второе место в иерархии своих приоритетов в Центральной Азии.

В дни российско-грузинского конфликта в августе 2008 года президент Узбекистана проявил сдержанность. С одной стороны, он не выразил поддержки действиям России, что поначалу было достаточно болезненно воспринято Москвой, которая во время андижанских событий 2005 года безоговорочно поддержала И.А. Каримова. С другой стороны, в отличие от Андижанской области в составе Узбекистана Южная Осетия не являлась частью территории России, поэтому проводить параллели в данном случае было бы некорректно. При этом И.А. Каримов ни разу не подверг критике российскую операцию по принуждению Грузии к миру.

Положительное влияние на дальнейший ход российско-узбекского сотрудничества оказал первый визит в Ташкент В.В. Путина в должности вновь назначенного председателя правительства России. Он прибыл в Узбекистан вечером 1 сентября 2008 года – в День независимости республики, что имело особое дипломатическое значение. Прием В.В. Путина в Ташкенте был организован на уровне, соответствующем приему главы союзного государства: в аэропорту его лично встречал И.А. Каримов. Он напомнил, что в 2000 году говорил российскому коллеге о готовности пойти с ним в разведку, и с тех пор ничего не изменилось [15]. В устах политического патриарха, возглавляющего восточное государство, подобная оценка выглядела особенно яркой.

В ходе состоявшихся переговоров стороны обсудили два основных блока вопросов: партнерство в газоэнергетической сфере и ситуацию на Южном Кавказе. В области энергетики российская делегация предложила Ташкенту комплексный план долгосрочного сотрудничества, по которому «Газпром» должен был устанавливать закупочные цены на приобретаемый у Узбекистана газ по европейской формуле, что означало их увеличение почти в 2 раза. Узбекистан должен был начать строительство новой ветки газопровода в Казахстан и далее – в Россию. Поначалу оба предложения вызвали у Ташкента возражения. И.А. Каримов был готов повысить цены на поставляемое «Газпрому» топливо, но стремился формировать их не на рыночных принципах, а на основе административных решений, так как в перспективе мировые цены на газ могли упасть. Что касается строительства новой ветки газопровода, то

оно окончательно привязало бы Узбекистан к российскому маршруту экспорта топлива, на десятилетия вперед лишив его даже гипотетической возможности выбора партнеров в энергетической сфере. Тем не менее узбекская сторона все же одобрила российский проект, что означало дипломатическую победу Москвы. На этом фоне вопрос о признании Узбекистаном независимости Абхазии и Южной Осетии оказался второстепенным. Официально И.А. Каримов ничего не сказал по данному поводу, но российские дипломаты, присутствовавшие на ужине в честь приезда В.В. Путина, отметили, что в своих тостах узбекский лидер «дал объективную оценку деятельности грузинских военных на территории Южной Осетии» [15]. Вероятно, она полностью удовлетворила российскую сторону, но не могла быть озвучена перед телекамерами.

Визит В.В. Путина в Ташкент стал одним из тех редких случаев, когда ключевые договоренности достигаются не главами двух государств, а главой одного государства и председателем правительства другого. С российской стороны данный визит стал первой после президентских выборов поездкой руководителя высшего ранга в Узбекистан и свидетельствовал о сохранении ею заинтересованности в развитии партнерства с Ташкентом. Он способствовал преодолению отчужденности в двусторонних отношениях, возникшей в начале 2008 года. В результате в лексикон узбекского, а затем и российского руководства стали возвращаться союзнические формулировки.

Между тем поездка В.В. Путина не смогла остановить сближение Узбекистана со странами Запада, начавшееся весной 2008 года. Поддерживая особые отношения с Москвой, Ташкент по-прежнему не отказывался от ключевого принципа своей дипломатии — многовекторности. После смены российского руководства и проведения Москвой операции по принуждению Грузии к миру Узбекистан получил реальные возможности для восстановления контактов с США и их европейскими партнерами, замороженных после андиганских событий. В сентябре 2008 года о предстоящей отмене санкций против Ташкента, введенных тремя годами ранее, объявил Европейский союз. В ноябре И.А. Каримов выразил готовность участвовать в альтернативных российскому направлению

проектах газоэкспорта. Последнее существенно расширяло возможности строительства Транскаспийского газопровода и означало перспективу утраты Москвой монопольных позиций на узбекском газовом рынке, хотя и не отменяло договоренностей, достигнутых сторонами в ходе визита В.В. Путина. Тогда же Узбекистан, еще не завершивший адаптации своего законодательства к нормам ЕврАзЭС, заявил о выходе из данной организации, сочтя ее деятельность неэффективной. После победы на президентских выборах в США Б. Обамы Вашингтон начал с Ташкентом переговоры о возвращении в Узбекистан американской военной базы. При этом Ташкент по-прежнему не сделал ни одного антироссийского заявления, даже на словах не нарушая принципов союзнического взаимодействия с Москвой.

В январе 2009 года Узбекистан с государственным визитом посетил Д.А. Медведев. Узбекистан стал последней страной Центральной Азии, в которой побывал новый российский лидер. Открывая переговоры, И.А. Каримов отметил, что расценивает данный визит «как знак огромного внимания, как... обоюдное стремление еще больше укрепить отношения между нашими странами» [17]. Главы государств детально обсудили ситуацию в Афганистане, согласившись, что военных способов ее урегулирования не существует. Д.А. Медведев выразил готовность к активизации взаимодействия в данной области с администрацией Б. Обамы, что можно было рассматривать как его принципиальное согласие на возвращение в Узбекистан американских военнослужащих.

Второй блок обсуждаемых президентами вопросов касался экономического аспекта российско-узбекских отношений. Главы государств выразили удовлетворение ростом товарооборота между двумя странами, продолжавшимся даже в условиях мирового экономического кризиса. Основное внимание они вновь уделили взаимодействию в энергетической сфере; Ташкент гарантировал Москве продажу всего объема своего экспортного газа, выразив готовность увеличить поставки «Газпрому» в 2 раза в текущем году и еще в 2 раза — по мере расширения мощности своих трубопроводов. Взамен «Газпром» подтвердил намерение закупать узбекское топливо по рыночным ценам [3]. Таким образом, Д.А. Мед-

ведов и И.А. Каримов дали ход договоренностям, достигнутым в сентябре 2008 года.

В гуманитарной сфере президенты подтвердили курс на поддержку русского языка в Узбекистане и узбекского языка в России и на защиту культурной самобытности народов двух стран. В области внешней политики они впервые за последние годы «выразили откровенные мнения» о ходе интеграционных процессов на постсоветском пространстве [9, 23]; последнее свидетельствовало о намерении Ташкента еще более ограничить свое в них участие. Главным документом, принятым по итогам визита, стало Совместное коммюнике, в котором главы государств обозначили все основные решения, принятые ими в ходе состоявшихся переговоров [25].

Весьма примечательным представляется тот факт, что статус визита Д.А. Медведева в Узбекистан не соответствовал уровню достигнутых в его ходе договоренностей. По существу, стороны лишь подтвердили ранее согласованные решения и адаптировали свое стратегическое партнерство к переменам, произошедшим с февраля 2008 года. Принципиально новых предложений о расширении взаимодействия не последовало ни от Москвы, ни от Ташкента. Единственным политическим документом, подписанным по итогам визита, стало Совместное коммюнике, не отличавшееся ни новизной, ни глубиной содержания. Между тем даже по итогам официальных визитов главы государств, как правило, принимают документы более высокого ранга, особенно если речь идет о странах-союзниках. Поэтому основное значение поездки Д.А. Медведева, на наш взгляд, состояло в том, что новое российское руководство на высшем уровне подтвердило намерение выполнять договоренности, достигнутые В.В. Путиным и И.А. Каримовым в предыдущие годы. Это должно было придать российско-узбекским отношениям дополнительную устойчивость.

Весной 2009 года экономический кризис привел к корректировке отдельных совместных проектов Москвы и Ташкента. В марте впервые за несколько лет на уменьшение объемов добычи природного газа в Узбекистане пошел «Газпром», вернувшийся правительству республики лицензии на геологоразведку месторождений в Устюртском районе. В апреле о сокращении объемов газодобычи в Узбекистане объявил «Лукойл». При этом закупки топлива «Газпромом»

в стране остались прежними. Вероятно, причиной сокращения инвестиционной активности российских компаний в Узбекистане стало не только ухудшение их финансового положения, но и очередной поворот на Запад во внешней политике Ташкента. Если в предыдущие годы для укрепления политического влияния Москвы российские компании были вынуждены сотрудничать с Узбекистаном на любых условиях, то теперь они могли себе позволить тратить на это меньшие средства.

В июне 2009 года Узбекистан занял особую позицию на саммите ОДКБ, отказавшись подписывать Соглашение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), но не выступая против его заключения другими участниками блока. Это вызвало у Москвы разочарование. После того как в августе 2009 года президенты России и Киргизии договорились об открытии новой российской военной базы в Оше, МИД Узбекистана распространил заявление, в котором впервые с начала 2000-х годов подверг критике российские планы по наращиванию военного присутствия в Центральной Азии, ссылаясь на то, что оно может нарушить баланс сил в регионе. В результате вторая российская военная база в Киргизии так и не была создана. Вскоре Узбекистан отказался участвовать в учениях ОДКБ, запланированных на осень 2009 года. Все это объективно поставило вопрос о перспективах его дальнейшего пребывания в данной структуре [13, с. 71–72].

Осенью 2009 года Ташкент окончательно вышел из международной изоляции. В октябре 27 стран – членов ЕС приняли решение снять эмбарго на поставки в Узбекистан оружия. В ноябре заявление о восстановлении доверия между Ташкентом и Вашингтоном сделал посол США в Узбекистане Р. Норланд. Вскоре планы расширения своего сотрудничества с Узбекистаном озвучила Япония, предложившая Ташкенту взаимодействовать в области добычи урана. В результате Узбекистан вернул себе статус одного из двух ключевых государств Центральной Азии, возобновив борьбу за региональное лидерство с Казахстаном. В декабре Ташкент вышел из Объединенной энергосистемы Центральной Азии, получив возможность поднять до мирового уровня цены на транзит через свою территорию топлива и электроэнергии, поставляемых Казахстаном и Туркменией в Киргизию

и Таджикистан. Данное решение показало, что он действительно является важным региональным актором, от политики которого зависят все соседние государства. Вскоре Узбекистан заявил о намерении подключиться к газопроводу Туркменистан – Китай, призванному связать с КНР газовые месторождения всех центрально-азиатских республик; в перспективе это могло полностью разрушить российскую монополию на экспорт узбекского топлива.

Таким образом, Узбекистан оказался одной из немногих постсоветских республик, заметно укрепивших свои международные позиции во время экономического кризиса 2008–2009 годов. В борьбу за влияние на эту страну включились все крупные державы. В подобных обстоятельствах Москва повысила значимость Ташкента в своей внешней политике. Так, в День независимости Узбекистана, 1 сентября 2009 года, Д.А. Медведев направил И.А. Каримову поздравление, в котором подчеркивалось, что российско-узбекское сотрудничество сохраняет насыщенный характер стратегического партнерства и союзничества [5]. В ноябре, после годичного перерыва, президент назначил новым послом России в Узбекистане В.Л. Тюрденева. Напутствуя дипломата, он отметил, что «Узбекистан – наш крупнейший партнер... От того, насколько добрыми и полноценными будут наши отношения с руководством этой страны... зависит во многом успех российской политики в Центральной Азии» [4]. В декабре «Газпром» заключил с «Узтрансгазом» контракт о закупке в 2010 году дополнительных объемов топлива по европейской цене. Все вышесказанное свидетельствовало о том, что Москва не собиралась отказываться от активного взаимодействия с Ташкентом даже в условиях расширения его диалога с западными странами.

В январе 2010 года Ташкент посетила российская правительственная делегация во главе с вице-премьером И.И. Шуваловым. Она обсудила с И.А. Каримовым вопросы погашения Узбекистаном задолженности по техническим кредитам, предоставленным ему Москвой в первой половине 1990-х годов [21]. Итоги состоявшихся переговоров озвучены не были, но вскоре И.А. Каримов подписал годовой План сотрудничества между Узбекистаном и США, предусматривавший углубление их взаимодей-

ствия в политической, социальной, экономической сферах, в вопросах безопасности.

В марте 2010 года, по итогам визита в Ташкент Н.А. Назарбаева, главы Казахстана и Узбекистана неожиданно сделали заявление о прекращении соперничества своих государств и переходе их к тесному взаимодействию в решении региональных проблем. В первую очередь, стороны заняли консолидированную позицию по вопросу о строительстве ГЭС на территории Таджикистана и Киргизии, требуя учитывать при этом интересы всех государств Центральной Азии. Вероятно, данное решение имело в большей степени пропагандистский характер, но вызвало у Москвы оптимизм, учитывая, что традиционная борьба между Астаной и Ташкентом представлялась ей крайне неудобной [14, с. 259].

В апреле 2010 года И.А. Каримов посетил Россию с первым после окончания мирового экономического кризиса официальным визитом. Главы государств обсудили изменения, произошедшие в российско-узбекских отношениях с начала 2009 года, рассмотрели будущие совместные проекты в экономической сфере, а также ситуацию, сложившуюся после революции в Киргизии. Вопрос о погашении долга Ташкента перед Москвой, достигшего 700 млн долларов, на переговорах не поднимался [20].

По итогам двухдневных консультаций Д.А. Медведев и И.А. Каримов приняли Совместное заявление, содержащее обновленную программу развития российско-узбекских отношений на период до 2012 года. Стороны подтвердили высокий уровень своего диалога, основанного на принципах равноправия, взаимоуважения и учета интересов друг друга. Они выразили намерение продолжить углубление связей с целью проведения модернизации своих экономик и повышения уровня жизни граждан, основываясь на положениях Договоров о стратегическом партнерстве 2004 года и союзнических отношениях 2005 года. Соответственно в основании российско-узбекских отношений по-прежнему должны были лежать принципы стратегического партнерства и союзничества.

В принятом документе Д.А. Медведев назвал Узбекистан одним из ключевых партнеров России в центральноазиатском регионе. Это означало, что российское руководство вернулось к докризисному восприятию простран-

тва Центральной Азии как единого целого, не противопоставляя Казахстан республикам Средней Азии и не ставя важность своих отношений с ним принципиально выше значимости партнерства с Узбекистаном. Стороны выразили обоюдное стремление к дальнейшему наращиванию контактов на высшем и высоком уровнях, к углублению сотрудничества в торгово-экономической, военно-технической, научной, гуманитарной областях. Особое внимание они уделили вопросам диверсификации инвестиционного и кооперационного взаимодействия, выразив заинтересованность в реализации новых совместных проектов в отраслях машино- и авиастроения, исследований космоса, развития транспортной инфраструктуры, перерабатывающей, химической промышленности и фармацевтики.

В гуманитарной сфере президенты подчеркнули поступательный характер развития связей между народами двух стран и подтвердили заинтересованность в дальнейшей активизации контактов в области науки, образования, культуры, искусства, туризма и спорта. Они осудили любые проявления национализма и ксенофобии на территории России и Узбекистана и сделали акцент на необходимости наращивания координации между своими миграционными структурами.

В области внешней политики Москва и Ташкент отметили обоюдное стремление к развитию сотрудничества в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС, подчеркнув наличие для этого существенного потенциала. Данное положение продемонстрировало, что в ближайшее время Узбекистан не собирается покидать структуры ОДКБ или ограничивать свое участие в работе Содружества. По основным вопросам мировой политики, а также ситуации в Центральной Азии стороны подтвердили близость или полное совпадение мнений [24]. Все вышесказанное существенно отличалось от тезисов, озвученных Д.А. Медведевым и И.А. Каримовым годом ранее, в ходе государственного визита президента России в Узбекистан.

Переговоры лидеров двух стран продемонстрировали, что между ними впервые за время президентства Д.А. Медведева начало устанавливаться определенное взаимопонимание. Данный вывод был озвучен на итоговой пресс-конференции И.А. Каримовым, заявившим,

что «установление... доверительных отношений между президентами является... прекрасным фундаментом для того, чтобы... отношения между двумя странами приобрели устойчивый характер» [7].

Весной 2010 года Д.А. Медведев и И.А. Каримов вернулись к практике регулярных консультаций по текущим вопросам двустороннего взаимодействия. Как правило, подобные консультации проводились ими в форме телефонных разговоров. В июне новым послом Узбекистана в России был назначен З.С. Пулатходжаев. На церемонии вручения верительных грамот Д.А. Медведев отметил, что «принципы стратегического партнерства, союзнические принципы были и остаются прочным фундаментом наших исторических, близких отношений с Узбекистаном» [10]. Вскоре президент России посетил Ташкент в рамках проведения в столице Узбекистана саммита ШОС. Помимо участия в многосторонних консультациях, Д.А. Медведев и И.А. Каримов провели двусторонние переговоры, отметив, что многие вопросы в российско-узбекских отношениях еще предстоит решить, но соответствующая работа ведется в плановом порядке и в конструктивной, деловой обстановке [2].

В ноябре 2010 года в Узбекистане активизировались реформы в политической и экономической сферах. Президент республики предложил существенно расширить функции парламента за счет сокращения своих собственных полномочий. Государством были приняты меры по укреплению доверия населения и иностранных инвесторов к его банковской системе. На этом фоне Москва и Ташкент отметили 5-ю годовщину подписания Договора о союзнических отношениях. Д.А. Медведев направил И.А. Каримову поздравительное послание, в котором отметил особое значение данного документа «для дальнейшего динамичного развития многоплановых российско-узбекских связей» и выразил уверенность, что «курс на строительство союзнических отношений отвечает коренным интересам граждан России и Узбекистана» [12].

В начале 2011 года внимание узбекского руководства оказалось приковано к революционным событиям на Ближнем Востоке, вошедшим в историю как «Арабская весна». В республике были усилены меры безопасности,

снизился темп политических преобразований. Служба национальной безопасности провела изъятия из торговых сетей Ташкента литературы «сомнительного содержания», закрыв около 20 книжных магазинов. В апреле Д.А. Медведев и И.А. Каримов провели очередной телефонный разговор, в ходе которого обсудили ситуацию в Северной Африке и зоне Персидского залива и ее влияние на положение дел в Центральной Азии. Президенты договорились еще более усилить взаимодействие своих государств на двусторонней основе и в рамках ОДКБ [26].

Одновременно руководство Узбекистана заметно активизировало восточный и южный векторы своей дипломатии.

В апреле 2011 года И.А. Каримов совершил государственный визит в Китай, по итогам которого стороны подписали более 20 соглашений. Пекин выразил готовность проинвестировать 5 млрд долларов в энергетический, банковский и инфраструктурный секторы узбекской экономики, а Ташкент – в скорейшем порядке завершить строительство своей ветки газопровода Туркменистан – Китай.

Министры иностранных дел Узбекистана, Туркмении, Ирана, Катар и Омана подписали соглашение о создании нового международного транспортного коридора, призванного соединить страны Центральной Азии с портами Персидского залива. Инициатором данного проекта выступил И.А. Каримов, стремившийся вывести глубоко континентальный Узбекистан к морям Индийского океана и увеличить товарооборот своей республики со странами Аравийского полуострова и Ираном. Это способствовало дальнейшему усилению позиций Ташкента в Центральной Азии и свидетельствовало о его твердом намерении взять курс на повышение своего статуса в общеазиатских делах.

В мае 2011 года И.А. Каримов отправился в Индию, где обсудил с руководством этой страны перспективы расширения сотрудничества в энергетической сфере, в отраслях легкой промышленности, здравоохранения, туризма, в области высоких технологий. Таким образом, Ташкент предпринял попытку выйти на еще один обширный азиатский рынок, сулящий ему значительный приток средств от экспорта углеводородов.

Активные действия Узбекистана на восточном и южном направлениях были с тревогой

восприняты Вашингтоном, справедливо усмотревшим в них возможность дальнейшего ослабления своего влияния на Ташкент. В результате США перенесли продовольственную базу своих войск, дислоцированных в Афганистане, из Объединенных Арабских Эмиратов в Узбекистан, выразив готовность закупать овощи и фрукты у местных фермеров. Это вызвало у Ташкента удовлетворение, еще раз подтвердив тезис о правильности проводимого им внешнеполитического курса.

Вскоре, по инициативе узбекской стороны, Д.А. Медведев и И.А. Каримов провели очередные телефонные переговоры. Президент Узбекистана проинформировал коллегу о договоренностях, достигнутых им в последние месяцы с альтернативными Москве партнерами [27]. Тем самым он продемонстрировал, что его страна по-прежнему сохраняет приверженность принципам союзнического взаимодействия с Россией, при которых любые изменения во внешней политике двух государств в обязательном порядке согласуются их руководителями.

В июне 2011 года Д.А. Медведев посетил Ташкент с кратким рабочим визитом. Главы двух государств сосредоточили свое внимание на обсуждении нескольких групп вопросов: влияние «Арабской весны» на ситуацию в Центральной Азии; текущие проблемы российско-узбекского сотрудничества в политической, экономической областях и сфере безопасности; пути дальнейшей активизации двусторонних отношений. Лидеры двух стран констатировали, что между ними сложились «доверительные и очень тесные контакты», при этом Д.А. Медведев охарактеризовал Узбекистан как стратегического партнера России и «близкое нам государство». Примечательно, что переговоры президентов прошли в достаточно теплой, но деловой атмосфере, их выступления были лишены какой-либо эмоциональности. Тем не менее обе стороны отметили, что блиц-визит Д.А. Медведева оказался чрезвычайно продуктивным, и выступили за дальнейшее использование подобной формы обмена мнениями по вопросам, представляющим обоюдный интерес [1].

В июле в Ферганской области Узбекистана произошло землетрясение, во время которого погибло 13 человек и было ранено более 80 человек. Д.А. Медведев направил И.А. Каримову телеграмму, в которой выразил соболезнова-

ние, что было с пониманием воспринято Ташкентом, впрочем, не обратившимся к Москве за какой-либо помощью.

В августе узбекский национальный провайдер «Узбек-телеком» заблокировал интернет-доступ к большинству популярных в стране информационных ресурсов, в том числе к сайтам российских телеканалов «НТВ», «Первый», «Россия», радиостанций «Маяк», «Эхо Москвы», изданий «Известия», «Коммерсантъ», «Независимая газета». Российская сторона предпочла не реагировать на данный шаг, представив его как внутреннее дело Узбекистана.

1 сентября 2011 года Узбекистан отметил 20-ю годовщину независимости. Д.А. Медведев направил И.А. Каримову поздравительную телеграмму, в которой высоко оценил успехи, достигнутые республикой в самых разных областях, и высказался за дальнейшее углубление дружественных отношений между двумя странами [11].

В октябре В.В. Путин опубликовал статью «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». Данная работа была оценена экспертами как главное программное заявление Путина в области внешней политики, подлежащее воплощению в жизнь в случае его избрания на предстоящих выборах на пост президента России. В статье давался анализ интеграционных процессов на постсоветском пространстве и выдвигалась инициатива постепенного перерастания Таможенного союза и Единого экономического пространства ЕврАзЭС в Евразийский союз [22]. Инициатива В.В. Путина вызвала у Узбекистана неожиданно нервную реакцию. Уже в октябре в Ташкенте прошли переговоры с госсекретарем США Х. Клинтон, в ходе которых стороны обсудили ситуацию в Афганистане и Центральной Азии, а также перспективы расширения своего сотрудничества в инвестиционной, торгово-экономической и гуманитарной областях. В то же время МИД республики заявил, что его диалог с Вашингтоном развивается не в ущерб отношениям с Москвой, неизменно сохраняющим союзнический характер [18]. В декабре И.А. Каримов подверг сомнению возможность вхождения своего государства в Евразийский союз; он отметил: «К сожалению, кое-где на пространстве бывшего Союза есть определенные силы, которые вынашивают мысли о воз-

рождении в новой форме империи, носившей название СССР» [19]. Таким образом, президент Узбекистана впервые за многие годы позволил себе завуалированную критику В.В. Путина, что не могло вызвать симпатий у Москвы.

Зимой 2011–2012 годов интенсивность российско-узбекского диалога несколько снизилась. Главы государств и правительств двух стран заметно сократили частоту своих консультаций, в российских СМИ наметилось уменьшение интереса к Узбекистану. В то же время возникшее затишье в отношениях между нашими государствами можно было объяснить начавшимися переменами в политическом руководстве России, поскольку Москва оказалась в большей степени поглощена своими внутренними делами, а Ташкент ожидал завершения избирательного цикла в России.

Итоги президентских выборов, состоявшихся в России 4 марта 2012 года, были восприняты Узбекистаном с воодушевлением. Уже 5 марта И.А. Каримов направил В.В. Путину поздравительное послание, в котором тепло поздравил коллегу с победой и выразил надежду, что «исторически сложившиеся традиционно дружественные отношения и тесное многоплановое сотрудничество между нашими странами и народами будут и впредь последовательно развиваться на основе принципов взаимного уважения и доверия, в духе стратегического партнерства и союзничества» [8]. Это означало, что с возвращением В.В. Путина на пост президента Ташкент был намерен сохранить прежний характер своих отношений с Москвой, которые, благодаря традиционному взаимопониманию между главами двух государств, должны были получить новый мощный импульс к всестороннему развитию.

Подводя итоги, отметим, что 2008–2012 годы стали непростым этапом в современной истории российско-узбекских отношений. В это время на их развитие перестал оказывать благотворное воздействие субъективный фактор, ранее проявлявшийся в особых симпатиях между лидерами России и Узбекистана. И.А. Каримов крайне негативно отреагировал на избрание президентом совершенно чуждого ему по взглядам Д.А. Медведева и немедленно приступил к сокращению взаимодействия с Москвой по всем направлениям. С марта по июнь 2008 года в диалоге Москвы и Ташкента

повисла пауза, что объективно поставило вопрос о готовности сторон сохранить в своих отношениях дух союзничества и стратегического партнерства.

Вместе с тем и Россия, и Узбекистан четко осознавали, что полная ревизия принципов их сотрудничества не соответствует долгосрочным интересам двух стран. Поэтому Москва постаралась как можно сдержаннее реагировать на демарши узбекского руководства, а оно, в свою очередь, достаточно быстро овладело собой и уже в июне 2008 года официально заявило о намерении продолжить контакты с Россией.

В 2009 – начале 2010 года нормальному развитию российско-узбекских отношений мешал мировой экономический кризис, под влиянием которого стороны заметно сократили масштабы своего взаимодействия в энергетической, торговой и инвестиционной областях, что грозило разрушить экономический фундамент их стратегического партнерства. Тем не менее наилучшего варианта развития событий сторонам удалось избежать, и по мере выхода из рецессии диалог между ними был восстановлен в полном объеме.

С середины 2010 года и вплоть до отставки Д.А. Медведева с поста президента российско-узбекские отношения демонстрировали постепенный рост – правда, теперь уже на иных принципах, чем в годы руководства В.В. Путина. Из

них окончательно исчезли прежняя теплота, нацеленность на совместное достижение общих целей, в них чаще стали возникать противоречия, в том числе политического и идеологического характера. Узбекистан усилил диверсификацию своей внешней политики, окончательно лишив Россию привилегированного положения на своем внутреннем рынке. Тем не менее стороны сохранили высокую частоту контактов на высоком и высшем уровнях, преимущественно экономическую основу взаимодействия, стремление углублять и диверсифицировать сложившиеся между ними связи, действуя на долгосрочной планируемой основе. Пусть и в весьма специфической форме, но неизменным остался союзнический характер российско-узбекского партнерства, при котором Москва и Ташкент в обязательном порядке согласовывали друг с другом все основные решения в области как внутренней, так и внешней политики.

Таким образом, в годы президентства Д.А. Медведева России и Узбекистану удалось сохранить, но не приумножить большинство своих прежних достижений в политической, экономической и гуманитарной сферах. При этом главным принципом узбекской дипломатии оставалась многовекторность, и любые попытки Москвы начать более активное сближение с Ташкентом неизменно встречали сопротивление с его стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Визит** в Узбекистан [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. 2011. 14 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/11558> (дата обращения: 25.01.2013).

2. **Встреча** с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым // Там же. 2010. 10 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/8010> (дата обращения: 25.01.2013).

3. **Гриб, Н.** «Газпром» тянет трубы к Узбекистану [Текст] / Н. Гриб, Д. Смирнов // Коммерсантъ-Daily. – 2009. – 26 января.

4. **Дмитрий** Медведев встретился с недавно назначенным послом России в Узбекистане Владимиром Тюрденевым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. 2009. 11 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/6312> (дата обращения: 25.01.2013).

5. **Дмитрий** Медведев направил поздравительное послание Президенту Узбекистана Исламу Каримову по случаю Дня независимости республики [Элек-

тронный ресурс] // Там же. 2009. 1 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5340> (дата обращения: 25.01.2013).

6. **Заявления** для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Там же. 2008. 6 февраля. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159344.shtml> (дата обращения: 25.01.2013).

7. **Заявления** для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Там же. 2010. 20 апреля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7509> (дата обращения: 25.01.2013).

8. **Каримов, И.А.** Его Превосходительству господину Владимиру Путину, избранному Президенту Российской Федерации [Электронный ресурс] / И.А. Каримов // Портал Узбекистана OLAM.uz. 2012. 5 марта. – Режим доступа: <http://news.olam.uz/politics/8019.html> (дата обращения: 25.01.2013).

9. **Медведев, Д.А.** Выступление на российско-узбекских переговорах в расширенном составе [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Президент России. Официальный сайт. 2009. 23 января. – Режим доступа: <http://archi-ve.kremlin.ru/text/appears/2009/01/211997.shtml> (дата обращения: 25.01.2013).

10. **Он же.** Выступление на церемонии вручения верительных грамот послами иностранных государств [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. 2010. 3 июня. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7958> (дата обращения: 25.01.2013).

11. **Он же.** Поздравительное послание Президенту Республики Узбекистан Исламу Каримову [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. 2011. 1 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/12519> (дата обращения: 25.01.2013).

12. **Он же.** Поздравительное послание Президенту Узбекистана [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Там же. 2010. 14 ноября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/9501> (дата обращения: 25.01.2013).

13. **Мещеряков, К.Е.** Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России [Текст] / К.Е. Мещеряков. – СПб., 2012. – 238 с.

14. **Он же.** Политика России в Центральной Азии: тенденции и проблемы развития, пути модернизации с целью повышения эффективности [Текст] / К.Е. Мещеряков. – СПб., 2012. – 372 с.

15. **Наумов, И.** Абсолютный нейтрал Каримов [Текст] / И. Наумов // Независимая газета. – 2008. – 3 сентября.

16. **Начало** встречи с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. 2008. 6 июня. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/06/202193.shtml> (дата обращения: 25.01.2013).

17. **Начало** встречи с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Там же. 2009. 23 января. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2009/01/211993.shtml> (дата обращения: 25.01.2013).

18. **Панфилова, В.** В Ташкенте ждут Хиллари Клинтон [Текст] / В. Панфилова // Независимая газета. – 2011. – 18 октября.

19. **Она же.** Отложенная партия Ислама Каримова [Текст] / В. Панфилова // Там же. – 2011. – 7 декабря.

20. **Она же.** Ташкент забыл о долге, а Москва не напомнила [Текст] / В. Панфилова // Там же. – 2010. – 22 апреля.

21. **Президент** Узбекистана вчера в Ташкенте принял российскую делегацию [Текст] // Там же. – 19 января.

22. **Путин, В.В.** Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [Текст] / В.В. Путин // Известия. – 2011. – 3 октября.

23. **Совместная** пресс-конференция по итогам российско-узбекских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. 2009. 23 января. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2009/01/211999.shtml> (дата обращения: 25.01.2013).

24. **Совместное** заявление по итогам официального визита Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] // Там же. 2010. 20 апреля. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ref_notes/526 (дата обращения: 25.01.2013).

25. **Совместное** коммюнике об итогах государственного визита в Республику Узбекистан Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 23 января 2009 года [Электронный ресурс] // Там же. 2009. 23 января. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/212002.shtml> (дата обращения: 25.01.2013).

26. **Телефонный** разговор с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Там же. 2011. 12 апреля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/10917> (дата обращения: 25.01.2013).

27. **Телефонный** разговор с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [Электронный ресурс] // Там же. 2011. 23 мая. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/11314> (дата обращения: 25.01.2013).

Философские и культурологические исследования

УДК 211.2

В.А. Гура

ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОГО НИГИЛИЗМА

Тема нигилизма нечасто обсуждается в отечественной философской литературе. После выхода монографий А.И. Новикова и Ю.Н. Давыдова, посвященных исследованию этого явления, прошло несколько десятилетий. Традиция молчания была нарушена изданием книги П.А. Сапронова «Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма» [8], примечательной стороной которой является попытка найти истоки нигилизма в литературных памятниках Древнего Востока, а также детальный анализ различных форм и проявлений нигилизма в русской мысли XIX века.

Задача настоящей статьи — анализ логики и форм европейского нигилизма, его связи с эволюцией европейской культуры. Именно так ставил вопрос о нигилизме М. Хайдеггер в своей обширной публикации «Европейский нигилизм», вошедшей в изданный на русском языке сборник его работ «Время и бытие» [9]. В отечественной философской литературе в таком ключе проблема нигилизма практически не обсуждалась.

Термин «нигилизм» сравнительно позднего происхождения. Впервые он появился в немецкой литературе в период Великой французской революции. Однако латинский корень *nihil*-данного термина указывает на его более раннюю предысторию. Действительно, как отмечает В. Краус, еще Августин «...называл людей, не верящих „ни во что“, нигилистами (*nihilisti*); позже словом „*nihilianista*” обозначали еретиков, людей, не верующих „ни во что” или верующих ложно» [4, с. 20]. В Средние века существовало еретическое учение нигилистов, преданное анафеме папой Александром III в 1179 году.

Таким образом, термин «нигилизм» и его различные варианты изначально, еще задолго

до обретения современного содержания, связывался с неверием и свободомыслием. После выхода в свет в 1862 году романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» данный термин получает значительно большее распространение и в него вкладывается более широкий смысл. В современной гуманитарной культуре под нигилизмом понимается отрицание общепринятых ценностей, обычаев, традиций. В силу своей антирелигиозной направленности нигилизм постоянно находится в центре внимания христианских авторов. Для нашего исследования наибольший интерес представляют труды тех авторов, которые рассматривают нигилизм как специфическое явление европейской культуры, явление, раскрывающее ее сущностные черты. Это прежде всего работы Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю.

Действительно, нигилизм — специфически европейское явление. Как отрицание всего общепринятого, традиционного он связан с историческим процессом формирования личности и выделением ее из социума. Несмотря на то что пренебрежение к вековым традициям и святыням имело место в самые древние времена, преобладающим все же было практически безусловное принятие индивидом социальных и этических норм, религиозных предписаний. Ситуация начинает кардинально меняться лишь тогда, когда сами эти нормы и предписания становятся предметом теоретической рефлексии, которая вскрывает их ограниченность и относительность.

В европейской истории обнаружение такого релятивизма связано с деятельностью софистов. Именно на этот период, последовавший за натурфилософским этапом в развитии древнегреческой философской мысли, обращали

свои взоры в поисках истоков европейского нигилизма Ницше, Шпенглер, Хайдеггер.

Сократ, не примыкая к софистам, тем не менее подобно им ставил под сомнение традиционные нормы, обычаи, религию. Случай Сократа чрезвычайно характерен. Он демонстрирует нам ту непреложную закономерность, что энергия человеческой мысли независимо от исходных вполне благожелательных установок по отношению к существующим социальным, религиозным и нравственным структурам своим теоретическим анализом, поиском сущностей и оснований способствует росту сомнений в непреложности этих структур и тем самым ведет к разрушению существующих ценностей и идеалов. Видимо, все же не случайно афинский суд обвинил Сократа в неуважении к богам. Спустя два тысячелетия О. Шпенглер заявит, что «Сократ был нигилистом» [11, с. 538].

Перечисленные немецкие мыслители правы в том, что нигилизм, «этот самый жуткий из гостей» [5, с. 25], в своем зародышевом виде появляется одновременно с попытками человека определить свои взаимоотношения с обществом, критически осмыслить истинность и справедливость его норм и требований. В целом по мере нарастания мощи человеческого разума и претензий личности на самостоятельность, независимость от религиозных и государственных институтов нарастают и нигилистические настроения, происходит, по выражению Ницше, «восхождение нигилизма».

Вплоть до эпохи Нового времени нигилистические мотивы в европейской культуре, в философской и этической мысли сдерживались и уравнивались достаточно сильными религиозными чувствами и потребностями. Религия — как интегративная мировоззренческая система, вырабатывающая смыслы и ценности и стоящая на страже их, — не давала простора нигилистическим настроениям. Положение меняется по мере ослабления социальных, культурных и мировоззренческих функций религии, по мере секуляризации общества.

Поэтому историю европейского нигилизма, на наш взгляд, следует вести с конца XVIII века, когда просветительская критика религии подорвала ее мировоззренческую функцию, а борьба светской власти с церковью значительно сузила ее политические и экономические возможности.

Мотив отрицания в философии Просвещения был очень сильным. Суровой критике подвергались феодальные нравы, абсолютистская форма правления, структуры, практика и идейные основы католической церкви. Однако это отрицание уравнивалось выдвижением положительных идеалов: разумности, естественности, свободы. Поэтому данная эпоха и вошла в историю не как век Отрицания, а как век Разума.

Однако в аристократических салонах Франции того времени высказывались и более радикальные взгляды. Рассудок, который возмнил себя верховным судьей в решении всех кардинальных вопросов бытия, трудно остановить. Как известно, идея, доведенная до предела, становится абсурдной. История показывает, что, как правило, такое последовательное проведение того или иного принципа, доходящее до абсурда, осуществляет некая маргинальная личность, чье пребывание на обочине культуры позволяет ей чрезвычайно вольно обращаться с традициями и императивами этой культуры. Это — личность либо с особой судьбой, либо страдающая некоторыми психическими отклонениями.

Именно такой личностью и был французский писатель маркиз де Сад (1740–1814). Он выступает своеобразным наследником антиклерикальных и атеистических идей французских мыслителей от Мелье до Вольтера. Их аргументы этот писатель направил против всех человеческих норм и ценностей. Де Сад требует абсолютной свободы, включая свободу насилия, преступления, убийства. Те социальные институты, которые, по его мнению, стоят на пути этой свободы, он с яростью отрицает. Это прежде всего христианская религия с ее проповедью жесткого нравственного кодекса, сам Бог как воплощение добра, наконец, государство, также предписывающее определенную линию поведения индивиду и карающее за отход от нее.

А. Камю называет позицию де Сада абсолютным бунтом, тем самым делая писателя ярким представителем «бунтующего человека». Можно также назвать де Сада богоборцем, имея в виду его яростные нападки на христианского Бога. С нашей же точки зрения, он является первым последовательным нигилистом, поскольку нет таких положительных ценно-

стей, которые бы де Сад прямо или косвенно не отрицал. Его культ свободы оборачивается насилием одних людей над другими, т. е. отрицанием их свободы.

Маркизе Сад – писатель, поэтому его бунт, его нигилизм и богоборчество носят эстетический характер. Именно область художественной литературы, видимо, больше, чем любая другая сфера духовной деятельности, позволяет воплотить идею «свободы без берегов», установку на бесконечное самоутверждение и тотальное отрицание. Мир художественного творчества аккумулирует творческую энергию, которую ранее отчасти воспринимала, отчасти ограничивала религия.

Личность, бросающая вызов общественной морали, традициям, правовым нормам, становится героем многочисленных поэм и прозаических произведений. Эта тема является одной из центральных у романтиков и так называемых «проклятых поэтов». У истоков этой литературной традиции находится поэма Д. Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай», в которой Сатана (Люцифер) изображен как борец за справедливость.

Люциферианская, богоборческая направленность чрезвычайно характерна для творчества Г. Байрона (поэмы «Манфред» и, особенно, «Каин»), П. Шекли, Ж. Ласайи, П. Бореля, М.Ю. Лермонтова.

Не вдаваясь в подробную характеристику этого широкого литературного направления, мы отметим, что оно явилось закономерным результатом единого процесса ослабления религии и возвышения личности. Абсолютная свобода индивида, как это уже четко выразил де Сад, не совместима с идеей добра и его главного гаранта – Бога. Отсюда – богоборчество, обращение к мифологическим персонажам – врагам христианского Бога, которые в литературе выступают под именами Сатаны, Люцифера, Каина, Мефистофеля.

Характерно, что у Мильтона, Байрона, Шелли еще нет откровенной апологии зла. Эти авторы лишь пытаются выявить иные лики добра, справедливости – лики, не освященные божественной санкцией. Иначе говоря, отрицательные персонажи христианской мифологии – Люцифер, Каин, Демон – изображаются носителями положительных идеалов: добра, справедливости, достоинства.

Однако грань между этой позицией и прославлением зла очень зыбкая и условная. Уже у В. Блейка, современника де Сада, четко выражена мысль о предпочтительности Зла Добру. Необычное поведение Блейка, защищавшего свободную любовь, причудливая мифология его поэзии, парадоксальные рисунки к «Потерянному раю» Мильтона, симпатия к якобинцам шокировали чопорных англичан. Был даже распространен слух о сумасшествии поэта. Однако речь должна идти о расширении диапазона творчества.

В апологии зла, четко выраженной де Садом и получившей дальнейшее развитие в творчестве «проклятых поэтов» середины XIX века, на наш взгляд, следует выделить два существенных момента. Во-первых, она демонстрирует дальнейший распад традиционного христианского миропонимания, отчетливо проявившийся уже на этапе наделения отрицательных персонажей христианской мифологии положительными качествами. Но теперь происходит полный отказ от идеи приоритета добра, что свидетельствует уже о кризисе гуманистической тенденции в истории европейской культуры, тесно связанной с христианской религией.

Во-вторых, осуществляется своеобразное углубление в духовный мир человека, раскрываются ранее не фиксируемые душевные мотивы и стремления человека. Зло понимается как один из важных аспектов реальности, который невозможно игнорировать. Распад христианской концепции морали показал относительность критериев добра и зла. Само зло, как, впрочем, и добро, теряет свою абсолютность, укорененность в трансцендентной сфере и теперь отождествляется с нарушением традиций, обычаев, законов, имеющих условное значение. Динамика европейского мышления, его явная антитрадиционность четко выражаются в стремлении личности разорвать эти условности, препятствия на пути реализации тех или иных целей.

В такой интерпретации носитель зла, преступник – это всего лишь человек, переступивший некие условные границы. Его поведение трактуется как мужественное и по-своему привлекательное. «Нарушение запретов, – пишет современный исследователь „литературы зла“ Ж. Батай, – не означает их незнание и требует мужества и решительности. Если у челове-

ка есть мужество, необходимое для нарушения границ, — можно считать, что он состоялся. В частности, через это и состоялась литература, отдавшая предпочтение вызову как порыву... Писатель знает, что он виновен» [1, с. 12].

Это направление европейской культуры по своему решает традиционную проблему теодицеи. Она фактически отбрасывается, поскольку теперь нет необходимости оправдывать Бога за наличие зла в мире. Зло необходимо. Вызов, бунт, преступление — более важные человеческие деяния, чем благородные и альтруистические поступки. От такой теоретической послышки до эстетизации убийств в поэзии Ш. Бодлера всего один шаг.

Негативистское отношение к традиционным ценностям и выдвигание на первый план личностного произвола, отмеченное нами в художественной литературе Нового времени, получили наиболее четкое выражение и обоснование в философии. Мы имеем в виду прежде всего философские концепции М. Штирнера и Ф. Ницше.

Позиция Штирнера отличается несомненной новизной во всей философской мысли Нового времени. Практически все мыслители до него, а также современники Штирнера стремились выразить те или иные общезначимые истины, относящиеся к миру, обществу или познанию. Даже скептицизм в лице Д. Юма, отрицая возможность безусловного познания мира, тем не менее, признает необходимость в практической жизни полагаться на общепризнанные мнения. Парадоксальное мышление Дж. Беркли, ведущее к гносеологическому солипсизму, вдохновляется безусловностью христианской веры и уже через нее оправдывает и признает существующий мир.

Признание и обоснование определенных «универсалий культуры» характерны не только для великих представителей немецкой идеалистической философии — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, — но и для материалиста Фейербаха с его культом любви человека к человеку. И только М. Штирнер впервые ставит в центр своей философской системы личность, отрицающую всякую ценность абсолютов, выработанных прошлой культурной традицией: истины, добра, Бога, государства.

Штирнеровский Единственный стремится установить свою полную самостоятельность и

самоценность, в максимальной мере реализовать свою свободу. Позиция Штирнера по своему последовательна. Он не довольствуется традиционной концепцией либерализма, предполагающего определенный перечень прав и свобод, сопряженных с идеей долга и необходимости.

Единственный Штирнера воспринимает как угрозу своей свободе господство этих общественных идей, распространенность и общепризнанность которых придает им характер святости. Поэтому Штирнер и рекомендует сделать последний решительный шаг: «отважись на прыжок — и бросайся через ворота в самое святилище. *Поправ святое*, ты сделаешь его своим *собственным!* Перевари Святые Дары — и ты будешь избавлен от них» [12, с. 91].

Позиция Штирнера — это позиция последовательного нигилиста. Его нигилизм настолько последователен, что при разборе данной концепции возникает впечатление искусственности, своеобразной игры в тотальное отрицание.

Однако вопрос о том, были ли воззрения, изложенные в «Единственном», действительными убеждениями автора, не принципиален. Главное состоит в том, что концепция Штирнера явилась закономерным результатом всей логики духовного и социального развития западноевропейской истории с ее акцентом на деятельном и автономном Я. Самодовольный и циничный Единственный, может быть, и «непутевый», но все же законный наследник многовековой традиции Запада.

В дальнейшем проблема независимости Я от религиозных, идеологических и социальных уз будет постоянно находиться в центре духовных поисков европейских интеллектуалов. Обретение ограниченных, но все же реальных политических и экономических свобод значительно изменит акценты провозглашаемых концепций. Дух отрицания, однажды поселившись в европейском мировосприятии, никуда не исчезает, но само отрицание общечеловеческих идеалов осуществляется под знаком «тревоги», «заботы», сопровождается ощущением каких-то невосполнимых утрат.

Впервые эти мотивы в достаточно определенной форме мы обнаруживаем у виднейшего представителя немецкой философии второй половины XIX века Ф. Ницше. Благодаря творчеству Ницше тема нигилизма обретает граж-

данство, а дух отрицания — свое подлинное имя. Если М. Штирнер, воззрения которого мы назвали последовательным нигилизмом, вовсе не употреблял этот термин, то в сочинениях Ницше он встречается повсеместно.

Причудливая, парадоксальная, несистемная философия Ницше вместе с тем представляет определенную целостность. Не претендуя на детальную и полную характеристику, мы выделим те черты взглядов Ницше, которые позволяют судить о них как о важном этапе в эволюции европейской мысли. Прежде всего, это стремление философа к размежеванию с традиционными взглядами, стремление к новизне и самовыражению, к разоблачению устоявшихся мнений и оценок. Такая установка отчетливо видна уже в первом большом труде Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Философ опрокидывает традиционное представление о греческой античности и разоблачает одного из главных ее героев — Сократа.

Собственно, с Сократа и Платона, согласно Ницше, начинается история европейского нигилизма. Этот нигилизм заключается в пренебрежении реальной жизнью, в объявлении иного, «истинного» мира более реальным, чем обычный земной мир, мир становления, борьбы рождения и смерти.

Христианство продолжает далее тенденцию, идущую от Сократа и Платона. Христианские представления о потустороннем мире, загробной жизни, господстве Бога над земным миром Ницше считает ярким проявлением нигилизма. Отношение философа к христианству далеко не ограничивается обвинением в нигилизме. Оно чрезвычайно многогранно и не укладывается в какие-либо однозначные формулы.

В философской и богословской литературе огромный резонанс вызвало заявление Ницше о смерти Бога. Обращает на себя внимание тот эмоциональный накал, который присутствует в заявлении ницшевского безумца о смерти Бога. «Бог умер! — кричит безумец, — Бог не воскреснет! И мы его убили! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смочит с нас эту кровь?» [6, с. 593].

Многие протестантские богословы склонны интерпретировать данный отрывок из «Веселой науки» как свидетельство подспудных религиозных чувств немецкого философа,

скрытых под маской атеизма и богоборчества. Эта ситуация, на наш взгляд, демонстрирует не скрытую религиозность Ф. Ницше, а характерную черту христианской богословской мысли — стремление ассимилировать любое яркое явление духовной культуры, будь то оригинальная философская идея, эстетическая концепция или значимое научное открытие. Мы склонны рассматривать этот пассаж из «Веселой науки» в первую очередь как блестящий литературный прием. Кроме того, та страсть, с которой провозглашается «смерть Бога», объясняется глубокой укорененностью христианских понятий и ценностей в европейской культуре. Ницше, намеревающийся нанести «контрудар Европе», бросить вызов тысячелетним ценностям, понимает всю грандиозность задачи, и этим также объясняется его пафос и экзальтация. «Бог мертв, — пишет философ, — но такова природа людей, что еще тысячелетиями, возможно, будут существовать пещеры, в которых показывают его тень. И мы — мы должны победить еще и его тень» [Там же. С. 587].

Тем не менее не отрицание религии само по себе составляет, на наш взгляд, главный нерв мировоззрения Ницше. Этот немецкий философ, как и его предшественник М. Штирнер, ставит во главу угла абсолютную свободу отдельной личности, для которой не должно быть никаких границ морального или религиозного плана. Религия и мораль в этом смысле осуществляют единую функцию — функцию обуздания социального хаоса, ограничения индивидуального произвола. Поэтому ницшевская личность выступает против религии и морали. «Я, Заратустра, безбожник», — многократно повторяет герой главного ницшеанского произведения. «Я первый имморалист», — заявляет о себе сам автор. Мораль, по Ницше, сильна только в соединении с религией. Крушение авторитета последней, «смерть Бога», как образно выражает свою мысль философ, означает прежде всего освобождение от моральных норм. Когда уходит вера, «человек сознает, что в своем поведении может переступить человеческие традиции, человеческие предписания и порядки» [Там же. С. 314].

Философия Ницше антигуманна в том смысле, что его идеал находится за пределами обычного человеческого мира. Поэтому философ и становится на путь фактически тотального

отрицания, разрушения всех прежних ценностей. «О, братья мои, — призывает он, — разбейте, разбейте старые скрижали» [7, с. 146]. Нигилизм ли это? Мы уже отмечали, что само это понятие Ницше употребляет преимущественно в негативном смысле. Речь у него идет не о ликвидации всех ценностей, а о переоценке, т. е. о выдвигании новых ориентиров и идеалов.

Главным таким ориентиром и целью, к которой должна стремиться свободная личность, является сверхчеловек. Учение Ницше о сверхчеловеке, изложенное в «Заратустре», — яркое, поэтичное, однако в концептуальном плане весьма неясное и неопределенное. Можно лишь полагать, что речь идет о существе, полном жизненной силы, свободном от всяческих нравственных и религиозных уз. Идея сверхчеловека фактически призвана заменить идею Бога. Разумеется, полного тождества сверхчеловека и Бога нет. Не говоря уже об их различном онтологическом статусе, укажем лишь на то, что для Ницше сверхчеловек означает полноту земного бытия, тогда как христианский Бог своим превосходством над земным миром фактически отрицает его.

Идея сверхчеловека, воплощающего полноту жизненности и абсолютной свободы, полагает Ницше, позволяет преодолеть то нигилистическое пренебрежение к реальному миру, которое на протяжении тысячелетий проповедовали платонизм и христианство. Последнее философ часто рассматривает в качестве своеобразного наркотика, фактически солидаризируясь с известной формулой «религия — опиум народа». Философ пишет, что христианство распространяет свои «наркотики», которые он именуется «нигилином» и «моралином». Сверхчеловек, или человек будущего, полагает Ницше, «избавит нас как от прежнего идеала, так и от того, что должно было вырасти из него, от великого отвращения, от воли к Ничто, от нигилизма, этот бой полуденного часа и великого решения, наново освобождающий волю, возвращающий земле ее цель, а человеку его надежду, этот антихрист и антинигилист, этот победитель Бога и Ничто — *он-таки придет однажды...*» [Там же. С. 471].

Антинигилистический мотив, четко выраженный в «Заратустре» и в «Генеалогии морали», переживает примечательную метаморфозу в позднем незаконченном произведении «Воля

к власти». Нигилизм, «этот самый жуткий из гостей», на страницах данного труда демонстрирует свои позитивные качества.

Нигилизм, по Ницше, вначале принимает форму отрицания земного мира в пользу мира идеального, сверхъестественного. Однако затем оружие отрицания обращается и против мира сверхъестественных сущностей. Так нигилизм начинает выполнять позитивную функцию, расчищая пространство культуры от ложных взглядов. Философ утверждает: «Каждое плодотворное и могущественное движение человеческой мысли вызывало *одновременно* и нигилистическое движение. Появление *крайней* формы пессимизма, истинного *нигилизма* могло бы быть при известных обстоятельствах признаком решительного и коренного роста, перехода в новые условия жизни. *Это я понял*» [5, с. 101].

Творческое наследие Ницше демонстрирует нам всю гамму противоречивых чувств и устремлений европейского интеллектуала второй половины XIX века: предельный индивидуализм и желание поднять человечество на новый, более высокий уровень, нигилистическое отрицание всех человеческих и божественных ценностей и поиски новых святынь, безбрежная свобода и разнузданность, и суровое, аскетическое самоопределение на пути к идеалу сверхчеловека.

Философия Ф. Ницше завершает XIX век и вместе с тем открывает новый, XX век. Этот мыслитель осознавал себя сокрушителем вековых, даже тысячелетних ценностей, новатором, открывающим новые горизонты для человечества. Эта субъективная установка верна лишь отчасти. Главное же состоит в том, что Ницше, по нашему мнению, был как раз ярким представителем той тенденции, которая составляет наиболее характерную черту европейской культуры — нарастающее влияние личностного начала, возвышение индивида и одновременно с этим, если употреблять ницшевское выражение, «возвышение нигилизма».

Дух отрицания, постоянной переоценки ценностей обязателен в столь динамичном обществе, как европейское. Сакральное начало, сдерживающее этот напор отрицания, в конечном счете сдает свои позиции. Сначала формируется так называемый безрелигиозный гуманизм, затем ставятся под вопрос и сами гуманистические ценности.

XIX век не смог решить проблему как «профанного гуманизма», так и безбрежного нигилизма. Религиозная теоретическая мысль пыталась противостоять этому процессу десакрализации общества и культуры. Однако материалистические, позитивистские и нигилистические настроения росли вширь, получая выражение не только в философских трудах, но и в публицистике, в программных документах формирующихся политических партий, в художественной литературе.

Европейской мысли XX века нельзя отказать в честности и пронизательности. Она отчетливо видела опасности, порождаемые потерей ценностных ориентиров в условиях «обезбоженного», постхристианского мира. Нигилизм как предельное выражение этой духовной ситуации был в центре внимания многих выдающихся мыслителей, в частности Камю, Ясперса, Хайдеггера.

А. Камю в своих трактатах «Миф о Сизифе», «Бунтующий человек» показывает всю абсурдность современного мира, однако призывает человека не поддаваться нигилизму и чувству абсурда, а следовать своему долгу. В чем же состоит этот долг? «В бунте», — отвечает философ. Но это не эгоистический бунт в стиле маркиза де Сада и Штирнера. Бунт, который имеет в виду Камю, «не может обойтись без странной любви. Те, кто не находят покоя ни в Боге, ни в истории, обречены жить ради тех, кто, подобно им, не находит в себе сил для жизни, — ради обездоленных» [3, с. 354–355].

Позиция Ясперса в отношении нигилизма более традиционна. Немецкий философ, тесно увязывая распространение нигилизма с кризисом христианства, видит перспективу преодоления нигилизма на путях обновления веры. «Истинная коммуникация», по Ясперсу, позволит преодолеть отчуждение индивидов друг от друга, а «философская вера» придаст новую энергию историческому христианству.

М. Хайдеггер свои первые шаги в философии сделал как христианский мыслитель. Он получил теологическое образование в иезуитском лицее, затем изучал теологию в университете. Впоследствии, под влиянием философии Ницше, он отошел от христианского миропонимания.

Хайдеггера сближает с Ницше критическое отношение к европейской духовной тра-

диции, а также пристальное внимание к ее первоисточкам — философии досократиков. Однако метод мышления, терминология и конечные выводы этих мыслителей различны. Если базовым положительным понятием для Ницше было понятие «жизнь», то для Хайдеггера таковым являлось понятие «бытие». Впрочем, здесь можно усмотреть и сходство, заключающееся в апелляции обоих мыслителей к жизненной реальности и отрицании сверхъестественных (у Ницше) и метафизических (у Хайдеггера) измерений бытия. Сходно, но неодинаково и понимание истоков нигилизма: для Ницше он начинается с пренебрежения земным миром в пользу сверхъестественного, для Хайдеггера — с выдвигания на первый план мыслительных конструкций о сущем и забвения бытия.

«Но где же действует собственно нигилизм? — спрашивает Хайдеггер. — Там, где цепляются за привычное сущее и полагают при этом, что вполне достаточно понимать по-прежнему сущее как сущее, таковым, каково оно есть. Но вопрос о бытии тем самым отклоняют, а бытие тем самым рассматривают как ничто (nihil), каково оно в известной мере и „есть“, пока оно бытует. В забвении бытия заниматься только сущим — нигилизм» [10, с. 274].

М. Хайдеггер подобно Ницше склонен признавать определенную позитивную функцию нигилизма, заключающуюся в расчистке почвы для нового миропонимания, однако в целом все его работы явно или неявно пронизаны идеей преодоления нигилизма. Европейский нигилизм, полагает философ, «основное движение нашей истории» [9, с. 105], истории, приобретающей на наших глазах трагические очертания. Подмена бытия сущим, т. е. упрощенным, схематичным образом бытия, определила весь ход европейской цивилизации, с ее субъект-объектным мышлением, установкой на познание субъектом сущего и последующего его покорения. Человек в такой ситуации утрачивает связь с подлинным бытием и превращается в «работающего зверя». В этой метафоре явно имеется намек на «белокурого зверя» Ницше, сверхчеловека, последнюю иллюзию этого мыслителя. У Хайдеггера таких иллюзий нет. Образ «Великого полдня», времени торжества истины сверхчеловека Ницше, сменяется образом «Мировой ночи».

Человек, по Хайдеггеру, должен вернуться к подлинному бытию. Это путь преодоления метафизики, нигилизма и других пороков западной цивилизации. Необходимо принципиально иное отношение к миру, земля не должна быть объектом «нападения, атаки». Человек обязан научиться понимать бытие, вслушиваться в его зов. В определенной мере, полагает философ, это удается поэтам.

Однако путь к этому, по мысли Хайдеггера, весьма непростой, так же как непросто преодолеть тысячелетнюю европейскую мыслительную традицию. И здесь перед философом вновь встает, казалось бы, уже давно решенная проблема Бога. Как мы уже отмечали, Хайдеггер еще в молодости оставил христианство. Впоследствии он много писал об «обезбоженности» мира, секуляризации культуры, хотя формуле Ницше «Бог умер» предпочитал более мягкое гелдерлиновское суждение «боги удалились». Тем не менее Хайдеггер понимал всю мировоззренческую значимость идеи Бога, что позволило некоторым исследователям говорить о его стремлении к религии.

Интенсивная, живая религиозная вера, безусловно, побеждает нигилизм. Однако насколько возможна такая вера в «постхристианскую» эпоху? Мировоззренческие поиски Хайдеггера, по существу, свидетельствуют о важном сдвиге, происшедшем в высших этажах европейской культуры, которая от критики религии и атаки на нее переходит к признанию

ее ценности. Но это не означает возврата веры. Это лишь ностальгия по ней. Нигилистическое измерение культуры, самосознания европейского человека сохраняется, приобретая новые, причудливые формы, дающие некоторым авторам основание говорить о приходе эпохи постнигилизма. Но постнигилизм — это не преодоление нигилизма, а лишь свидетельство того, что сам нигилизм стал привычным, обыденным явлением и уже не вызывает столь яркой реакции, какой она была во времена Ницше, Камю, Хайдеггера.

Мотив отрицания пронизывает философские построения многих европейских мыслителей середины и второй половины XX века. Как правило, он получает понятийное и концептуальное выражение. В частности, это «негативная диалектика» Адорно, стратегия «Великого Отказа» Маркузе, деконструкция Дерида. Вышедшую на первый план в конце прошлого столетия философию постмодернизма отличают явные нигилистические черты. По мнению исследователя этого течения Д. Вейза, «постмодернисты превозносят терпимость, плюрализм, разнообразие культурных форм, однако в силу того, что они отрицают любые устои вообще, все разнообразие, в сущности, превращается в ничто, а терпимость к разным культурам становится больше похожей на фарс» [2, с. 87]. Таким образом, вопрос о возврате европейской культуры и философии к устойчивым идеалам и ценностям остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Багай, Ж.** Литература и Зло [Текст] / Ж. Багай. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 166 с.
2. **Вейз, Д.Э.** Времена постмодерна [Текст] / Д.Э. Вейз. — М.: Лютеранское наследие, 2002. — 240 с.
3. **Камю, А.** Бунтующий человек [Текст] / А. Камю. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
4. **Краус, В.** Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории [Текст] / В. Краус. — М.: Радуга, 1994. — 256 с.
5. **Ницше, Ф.** Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей [Текст] / Ф. Ницше. — СПб.: Азбука, 2011. — 448 с.
6. **Он же.** Сочинения [Текст]. В. 2 т. Т. 1 / Ф. Ницше. — М.: Мысль, 1990. — 832 с.
7. **Он же.** Сочинения [Текст]. В 2 т. Т. 2 / Ф. Ницше. — М.: Мысль, 1990. — 830 с.
8. **Сапронов, П.А.** Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма [Текст] / П.А. Сапронов. — СПб.: Гуманит. акад., 2010. — 399 с.
9. **Хайдеггер, М.** Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
10. **Он же.** Введение в метафизику [Текст] / М. Хайдеггер. — СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 1998. — 302 с.
11. **Шпенглер, О.** Закат Европы [Текст]. В 2 т. Т. 1 / О. Шпенглер. — М.: Мысль, 1993. — 668 с.
12. **Штирнер, М.** Единственный и его собственность [Текст] / М. Штирнер. — Харьков: Основа, 1994. — 560 с.

УДК 141

Е.Б. Тимерманис

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ КАРЛА РАНЕРА

Идеи влиятельного немецкого мыслителя Карла Ранера привлекают пристальное внимание как европейских, так и американских специалистов в области социальной антропологии. Мысли о целостности человека, восприятие его как «узловой точки» вхождения Творца в мирскую историю становятся все более актуальными в новом столетии, так как все большее значение придается вопросам подлинности существования, значимости человеческого бытия, сущности социальных ценностей.

Не вызывает сомнений влияние на формирование концепций современного Ватикана таких немецкоязычных мыслителей, как К. Ранер, Ф. Кениг и Й. Ратцингер, который в конце XX столетия являлся главным советником Иоанна Павла II по теологическим вопросам, а затем решением конклава был избран и стал под именем Бенедикта XVI Папой Римским. Весьма показателен тот факт, что последним из соотечественников Ратцингера, возведенных на папский престол, был Адриан VI, принявший сан в начале XVI века. Влияние немецкого епископата во второй половине прошлого и начале нынешнего века становится более значимым, однако следует учитывать различия в социальных, антропологических и теологических взглядах иерархов из Германии и Австрии. Обсуждая решения II Ватиканского собора, Ранер и Ратцингер совместно издали богословский труд [7]. Произведения Й. Ратцингера публикуются и активно обсуждаются сегодня, причем некоторые из трудов выходят под его светским именем, так как автор просит принимать их как результат личных раздумий, а не как официальный документ. И это следует рассматривать как ответ на вызов времени, когда «начиная с 1950-х годов... все больше стал ощущаться разрыв между историческим Иисусом и Иисусом веры — разрыв, который постепенно настолько углубился, что оба понятия оказались противоположными друг другу» [14, с. 5]. И идея важности личного жизненного опыта, необходимости собственных переживаний и их соответствия с официальными взглядами попу-

лярна в сегодняшней Европе, так как именно Ранер, «будучи профессором догматики в Инсбруке и Мюнстере и профессором философии религии в Мюнхене, не преподавал стерильное богословие. Он излагал свой собственный опыт веры, направленный на поиски непознаваемого Бога» [13].

Ранер парадоксально формулировал представление о присутствии трансцендентного начала в истории, а также о неразрывной связи и причастности человека к нему, независимо от того, осознает ли личность эту сопричастность. «Следует заниматься теологией, чтобы обратиться к антропологии, так как человек есть... отосланность к Творцу. Это его сущность, он определяется благодаря этому...» [9, с. 42]. Трансцендентное существует в окружающих человека предметах, оно сокрыто в людских деяниях, в истории общества. Поэтому и путь человека к истине идет не только через слово молитвы, но и через повседневный труд, через моральный выбор. Все, что человек делает искренно и с любовью, направляет его к совершеннейшей свободе, «скромная и честно принятая повседневность хранит вечное чудо... которое мы называем Богом и благодатью» [4, с. 42].

Как представитель Пуллахской школы, расположенной в небольшом католическом университете Пуллаха вблизи Мюнхена, К. Ранер вместе с такими известными немецкими мыслителями, как И.Б. Лотц, И. де Фриз, Э. Корет, Х. Огирманн и И.Б. Метц, оказал значительное влияние не только на католические круги Западной Европы и Латинской Америки (так называемые теологии родительного падежа — теологии политики, революции, освобождения, прогресса, исследующие социальные аспекты христианства, обосновывающие участие верующих в социальных преобразованиях и необходимость опоры на христианские ценности в деле реформирования социума), но и на протестантскую антропологию в германоязычных странах (теология надежды Ю. Мольтмана, крупнейшего немецкого философа и протестантского теолога).

С 1948 по 1964 год Ранер вел активную преподавательскую деятельность в Германии, Австрии, Франции и США. Он стоял у истоков многих авторитетных изданий: международного журнала «Консилиум», «Международного журнала диалога», «Журнала католической теологии». Весьма обширна библиография ранеровских работ – во втором издании сочинений названо 1500 публикаций [8]. К концу жизни количество книг и статей известного немецкоязычной аудитории автора превысило три тысячи, что не является редкостью в современной теологической науке. Так, К. Барт (известный мыслитель из Швейцарии, основатель диалектической теологии), характеризуя свой фундаментальный труд по церковной догматике, со свойственным ему юмором мягко заметил: «Если я приду на небо с телегой, полностью нагруженной церковной догматикой, то над мной посмеются Отцы Церкви: вот тот, кто нуждается в тринадцати томах для дела, которое мы изложили в единственной книге, и он все еще не справился с этим делом» [12, с. 208].

Карл Ранер, определяя историчность человека, его социально-политические реалии, объединял ценности земной жизни и трансцендентные ценности. «Поскольку человек, в силу единства духа и материи в нем... суть этого мира, то мир должен быть таким, чтобы человек смог стать тем, кем он является: существом с исторической временной свободой, существом, в итоге собственного выбора достигающим Творца» [11, с. 62]. Мыслитель подчеркивал, что свобода человека может пониматься только в связи с историческими формами бытия. Опираясь на традиционное для Ватикана толкование трансцендентного, Ранер рассматривал земное и потустороннее как аспекты единого бытия. Таким образом, он обосновывал важнейший для христианской антропологии вопрос: как возможно соединение темпорального с вечным?

Сформулировав проблему, Ранер выстраивал концепцию человека, раскрывая условия его земного существования. Для традиционалистов (А. Бруннер¹) содержанию целого безоговорочно приносятся в жертву интересы отдельной личности, следовательно, индивид, будучи частью социума, ему подчинен и обязан

выполнять его требования. Однако общественное бытие фрагментарно, несовершенно и незавершенно, поэтому подчинение отдельной личности обществу укрепляет в его сознании «временность» этого этапа.

Во взглядах модернистов, к которым принадлежит Ранер, отношение верующего к высшей силе опосредовано всей исторической реальностью, всеми артефактами, сама меняющаяся социальная реальность не переживается как препятствие, скорее становится необходимостью для спасения. «Человек осуществляет свое трансцендентное отношение к тотальности собственного существования, мира и будущего в категориальных понятиях, в конкретных делах, в общественном порядке» [Там же. С. 157]. Следовательно, именно социальная жизнь трактуется как необходимая и существенная предпосылка духовно-созерцательной деятельности.

Существенное место в ранеровской антропологии занимает идея о совпадении реальной внутримирской истории с историей спасения. Ранер рассматривает исторические формы деятельности человека не только как пролог к подлинному трансцендентному бытию. Он видит в светской истории человечества форму объективизации истории спасения, и в этом отношении они не противопоставлены друг другу, а совпадают и сосуществуют. Таким образом, главной проблемой становится не трансцендентный мир и его ценности, а мир земной истории, в центре которого находится человек как существо историческое.

Христианство не может быть безразлично к будущему мира. Овладение мирской ситуацией есть подлинная задача верующего человека. Он призван подвергнуть существующее критическому осмыслению и принять участие совместно с другими актерами в построении достойного человека будущего.

Ранер критиковал имеющуюся в ряде работ современных религиозных авторов тенденцию к разрыву, противопоставлению ценностей земных и небесных, что, безусловно, приводит к разрыву внутри человека. В его концепции делается попытка осознать неразрывность трансцендентных и земных ценностей. Подлинная вера снимает с каждого, кто слушает Слово, оковы сиюминутных ценностей, освобождает от власти сиюминутного и преходящего. Она

¹ См.: [1].

нацеливает человека на его трансцендентное. Там находится преодоление мирских, поработавших человека сил и властей [5].

Раскрывая значение социальной надежды на лучшее будущее, немецкий антрополог отмечал возможность реализации социальных проектов в мирской жизни длительным путем преобразования общественных структур и институтов. Выдвигая требование совместной созидательной деятельности в построении нового достойного человека мира, Ранер считал необходимостью доказать, что христиане не воспринимают мир как «безразличный материал» для упражнений в добродетели, поскольку именно в нем активные личности должны оправдать единственные непреходящие трансцендентные добродетели [10]. Стремление человека к прогрессу во всех сферах общественной жизни не противоречит религиозному мироощущению, напротив, проистекает из его сущности, является выражением эсхатологических надежд человечества.

Новое истолкование социальных проблем в изменившемся мире придает современному христианству уникальное значение, особенно в условиях объединенной Европы. В то же время возрастание в странах Восточной Европы интереса к религии, прежде всего к христианству, наличие сильной традиции иудаизма, рост населения, исповедующего ислам, — факторы, влияющие на европейскую идентичность. Учет их необходим для планирования и проведения эффективной социальной политики, для решения острых социальных проблем.

Вопрос о сущности и предназначении человека нельзя просто изъять из ряда других важнейших проблем. Не найдя ответа, человек может попытаться объявить лишенным смысла сам вопрос. Однако проблема, таким образом, не снимается, она будет возникать снова и снова. Вопрос будет существовать и сотни лет спустя. И всегда будут люди, которые найдут в себе мужество ответить словами христианства — религии абсолютного будущего. Этот ответ нельзя толковать как «остающийся осадок рационального планирования», это ожидаемый и необходимый элемент надежды и терпения, который, как милость, даруется человеку Творцом. Для верующего при всей важности планирования и предвидения, значение которых не отрицает антрополог, определяющей является идея аб-

солютного будущего. Для настоящего христианина ожидаемое есть не церковь, а Царство Божье. Такого рода надежда является, согласно К. Ранеру, истинной, а не «тупым погружением в современность».

Постижение единичного в его ограниченности возможно лишь тогда, когда человек выходит за его пределы. Прорыв к «чистому» бытию утверждает принципиальную «открытость» человека, которая не выводима из пространственно-временных отношений, поэтому человек «возвышен над своей историчностью». В знаменитом, основополагающем «Человеке как Слушателе» [6] утверждается, что человек в процессе самопознания находит истину и самого себя, но услышать Слово можно только через фундаментальное усмотрение бытия, через переживание себя в истории. Человек «должен прислушаться, для того чтобы встретиться... со Словом, которому уже вопрошающе открыт разум самого человека» [Там же. С. 10].

Подтверждением популярности идей представителя Пуллахской школы К. Ранера служит такой факт: ряд его произведений переиздавался по пять-восемь раз. Фундаментальный труд «*Schriften zur Theologie*» в 14 томах издавался с 1954 по 1980 год. В теологической среде он воспринимался как появление новой формы рассуждений и приобрел значительное число сторонников и последователей, прежде всего в самой Пуллахской школе (К. Нойфельд).

За время работы над 14-томными «Трудами» сменились четыре главы Римско-католической церкви. На этот период приходится конец понтификата Пия II (до 1958), правление Иоанна XXIII, II Ватиканский собор, послесоборная деятельность Павла VI. В 1978 году под именем Иоанна Павла II епископом Рима и верховным иерархом Римско-католической церкви становится К. Войтыла. С именами этих четырех пап связаны важнейшие изменения в деятельности католической церкви — от стремления к монополизации истины до подведения итогов аджорнаменто² при Иоанне Павле II.

Выработка стратегических целей в области социальной политики в современном Ватикане

²Аджорнаменто — антропологически ориентированное обновленческое движение, призванное модернизировать религиозные практики, сформировавшееся в ходе дискуссий на II Ватиканском соборе.

связана с четко выраженным конфликтом, сформировавшимся в церковной иерархии в последние годы. В епископате существуют две принципиальные точки зрения. По меткому замечанию И.Б. Метца, одна из них скорее базируется на «теолого-исторической идентичности церкви эпохи фундаментализма» [2, с. 13]. Вторая точка зрения принадлежит иерархам, продолжающим идеи II Ватиканского собора. Предполагаемую стратегию разрешения конфликтной ситуации они видят в утверждении и сохранении бесценного наследия христианской культуры и самой церкви в связи с резко изменившимися условиями проповеднической деятельности, особенностями коммуникаций в современном информационном обществе, новыми социальными кризисами. Обсуждение будущего церкви среди церковных иерархов, несомненно, повлияло на выработку стратегии — «наступательной или оборонительной позиции верности», на сохранение церковной традиции или инновации в деятельности Ватикана.

Предвестником позиции обновления выступил крупнейший антрополог К. Ранер. Представляя позицию радикально настроенного немецкого епископата, Ранер сумел интерпретировать решения собора как «прорастающее начало начала», знаменующее наступление новой эпохи не только в Западной Европе, но и мировом масштабе. Действительное обновление, по идее немецкого мыслителя, должно происходить не в головах и сердцах участников собора. Там оно лишь начинается. Лишь там истина становится жизнью, «где она становится подлинностью церкви», когда в нее уверуют, когда она станет основой для самих христиан.

Сегодня Ранера характеризуют как человека, обладавшего особым мужеством — «мужеством реформ», способностью принимать конкретные решения при рассмотрении громоздких вопросов и громадных трудностей. В последний период творчества Ранер настаивал на том, что лишь «открытая церковь» может существовать в современном мире. Тем более актуальным это становится в Европе начала XXI века, когда католическая церковь в Германии, Франции, а в конечном счете христианство в Европе может очутиться в ситуации меньшинства, диаспоры, «в изгнании». Поэтому задачу создания «открытой», но не «распахнутой» любому церкви должны решать сегодня христиане во всем мире.

Благодаря страстной приверженности подлинному христианству, критике «сектантского благочестия в храме», Ранер до сих пор является ориентиром для многих католических теологов. Его резкая критика устаревших представлений, особенности проповеднической деятельности во многом связаны с воспитанием и обучением у отцов-иезуитов, наложившим отпечаток на его духовные искания и практики. И.Б. Метц отмечает, что Ранер был естественно выросшим церковным человеком, для многих он был не только учителем, но и отцом, братом в вере. Именно личностные качества, талант проповедника и умение страстно и последовательно излагать подчас радикальные идеи сделали мыслителя столь влиятельным в немецкой, а затем и в европейской католической иерархии.

Биография К. Ранера — это биография «простого среднего христианина». В его жизни не было резких поворотов, трагических событий, смертных грехов и покаяния. В ней нет драматизма, как в судьбах Августина и Паскаля, Кьеркегора и Бонхеффера. Скорее всего, на ее основе не напишут остросюжетный роман, не поставят мелодраму, однако ранеровский религиозный опыт, его умение проектировать будущее, способность вести за собой заставляют внимательнее всматриваться в «теологию повседневности». «Человек отмечает внезапно, что малые вещи также имеют невысказанные глубины, они есть вестовые вечности, всегда больше, чем они сами, как капли воды, в которых отражается все небо... как тень подлинной действительности, уже упавшая на нас» [4, с. 8].

В сегодняшнем мире ни одно государство не может жить в полной изоляции, ни одно общество не может сохраниться в полной неприкосновенности, и христианская религия не выдвигает, как ранее, притязание, что лишь в ней одной в полной мере содержится решение всех проблем человечества. Важнейшей задачей современного Ватикана стало определение позиций католицизма в ряду с другими религиями, выяснение его функций в жизни так называемых «христианских народов». Отчетливый интерес к религии, сформировавшийся в последние годы на постсоветском пространстве, очевидно, можно объяснить тем, что она предлагает человеку устоявшуюся систему ценностей, включающую в себя отношения человека

к Богу, другому человеку, интерпретации истории и космоса. Ищущему она дает жизненные ориентиры, объясняет прошлое и проектирует будущее. Для современной российской социологии религии в качестве важнейшей можно определить проблему «роли религиозного фактора в общегосударственном и региональном масштабах, межнациональных и иных общественных отношениях» [15, с. 362].

Предложенная картина мира и человека, оптимистичная в целом оценка его положения в современном мире, снятие противоположностей томистского интеллектуализма и августианского иррационализма позволили провозгласить идею современного антропологического поворота. «Слова „антропологический” и „антропологический поворот” сегодня у всех на устах — говорят даже об антропологическом повороте церкви», — подчеркивает зна-

чение ранеровской антропологии Х. Огирманн [3, с. 37]. Обоснование статуса человека как «духа-в-мире» при выявлении его сущностных свойств (историчность и трансцендентность) позволяет в ходе исследования творчества К. Ранера сделать вывод о возрастании роли человека в ходе общественного прогресса.

Ранер утверждал идею о достижении человеком истины не при помощи спекулятивных рассуждений и высоких слов, а благодаря активной деятельности и терпению, «которое делает нас молчаливыми и мудрыми», следовательно, вера понималась им как образ жизни, судьба, а не как теоретические рассуждения многомудрых мыслителей. Видя в земных ценностях отзвук ценностей трансцендентных, Карл Ранер самого человека рассматривал как самоценность, подлинное бытие которого не нуждается в дополнительном утверждении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Brunner, A.** Die Grundfragen der Philosophie. Ein systematischer Aufbau [Text] / A. Brunner. — 1933. — Neu bearbeitet. Leipzig: Herder, 1956. — 314 s.
2. **Metz, J.B.** Das Konzil — «der Anfang eines Anfangs»? [Text] / J.B. Metz. — Mainz: Matthias-Grünewald-Verlag, 1991. — 244 s.
3. **Ogiermann, H.** Sein zu Gott [Text] / H. Ogiermann. — München; Salzburg, 1974. — 48 s.
4. **Rahner, K.** Alltägliche Dinge [Text] / K. Rahner // Theologiesche Meditationen. — Einsiedeln, 1974. — Bd. III. — 487 s.
5. **Idem.** Die vielen Messen und das eine Opfer [Text] / K. Rahner zusammen mit A. Häussling. — München. 2., überarb. u. erw. Aufl., 1966. — 259 s.
6. **Idem.** Hörer des Wortes. Zur Grundlegung einer Religionsphilosophie. Neue bearbeitet von J.B. Metz [Text] / K. Rahner. — München: Kösel-Verlag KG, 1985. — 478 s.
7. **Idem.** Offenbarung und Überlieferung [Text] / K. Rahner zusammen mit J. Ratzinger. — 1965. — 384 s.
8. **Idem.** Sämtliche Werke [Text] / K. Rahner; hg. von K. Lehmann, J.B. Metz, K.-H. Neufeld, A. Raffelt, H. Vorgrimler und A.R. Batlogg. — Freiburg im Breisgau: Herder, 1995. — 556 s.
9. **Idem.** Schriften zur Theologie [Text] / K. Rahner. — Zürich; Köln; Einsiedeln, 1964. — Bd. III. — 406 s.
10. **Idem.** Sendung und Gnade [Text] / K. Rahner. — Innsbruck; Wien; München, 1961. — 419 s.
11. **Idem.** Zur Theologie der Zukunft [Text] / K. Rahner. — München: Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1971. — 254 s.
12. **Simon, K.** Protestanten in der Demokratie: Positionen und Profile in Nachkriegdeutschland [Text] / K. Simon; hg. W. Huber. — München: Kaiser, 1990. — 247 s.
13. **Марнах, Г.** Карл Ранер. Немецкая волна [Электронный ресурс] / Г. Марнах. — Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,1206314,00.html> (дата обращения: 15.01.2012).
14. **Ратцингер, Й. (Папа Бенедикт XVI).** Иисус из Назарета [Текст] / Й. Ратцингер. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 416 с.
15. **Смирнов, М.Ю.** Современная российская социология религии: проблема самоопределения. Социологическая эпистемология и методология в XXI веке. Материалы Первых Ковалевских чтений [Текст] / М.Ю. Смирнов. — СПб.: Астерион, 2006. — 467 с.

УДК 191.1:316

В.Е. Баранов

КОЛЛЕКТИВ КАК ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Человек как высшее творение природы не механический артефакт ее стихийной эволюции, он создан природой для осуществления ее определенных тенденций, замыслов и умыслов. Еще Аристотель говорил, что любой предмет мира имеет четвероякую причину своего возникновения и, может быть, главной из них (более важной, чем материально-вещественная, энергетическая и формальная) является целевая, где цель понимается как потенция и программа всей жизнедеятельности предмета. Эта цель задается предмету извне, из системы целого, целостной природой как вечным двигателем, или Богом. Возможности, или способности, по мнению Аристотеля, у разных предметов разные. Топор может лишь раскалывать дрова, растения – питаться и расти, животные – чувствовать и двигаться, а человек – мыслить и быть нравственным. Это подготавливается материальной составляющей предмета, строением его тела. «Ведь естественно, что энтелехия каждой вещи бывает только в том, что вещь есть в возможности, т. е. в свойственной ей материи» [1, с. 339]. Метафизику же предмета обеспечивает метафизика системы, она распределяет среди предметов их функции в соответствии с их материальными возможностями.

По Аристотелю, предмет без системы не существует, он не имеет никакой *собственной*, как теперь говорят, «онтичности», иначе он стал бы «субстанцией», отдельной природой или суверенной монадой. Источник его бытия не в нем самом, а в системе мира, но и его бытие не эфемерное небытие некоего «тварного мира», а часть, или, лучше, реализация бытия всеобщего. Система передает свое бытие для исполнения своим органам, органы – как части системы – передают свое бытие целому системы. Система присутствует в ее частях, наличествует только в них, части имеют полноту своего существования только в системе целого.

Этот принцип системности и жизненности системы, опосредствуемой жизненностью ее элементов, был понятен не только Аристотелю. Его использовали в своей метафизике Лао Цзы

и Конфуций (каждый на свой лад), Парменид и Гераклит. Его использовало, правда, в превращенной, тоталитаристски-идеалистической форме, христианство. Этот принцип был понятен Спинозе, Гегелю, марксизму. Человек – системен, система – человекна. Огонь живет земли смертью, земля живет огня смертью (Гераклит). Человек тем более истинно мыслит, чем более широкими мотивами («аффектами»), вплоть до интересов «субстанции» (т. е. мира в целом), он руководствуется (Спиноза). Личность живет Бога смертью, Бог живет личности смертью (Л.П. Карсавин). Общество и человек едины, нет общества, независимого от человека, и нет человека, независимого от общества, нет человека, имеющего «свою онтичность», или «самость», и на равных *взаимодействующего* с обществом враждебно ли, партнерски ли. Общество и человек (система и ее органы) не суверенные субъекты, извне взаимодействующие друг с другом, а организм и его органы, которые имеют единую сущность, живут единой жизнью, живут жизнью друг друга. Общество – это совокупный человек, личность; отдельный человек – это индивидуально представленное общество, личность.

Все это имеет непосредственное отношение к предмету внимания данной работы – пониманию коллектива как ближайшего поля произрастания человеческой личности, понимаемой как несение человеком функций, поручаемых системой.

Человечество – наследник и преемник результатов органической эволюции на нашей планете, и в этом смысле оно несет в себе некоторые признаки организации живой материи. Подобно тому, как минимальной единицей жизни в органической природе является не особь и даже не вид, а как минимум крупный биогеоценоз [2], так минимальной единицей социальной жизни является не человеческий индивид и не социальные группы, классы или этносы, а только общество (человечество) в целом в его сопряжении с окружающей природной средой. И так же, как органические биоценозы имеют объективно складывающуюся внутреннюю

структуру, так и в обществе реально и первично по отношению к воле отдельных людей складываются определенные людские объединения — социальные группы и упорядоченные отношения — социальные институты.

Внешне, на эмпирическом уровне, социальные структуры представляются результатом «свободного выбора» индивидуально живущих людей; на уровне видимости государство, семья, экономические объединения, социальные группы создаются людьми в результате «общественного договора» индивидов либо их «стремления к безопасности», к бытовому комфорту, анонимности и безответственности и т. п., но минимальный научный (сущностный) анализ показывает обратную зависимость: человеческие объединения предъявлены людям как объективное условие их существования. Одним из таких условий существования людей являются социальные группы.

Социальные группы — это объективные формы осуществления жизни общества, в которых протекают обусловленные общественными целями процессы и функции: производство, обмен информацией, разделение труда, управленческие связи, воспроизводство населения, распределение общественного продукта и др. Социологи различают множество социальных групп, классифицируя их по самым разным основаниям. Общим критерием (конституирующим признаком) социальной группы принято считать эмпирически верифицируемый признак функциональной связи, более или менее обозреваемых людьми непосредственных контактов, предметного общения.

Классификация таких (контактных) групп весьма разнообразна. Нас в дальнейшем будут интересовать лишь три вида групп из класса контактных: а) первичные неформальные психологические группы типа приятельских компаний, б) социальные корпорации, в) коллективы. Данные группы представляют собой как бы отдельные полосы спектра социальных объединений как в отношении значимости этих групп для общества, так и в аспекте исторической последовательности их возникновения и преобладания в обществе. Кроме того, они дают представление о различных вариантах положения человека в обществе и возможностях для него быть личностью, что и представляет для нас наибольший интерес.

Рассмотрим специфику каждого из этих видов социальных групп. Группы, интегрированные на внешних психологических симпатиях, являются, по-видимому, самыми первоначальными как в онтогенетическом, так и в историческом развитии человеческого общения. Они явно господствуют и в индивидуальном детстве, и в историческом «детстве» человечества — палеолите, и в значительной степени в неолите. Связи в таких группах абстрактны, в них удовлетворяется мощнейшая базовая потребность человека в человеческом окружении и неформальном общении. У А. Маслоу эта потребность представлена как следующая по важности после потребности в органическом выживании. Приятельская компания нейтральна по отношению к социальной системе, в ней нет социальных критериев в оценках людьми друг друга, в ней не принято и даже неприлично общаться на социально-идеиной основе: ведь мы же просто приятели. Общество здесь просто вне внимания, мы — сами по себе, общество — само по себе. Цели общения здесь находятся внутри группы, и они безразличны для общества или, лучше сказать, социально нейтральны: это занятия по интересам, совместное проведение досуга и т. п.

Размеры приятельских компаний, как правило, невелики, всего несколько человек, тем не менее в них имеется определенная структура: это всегда явно выраженный лидер, вожак, вокруг которого объединяются члены компании. Лидерство психологично, харизматично, по своим механизмам почти биологично, лидерами здесь просто рождаются. Лидер выражает только самого себя, его капризы — условие пребывания в группе других ее членов. Внешне приятельская компания производит впечатление сплоченности, в ней высока степень совместности действий. Девиз компании: «Куда все, туда и я». Но даже в минимальных по объему компаниях, между двумя приятелями, может наблюдаться конкуренция за лидерство; эта конкуренция разрывает группу, приятельская компания всегда неустойчива, текуча в своем составе, о какой-либо действительной сплоченности или дисциплине здесь просто не может быть речи: не нравится — не приходи.

Отсюда психологический климат в приятельской компании всегда неустойчив, переменчив, в значительной степени зависит от настроения лидера, от случайных внешних

факторов. Эффект деятельности, «производительность труда» приятельской компании минимальны, намерения здесь легко забываются, деловые инициативы быстро гаснут.

Все это обуславливает противоречивое психологическое самочувствие членов группы. С одной стороны, человек удовлетворяет мощнейшую потребность в неформальном, непредвзятом и «конгруэнтном» общении с себе подобными, а с другой — он постоянно испытывает напряжение от неустойчивости тона и микроклимата общения, капризов лидера, необходимости подлаживаться под общую стихию оценок, мнений, эмоций: нравится тебе или не нравится, а «хохми», как все, или, как все, «перемывай кости начальству»... В приятельской компании человек должен стереть с себя, со своего лица всякую свою не только личность, но даже и всякую индивидуальность, стать безликим, таким, как все. Это и есть эффект конформизма, и чем поверхностнее компания, чем менее индивидуально и личностно зрелы ее члены (дети в детсаду), тем более жестко проявляется этот эффект. Приятельская компания проявляет прямо-таки агрессивность по отношению к любой индивидуальности, нивелирует, усредняет и размывает ее, снижает бытие человека до откровенно доиндивидуального варианта. А уж о личности здесь и вовсе не может быть речи.

Интересен исторический аспект подобных отношений. Можно предположить, что в эпоху верхнего палеолита, т. е. материнского рода, господствовали межчеловеческие связи типа нынешних приятельских. Удовлетворение потребности пребывать в состоянии «мы», потребности чувствовать себя человеком, быть принятым людьми, быть своим среди людей сочетались с предельной абстрактностью этих влечений и примитивностью способов их удовлетворения: мне все равно, кто ты из себя, важно, что ты человек. И не было еще никакой оппозиции этому тотальному приятельству. Последняя, по-видимому, появилась в неолите, в эпоху отцовского рода, когда стала прорезаться человеческая индивидуальность — хотя бы на уровне вождей как харизматических лидеров.

Вероятно, уже тогда возникли первые напряжения между первичной неиндивидуализированностью человека в условиях материнского рода и начавшейся в патриархате индивидуализацией. Тридцатитысячелетняя традиция мат-

риархата властно требовала: не смей быть индивидуальностью! Запрещала что-либо делать по-своему. Нельзя даже «хотеть, чтобы все было по-моему». Но при всей своей внешней социальной импозантности она была устаревшей и реакционной. Патриархат совершил жестокую, но необходимую революцию, делящуюся до сих пор. Индивидуальность — это, несомненно, более высокая ступень человеческого бытия, и она не могла не победить. Не будь этой «индивидуалистической» неолитической революции, мы бы все последние десять тысяч лет продолжали пребывать пусть в матерински-любовном, но униженно примитивном первоначально-первобытном суггестивно-доличностном состоянии.

При этом сам по себе неолит — это лишь переход, краткая эпоха перехода к полному господству индивидуальности, к господству индивидуализма, наступившему с цивилизацией. И в этой последней на смену группам типа суггестивных приятельских компаний и авторитарным группам родовых общин пришли группы типа корпораций. Корпорации — это объединения индивидов, поставивших своей целью достижение индивидуального успеха, достигаемого за счет ущемления интересов людей, не входящих в данную группу. То есть возникающая в обществе индивидуализация довольно быстро перерастает в индивидуализм, который порождает групповой эгоизм. Люди преодолевают свое первоначальное любовное тяготение друг к другу и объединяются в индивидуалистически противостоящие друг другу группы. Жизненная энергия, производительная сила таких групп тысячекратно превышают жизнеспособность и продуктивность первоначальных родовых и родственно-приятельских объединений.

Корпоративные объединения (группы) могут иметь самые разные размеры — от нескольких человек до широких социальных слоев, паразитирующих на труде еще более широких масс. Цели деятельности корпоративных групп своекорыстны и антиобщественны. Коррупция (по-русски — казнокрадство) — это их естественное состояние. Нажива и пропорциональный, в соответствии с иерархией ролей, дележ добычи — обыденный механизм их внутригрупповых отношений. Социальный прогресс, явившийся следствием их деятельности (а он реален и значителен), сложился не благодаря, а вопреки их осознанному намерению, и он мог бы быть многократно

большим, если бы не было хищнического, паразитического потребления, попросту — уничтожения, значительной части благ, произведенных на их базе (роскошь, яхты, собственные острова, дорогостоящий разврат и т. п.).

Структура корпоративных групп организована жестко-иерархично, в ней всегда есть верх — верхушка лидеров или владельцев «контрольных пакетов» влияния, опирающаяся на аппарат давления на низы, которые, в свою очередь, расчленены на исполнителей, контролеров, контролеров над контролерами и т. д.

Управление корпорацией осуществляется формальными лидерами. Они могут носить черты лидеров харизматических и тогда выглядят как своего рода «атаманы». Но это вовсе не обязательно, лидерство как таковое здесь менее всего нужно, лидера сменяет руководитель-менеджер. Власть авторитета здесь заменена авторитетом власти. Связи между членами корпорации строятся как добровольно-принудительные, они предписаны каждому извне посредством писанных и неписанных инструкций, выполнение которых обязательно, а невыполнение влечет за собой разного рода санкции, вплоть до «мокрого дела». Но если контроль ослабевает, поведение членов корпоративных групп становится откровенно своекорыстным. В любом случае это поведение безответственно: я лишь выполнял инструкцию, а если не уличен в нарушении, то вовсе и не наказуем.

Морали как регуляции собственного поведения интересами других людей здесь, по существу, нет, потому что все «другие» люди — это либо внешние по отношению к моей корпорации объекты эксплуатации, либо лишь партнеры по корпорации, которые получают от нее свою долю благ, не пересекающуюся с моей. Отношения между членами корпорации только партнерские, взаимовыгодные. Схема, принцип, девиз этих отношений: «Ты — мне, я — тебе». Или: «Живи и давай жить другим». Личных, т. е. приятельских (основанных на человеческих симпатиях), либо личностных (основанных на единстве мировоззрения, «единстве религии») отношений здесь нет, человек общается только с теми, с кем ему общаться индивидуалистически выгодно («уважаемые люди», как говорил когда-то Аркадий Райкин).

Отношения между членами корпоративной группы скорее конкурентные, взаимно по-

дозрительные, контролирующее-враждебные. Доверчивый конформизм приятельских отношений и уважительный стиль отношений родовой общины сменяется здесь явно выраженным равнодушием и даже неконформизмом, негативизмом, неприятием чужих мнений и ценностей. Здесь никому нет дела до глубинных личностных качеств партнеров по общению, эти качества не стимулируются и не поощряются: ты должен выполнять свою роль и свою инструкцию и не высовываться со своим личным мнением и своей личностной (сверхиндивидуальной, социально значимой) позицией. Социализация здесь протекает как освоение ролей, функциональных навыков, статусных позиций. Господствуют субъект-объектные отношения: «каждый для себя цель, все остальное для него ничто» [См.: 3, с. 228]. Это и есть «гражданское общество», рыночная цивилизация.

Психологический микроклимат корпоративных групп очевидно напряженный и давящий. При всех современных ухищрениях организации «корпоративных вечеринок» и прочих «сплывающих коллектив» мероприятий он остается угнетающим для человеческой психики. Всяческие ухищрения по созданию единого «духа корпорации», лозунги типа «Предприятие — одна семья» не отменяют факта жесткого социального расслоения внутри корпорации, объективного положения винтика для каждого рядового работника. В корпорации хорошо быть индивидом, слепым исполнителем, рассудочным партнером, даже неконформистом-негативистом, но чрезвычайно тяжело человеку, претендующему на ранг и статус личности.

Корпорация не только не создает условий для личностного бытия человека, но прямо пресекает любые поползновения к подобному варианту самоосуществления. Индивидуальность, индивидуализм признаются нормальными и образцовыми состояниями, создаются целые идеологические системы, представляющие индивидуализм как «естественное и небезобразное», и даже как единственно возможное состояние человека. Любите себя, любимого, потому что вы достойны этого, потому что если вы сами не будете любить себя, то как же другой вас полюбит, и т. п. Самоотречение, самозабвение, озабоченность внешним, даже простые христианские заповеди «любви к ближнему» здесь

воспринимаются с презрительным осуждением или, в лучшем случае, как достойное иронического сочувствия «чужачество».

Следует отметить историческую неизбежность возникновения корпоративных групп и для своего времени их прогрессивность. Корпорации дали человечеству не только высокую производительность труда и материальное изобилие (пусть неравномерно распределяемое), но и нового по сравнению с первобытностью человека: человека дисциплинированного, высоко квалифицированного, рассудочного, логически мыслящего, преодолевшего первоначальную эмотивность, подражательность и стадность, самоуправляемого, волевого и, благодаря всему этому, возвышающегося до протеста против господства корпоративности, до прозрения возможности своих сверхиндивидуальных состояний и нравственной, гуманистической регуляции отношений с себе подобными и с обществом в целом. Эта диалектика описана Г. Гегелем в известной схеме соотношения «рабского» и «господского» сознания. Если говорят, что наши недостатки — это продолжение наших достоинств, то здесь отношение обратное: наши высшие достижения подготавливаются к жизни самими нашими недостатками [См.: 4, с. 64].

Сама по себе корпоративность личности не дает. Наоборот, она всячески препятствует новым, коллективистски-личностным человеческим отношениям. Однако как в свое время эмотивность и доиндивидуальное бытие человека в условиях материнского рода препятствовали индивидуализму, но все же исторически ему проиграли, так и корпоративность сегодня препятствует более высокой форме отношений, но она также непременно проиграет им во всемирно-историческом соревновании. Только самые преданные апологеты существующего могут говорить сегодня о «конце истории», о том, что все, что могло быть, уже было, об отсутствии социального *прогресса* и о том, что человечеству остались только «*социальные изменения*». Фронт прогресса чрезвычайно широк и более чем очевиден, если отбросить шоры буржуазного индивидуализма. Человечеству еще предстоит пережить колоссальную антропологическую революцию, сравнимую с неолитической и цивилизационной, — совершить переход от индивидуалистически-корпоративной организации бытия своих индивидов к коллективист-

ски-личностной. Переход этот, как и предыдущий, не будет (да он уже идет, и потому лучше сказать: не является) легким и беспроблемным. Чтобы лучше понять его процедуру, следует внимательно рассмотреть категории коллектива, коллективизма, личности.

Коллектив — это социальная группа, перед которой обществом поставлена социально значимая цель, которую осознают все члены группы и с позиций достижения которой между ними складываются отношения ответственной зависимости, взаимной требовательности, уважения, симпатии, любви, т. е. отношения коллективизма [5, с. 21, 22]. Коллектив — это группа, открытая в общество, а это значит, что цели и задачи общества становятся стимулами и мотивами функционирования группы в целом и индивидуального поведения каждого из ее членов. Коллектив доводит задачи общества до каждого своего члена, каждый член коллектива становится для другого представителем общества. Отношения в коллективе — это не вопрос соседства, не вопрос приятельства, а вопрос «ответственной зависимости» (А.С. Макаренко), когда каждый, будучи озабочен делами общества, передает эту озабоченность другим. А это и есть устремленность человека к сверхиндивидуальному бытию. Здесь востребовываются и закладываются глубинные личностные качества человека. Коллектив становится полем социализации индивида, доводящей его до состояния личности.

Человек — член коллектива — оказывается не «винтиком» и не конформистом либо нонконформистом, он становится *органом* коллектива, осуществляющим своими самостоятельными действиями системное бытие коллектива. Коллектив не внешняя среда и давящая человека сила, а открытая ему система, вбирающая его в себя и вливающая себя в человека; коллектив — это тождество группы и ее членов, и эта системность и коллективность человека и есть его личностность [6].

Это означает, что в коллективе нет ни харизматических вождей, ни самодурно-произвольных «атаманов», в коллективе может быть только коллективное самоуправление, причем если и выдвигается (или назначается) формальный руководитель коллектива, он не становится капризным лидером, потому что он решает вопросы руководства не по собственному про-

изволу (тем более корысти), а от имени интересов общества, которые в общем приняты всеми в коллективе. За его решениями стоит авторитет общества, он становится представителем общества в коллективе. Здесь, внешне подобно корпорации, может образоваться иерархия руководителей, но при условии их открытости в обществе они не могут противопоставиться управляемой ими группе. По существу, в коллективе каждый его член становится его руководителем, поскольку он принимает творческое участие в решении общих вопросов. А.С. Макаренко специально организовывал циркуляцию воспитанников в иерархии управления теми колониями для несовершеннолетних, которыми он руководил. Тем самым человеческое бытие расширяется, человек универсализируется, становится реально равным всем другим членам коллектива и через него равным всему обществу, коллективным органом которого является коллектив.

В силу этих обстоятельств коллектив становится сферой *свободы* личности. Свобода — это не вольная воля отрицания и одновременно не унылое следование «познанной необходимости». Свобода — это возможность, право и обязанность преодолевать любые наличные формы жизни *от имени интересов общества*, заинтересованного в их совершенствовании. Свободное деяние обязательно включает в себя момент разрушения, но столь же обязательно оно включает в себя момент замены отвергнутой структуры другой, более совершенной, которую, в свою очередь, можно будет отвергнуть и заменить еще более совершенной и нужной обществу. Именно такая способность быть свободным формируется у человека, когда он входит в коллектив.

Демагогические рассуждения (о подавлении личности коллективом, несвободе человека в коллективе, нивелировке «его личности» и т. п.) проистекают из подмены понятия коллектива признаками и свойствами любой другой социальной группы: толпы, приятельской компании, хунты, корпорации и др. Коллектив по самому своему определению не может нивелировать или подавлять человека, уничтожать его личность. Это может делать любая другая группа, но не коллектив. Коллектив, наоборот, *порождает* в человеке личность; то, что делает с человеком коллектив, — это и есть

формирование его личности — и только есть это формирование.

Коллектив возникает не по воле индивидов, индивидно (индивидуалистично) живущему человеку он неведом, непонятен и не нужен. Коллектив создается обществом для решения общественно важных задач. Общество дает поручение социальной группе (производственной бригаде в условиях общественной собственности, воинскому подразделению, семье, даже влюбленной паре) выйти за пределы своих внутренних интересов и открыться в общество, взять на себя решение *его* проблем, и тогда эта группа становится коллективом. Коллектив состоит из отдельных людей, следовательно, общество через коллектив подключает отдельных людей к решению собственных вопросов. То есть через коллектив общество делает людей личностями, и у него нет других способов сделать это.

Феномен коллектива становится логическим звеном, раскрывающим абстрактно представленную процедуру сотворения обществом человеческой личности. Это реальное материальное звено структуры самого общества: целое в нем соотносится со своими частями через посредство промежуточной структуры коллектива; общее связано с единичным через посредство особенного, которым оказывается коллектив. Один на один с индивидом общество не в состоянии полноценно раскрыться перед человеком в своих задачах и проблемах и не в состоянии раскрыть в себя своего индивида, превратить его в личность. В этом скрыта великая мудрость природы, и попытки обойти эту закономерность, попытки превратить общество в плюралистическую совокупность индивидов, «свободно» и из самих себя строящих «гражданское общество» с верховенством «прав человека» (читай — человека индивидуалистического), не могут не привести общество к разрушению, и спасением от этого может стать только культивирование и развитие социальных групп типа коллективов.

Коллективы и коллективистические отношения были в человечестве явно всегда. Потому что без этих структур и отношений не формируется сама личность человека, которая тоже явно была в обществе всегда. Без коллективистских отношений нет личности, а без личностного фактора не формируется сама человеческая способность к идеальному, абстрактному мыш-

лению, воображению и, следовательно, социальному творчеству. Если доиндивидуальное (доиндивидуалистическое) состояние человека опосредствует своим бытием существование самого общегуманистического фундамента общества, а индивидуалистическое обеспечивает его простое функционирование, или простое воспроизводство, поддерживает статус кво, то порождаемое обществом личностное состояние человека обеспечивает социуму его расширенное воспроизводство, социальный прогресс. И все это опосредствуется социальной структурой, институтом коллектива. Без коллектива нет личности, без личности нет прогресса человечества.

Иное дело *степень развития* коллективистских отношений и личностного состояния людей в истории человечества. Здесь могут преобладать и доколлективистские, доличностные модусы бытия общества и человека. Но нельзя не видеть нарастания степени коллективизма в истории общества и культурной эволюции человека. Вектор от доиндивидуального бытия человека через индивидуальность (индивидуализм) к личности очевиден для непредвзятого научного познания. Теоретически это ясно. Слово за социальной практикой.

Изложенное выше кратко приведено в таблице.

Специфические особенности социальных групп

Показатели	Виды групп		
	Суггестивная (приятельская компания)	Корпорация	Коллектив
Размеры	2–8 (15) человек	Конечное число лиц	От 2 до бесконечности
Локализация и качество целей	Внутри группы. Безразличные для об-ва	Внутри группы, антиобщественные. Закрытость от об-ва	Вне группы, социально полезные. Открытость в об-во
Структура	Лидер – ведомые	Иерархия страт и лидеров	Система органов
Характер связей	Внешняя симпатия, отсутствие социальных критериев в оценках. Конформизм	Рольевые инструкции. Индивидуализм	Коллективизм
Девиз	«Куда все, туда и я»	«Ты – мне, я – тебе»	«Один за всех, все за одного»
Лидерство	Капризы лидера-вожака «Вожак»	Насилие «атамана» «Атаман»	Самоуправление «Комиссар»
Степень сплоченности	Минимальная	Высокая, насильственная	Высокая, добровольная
Производительность	Низкая	Высокая	Наивысшая
Тип человека (модус человеческого бытия)	Доиндивидуальность, конформизм	Индивидуальность, неконформизм, индивидуализм	Личность, коллективистский гуманизм
Психологический микроклимат	Расслабленность, неустойчивость	Напряженность, неустойчивость	Устойчивый оптимизм
Условия для возникновения личности	Отсутствуют	Уничтожаются	Впервые возникают и реализуются
Самочувствие человека	Зависимость от капризов лидера	Угнетенность, подчиненность	Свобода и равенство, чувство собственной универсальности
Историческая эпоха	Палеолит, неолит	Цивилизация	«Постцивилизация»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. О душе [Текст] / Аристотель // Соч. В 4 т. Т. I. – М., 1976.
2. Завадский, К.М. Вид и видообразование [Текст] / К.М. Завадский. – М.: Наука, 1960.
3. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1990.
4. Он же. Философия духа [Текст] / Г.В.Ф. Гегель // Соч. В 14 т. Т. III. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1956.
5. Макаренко, А.С. О воспитании молодежи [Текст] / А.С. Макаренко. – М.: Трудрезервиздат, 1951.
6. Петровский, А.В. Личность. Деятельность. Коллектив [Текст] / А.В. Петровский. – М.: ИПЛ, 1983.

СОЦИАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НОРМА И ЭМОЦИЯ¹

В данной статье обсуждаются истоки коммуникативных процессов в их связи с особенностями становления человеческой психики и интеллекта. В центре внимания — неявно выраженная социально-коммуникативная норма, требующая от индивида определенного уровня психоэмоциональной активности, с которой связаны социально-генетические основания особой структуры мотивации действий и экзистенциальных потребностей человека.

Следует отметить, что проблемы генезиса социума, психики, интеллекта остаются актуальными и на современном уровне эволюционных и когнитивных исследований [3, с. 233–234]. Динамика социальной детерминации не только внутреннего мира человека, но также его «биологии» и психосоматики остается мало изученной. В онтогенезе социальная среда (общение, язык и деятельность) решающим образом влияет на феноменальные признаки и характер индивида. Однако прижизненные программы не наследуются. Что же приводит в филогенезе к собственно человеческой формации психики и мозга?

Человека отличает структура мотивации, в которой эмоция, как более древняя форма психической реакции, играет ведущую роль. Основание сложного спектра эмоциональной жизни человека закладывается в предыстории. Экзистенциальная норма полноценного включения индивида в квазисоциальную общность связана с эмоциональным стрессовым состоянием, которое испытывают и животные, но оно не является для них нормой. Новый тип активности (психоэмоциональный) разворачивается на фоне нестабильного с точки зрения физиологии нервного состояния. Уже для прачеловека эмоциональное возбуждение выступает порогом вхождения в общность, нормой субъективного ощущения жизни, в котором пережива-

ние единения становится главной доминантой. Согласно И.П. Павлову, животные, обладая сложными реакциями, эмоциями не обладают. Психофизиологический механизм эмоции не является полностью первосигнальным.

Российский исследователь Б.Ф. Поршнев связывал появление эмоции с психофизиологическим закреплением в сообществе палеоантропов способности к звуковой суггестии [2, с. 469]. Ее физиологическое основание — состояние нервной активности, которое характеризуется одновременным наличием противоположных раздражений: возбуждающих какую-то деятельность и одновременно тормозящих. Подобное «ультрапарадоксальное» состояние у животного всегда ведет к растормаживанию через неадекватный рефлекс. У человека в результате «склеивания» противоположных реакций возникает эмоция, которая опирается на физиологические механизмы высшей нервной деятельности, в частности функциональные отношения первой и второй сигнальных систем.

Психоэмоциональная активность человека фиксирует, во-первых, некую экзистенциальную норму и, во-вторых, наличие нового физиологического (точнее, психофизиологического) процесса. Устойчивость подобного состояния поддерживается жизненной необходимостью пребывания индивида в особом сообществе. В предыстории инстинктивной опорой устойчивости эмоционально напряженного состояния индивидов служит распространенный в животном мире рефлекс подражания, который образует психосоматический фундамент эмоциональной реакции. Имитация — основная бессознательно воспроизводимая коммуникативная практика. Выражение эмоций в мимике, жестах и особенно в речи вызывает неудержимое, произвольное подражание. Б.Ф. Поршнев подчеркивает, что общение людей всегда эмоционально и подавляет адекватные первосигнальные рефлексы.

В истоке психоэмоциональной активности человека, следуя Б.Ф. Поршневу, стоит

¹Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-03-15042з. Тезисы были представлены на XXII Всемирном философском конгрессе (Сеул, 2008). Полный текст публикуется впервые.

суггестивный механизм второй сигнальной системы, определенный интериндивидуальными отношениями, несущими не физическое, а волевое воздействие. Единство эмоционального переживания способствует оформлению исходных границ антропологического опыта, определяющих потенциальную программу индивидуального развития. При этом социально-коммуникативной стратегией в антропогенезе выступает не разнообразие эмоций, а одна «универсальная» эмоция². Условия, определяющие экзистенциальную норму, формируются на уровне общности и выражаются в некоторой потенциальной норме выживания. Особенность человеческого поведения – постоянный подсознательный контроль, закрепощающий биологические потенции мускульной силы и мозга настолько, что человек не может их раскрепостить практически ни в каком состоянии, за исключением гипноза³.

Истоком становления социума можно считать звуковые коммуникативные сигналы, несущие суггестивное действие (подавляющее инстинктивную реакцию). Благодаря жестким требованиям вхождения в эмоционально напряженное сообщество, способность индивидов к звуковому суггестивному воздействию (и восприятию) закрепляется как специфика видового поведения. Особое эмоциональное состояние становится социальной (а не физиологической) нормой функционального бытия

² К такому же выводу приводят работы Э. Дюркгейма, а также понятие архетипа коллективного бессознательного К. Юнга.

³ Даже в стрессовой ситуации, в состоянии аффекта, когда человек способен на невозможное, он использует только 60 % из своего двигательного потенциала. Например, в направленном методе тренировок, когда спортсмен решает двигательные задачи на пределе своих возможностей, реально этот предел не достигается. (См.: Минх А.А. Очерки по гигиене физических упражнений и спорта. М., 1976; Залеский М. Сильнее самого себя // Наука и жизнь. 1983. № 2. С. 142–149.) Аффект может не только раскрепостить двигательные усилия, но и парализовать. Более эффективен гипноз, позволяющий вывести мускульную силу человека из торможения на 30 %. (См.: Гримак Л.П. Моделирование состояний человека в гипнозе. М., 1978; Райков В.Л. Неосознанные проявления психики в глубоком гипнозе // Вопр. филос. 1978. № 4.)

индивида в общности. Эта норма ориентирована на неживотный тип адаптивного поведения. Витальный результат для каждого индивида зависит от эмоционального единения. На уровне древнего коллектива, усложняющего индивидуальный эмоциональный опыт рефлексией в отношении свободы и подчинения, цели и средства, норма поведения требует от индивидов специфической внутренней организации. В соответствии с учением о макроэволюции скачкообразное изменение адаптивной нормы в истоках антропогенеза следует привязать не только и даже не столько к биогеоценозу (что уже имеет место в инстинктивных программах вида), сколько к жизни в сообществе на уровне новой психической нормы.

Особое напряженное состояние нервной активности, характерное для человеческой психики, вызывается суггестивной коммуникацией, создающей и поддерживающей проблематичность жизненной ситуации, которая для человека нормальна, а не аномальна. Условия эмоционального и функционального бытия индивида в социуме создают почву для развития высших функций нервной деятельности в виде необходимой нормы субъективного действия. Эта экзистенциальная норма определена совместным способом выживания и предъявляет достаточно жесткие потенциальные требования к эмоциональной и ментальной активности каждого.

В предыстории человека совместное противостояние смертельной опасности создает отрицательное (с точки зрения физиологии) условие, образуя комплекс ситуаций, в которых естественно необходимой становится квазисоциальная мотивация поведения предлюдей, поскольку инстинктивное импульсивное поведение неадекватно. Особое общение, как род влияния одного индивида на другого, возникает раньше выделения элементарного смысла действия, до всяких видов коммуникации как передачи сообщений, в частности речевых, до всякого рода преобразующей (трудовой) деятельности и лежит в истоках формирования функций второй сигнальной системы, которые по своему происхождению оказываются социальными функциями в индивидуальной психофизиологии. Подтверждением этой мысли служит то, что самые древние зоны в эволюции мозга связаны с передачей звуковых сигналов,

которые обладают наибольшим суггестивным действием, сразу понимаются, не требуя интерпретации. Эволюционную роль межиндивидуальных отношений отмечает и Ф. Кликс, исследуя роль коммуникации в регуляции поведения животных [1, с. 65–66]. К.А. Абульханова-Славская подчеркивает, что в своем источке человеческие психические функции имеют коммуникативные отношения, возникая изначально как регуляция в общении [4].

Эмоция как субъективный феномен выступает первой знаковой формой сигнала, порождающего новую («неестественную» и даже противоестественную) мотивацию поведения. Другое онтологическое условие, изменяющее структуру мотивации поведения прачеловека, формируется с развитием орудийной деятельности, которая, приобретая систематический характер, становится обязательной, естественно должной формой как индивидуальной, так и совместной жизни.

Эволюцию социума характеризует не только совместное адаптивное поведение, но также коллективное действие, изменяющее условия существования. Разделение функций в коллективном действии отличается от разделения функций, обусловленных историей вида. В рамках коллективного действия (материального — охоты и подражательного — пантомимы, например) возникают неосознаваемые естественно социальные побуждения, стихийно формируются нормы в виде негенетических запретов, подавляющих инстинктивную реакцию в определенной ситуации. На уровне реального субъекта, которым выступает сообщество в целом, формируются цели действия, выступающие для каждого члена естественным законом жизни. Отношения на почве разделения деятельности (в основе орудийной) приводят к тому, что биологическая мотивация поведения и инстинктивная (импульсивная) реакция оказываются опосредованными не только видовой организацией жизни рода, но и новыми требованиями целенаправленного совместного действия.

Возникающая на почве коллективного выживания стихия внутренней динамики общности формирует специфические информационные каналы и границы жизни для каждого своего члена. В процессах индивидуального научения развивается тенденция к универсализации двигательной способности, которая ведет, с

одной стороны, к усложнению и дифференциации сигналов, используемых в коммуникациях, с другой — к усложнению и дифференциации функциональных психофизиологических структур [1, с. 90, 180].

Специфика «внеприродных» обстоятельств, в частности проблемность существования, вызываемая социально обусловленной (постоянной и в этом смысле нормальной) необходимостью отсроченного удовлетворения биологических потребностей и проблемой общения, направляет эволюцию сообщества к смене природно-биологической (инстинктивной) мотивации поведения, к формированию комплекса социально детерминированных интенций, которые составляют специфически человеческую экзистенциальную норму. Развитие психических форм действия в антропогенезе, таким образом, зависит не столько от инстинктивных форм орудийной деятельности, сколько от условий, в которых она совершается и которые делают необходимым ее совершенствование в том или ином направлении. Функционально выделенным в условиях развивающейся целеустремленной общности оказывается сенсомоторный интеллект. Решение возникающих проблемных ситуаций (особенно в коллективном действии, будь то охота, иерархические или матримонические отношения) — функция именно этого психофизиологического механизма, обеспечивающего гибкость индивидуального опыта жизни через научение, приспособление, ориентировочный рефлекс, орудийные действия. Нейродинамические структуры, поддерживающие деятельность сенсомоторного интеллекта, получают преимущественное развитие благодаря росту жизненной значимости социально адаптированного поведения. На это указывают факты из древней истории, касающиеся запретов, табу и пр. Последние выступают в качестве коммуникативной стратегии, направленной на поддержание и сохранение принятой нормы жизни.

Сенсомоторный интеллект оказывается функциональной структурой, которая не только поддерживает необходимое для социального целого (толпы, роя, квазиобщности) эмоциональное состояние особей на нужном уровне, но и обеспечивает саморегуляцию индивида, его адаптацию к естественным природным условиям и к нормам социума, диктующим весь

ма жесткие условия индивидуальной жизни. Важно подчеркнуть, что состояние двойной адаптации характерно уже для бессознательно эмоционального поведения палеоантропа. Передача интериндивидуальных сигналов и суггестия выступают главным механизмом «социального» давления.

В современной науке подчеркивается наличие у животных интеллекта (сенсомоторного – Ж. Пиаже, Ф. Кликс, ситуативно-практического – А. Валлон, «ручного мышления» – А.Н. Леонтьев). Имеется в виду механизм функционального разрешения проблемной ситуации с помощью опосредующего предмета, что предполагает двухфазное строение деятельности: подготовку – поиск способа и предмета, и само действие, которое в данном случае выступает как отсроченная реакция.

Жизненное (адаптивное) значение функций сенсомоторного интеллекта – коррекция врожденных программ поведения. Необходимое для такой коррекции разделение механизмов распознавания (рецепции) и принятия решения лежит в основе накопления информации об оптимальных формах поведения в специфических проблемных ситуациях. Поэтому функциональный механизм сенсомоторного интеллекта, наряду с эмоцией, оказывается главной линией психического развития в антропогенезе, приводя в результате к изменению психической нормы. В квазисоциальной общности палеоантропов доминирует эмоционально-инстинктивная (подражательная) экзистенциальная норма. В древнем коллективе она становится эмоционально-рефлексивной (оценочной) благодаря социальной значимости функций интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта [Текст] / Ф. Кликс. – М., 1983.
2. Поршневу, Б.Ф. О начале человеческой истории [Текст] / Б.Ф. Поршневу. – М., 1977.
3. Чешев, В.В. Поведенческая и деятельностная адаптация: общее и особенное [Текст] / В.В. Че-

шев // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2012. – № 4 (119). – С. 230–234.

4. Абульханова-Славская, К.А. К проблеме социальной обусловленности психического [Текст] / К.А. Абульханова-Славская // Вопр. филос. – 1970. – № 6. – С. 75–85.

УДК 130.2

Е.В. Касьянова

ИДЕОЛОГИЯ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Мы живем в эпоху тотальных деструкций, хаоса, в котором смешались техническое и человеческое, холодный объективизм и поиск интуитивных путей познания. Человечество ощущает воздействие опасностей, им же созданных. Свою лепту в создание глобального культурного хаоса вносит и контркультура. Подвергая суровой критике ценности современной культуры, способна ли контркультура дать взамен какие-то новые ценности? Или это всеразрушающий бунт, свидетельствующий о глобальном исходе? Как говорил Л. Витгенштейн, нас берет в плен картина мира. Современный человек находится в плену у научной картины мира. И как бы ни были соблазнительны призывы деятелей контркультуры окунуться в мистицизм, интуитивизм, изведать измененные состояния сознания и послушаться вновь зазвучавшего призыва Ж.-Ж. Руссо «Назад, к природе!», мы не можем отказаться от благ, предоставленных наукой. Грехопадение совершилось, и возврат в первобытное невинное состояние невозможен. Но в наших силах изменить цели и методы науки, что повлияет на знания, доставляемые ею.

Задача статьи — показать, где пересекаются движение контркультуры и появление новых форм рационального знания в самой науке.

И контркультура, и постнеклассическая научная рациональность являются критической ревизией культуры Запада. В обоих случаях, в сущности, речь идет о пересмотре таких кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, которые были связаны с прогрессом как идеалом и схемой истории, разумом, организующим вокруг себя весь познавательный мир, либеральными ценностями как эталоном социально-политического обустройства, экономической задачей неуклонного прироста материальных благ.

Хочется отметить, что теория о чередовании преобладающих типов научной рациональности в научном знании была создана сторонниками неоллиберализма (К. Поппер, К. Гемпель, Т. Кун), и неслучайным представляется то, что неоллибе-

рализм и контркультура находились в состоянии диалога-контрапункта. Эта борьба еще одно доказательство связи, пусть и «от противного», между неоллиберализмом и контркультурой — связи между концепциями развития науки и тенденциями в современной культуре. Очевидно сходство между общенаучной картиной мира, рассматриваемой не как точный окончательный портрет природы, а как постоянно уточняемая и развивающаяся система относительно истинного знания о мире, и мозаичностью, полифоничностью постмодернистской культуры.

Между неоллиберализмом и неорадикализмом, лежащим в основе идеологии контркультуры, имеется ряд существенных различий. Эти расхождения можно охарактеризовать как различия между критицизмом, импульсом которому служит стремление «улучшить» существующую систему, ликвидировать наиболее одиозные стороны, социальные язвы индустриального общества, и критицизмом, обрушивающимся на общественный прогресс в целом.

Постнеклассическая научная рациональность — реакция на кризис техногенной цивилизации, которая стоит на грани уничтожения самой себя. Необходимость включения этической составляющей в ткань научного познания была вызвана тем, что научное познание «вне морали», вооруженное только стерильным любопытством, занятым поиском истины, приводит к забвению ценности жизни. Но если постнеклассическая научная рациональность — реакция на кризис, то контркультурная идеология — один из симптомов универсального, глобального кризиса техногенной цивилизации. Творцы контркультуры повторяют мысль о том, что необходимо пересмотреть стандарты потребления, существующие в современных развитых странах, и что потребительское общество — это тупиковый путь развития, ведущий человечество к краю гибели.

Натурализм и объективизм новоевропейской науки, ее отрыв от жизненного мира приводят к техницизму духа, что служит причиной

кризиса как самой научной рациональности, так и продуцируемого ею мироотношения.

Несмотря на изолированность науки как социального института, можно утверждать, что научная рациональность испытала некоторое влияние контркультуры, что заметил и П.С. Гуревич, который писал, что не только мораль, образ жизни, стратегии «правильной» жизни оказались под влиянием контркультуры, воздействию последней также подверглись и традиции рациональности [1, с. 187]. Постнеклассическая научная рациональность испытала на себе кризис мировоззренческих установок классического рационализма.

Продолжим идею контрапункта, уже появляющуюся в нашей статье: и контркультура, и постнеклассическая научная рациональность — порождения одной и той же информационной цивилизации, но в то же время они друг другу противостоят, потому что контркультуре свойственен активный антисциентизм. Научную рациональность не бесосновательно адепты контркультуры объявляют одной из причин болезней современной цивилизации. Это порок доктора Фауста, страдавшего непомерными претензиями на познание тайн природы и в итоге обманутого силами зла. Науке лидеры контркультуры противопоставляли магию, мистицизм, измененные состояния сознания, поскольку последние, по словам лидеров контркультуры, станут столь же надежными путями к истине, как и научное познание. В поисках мистических откровений поэт А. Гинсберг отправляется в Индию (свой опыт он изложил в «Индийском дневнике»), антрополог К. Каста-неда несет представителям западной культуры «истины», полученные от соприкосновения с верованиями исконного населения Америки — индейцев, а профессор Калифорнийского университета Т. Лири всерьез озабочен созданием некоего философского учения вокруг наркотического вещества ЛСД.

Возможности науки в решении ряда коренных мировоззренческих проблем ограничены, и эта ограниченность приводит к тому, что современная наука, лишенная этических барьеров, выступает как враждебная человеку сила. Стремление абстрагироваться от человека было характерной чертой научной рациональности начиная с ее «классического» периода. Эта особенность научной рациональности ста-

ла неадекватной для современной реальности, когда человек превратился в мощный фактор для преобразования мира, и в итоге появилась новая форма научной рациональности — постнеклассическая научная рациональность.

При исследовании взаимосвязи постнеклассической научной рациональности и контркультурной идеологии нельзя пройти мимо такой точки их соприкосновения или камня преткновения, как соответствие образцам или протест против них. Образ постнеклассической научной рациональности характеризуется и новыми исследовательскими подходами: методом фальсификации (К. Поппер), методологическим анархизмом (П. Фейерабенд), «теоретическим анархизмом» (Г.В. фон Вригт), появление которых свидетельствует о завершении эры естественно-научного детерминизма, о творческой игре в бисер в том, что касается самих основ научного познания — метода. Возможность использования альтернативных методов исследования можно назвать и протестом против устоявшихся в науке методов. Размышления о многообразии и изменчивости научных методов, привнесенные теоретиками постнеклассической научной рациональности, являются частью характеристики четвертой научной революции, описанной Т. Куном. Несколько по-другому происходит ниспровержение традиционных культурных стереотипов разрушительной энергией контркультуры. Но в обоих случаях речь идет о ломке чего-то традиционно сложившегося в культуре. Становление науки связано с наличием определенных правил и запретов. Нельзя сказать, что такие запреты отсутствуют в науке, сложившейся под влиянием постнеклассической научной рациональности. Эти новые правила и запреты — вероятностно-статистические законы, распространяющиеся на более широкий класс объектов, нежели динамические законы. Такие качества научного знания, как структурированность, упорядоченность, актуальны и до сих пор, правда, в сфере «наук о духе» они представлены менее явно.

Контркультура, будучи симптомом общественных болезней, становится источником разнообразных концепций антисциентизма и антитехницизма, где нашло свое отражение разочарование современного общества в рационально-философском познании. Творцы идеологии контркультуры (Т. Роззак, Л. Мамфорд,

Д. Хиз, Э. Поттер) – сторонники «технического пессимизма», основывающегося на утверждении об антигуманности науки и техники, которые являются виновниками всех злоключений человечества и служат воплощением коварных ловушек на его пути к светлому будущему.

Связь процессов, происходящих в контркультуре и сфере научной рациональности, улавливал Т. Роззак, который предлагал начать пересмотр ценностей с изменения самой методологии науки. По его мнению, в самой методике научного познания таится ошибка, в самой эпистемологии есть изъян, это «когнитивная патология» познания, основанного на рационализме, объективизме и редукционизме. Роззак уверен, что из-за неадекватности метода научного познания наука не способна дать истинных знаний об окружающем мире – она дает лишь иллюзии, эрзац-знания, в лучшем случае просто информацию, хотя сама наука «беззастенчиво присвоила себе роль реактора мысли, единственного источника знаний» [2, с. 34].

Фактически Роззак критикует науку за гностицизм и логоцентризм – за абсолютизацию логической стороны познания и за разрыв ее связи с образно-мифологической формой изложения того, что открывается в духовном опыте человека.

Роззак убежден в непреодолимом противоречии объективного и субъективного типов мышления, неизбежности противопоставления научного и нравственного.

Объявляя «священную войну» науке, точнее войну против естественно-научного мышления, за что на Западе его начали именовать «антисаентистом № 1», «интеллектуальным ниспровергателем науки», Роззак прежде всего имеет в виду «большую науку». Под «большой наукой» понимается тесная связь научных кругов с армией, истеблишментом, правительством, с большим бизнесом. «Большая наука» выступает как воплощение власти над природой исследователя, дистанцированного от изучаемого мира. Главный враг Роззака – это военно-академический, военно-промышленный комплекс, это «мыслительные танки» Г. Кана и его Гудзоновский институт (в то время возглавляемый им), разрабатывавший рационально-научный подход к войне, хладнокровно рассчитывающий минимум и максимум человеческих жизней, которыми можно было бы пожертвовать, чтобы

наказать Советы за их агрессию. Калькулятивно-количественный подход к действительности делает ее пригодной лишь для одного – для машинной обработки данных, для технической манипуляции в качестве «сырья».

Итогом диалога-спора контркультуры и научной рациональности как ценности стало рождение контркультурой «экологического персонализма», который, будучи превращенным в идеологию, мог бы предотвратить процессы, сделавшие науку враждебной по отношению к жизни. Причины этих процессов названы М. Вебером: в научно-техническую эпоху произошло «обезбоживание», «расколдовывание» природы, ее секуляризация.

В 60-е годы XX века, когда Роззак начал выступать как «академик-диссидент», громя науку и научно-технический прогресс, его идеи воспринимались как ересь. В последующие годы многое изменилось в общественном сознании. В мире формируется новый менталитет, новое представление о глобальных проблемах, их общечеловеческом характере. И то, что прежде казалось ересью в рассуждениях Роззака, сегодня выглядит почти банальностью: в XXI веке с его критикой согласны почти все. Так, ощутимо влияние контркультурного протеста на социальный институт науки; следствие этого – изменение целей, стандартов, методов познания.

Т. Роззак воспринял многие идеи французских персоналистов и стал развивать их уже в новых исторических условиях, формулируя в своих произведениях идею экологического персонализма. Его экологический персонализм охватывает и идеал личности, и социальную и экологическую философию.

В качестве личности у Роззака фигурирует некий уникальный феномен: в центре Природы находится человеческая личность, а в центре личности – уникальное трансцендентное Я, которое надо раскрыть, развить путем самоуглубления, самопознания. Роззак убежден, что внутри человека заключен огромный потенциал добра, любви, справедливости – «Бог внутри нас всех!» – и что этот потенциал нужно раскрывать. «Говорить о личности, – писал он в книге «Личность/Планета» (1979), – значит говорить о врожденном богатстве возможностей, врожденном духовном благородстве, о нереализованных возможностях каждого человеческого существа» [3, с. 121].

Сделаем выводы. Контркультура и постнеклассическая научная рациональность рождены современной культурой, поэтому между ними прослеживаются взаимосвязи. Как нуждаются в дополнениях равноправные картины мира, созданные в разных областях науки, так же и ценности контркультуры не имеют преимущества перед другими духовными ценностями, и человек, являющийся частью современной цивилизации, может выбирать с «прилавка ценностей» все, что ему понравится. Разница между контркультурными и научными ценностями в том, что последние лежат в пределах существующей культуры, а контркультурные ценности – революционные, настаивают на преобразование общественных устоев. Ценности контркультуры противостоят ценностям постнеклассической научной рациональности: сосредоточенность на собственном сознании, уход в себя, эскапизм – на-

турализму, субъективизм, открытие в личности индивидуальных возможностей – объективизму. Сами традиции рациональности оказались под влиянием контркультуры.

Научная рациональность основывается на закономерностях, законах, структурах; контркультура же рождается из хаоса, она текуча, изменчива. Но и идеология контркультуры базируется на каких-то образцах. Революция в области методологии науки происходит под влиянием культурных разносторонних процессов, в том числе и контркультуры. Экологический персонализм, родившийся в контркультуре, способствовал изменению модели науки. Сторонники идеологии контркультуры отмечают, что в процессе определения научно-исследовательских приоритетов наряду с собственно познавательными целями все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гуревич, П.С.** Современный гуманистический словарь-справочник [Текст] / П.С. Гуревич. – М.: Олимп, 1999.

2. **Roszak, Th.** The Monster and the Titan: science, knowledge and Gnosis [Text] / Th. Roszak // Daedalus. – 1974. – Summer.

3. **Idem.** Person/Planet: the creative disintegration of industrial society [Text] / Th. Roszak. – N. Y., 1979.

УДК 17.033. "20"

И.Н. Протасенко

АНОМИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ГЕНЕЗИСЕ БОНАПАРТИЗМА

Проблема аномии и социального порядка актуализирована трудностями, с которыми столкнулось российское общество в решении вопросов, связанных с современными преобразованиями и трансформациями, происходящими в нашей стране и мире, проблемами преодоления таких социальных зол, как коррупция, правовой нигилизм, преступность и терроризм, политическая индифферентность электората.

Сюжет социальной аномии активно исследуется социологами в социально-структурном плане, психологами — на уровне индивида, политологи сосредоточены на проблеме политической аномии. В социально-философском плане исследование аномии социального порядка представляет интерес в аспекте понимания условий сохранения целостности социума, факторов социальной интеграции, стратегий руководства социумом по выводу общества из опасного состояния.

Социальный порядок, как известно, всегда мыслится по аналогии с порядком универсума, и напротив, порядок универсума всегда понимается по аналогии с социальным порядком. Социальный порядок складывается неосознанно в архаике — как некая сила, аморфная и всепроникающая, которая как бы извне управляет поступками каждого отдельного человека. И в цивилизованном обществе налицо такого рода досознательное и внесознательное упорядочение. Существенна ценностная окрашенность социального порядка. Здесь сущее фундаментально ориентировано на должное или даже совпадает с ним. Социальный порядок — это социальный идеал, который, пусть и в искаженной форме, действительно присутствует в реальности.

Тенденция к релятивизации ценностных формирований является ведущей тенденцией в современном мире. Релятивизм несет с собой аномию — ценностную патологию, расстройство, неясность и смешение всех ценностей. Общество, в котором нет согласия относительно базовых ценностей, неустойчиво, внутренне напряжено и готово в любой момент взорваться

[10, с. 150]. Диапазон возможных потрясений самый широкий: от уличных беспорядков до социально-политических революций.

Социальная интеграция существует, когда члены общества (или группы) не только понимают значение его норм, но и руководствуются ими в своей жизни. Изменения в социальной, политической и экономической сферах жизни в России во многом способствовали разрушению ценностного мира человека, его дезориентации и дезорганизации.

Феномен аномии, как известно, стал объектом исследований начиная с конца XIX века — в работах Ж.-М. Гюйо, Э. Дюркгейма и М. Вебера. В середине XX века большое внимание проблеме аномии уделял Р. Мертон. М. Орру, анализируя данный феномен, выделяет четыре идеальных типа аномии: 1) «война всех против всех», характеризующаяся полным отсутствием институциональных норм (Т. Гоббс); 2) радикальная аномия, появляющаяся в результате полного отсутствия основных этических норм и ценностей (М. Вебер); 3) ситуация, при которой цели и стремления лишены ограничений и никем не регулируются, когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не устоялись; разделение труда не способно продуцировать позитивные контакты между членами общества и эффективную регуляцию социальных отношений (Э. Дюркгейм); 4) ситуация конфликта между культурой и социальными структурами; несоответствие целей и доступных средств их достижения, в силу чего люди прибегают к незаконным способам реализации собственных интересов (Р. Мертон) [14, с. 261]. Подчеркнем, что исторически значимыми для западных обществ являются только два последних. Представление о «войне всех против всех» — это теоретический конструкт, а аномия, по Веберу, — редкое и маргинальное явление.

Оговоримся заранее, что в данной статье трактовка аномии как такого состояния общества, при котором заметная часть его членов, зная о существовании обязующих норм, отно-

сится к ним негативно или равнодушно, рассматривается нами как вторичное состояние, как следствие радикального изменения «правил жизни». Поэтому сосредоточимся в большей степени на трактовке смысла аномии как состояния общества, радикально сменившего, утратившего прежнюю систему базовых ценностей, руководствующегося мифологическими аксиомами деструктивности «до основанья, а затем», «рынок отрегулирует», «разрушить, а там что-нибудь как-то само построится».

Нам представляется крайне недостаточным тезис ряда современных исследователей, констатирующих положение, что социальная аномия рассматривается как *закономерная* составляющая общественной жизни в условиях социальной *трансформации*, как необходимая характеристика реформируемого социума, находящегося в *переходном* состоянии. В отношении российского социума следует переопределить концепты, ставшие клише: трансформация, переходное состояние и т. п. Двадцать лет трансформации, модернизации и переходного состояния убеждают нас в том, что эти концепты в отношении российского социума – пустые понятия, прикрывающие активные деструктивные процессы, деградацию социальной ткани, дезинтеграцию социума.

Нельзя ожидать, что сложная социокультурная система общества выживет сама собой, когда она находится во множественном системном кризисе и одновременно – в спонтанном режиме развития. В этом случае выживание сопряжено с потерей большинства высоких культурных достижений (в технологии, социальном устройстве, духовной сфере и др.) и приводит к социальной деградации общества, даже в том случае, если оно сохраняет свою социокультурную идентичность.

Социальная аномия – латентный фактор, влияющий на управляемость социальными процессами в обществе. Особенно ярко это проявляется в условиях политического и социально-экономического кризиса. Резкое снижение уровня жизни, рост безработицы приводят к социально-политической нестабильности и высокой социальной напряженности. Разрушение привычного образа жизни, ухудшение социальной инфраструктуры, ослабление роли социальных институтов отрицательно влияют на все стороны жизни населения. Политиче-

ская аномия характеризуется отрицательным отношением индивидов к политическим нормам и ценностям, проявляется посредством состояния политической апатии и беспомощности членов общества.

Э. Дюркгейм, разрабатывая свою теорию развития общества и особо выделяя значимость перехода от аграрного общества к индустриальному, заявлял, что сохранение социального порядка в обществе происходит через социальную интеграцию и регулирование [См.: 2, 3]. Все нации развивают образцы нормативного поведения и системы верований в процессе эволюции. В период перехода от аграрного общества к индустриальному происходит распространение новых норм и ценностей, которое разрушает равновесие, сложившееся в традиционном обществе, и ломает сакральные религиозные институты, традиционные убеждения и предписанные статусы. Аномия возникает потому, что разделение труда не может продуцировать достаточно позитивные контакты между членами общества и эффективную регуляцию социальных отношений. Подобные изменения заставляют людей сомневаться в эффективности старых культурных норм и правил, приводя к резкому росту аномии. В результате того, что появляется множество новых правил и других путей достижения целей, возникает непонимание действующих норм и правил. Такую ситуацию Дюркгейм определял как аномию [2, 3, 17]. Сопоставляя различные характеристики обществ, он пришел к выводу, что общество, в котором доминируют дифференциация и индивидуализм, наиболее склонно к состоянию повышенной аномии.

Так, причины современной аномии восходят к XVIII веку, когда в эпоху промышленной революции комплексное разделение труда размыло исторически сложившиеся социальные нормы. Это констатировал и К. Поланьи, утверждая, что отсутствие регулирующих норм в обществе приводит к встраиванию социальных отношений в рыночные, а не наоборот [8, с. 26–27]. С ситуацией такого встраивания социальных отношений в рыночные в условиях аномии Россия столкнулась в XX веке дважды. Первый раз – это так называемое приспособление советской власти к капитализму в условиях нэпа, второй – «шоковая терапия» младореформаторов в конце XX века. В обоих случаях социальные отноше-

ния трансформировались наиболее болезненным, катастрофическим для социума образом. Существовал приоритет экономических резонов над социальными отношениями.

Приведем в качестве примера два свидетельства. Незадолго до отъезда Питирим Сорокин пришел к своему старому товарищу по университетским годам — Пятакову с целью добиться освобождения одного их общего знакомого. Между ними состоялся весьма любопытный разговор. Сорокин пишет в своем дневнике: «Я сказал ему: „Пятаков, позволь спросить тебя, ты действительно веришь, что вы создаете коммунистическое общество?“ „Конечно нет“, — откровенно ответил он. „Вы понимаете, что ваш эксперимент не удался и что вы строите только примитивное буржуазное общество. Почему в таком случае вы изгоняете нас?“ „Ты не учишься, — сказал он, — что сейчас в России идут два процесса. Один из них — воссоздание буржуазного общества; другой — процесс приспособления советской власти к нему. Первый процесс идет быстрее, чем второй. Наша задача затормозить развитие этого первого процесса, но ты и другие ссылаемые ускоряете его“. ...В период перехода страны к нэпу правительство опасалось возрождения оппозиционных течений. Высылка ученых могла стать превентивной акцией» [Цит. по: 5, с. 133]. Второе свидетельство, не менее откровенное, от А. Чубайса. В одном из своих интервью он сказал буквально следующее: «А представление о справедливости у народа мы сломали еще ваучерной приватизацией» [6]. Младореформаторы не столько решали задачи экономического и государственного строительства, сколько старательно «забивали последний гвоздь в крышку гроба коммунизма». Социальная и политическая аномия обладают чрезвычайно активным деструктивным потенциалом, особенно в условиях системного кризиса.

Большевики, не сумев построить социальные отношения в рыночные, главным образом за неимением времени и благоприятных условий на гарантированно длительное социально-экономическое эволюционное развитие, после минимального преодоления состояния аномии и системного кризиса свернули политику нэпа. Это повлекло за собой необходимость поиска иных средств для решения задач индустриализации (среди них коллективизация, раскулачивание, репрессии ученых-экономистов и т. д.).

Здесь также нужно иметь в виду специфику российской системной традиции: то, что легко усваивалось Западом, в России отторгалось самой системой.

Причины, порождающие аномии, являются социальными (а не личностными и психологическими) и носят системный характер. Воздействие на сознание и поведение людей оказывают одновременно комплексы факторов, обладающие кооперативным эффектом. Поэтому можно принять, полагает С. Кара-Мурза, что проявления аномии как результат взаимодействия сложных систем будут мало зависеть от структуры конкретного потрясения, перенесенного общностью. Результат перестройки и реформы в социально-психологическом плане заключается в нанесении народу тяжелой культурной травмы. Это понятие определяют как «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», как разрушение культурного времени — пространства [4, с. 10].

Порядок и управление — эквивалентные понятия, отражающие статику и динамику рассматриваемого феномена. Социальный порядок — это то, что создается управлением. Управление реализуется различными «инструментами»: это государство, средства массовой коммуникации, общественность (гражданское общество как самоуправление), идеология и т. д. Отметим, что в связи со сказанным управление не только может, но и должно быть многообразным. Один тип управления (скажем, государственный или «рыночные механизмы») ведет общество к катастрофе. Рыночная экономика, действующая бесконтрольно, производит социальное опустошение. Грандиозная проблема социального контроля над процессом революционных по своему масштабу перемен не была по-настоящему осознана ни властью, ни обществоведами.

Необходимо отметить, что, изучая феномен аномии, ни Мертон, ни Дюркгейм не дали ее строгого определения. Вместе с тем сегодня общепризнано, что концепция Дюркгейма описывает состояние «безнормности». В свою очередь, это понятие включает в себя бессилие, отчуждение, путаницу относительно нормативных правил [См.: 17, с. 1211]. Наиболее четкую дефиницию этого явления среди многих других определений Мертон дал в работе, опублико-

ванной в 1964 году: «Аномия — это отсутствие консенсуса относительно норм, считающихся легитимными, и сопутствующая неопределенность и ненадежность в общественных отношениях» [17, с. 1211]. Иными словами, аномия представляет собой продукт быстрых социальных изменений и адаптивной реакции индивида на «проницаемую» систему социальной стратификации.

В работе, написанной в 1968 году, Мертон отмечал, что аномия возникает, когда уникальное культурное сочетание критериев успешности и средств ее достижения ведет к моральному нивелированию правил [См.: 13, с. 480]. Таким нивелированием выступил лозунг младореформаторов: «То, что не запрещено, то — разрешено». В условиях несовершенного законодательства это прямое поощрение активного использования прорех в нем. Более того, ныне это служит оправданием любых нарушений, которые называют общей практикой.

Если социальная аномия определяется как отсутствие консенсуса относительно социальных норм, атомизация общества, то аномия политическая по аналогии определяется как «чувство бессилия, цинизм, пустота и апатия в отношении политической системы» [12, с. 53].

Теоретики, касающиеся темы аномии, идут по пути толкования ее как ситуации, в которой не действуют прежние законы, а новые еще не созданы или их не было вовсе, как, например, в Новом Свете, где диссиденты из разных стран Старого Света объединились, чтобы создать свое государство. Либо трактовка аномии как ситуации, в которой человек игнорирует законы, склоняется к сознательному нарушению законов и правил жизни, принятых в социуме.

Однако в исследованиях современной аномии мы выделили бы два основных вектора (типа) аномии. Во-первых, это аномия жизнедеятельности социальной целостности. Объект аномии — социум в целом. И здесь можно говорить об аномии политической, экономической, социальной. Происходит разбалансировка, деструктурирование социальной ткани. Существенным результатом такого рода аномии является кризис управления. Во-вторых, это аномия, возникающая как следствие первого вектора, на уровне индивидуального человека. Речь идет о деструктивных изменениях в условиях жизни и жизнеобеспечения инди-

видуального человека, когда навыки социализации, весь жизненный опыт человека не позволяют ему, тем не менее, пережить без потерь социальный катаклизм. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения — вот условия возникновения аномии.

Политические и социально-экономические трансформации сопровождаются сменой ценностных ориентаций и радикальным изменением законодательства. Сосуществование прошлой нормативно-ценностной системы и нарождающейся новой нравственной и правовой системы норм сопровождается конфликтами, моральными коллизиями, дезорганизованностью в обществе.

Социальный порядок в феноменальной динамике субъективности связан с ее интеллектуально-эмоциональной архитектурой. По мнению О.Д. Шипуновой, стиль поведения в известном смысле автономен по отношению к ситуации, предполагает свободу выбора, но в конечном счете обусловлен социально [11, с. 73]. Целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Вынужденная адаптация порождает формы поведения индивида, описываемые общей теорией девиантного поведения.

Существует целый ряд исследований, связывающих между собой феномены политической аномии и политических изменений. Одним из результатов радикальной общественной трансформации оказывается рост преступности как ответ на угрозы по отношению к принятым общественным установкам [15, с. 98–99; 4, с. 179–234]. Угроза социальной стабильности возникает в ходе политических преобразований, в том числе и демократизации.

Исследователи современных процессов обращают внимание на то, что девиантное и делинквентное поведение широко распространяются в обществах, переживающих трансформацию. Более того, в условиях общего кризиса общества они могут приобретать тотальный характер. На

фоне усиления кризисных явлений нарастает неудовлетворенность своим положением. Массовое чувство социальной неудовлетворенности, невостребованности приводит к отчуждению от общества, к нарастанию тревожности. Одно из последствий социальной неудовлетворенности — нарастание пессимистичных настроений, даже появление деморализованного населения (упадок духа, растерянность). Типичной реакцией на аномию становятся безразличие к средствам достижения цели, цинизм, экстремизм. Механизм отклоняющегося поведения раскрывается через анализ взаимодействия нормативного регулирования, особенностей личности, ее отношения к норме и реальной жизненной конфликтной ситуации. Политическая аномия характеризуется состоянием «безнормия», порожденного спецификой функционирования политических институтов, политическими изменениями в масштабе страны или общественной группы, настроениями в сфере политического либо установками в отношении политики и политического процесса в целом.

В отличие от общества, переживающего потрясения кризиса, ситуация аномии в стабильном обществе сознательно моделируется в некоторых праздниках (например, карнавалах), что позволяет социуму каждый раз заново пережить иномерность своего бытия, «стряхнуть» рутину, актуализировать своего рода форму обратной связи социум — власть в символическом ритуале [См. об этом, напр.: 7].

Х. Верснел определяет периоды кризиса как временную смену порядка беспорядком, культуры — природой, космоса — хаосом, эвномии¹ — аномией [16, с. 583]. В своем фундаментальном исследовании, опубликованном в 1980 году, Верснел проводит аналогию между феноменологией траура — так, как он описан в самых разных антропологических материалах, — и периодами политического кризиса, когда социальные нормы и институты оказываются близки к полному исчезновению. Подобно

тому, как в период кризиса и аномии мы можем наблюдать распад нормальной структуры общества и беспорядочное смешение социальных ролей и функций, доходящее порой до полной инверсии обычаев и культурно обусловленных моделей поведения, в ситуации траура имеет место распад или переворот всех общественных отношений [Там же]. Это существенно в условиях смены властителя, войны или внутренней нестабильности, угрожающей хаосом и деструкцией.

В стабильном социуме потенция и аномии, и социального порядка персонифицирована в верховном правителе как источнике инициативы чрезвычайного положения, т. е. в том, кто способен навести порядок, объявив для этого чрезвычайное положение. Это означает концентрацию, полноту власти, абсолютные полномочия. По мысли Д. Агамбена, выражение «абсолютные полномочия» (*plains pouvoirs*), которым порой характеризуется чрезвычайное положение, связано с расширением правительственных полномочий, и в частности с предоставлением исполнительной власти права издавать указы, имеющие силу закона [1, с. 15]. Это словосочетание возникло из понятия *plenitudo potestatis*², разработанного в той терминологической лаборатории современной правовой публицистики, каковой является каноническое право. Предпосылка здесь такова: чрезвычайное положение означает возвращение к тому плероматическому³ первоначальному состоянию, в котором разделения властей (на законодательную, исполнительную и пр.) еще не произошло. Как мы увидим, чрезвычайное положение скорее схоже с кеноматическим⁴ состоянием, правовым вакуумом, а идею единства и начальной полноты власти следует считать юридической мифологемой, аналогичной идее естественного состояния. В любом случае термин «абсолютные полномочия» определяет одну из возможных модальностей действия исполнительной власти в период чрезвычайного положения, однако не совпадает с ним.

¹ Эвномия (благозаконие) — в древнегреческой мифологии одна из гор, дочерей Зевса и Фемиды, богиня законности. Горы были богинями времен года, покровительницами урожая и живительных сил природы. Вместе с тем горы упорядочивали жизнь человека, вносили в нее установленную периодичность и наблюдали за ее закономерным течением.

² Полнота власти (*лат.*).

³ От греч. πλήρης — полный, наполненный.

⁴ От греч. κενός — пустой, порожний.

Д. Агамбен подчеркивает, что чрезвычайное положение⁵ — это не особого рода право (подобно праву военному); будучи временным упразднением самого юридического порядка, оно обозначает его предел, или понятие-границу [1, с. 14].

Известно, что прецеденты «чрезвычайного положения» восходят к римскому праву. Агамбен, проследившая практику эволюции осадного положения как меры военного права времен Наполеона Бонапарта, показывает его «превращение» в чрезвычайное положение как политическое. Таким образом осадное положение превратилось из действительного (т. е. военного) в фиктивное (т. е. политическое). В любом случае важно помнить, что современное чрезвычайное положение — это порождение именно демократически-революционной, а не абсолютистской традиции [Там же].

В условиях системного кризиса жизненно важно преодоление диффузии политической воли, необходимы ее мобилизация и концентрация. Смысл гражданского общества, его главное предназначение и функция заключаются не в противопоставлении и не в противостоянии власти (государству), а в реализации эффективного обуздания и контроля действия рыночного механизма на социум в целом и на человека в отдельности посредством эффективного взаимодействия, сотрудничества с властью или давления на власть в этом аспекте. Стратегические области сохранения и развития социума в целом, такие как здравоохранение, образование и наука, зависят от того, как справляются с контролем рыночного механизма власть и общество.

На этапе становления гражданского общества полнота ответственности по контролю и

минимизации деструктивного воздействия на социум стихии рынка ложится на власть. Именно этот сюжет становится демаркационной линией в оценке режима как бонапартистского, берущего в берега стихию революции, в отличие от правоавторитарной диктатуры пиночетовского толка, обуздывающей социум, власти, принуждающей общество в жестко-деструктивной форме адаптироваться к рынку, а не вписывающей его посредством законодательного регулирования, встраивающей рыночные отношения в существующие социальные отношения.

Таким образом, аномия, детерминированная социальной и политической безнормностью, вследствие системного кризиса является предпосылкой к возникновению бонапартистской ситуации. Бонапартизм — это специфическое обнаружение социального порядка, который возникает в условиях системного кризиса и предстает как режим персональной власти, установленный «по видимости» народного волеизъявления [См. об этом подробнее: 9].

Системный кризис, кризис управления, конфликт элит, слабость гражданского общества порождают условия, когда социум апеллирует к надпартийному, надклассовому арбитру, способному предъявить обществу свою готовность к максимально широкому выражению интересов большинства населения. Поиск консенсуса в обществе — это не популизм. Популизм как мера срабатывает лишь на коротких дистанциях предвыборной гонки. Речь идет о стратегиях развития, четких определениях целей и средств. В этом смысле феномен бонапартизма оправдывает свою историческую востребованность. Подчеркнем, что мы отличаем бонапартизм от правоавторитарных диктатур пиночетовского типа. Бонапартизм, возникающий закономерно как завершение социальной революции или в результате социального катаклизма, позволяет решить целый ряд насущных задач по преодолению аномии и восстановлению социального порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен, Д. Ното сасег. Чрезвычайное положение [Текст] / Д. Агамбен. — М.: Европа, 2011.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественно-го труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм; пер. с фр. и послесл. Л.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990.

3. Он же. Самоубийство: социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Н. Ильинского; изд. подгот. Вал. А. Лукова. — СПб., 1998.

4. Кара-Мурза, С.Г. Аномия в России: причины и проявления [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Науч. эксперт, 2013.

5. **Медушевский, А.Н.** Питирим Сорокин и революция в России [Текст] / А.Н. Медушевский, И.В. Сабенникова // Полит. лидер, партии и общество: сб. ст. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. – С. 110–133.
6. **Петр Авен** и Альфред Кох ищут правду о 1990-х [Электронный ресурс]: интервью с А. Чубайсом. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/news_s_3475_op_6.html (дата обращения: 15.10.2010).
7. **Пигров, К.С.** К метафизике праздничности [Текст] / К.С. Пигров, Е.А. Смирнов, Н.Л. Юдин. – М.: Юнити-Дана : Элит, 2011.
8. **Полянй, К.** О вере в экономический детерминизм [Текст] / К. Полянй // Избр. работы. – М.: Территория будущего, 2010.
9. **Протасенко, И.Н.** Бонапартизм: власть и ценности [Текст] / И.Н. Протасенко // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Сер. Гуманит. и обществ. науки. – 2012. – № 2 (148). – С. 125–129.
10. **Социальное:** истоки, структурные профили, современные вызовы [Текст] / под ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. – М.: РОССПЭН, 2009.
11. **Шипунова, О.Д.** Метадискурсы социального порядка [Текст] / О.Д. Шипунова // Метадискурсы коммуникации и проблемы обществ. диалога: сб. ст. / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – С. 70–77.
12. **Farris, C.D.** Selected attitudes on foreign affairs as correlates of authoritarianism and political anomie [Text] / C.D. Farris // J. of politics. – Austin (TX), 1960. – Vol. 22, Nr. 1. – P. 50–67.
13. **Featherstone, R.** Anomie and strain: Context and consequences of Merton's two theories [Text] / R. Featherstone, M. Deflem // Sociological inquiry. – Oxford, 2003. – Vol. 73, Nr. 4. – P. 471–489.
14. **Orru, M.** Weber on anomie [Text] / M. Orru // Sociological forum. – Oxford, 1989. – Vol. 4, Nr. 2. – P. 261–270.
15. **Pridemore, W.A.** Democratization and political change as threats to collective sentiments: Testing Durkheim in Russia [Text] / W.A. Pridemore, S.-W. Kim // Annals of the American academy of political and social science. – Philadelphia (PA), 2006. – Vol. 605, Nr. 1. – P. 82–103.
16. **Versnel, H.S.** Destruction, Devotio and Despair in a situation of anomy: the mourning for Germanicus in triple perspective [Text] / H.S. Versnel // Perennitas. Studi in onore di Angelo Brelich. – Roma, 1980.
17. **Zhao, R.** Social change and anomie: A cross-national study [Text] / R. Zhao, L. Cao // Social forces. – Vol. 88, Nr. 3. – March 2010. – P. 1209–1229.

УДК 141.81:141.821;304.9

М.В. Иванов

УТОПИЯ И ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Понятие «утопия» сегодня в обыденном употреблении несет отрицательно-оценочный смысл, являясь именем нарицательным для обозначения различных нереальных и неосуществимых проектов. Говоря об утопии, часто апеллируют к названию произведения Т. Мора «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», с которого, собственно, и началась история данного термина. Однако если мы обратимся к этимологии слова *Utopia*, то обнаружим двусмысленность в его происхождении и понимании [1, с. 16]. Оно может быть понято как *ou + topia*, что означает место, которого нигде нет, и как *eu + topia*, т. е. хорошее, идеальное место. Словари нередко приводят только первый из двух вариантов этимологии данного слова, делая акцент на недостижимости или нежизнеспособности утопии. Таким образом, уже при первом, основывающемся на этимологии слова, определении часто происходит сужение и упускаются из вида свойственные утопии социально-критическая, предвосхищающая и прогностическая функции, выраженные в стремлении к социальному идеалу, неизбежно в той или иной форме противопоставляемому несправедливой и жестокой реальности Здесь-существующего, а также в поиске путей его достижения без отрыва от конечной цели.

В настоящее время ввиду стремительных и масштабных изменений, происходящих в социуме, одной из важнейших задач социальной теории является рассмотрение альтернативных вариантов развития действительности. Утопия, выполняющая, помимо прочих, прогностическую и социально-критическую функции, вновь оказывается востребованной для социального анализа. Однако утвердившееся одностороннее понимание утопии является препятствием на этом пути, в связи с чем крайне актуальным становится осмысление соотношения утопии и идеологии в обществе и социальных науках.

Целесообразным выглядит разграничение понятий «утопия» и «утопизм». В отличие от

утопии последний всегда означает нечто абстрактное, умозрительное, нереальное [2, с. 15], т. е. не выходит дальше первой этимологической трактовки *ou + topia*. Утопизм не связан с объективно существующей исторической тенденцией, оставаясь, как говорят англичане, *wishful thinking* (ни к чему не обязывающим мечтанием). На значение этого разграничения в свое время указывал Ю. Хабермас, отмечая вклад Э. Блоха и К. Мангейма¹ в осмысление феномена утопического: «Только Эрнст Блох и Карл Мангейм в нашем столетии очистили выражение „утопия” от привкуса утопизма и реабилитировали его как чистую среду для проекта альтернативных возможностей жизни, которые должны быть заложены в самом историческом процессе» [цит. по: 3, с. 364].

Именно двум вышеназванным исследователям принадлежит честь научного обоснования претензии утопии не быть *wishful thinking*, или ни к чему не обязывающими конструкциями одиноких интеллектуалов. Именно с К. Мангейма и Э. Блоха начинается новое понимание утопии как интенции в сознании человека — отсюда и появляется термин «утопическое сознание». Утопический импульс заложен в психической структуре индивида, но, что не менее важно, он также связан с объективными историческими процессами внешнего мира.

Поиск альтернативы и связанное с ним появление теорий социальной критики задаются самим характером действительности, а именно ее процессуальностью. Действительность — это процесс, это разветвленная система связей между Здесь-существующим, неоконченным прошлым и возможным будущим. «Многое в мире еще не завершено», — писал Э. Блох в работе «Принцип надежды» [4, с. 50]. Не завершено ни

¹ В отечественной литературе встречается несколько вариантов перевода и написания фамилии немецкого ученого. Мы остановились на варианте, представленном в подготовленном В.А. Чаликовой сборнике «Утопия и утопическое сознание» (М., 1991), как на наиболее адекватном, на наш взгляд.

во внутреннем «Я» человека (человек — это проект, как примерно в то же время учили экзистенциалисты), ни снаружи, во внешнем мире, также пребывающем в становлении. И там, и там мы имеем дело только с процессами, т. е. динамичными отношениями, в ходе которых Здесь-существующее никогда не становилось окончательным. В истории нет жесткого детерминизма, в ней есть лишь процессы и тенденции. Эти процессы и тенденции отражаются в психике и сознании человека, в свою очередь, «работающих» над тем, что находится извне, производя волевой импульс, направленный на возможное будущее и преобразующий Здесь-существующее, — наподобие знаменитых «стрел тоски» по новому миру, столь поэтично описанных Ф. Ницше в «Так говорил Заратустра».

Отчасти прав основатель «теологии надежды» Ю. Мольтман, друг и коллега Э. Блоха по Тюбингенскому университету, в обоснование своей интерпретации христианской эсхатологии утверждавший, что будущее онтологически предшествует настоящему. Если и не предшествует, то обязательно присутствует или предвосхищается в нем, — добавим мы. Но это присутствие и предвосхищение возможны только как прорыв субъективности, свободное и активно-волевое участие человека в историческом процессе. Жесткий детерминизм или историцизм оказывается на деле не более чем идеологией, призванной объяснить и оправдать существующий status quo в интересах определенной группы или класса. Как показала практика, от историцистской ловушки редукции к идеологии оказался не застрахован даже марксизм — одна из наиболее разработанных социальных критических теорий. На эту опасность с тревогой указывал А. Грамши, находясь в фашистской тюрьме и размышляя над «Популярным очерком»² Н. Бухарина, во многом предвосхитившим идеологизированную форму сталинской философии марксизма-ленинизма [5, с. 74]. Забвение факторов субъективности и поворот к грубым идеологическим формулам привели, как известно, проект советского марксизма к краху.

² Под «Популярным очерком» А. Грамши имел в виду работу Н. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный очерк марксистской социологии».

Утопия противостоит идеологии по своей направленности и в этом противостоянии опирается на конкретный коррелят в самой меняющейся действительности, придающей ей «реально возможную, диалектико-материалистически обусловленную новизну» [4, с. 50]. Эта связь утопии с объективной реальностью и происходящими в ней процессами заложена во внутреннем слое сознания человека. Э. Блох называл его Еще-Не-Осознанным или предсознательным — «психологическим местом рождения Нового» [См.: 6, с. 90], в противовес Уже-Не-Осознаваемому (тождественно бессознательному в учении З. Фрейда), всегда обращенному в прошлое. Еще-Не-Осознанное прямо ответственно за юношеские мечтания и дневные мечты (Tagtraum), за способность человека к предвосхищению и творческим озарениям, проявляясь в религии, искусстве и науке. По аналогии с психоанализом Блох говорит о сопротивлении Еще-Не-Осознанному, однако причины его заложены скорее не в субъекте (оно редко имеет невротические черты), а в предмете — в исторических и социальных барьерах Здесь-существующего.

Разобравшись с обоснованностью претензий утопии не быть wishful thinking, рассмотрим ее в отношении к объективному историческому процессу и функционированию психики человека, зададимся вопросом: в чем же причины ее современной маргинализации и даже криминализации как в научном сообществе, так и в общественной сфере? Нет ли здесь связи с идеологической ситуацией в современном мире, становящемся все более и более однородным в процессе неолиберальной глобализации и, следовательно, тотально погруженным в торжествующую идеологию, как ее понимал Маркс? Не скрыта ли здесь угроза безальтернативности — «нового дивного мира» моноидеологии, пытающейся переложить на Другого (утопию) негативные свойства, присущие ей самой?

Действительно, сужение в понимании утопического особенно заметно проявилось в 1990-е годы. На фоне краха Советского Союза и повсеместно утверждаемой безальтернативности неолиберального капитализма (если, конечно, не рассматривать в качестве альтернативы религиозно-фундаменталистские проекты возврата к Средневековью, впрочем, на экономическом уровне не выходящие за пределы

капиталистической миросистемы и полностью детерминированные ею) появляются интеллектуалы, провозглашающие «конец истории». Утопией стали называть либо сугубо литературный жанр, либо несбыточные социальные проекты, т. е. трактовать ее как что-то несерьезное и неосуществимое. Связанное с утопией понятие «возможного» (одно из ключевых в философии Э. Блоха) оказалось практически полностью исключенным из социального анализа, где остались лишь понятия «действительного» и «невозможного».

В современной либеральной мысли существует также тенденция трактовать утопию как побочный продукт идеалов Просвещения. Утверждается, что в идее господства разума (утопический проект видится наиболее последовательным и полным воплощением ее в жизнь) заложена потенциальная опасность для общества и свободы человека. Действительно, проблема отношения власти и рациональности была одной из самых важных для философии XX века, когда заветная для эпохи Просвещения мечта достичь свободы с помощью разума обратилась в господство самого разума, узурпировавшего место свободы. Однако, справедливости ради, отметим, что эта проблема была наиболее глубоко разработана отнюдь не либералами, а теоретиками Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе), чья оценка утопии была едва ли не противоположной оценке либералов: в утопии подчеркивалась ее социально-критическая функция, в ней виделась действительно гуманная альтернатива обезличенному и стандартизированному обществу развитой индустриальной цивилизации, апологетами которой выступали философы вроде К. Поппера.

Ряд авторов вообще поспешили объявить утопию криминальной, объясняя сам феномен через приписываемые ему результаты в виде различных негативных исторических практик, обобщенных в понятии «тоталитаризм». По мнению этих авторов, утопии вполне осуществимы и мы уже пережили «тоталитарный» утопический опыт, под которым чаще всего понимается опыт социалистического строительства в СССР, странах восточного блока и КНР. Поэтому с учетом имеющихся результатов, считают они, можно сделать выводы о «тоталитарной», «антигуманной» сути утопии, всегда начинаю-

щейся как мечта, но неизбежно оборачивающейся кошмаром. Сторонники данной точки зрения своей современной задачей видят недопущение реанимации прошлых «тоталитарных» порядков, подспудно записывая в оные все проявления (или даже намерения к частичному осуществлению) социальных моделей, альтернативных неолиберальному капитализму, закрывая ради этого глаза на все его вопиющие недостатки. Отметим, что данная тенденция в объяснении утопии существовала много раньше 1991 года – она заявила о себе после Второй мировой войны. Например, у ряда представителей литературного жанра антиутопии в англо-саксонских странах (самой одиозной и последовательной в своих взглядах была А. Рэнд). Однако именно после 1991 года в связи с коллапсом альтернативы и утверждением однополярного мира (не только в геополитическом, но и в культурном и социально-экономическом смыслах) эта тенденция стала доминирующей.

Хотя Советский Союз как социалистический проект в 1960–1980-х годах стремительно деградировал, все больше отступая от социалистического вектора развития, для многих жителей нашей планеты он продолжал являться *реально существующей альтернативой* (пусть даже и квазисоциалистической) капитализму в рамках индустриального способа производства. Независимо от ответа на вопрос о природе общественного строя в СССР сам факт существования этой модели и напряжение, вызываемое им у правящих кругов ведущих западных держав, создавали пространство для поиска третьего – действительно нового и более гуманного общественного устройства, т. е. открывали дорогу проекту утопии, заставляли считаться с ней. Об эпохе 1960–1970-х годов мы поистине можем говорить как о глобальном ренессансе утопического. Реабилитирующий утопию голос Э. Блоха или Г. Маркузе звучал много громче голоса К. Поппера, выносящего ей приговор. Пробудившийся «третий мир» в лице социалистических и национально-освободительных движений предлагал иную – героическую и неотчужденную – модель жизни. Достаточно вспомнить концепции «нового человека» Э. Че Гевары или сандинистского лидера К. Фонсеки. Динамическое волевое начало, содержащееся в утопии, находило свое воплощение в действительности либо в светской, либо в рели-

гиозной форме, тем самым опровергая тезис о принципиальной невозможности альтернативы и доказывая, что утопия является необходимой предпосылкой реальных социальных преобразований. По верному замечанию Р. Гароди, реабилитация и распространение утопического подхода к социуму в 1960-х годах были важным и воодушевляющим симптомом, на который следовало обратить самое пристальное внимание, чтобы не остаться безучастными к росткам «новой жизни» [7; цит. по: 8, с. 102]. Однако глобальные перемены конца 1980-х – 1990-х годов в корне изменили представления об утопическом. Налицо зависимость трактовки утопии от господствующей идеологии или баланса идеологий.

Появление и распространение таких квазинаучных определений утопии можно объяснить с учетом ее сущностной оппозиции идеологии, раскрытой в свое время К. Мангеймом. Между этими двумя понятиями существует особое отношение, без понимания которого невозможно разобраться в феномене утопического. Когда заходит разговор об утопии, мы очень часто неизбежно оказываемся на территории идеологии, сознательно или бессознательно транслируя последнюю в своих суждениях. С этой ситуацией мы и столкнулись выше, когда утопия заранее сводилась к «тоталитаризму» или к несерьезному фантазерству. Посредством оптики «материка» идеологии невозможно исследовать «острова» утопии. В свою очередь, именно утопия составляет основу для всякой подлинной социальной критики, т. е. возможность критики идеологии, покрывающей и «консервирующей» действительность, начинается с утопии. Утопическое «нигде» оказывается единственным местом, откуда можно критиковать «здесь» идеологии или, по выражению П. Рикера, «только из глубин утопии мы можем говорить об идеологии» [См.: 9, с. 25].

Понимание бытия, необходимое для социального анализа, кардинальным образом отличается от продиктованного той или иной идеологией. Вместо продуцируемого последней «бытия вообще» мы всегда должны иметь в виду конкретно историческую или конкретно значимую форму общественного бытия, т. е. реально функционирующего и потому реально определяющего жизненное устройство. Это касается главным образом экономической и политической струк-

тур общественного бытия, выступающих его ключевыми детерминантами. Определяющая роль той или иной структуры при детерминации может меняться в зависимости от особенностей того или иного способа производства и механизма присвоения прибавочного продукта.

Бытию и действительности свойственна процессуальность, они меняются. Только поняв законы и принципы этих изменений, мы можем приблизиться к пониманию, «каковы вещи на самом деле», по выражению английского поэта У. Блейка, во многом предвосхитившего марксистское учение об идеологии [Там же. С. 18]. Каждая из стадий исторического бытия неизбежно обволакивается представлениями, трансцендирующими это бытие. Эти представления не согласуются с существующим жизненным устройством, и в этом смысле они, пожалуй, и в самом деле «нереальны», так как при данном социальном порядке их содержание реализовано быть не может. Жить и действовать в соответствии с такими представлениями если не невозможно, то крайне проблематично: даже при крайней степени субъективной убежденности их носители в повседневной жизни объективно вынуждены идти на многочисленные компромиссы.

К. Мангейм в работе «Идеология и утопия» приводит в качестве примера представление о христианской любви к ближнему, существовавшее в обществе, основанном на крепостничестве [10, с. 115; см. также: 11]. Даже если такое представление совершенно искренне принять в качестве мотива индивидуального поведения, последовательно строить свою жизнь в духе христианской любви в обществе, основанном на ином (эксплуататорском) принципе, невозможно. Отдельный человек, как утверждает Мангейм, «если он не намеревается взорвать эту общественную структуру – неизбежно будет вынужден отказаться от своих благородных мотивов» [10, с. 115–116]. В этом случае христианству уготовлена роль того самого ложного сознания, пресловутого «опиума для народа», лишь примиряющего человека с существующим status quo и увековечивающего конкретную стадию бытия, т. е. роль идеологии, которую оно довольно успешно выполняло на протяжении многих веков.

Однако история знает и другую роль христианства. Оговорка Мангейма «если» совсем

не случайно. Ведь первой исторической формой утопического сознания Мангейм называет именно христианский хилиазм позднего Средневековья и Реформации, когда «свободно парящие или направленные на потусторонний мир чаяния внезапно обрели посюстороннее значение, стали восприниматься как реализуемые здесь и теперь и наполнили социальные действия особой яростной силой» [10, с. 129]. «Царство Небесное» христианской эсхатологии оказалось тождественным утопическому «нигде», вступив в прямое противостояние с крепостническим «здесь». Тот факт, что христианство, изначально бывшее, безусловно, трансцендирующим по отношению к наличному бытию, одновременно принимало две противоположные формы — идеологии и утопии, демонстрирует внутреннюю противоречивость его учения, существование в нем двух противоположных тенденций, в разной степени выраженных на различных исторических этапах. С легкой руки недавно скончавшегося Р. Гароди³ обозначим эти тенденции как константинианский и апокалиптический полюса христианства. В настоящее время в разных регионах земного шара снова наблюдается обострение этого противоречия внутри христианства — наиболее

распространенной и разветвленной религиозной традиции. Фундаментализм и консерватизм представляют первый, константинианский полюс, дискурс социальных перемен и теология освобождения — второй.

Таким образом, идеология, провозглашая «неадекватные» существующему (трансцендентные бытию) цели, на самом деле реализует совсем иные. Посредством идеологии неосуществимые в данном социальном устройстве идеи и стремления становятся социально безопасными за счет их вытеснения за пределы общества и истории. Идеология представляет консервативную тенденцию. Утопия, так же как и идеология, трансцендентна наличному бытию, однако выражает принципиальное несогласие с имеющимся состоянием вещей и стремится преобразовать существующую действительность, приблизив ее к своим представлениям, не отступая от своих целей. То есть утопия хотя бы потенциально, но всегда революционна. Вышеописанные определения (утопия как неосуществимое и поэтому несерьезное либо осуществимое, но неизбежно вместо счастья приводящее к тоталитарному кошмару), получившие распространение как в обыденной жизни, так с некоторых пор и в гуманитарном сообществе, непригодны для научного анализа утопии как общественного явления, поскольку они навязывают оценку прежде, чем мы приступаем к исследованию вопроса.

³ См. его работы 1960-х — начала 1970-х годов («От анафемы к диалогу», «За возрождение надежды», «Альтернативы»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Audun, J.** Morch The novelistic approach to the utopian question. Platonov's Cevengur in the light of Dostoevskij's anti-utopian legacy [Text] / J. Audun. — Oslo, 1997.
2. **Шестаков, В.П.** Понятие утопии и современные концепции утопического [Текст] / В.П. Шестаков // *Вопр. филос.* — 1972. — № 8.
3. **Вершинин, С.Е.** Эрнст Блох — жизнь и творчество [Текст] / С.Е. Вершинин // Блох Э. Тюбингенское введение в философию. — Екатеринбург, 1997.
4. **Блох, Э.** Принцип надежды [Текст] / Э. Блох // Утопия и утопическое мышление. — М., 1991.
5. **Грамши, А.** Тюремные тетради [Текст] / А. Грамши. — Ч. 1. — М., 1991.
6. **Geoghegan, V.** Utopianism and Marxism [Text] / V. Geoghegan. — L.; N. Y.: Methuen, 1987.
7. **Garaudy, R.** L'Alternative [Text] / R. Garaudy. — P., 1972.
8. **Кирвель, Ч.С.** Утопическое сознание. Сущность, социально-политические функции [Текст] / Ч.С. Кирвель. — Мн., 1989.
9. **Williams, N.M.** Ideology and utopia in the poetry of William Blake [Text] / N.M. Williams. — Cambridge University Press, 2007.
10. **Мангейм, К.** Идеология и утопия [Текст] / К. Мангейм // Утопия и утопическое сознание. — М., 1991.
11. **Гура, В.А.** Идея Бога в контексте европейской истории [Текст] / В.А. Гура // *Науч.-техн. вед. Сер. Гуманит. и обществ. науки.* — 2010. — № 1 (105). — С. 229–236.

УДК 115

А.Г. Горбунова

СОБЫТИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Событие — это один из самых загадочных и сложных для понимания концептов современной мысли. Категория события — одна из ключевых для понимания современной философии, однако ввиду обилия подходов к данному понятию и частого отсутствия терминологической ясности в его употреблении представляется необходимым прояснить место и роль события в современной философии и обозначить возможные подступы к философской интерпретации этой категории. Задача данной работы состоит в интерпретации категории события в широком поле современной философии. Исследование категории события является той путевой нитью, с помощью которой можно проследить путь метафизики. Актуальность темы также в том, что она маркирует уход от теоретизма на путь выработки постметафизического мышления, вобравшего в себя онтологический и лингвистический повороты, или, проще говоря, на путь практической философии, ориентированной на экзистенциально значимое знание. Новизна и значимость разработки проблемы события концентрируются в точке антитезиса по отношению к спекулятивному типу рефлексии истории. Данная статья анализирует традицию философской рефлексии проблемы события в ее эволюции от классических парадигм к постструктуралистским.

Для начала рассмотрим самое общее проблемное поле, в котором мы находим понятие события. В конце XIX — первой половине XX века понятие события становится одним из ключевых для философии и оказывается в центре самых разных философских систем. Но под событием в этих философских системах часто подразумеваются совершенно несходные вещи. В этом смысле разговор о том, как событие понимается в современной философии, рискует превратиться в разговор об омонимах, под которые едва ли можно подвести общий знаменатель. Однако в самом регулярном обращении современной философии к теме события все же прослеживается некое единство поиска. Речь здесь идет в том числе о поиске некой перво-

начальной реальности, предшествующей как субъекту, так и объекту, и имплицитно включающей эти два полюса. Еще во второй половине XIX века в школе неокантианства понятие субъекта было переосмыслено таким образом, что субъект и объект оказались двумя полюсами некой исходной реальности [10, с. 173]. Такая «первая реальность» синонимична событию и ряду других понятий, призванных ее ухватить. Это «нейтральные элементы опыта» в эмпириокритицизме Маха, «чистый опыт» Джеймса, «логические атомы» Рассела, «исторический опыт» Анкерсмита. В XX веке появились теории, показывающие неразличимость или, вернее, искусственную природу различения субъекта и объекта познания, необоснованность наделения их различной онтологической природой, их единство в целостной структуре бытия-в-мире, или в жизненном мире, который я могу познавать только постольку, поскольку я являюсь его неотъемлемой частью. Сам поиск реальности, предшествующей субъекту и объекту, задает новую парадигму онтологии. Для онтологии, как она сформировалась в Древней Греции, само словосочетание «онтология события» — оксюморон: никакая онтология события невозможна, поскольку онтология по определению имеет дело со ставшим и неизменным, с бытием, а не со становлением, вечным потоком, историей. Правда, и здесь все не так однозначно: мы можем вспомнить Гераклита и диалектику Платона. Понятие события в XX веке находится в центре не только у таких философов, как Хайдеггер и Витгенштейн, но и у А.Н. Уайтхеда, создавшего своеобразную «метафизику события», и у Ж. Делёза, и у А. Бадью. Событие также одно из ключевых слов для М. Бахтина.

М. Фуко выделяет в недавнем прошлом три основные попытки концептуализировать событие: неопозитивизм, феноменологию и философию истории [11, с. 451]. Неопозитивизму не удалось рассмотреть событие в его особости: он не различил событие и положение вещей, в результате чего событие стало пониматься как нечто материальное. Феноменология же «либо

располагала голое событие до смысла или по соседству с последним – твердыня фактичности, безмолвная инерция случайностей, – а затем подчиняла событие активным процессам осмысления, вгрызания в него и его разработки; либо же феноменология допускала область первичных сигнификаций, которая всегда существовала как некая диспозиция мира вокруг Я, следующая по его пути и за его привилегированными локализациями, заранее указывая, где событие может произойти и его возможную форму. Либо кот, чей здравый смысл предшествует улыбке, либо общезначимый смысл улыбки, предвосхищающий кота. Либо Сартр, либо Мерло-Понти. Для них смысл никогда не совпадает с событием: из этого вытекают логика сигнификаций, грамматика первого лица и метафизика сознания» [11, с. 451]. Философия истории же, согласно Фуко, заключает событие в циклическую модель времени. «Ее ошибка – грамматическая; философия истории рассматривает настоящее как то, что обрамлено прошлым и будущим; настоящее – это бывшее будущее, где его форма была предуготовлена, а прошлое, которое произойдет в будущем, сохраняет идентичность своего содержания. Прежде всего, такое понимание настоящего требует логики сущностей (которая закладывает настоящее в памяти) и логики понятий (где настоящее заложено как знание о будущем), а затем и метафизики завершенного и связанного космоса, метафизики иерархического мира» [Там же. С. 452]. Таким образом, истории приписывается смысл, получается вневременная история. Все это слишком сильно замешано на Гегеле и основано на метафизике. Событие оказывается подчинено твердо централизованному порядку.

Мы видим три системы, потерпевшие неудачу в осмыслении события. Но в чем же заключается возможная удача? К теме события трудно подойти, учитывая, что она обращена ко всему многообразию его понимания: от *dasein* Хайдеггера, поступка Бахтина до «чистого события» как безличной и доиндивидуальной сингулярности Делёза и возможного характера процедур понимания («единство моментов истин») Бадью.

Что такое само событие? Обратимся для начала к русскому языку, а затем к историческому дискурсу, поскольку именно у них философская речь заимствовала этот термин. Рас-

смотрение понятия «событие» в русском языке призвано помочь нам увидеть многогранность и философскую нагруженность этой категории, поскольку философская терминология вырастает на почве повседневного языка, как и само философское познание опирается на жизненный мир человека как свою основу. Словарь В.И. Даля определяет событие как «событность кого с кем, чего с чем, пребывание вместе и в одно время; событность происшествий, совместность по времени, современность. | Событие, происшествие, что сбылось, см. сбывать» [4]. Событию синонимичен случай (быль, приключение, происшествие, притча, дело, что случилось, случилось, сбылось; обстоятельство, встреча; все неожиданное, непредвиденное, внезапное, нечаянное). Случай – это, например, мужик в ведре утонул. Случай – это и некоторая пора, обстоятельство, и нечаянное совпадение, и встреча, и то, что можно упустить. Событие – это то, что сбывается (исполняется, совершается, делается, случается по думаному, гаданому, предположенному). Сбывается пророчество или предчувствие. В подблюдной песне поется: «кому вынется, тому сбудется, не минуется» [Там же]. Событие – это то, что происходит (исходит, делается, начинает, проистекает, берет начало, возникает, рождается), как взрыв на пороховом заводе, собрание по средам или Волга из тверских болот. Событие – явление предела. А предел – это «начало или конец, кон, межа, грань, раздел, край, рубеж или граница; конец одного и начало другого, в смысле вещественном и духовном» [Там же]. Предел моря – берег, предел суши – вода, предел жизни – смерть. Повторимся, событие – это граница (и снова рубеж, предел, межа, конт, край, кромка, конец и начало, стык, черта раздела).

Но оставим русский язык и продолжим набор синонимов уже из философской речи. Событие – аналог поступка, встречи или сингулярности. Событие, несомненно, должно отличаться от происшествия и эмпирической фактичности. Оно уходит от истолкования как одно из «первых начал», то, что участвует в самом формировании субъективности, и потому уходит от любых определений. Действительно, было бы неверно полагать, что есть некий готовый субъект, с которым происходит событие. Событие само лежит в основе явления субъекта; вначале событие, а уже потом или не потом, а

сразу, но — через событие — субъект. Событие — всеобъемлющая категория, ведь событие суть видимое существование бытия. Плодотворно для понимания события его сопоставление с категорией опыта. Событие — единица опыта. Почему именно через опыт стоит раскрывать событие? Потому что именно опыт есть то, что предшествует категориям субъекта и объекта, а затем происходит дробление данного на эти две категории. Мы говорили выше, что поиск реальности, предшествующей субъекту и объекту, это и есть та область, в которой ищут событие в XX веке. Опыт события, он предшествует истине. Первоначально нам дан опыт, и то, что мы начинаем различать на позднейшем этапе как субъект и объект, должно быть почерпнуто из опыта, но не наоборот. В событийной парадигме опыт вытесняет истину и ложность. Резонно возникает вопрос: от имени какого (трансцендентального) субъекта могла бы быть провозглашена истина? Изначально мир дается нам таким образом, что разделить язык и мир невозможно. С чем мы реально имеем дело, так это с гремучей смесью опыта, из которой позднее выделяется оппозиция слово-вещь.

Другой, более субъективный аналог события — это утрата. Это наше выпадение из прошлого и выпадение в историю как гештальт-переключение, дарующее нам исторический опыт. Событие как утрата может быть прослежено на материале культуры в целом и индивидуальной человеческой психики. Архетипом того, что было утрачено в таком дарующем историческом опыте события, выступает образ утраченного рая. Здесь же событие — это травма. Чтобы событие было травмой в полном смысле слова, оно должно нести с собой полную смену идентичностей (смерть Сократа, явление Христа, Французская революция).

Как уже было сказано выше, интерес к теме события замешан на осознании, что «старая» метафизика, предполагающая жесткую взаимосвязь причины и следствия, исчерпала себя. Иной, становящийся тип метафизики опирается на спонтанность и неповторимость событий. Для неклассического типа рациональности характерна обращенность к спонтанности бытия и ее принципиальной событийности. Постнеклассическая наука имеет дело с нелинейным миром, в котором возрастает вероятность совершения маловероятных событий. Такие

события воспринимаются как необратимость, спонтанность, скачок из потенциальности в актуальность. Характер нового типа метафизики определяется тем, что бытие есть место, где происходит, по словам Г. Башляра, резонанс ритмов различных моментов. Моментом обострения этого резонанса в будущем становится спонтанное, необратимое событие [5, с. 11].

Обратимся к истории научного употребления термина «событие». Он пришел к нам из исторической науки: с одной стороны, нужно было представлять прошлое как непрерывный процесс и «привязывать» друг к другу события, с другой — историческая наука стала отличать существенные события (войны, революции, смены правящих династий), меняющие ход истории, от событий, чья значимость для истории ничтожна. Ввиду такого употребления термин «событие» сразу приобрел оттенок чего-то, выходящего за рамки обыденного [Там же]. Впрочем, в исторической науке мы имеем дело не собственно с событием, а с определенным образом прошлого, проинтерпретированным историком. Именно интерпретация исторического факта придает ему значимость события. История — это хорошо построенный рассказ о событиях, и события, будучи описанными и рассказанными, становятся историей. В.П. Руднев в «Феноменологии события» пишет: «Событие — форма речевого акта... и как любой речевой акт оно прежде всего акт говорения, *рас-сказ* о событии, так как то, что произошло, но никому не стало из-вестно, на феноменальном уровне не произошло вовсе» [8]. При этом то, что рассказано в виде события, несмотря на то что оно может быть симулировано, имеет шанс остаться событием порой даже на значительное время, а может быть, и навсегда. История представляет собой поток хронологически расставленных событий, которым отведены их уникальные места. Но как расставляются события по своим уникальным местам? Всегда есть некая заданная матрица, в которой зафиксировано, под каким углом зрения попадают в «сетку» истории эти события; эта же сетка определяет меру значимости и интерпретации события, а также причинно-следственные связи между ними, устанавливая тем самым исторический горизонт как единое означаемое [5, с. 11].

И снова вернемся к попаданию термина «событие» в язык философии, на этот раз про-

следив более детально все возможные подходы к нему. Как уже было сказано выше, событие оказалось под пристальным вниманием философов только в XX веке. В классической философской традиции примерно до конца XIX века события как феномен не рассматривались. Такого слова в философском языке, по сути, не было, но тема может быть найдена со времен античности: *Εξαιφνης* Платона (момент «вдруг», момент предела, граница идеи и вещи), *τόλμα* Плотина («нечистивое дерзновение», привносящее движение в единое). Декарт открыл нам событие сознания, событие мышления его *cogito* и дискретность времени в мышлении. У Гегеля события выстраивались в порядке строгой логики самопознания Абсолютного Духа. Но выйти на передний план в философии тема события смогла только с уходом классического понимания мира. Таким образом, можно принять за отправную точку обращения к проблеме события в философии – введение А. Бергсоном временной длительности того или иного явления. «Событием обозначается то, что, свершаясь, отменяет прежние принципы наблюдения, индивидуализируется, становится уникальным» [5, с. 12]. Неклассическая рациональность, в русле которой протекала философская мысль XX века, предполагала отказ от резкого разграничения субъекта и объекта, ввиду чего стал возможен поиск некоей первой реальности, объединяющей эти два полюса, о чем мы говорили выше. В науке пришло понимание того, что причинность не может быть сведена только к лапласовской формулировке. Важную роль при описании динамики системы начала играть категория случайности. Эти радикальные сдвиги в представлениях о мире привели к необходимости введения дефиниции «событие» в систему философского знания [Там же].

Событие – значимая категория для экзистенциально направленной мысли. Так, экзистенциально поворотным событием в жизни человека является, например, любовь, или религиозное обращение (на эту тему вспомним «Исповедь» Августина и сочинения С. Кьеркегора). При способности человека осознать совершающийся поворот в собственной экзистенциальной судьбе ему открываются новые смыслы. Такое событие поворота всегда прерывает повседневность.

Событие как «очищенное» понятие описать невозможно. Н.А. Лукьянова отмечает, что событие становится философской категорией только в описании, т. е. нам необходим некий субъект, его определяющий, и на первый план выходит наблюдающий это событие субъект – наблюдатель. «...Уникальность и единичность события связана с особым местом этого события на ценностно-значимой шкале каждой отдельной личности, и тогда два различных события могут отказаться на одной ступени и даже отождествиться с точки зрения их влияния на судьбу этого человека. Следовательно, в феноменологическом описании события всегда существует ситуация совместности, разделенности с другим чего-либо и бытийствования» [Там же. С. 13]. В этом взаимобратимость события и событияЯ.

Герменевтическая традиция понимает под событием откровение, узнавание, смыслопорождающий акт, меняющий ритм жизни того, с кем это событие произошло [6]. Событие становится значимым в момент его «индивидуализации», когда событие как откровение вводится в качестве акта трансцендентного понимания, релевантного и возможного для прочтения исключительно интерпретатором. В вопросе об истине события человек становится творцом многообразных картин исторического процесса. Согласно Г.-Г. Гадамеру, необходимо слияние смысловых горизонтов интерпретатора и интерпретируемого для осуществления герменевтической практики. Интерпретация в этом случае претендует не только на воспроизведение смысла исторического события, как он понимался в прошлом, но и на раскрытие всей полноты его смыслового потенциала, которое возможно только по прошествии многих лет [5, с. 13]. Герменевтическая традиция показывает, что события должны порождать определенное значение, соединяющее участников коммуникации для достижения взаимопонимания.

К продолжению герменевтической традиции можно отнести событие поступка М.М. Бахтина. «Всё происходящее в жизни становится событием взаимодействия разных самосознаний, т. е. диалогом, в котором определяется истина. Диалог – точка соприкосновения субъектов – актуализует умение познать и умение выразить себя в качестве определенных самостей посредством события». Событием, по

Бахтину, является ответственный поступок, который «стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл, и факт, и общее, и индивидуальное, и реальное, и идеальное, ибо всё входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда» [1, с. 29]. Именно посредством поступка человек приобщается к со-бытию бытия, т. е. навсегда обретает свое место в мире. В поступке проявляется мысль, мысль событийна. И она свершается как причастное событие в бытии. Причастность возможна не субстанциально, а событийно, считал Бахтин. Для него ситуация перехода — это постоянный процесс, пусть даже это время тянется веками («большое время»), бытие есть событие встречи Я и Другого [5, с. 14].

Существуют и иные традиции рассмотрения понятия события. Одна из них начинается в философии А. Бергсона. Выше уже было сказано, что введенное им понятие длительности позволило говорить о событиях в философии. Длительностью Бергсон называет время, являющееся существенной характеристикой жизни. И прежде всего длительность обнаруживает себя в памяти, так как именно в памяти прошлое продолжает существовать в настоящем. Именно с памятью Бергсон связывает рассматриваемое нами понятие события. Память, стремясь соотносить события, делает прошедшее и будущее реальным и тем самым создает истинную длительность и время. Постоянное движение определяет природу человека (и любого живого существа) в мире событий. Бергсон выделяет два типа таких существ: «Первые чувствуют только движения, вторые воспринимают качества. Первые совсем близки к тому, чтобы подчиниться ходу вещей; вторые реагируют, и напряжение их способности действовать, без сомнения, пропорционально концентрации их способности восприятия. Прогресс идет вплоть до самого человечества. «Люди действия» тем более бывают таковыми, чем большее число событий умеют они охватить одним взглядом; в силу этой же причины одни люди воспринимают последовательные события одно за другим и попадают во власть этих событий, другие же схватывают их сразу и господствуют над ними. Резюмируя сказанное, можно утверждать, что качества материи — это копии, которые тем

более устойчивы, чем более мы овладеваем ее неустойчивостью» [2, с. 289]. Идеи Бергсона оказали влияние на становление философии А.Н. Уайтхеда. Рассматривая событие как постоянное движение, Уайтхед отмечает его роль в познании мира: «Мы должны начать с события, приняв его за конечную единицу природного явления. Событие должно иметь отношение ко всему существующему, в том числе ко всем другим событиям» [9, с. 163]. Таким образом, Уайтхед сделал событие центральной категорией своей философии процесса. Он рассматривал событие как момент схватывания реальности, пространственно-временное происшествие, являющееся своеобразным звеном между прошлым и будущим, которое интегрировано в процесс природы. «Событие начинается как следствие, обращенное в прошлое, а заканчивается как причина, обращенная в будущее» [3]. Для Уайтхеда событие является тем ключевым моментом, с которого надо начинать рассмотрение любого природного явления. В концепции организма Уайтхеда событие существует во внешней и внутренней реальности и является самодостаточным в этой реальности. «Событие в своей внутренней реальности отражает в себе как нечто, состоящее из частей, аспектов, присущей ему ценности, как полная реализация самого себя. Оно реализует себя в виде устойчивой индивидуальной сущности, которая содержит в себе историю своей жизни. Далее, внешняя реальность такого события, отражаясь в других событиях, также принимает форму устойчивой индивидуальности» [9, с. 165]. Для Уайтхеда природа — это множество разнообразных событий, а действительность есть изначальное становление, процесс, в котором каждое событие — это тоже процесс. События — это процессы опыта, каждый из которых представляет собой индивидуальный акт. Отношения многих событий образуют «ткань» времени. Протяженность способствует возникновению длительности, и каждая длительность может делиться на события.

Тему события можно найти у Ж. Бодрийера, Ж.-Л. Нанси, Ж. Рансьера, К. Лефора и др., но главным образом она ассоциируется с философией позднего Хайдеггера. В тексте доклада «Время и бытие» событие (Ereignis) становится третьим термином, приостанавливающим герменевтическую игру взаимного определения

бытия и времени, «местом», где они могут быть специфически «локализованы» и выхвачены мыслью как таковые: «Время и бытие сбываются в событии» [13, с. 404]. Предоставляя перспективу, в которой могут быть распознаны бытие и время, будучи в конечном итоге условием явленности любого конкретного присутствия, событие не имеет собственной локализации: «событие ни *есть*, ни имеет себе еще какое-то место» [Там же. С. 405]. Ereignis – ни субъект, ни субстанция, ни вообще что-либо из сущего. Эту делокализированность можно рассматривать как универсальную характеристику события. Событие одновременно феноменально очевидно и неуловимо. Оно не принадлежит порядку существующего, но несет с собой разрыв ткани действительного и обещание чего-то радикально иного, невыразимого в терминах фактически данного. Потому философская аналитика события с самого начала оказывается рискованным предприятием: говоря о событии, мы в некотором смысле пытаемся говорить о том, о чем говорить невозможно и о чем, по Витгенштейну, следует молчать.

В XX веке произошло несколько наиболее значительных поворотов в философии, отмечающих попытку ухода от классической проблематики, навязанной субъект-объектной оппозицией метафизики Нового времени. Это в первую очередь лингвистический и онтологический повороты. Они выявили ограниченность классических установлений философии либо языком, либо онтологическими предпосылками. Но наравне с этими двумя поворотами в поле философского исследования происходит еще один – «событийный» поворот. Он относится к континентальной философии и является одновременно превосхождением и продолжением лингвистического и онтологического поворотов. Выстраивается специфическая онтология события, а за языком сохраняется его проблематичность, но исчезает его трансцендентальность, поскольку событие – это то, что делает возможным и язык, и бытие, и границу между ними [7]. Хайдеггер показал, что онтология «забыла» бытие, толкуя его из сущего, и что присутствие является «онтически-онтологическим условием возможности всех онтологий» [12, с. 13]. «Существо бытия – не что-то вроде бытия» [13, с. 397]. Издавна бытие разводилось с миром чувственного, со становлением. В мире

случаются события, и сам мир – это событие. Когда мы познаем истину, истина оказывается явленной нам во встрече с ней. Философия же всегда проблематизировала истину и проходила мимо ее событийности. С одной стороны, событие имеет свое *что* – свое содержание, смысловую определенность, ситуативную интенциональность, завязанную на том или ином сущем. Но то, что делает событие событием, – его *как*, то, что оно случается, не может быть столь легко локализовано и помыслено. Схематично событие может быть помещено внутри (и тем самым одновременно вне) онтико-онтологического различия: с точки зрения того, что нечто в нем происходит (онтика), и ввиду самого «происходит» (бытие). Выступая в качестве границы, оно соединяет, разделяя. То есть онтология события отталкивается от онтологического различия. Событие обуславливает это различие, будучи само нейтральным по отношению к нему. По замечанию Хайдеггера, онтология призвана ответить на вопрос о том, каким образом бытие принадлежит сущему. Событие и есть возможный ответ. Этот ответ ведет к смене различия событием. Событийность представляет собой путь к прояснению характера бытия. Таким образом, мы видим, что введение концепта события в состав онтологии изначально было призвано решить две задачи: ответить на вопрос о том, как осуществляется бытие, а также, прояснив отношение внутри онтологического различия и его исток, заменить его событием и обосновать онтологию онтологически и выявить исток событийности сущего [7]. Мы можем видеть, что по логике своего выстраивания онтология события суть последняя онтология, логический предел предшествующих онтологий. И от ее успешности зависит судьба метафизики как таковой.

Хайдеггер разрабатывает событие как способ осуществления бытия, поскольку о последнем запрещено говорить, что оно «есть». Событие для Хайдеггера – это область, где впервые становятся собой время, язык, Dasein. Оно уникально и единственно и является условием собственной мыслимости. Другой вариант предлагает Делёз. Событие у него оказывается условием и осуществлением становления. Нанси определяет событие как «имение-места-бытия». Поскольку бытие это со-бытие, то если что-то случилось, случилась совместность. Нанси вписывает в со-

бытие исток сообщества и производство смыслов. А. Бадью разводит время и бытие. Событие оказывается способом вернуть ситуацию к ее неразличимому истоку. Оно тематизируется как добавление неименованного избытка к ситуации, в результате которого происходит сбой в ее репрезентации и на свет выходит «забытая», непредставленная часть. Бадью акцентирует внимание на том, что событие является способом выведения истины из сокрытости в открытость (пользуясь словарем Хайдеггера), а также продолжается,

удваиваясь в постсобытийном (язык и субъект, при условии верности событию). Деррида ввел событие как справедливость. Оно всегда в состоянии наступления подобно невыполненному обещанию, потому вне времени, места и причинности [7].

Таким образом, в общих чертах были рассмотрены логика движения современной метафизики в обращении к событию и множественность способов такого движения в широком философском контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин, М.М.** Автор и герой в эстетической деятельности [Текст] / М.М. Бахтин. — М., 2003.
2. **Бергсон, А.** Творческая эволюция [Текст] / А. Бергсон. — М., 2001.
3. **Гансвинд, И.Н.** [Электронный ресурс] / И.Н. Гансвинд, А.Н. Уайтхед // Б-ка электронных публикаций. — Режим доступа: www.chronos.msu.ru/?rauthorpublications.html.
4. **Даль, В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В.И. Даль. — Режим доступа: <http://slovardalja.net/>.
5. **Лукьянова, Н.А.** Метафизика события [Текст] / Н.А. Лукьянова // Вестн. ТГПУ. — 2007. — Вып. 11.
6. **Нестеров, А.** Проблема события в рецептивной теории литературы [Электронный ресурс] / А. Нестеров. — Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/nesterov/sobytie.html>.
7. **Писарев, А.А.** Возможности построения онтологии события в рамках континентальной философии [Электронный ресурс] / А.А. Писарев. — Режим доступа: <http://new.philos.msu.ru/kaf/ontol/science/bestworks/>.
8. **Руднев, В.П.** Феноменология события [Электронный ресурс] / В.П. Руднев. — Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/4/fenomen.htm>.
9. **Уайтхед, А.Н.** Избранные работы по философии [Текст] / А.Н. Уайтхед. — М., 1990.
10. **Фалёв, Е.В.** Герменевтика Мартина Хайдеггера [Текст] / Е.В. Фалёв. — СПб., 2008.
11. **Фуко, М.** *Theatrum philosophicum* [Текст] / М. Фуко // Делёз Ж. Логика смысла. — Екатеринбург, 1998.
12. **Хайдеггер, М.** Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. — СПб., 2006.
13. **Он же.** Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Библихина // Время и бытие: статьи и выступления. — М.: Республика, 1993.

УДК 930

А.Э. Терехов

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ КОГОРТЫ «ДВЕНАДЦАТИ СОВЕРШЕННОМУДРЫХ» (ШИ-ЭР ШЭН)

Классификация всегда была краеугольным камнем китайской культуры. Одно из наиболее ярких проявлений этой страсти к распределению понятий по группам представляют собой когорты, в которые китайцы объединяли выдающиеся исторические фигуры, мыслителей, художников и поэтов. В древнекитайских памятниках регулярно встречаются такие сочетания, как «Пять императоров» (*у ди*), «Три вана» (*сань ван*), «Четыре принца» (*сы цзюнь*), «Семь мудрецов из бамбуковой рощи» (*чжу линь ци сянь*), «Восемь бессмертных» (*ба сянь*) и т. д. Тем более странно, что подобные когорты практически отсутствуют в случае с «совершенномудрыми людьми» (*шэн жэнь* или просто *шэн*), служившими в Древнем Китае воплощением интеллектуально-нравственного и духовного совершенства.

Несмотря на то что китайские источники сохранили сведения о группах из Двух, Трех, Четырех, Пяти, Семи и Девяти совершенномудрых, состав их сильно варьировался, часто они использовались просто для обобщения случайного набора персонажей, о которых шла речь в том или ином памятнике. Единственной «стабильной» когортой совершенномудрых в Древнем Китае можно считать Двенадцать совершенномудрых (*ши-эр шэн*). В их число входили Пять императоров (Хуан-ди, Чжуань-суй, Ди-ку, Яо и Шунь), ваны-основатели Трех династий (Юй, Тан, Вэнь-ван и У-ван), а также Гао-яо, Чжоу-гун и Конфуций. Как отдельная группа Двенадцать совершенномудрых упоминаются в некоторых главах трактата «Лунь хэн» (I век н. э.) [1, гл. 11, с. 112; гл. 15, с. 163; гл. 50, с. 722; гл. 51, с. 742; гл. 79, с. 1098]. Кроме того, эти же двенадцать персонажей перечислены один за другим в одной из глав «Бай ху тун» (также I век н. э.), хотя Двенадцатью совершенномудрыми они там не называются [2, гл. 7, с. 337–340; 3, т. II, с. 531–533].

Истоки этой когорты достаточно смутны. Можно предположить, что своим появлением она обязана значительно большей группе

шэнов, а именно упомянутым в «Люй-ши чунь цю» Семидесяти одному совершенномудрому (*ци-ши-и шэн*), которые «владели Поднебесной в древности» [4, гл. 15.8, с. 1777; гл. 22.5, с. 2745; 5, с. 239, 375]. Простое число 71 не характерно для китайской нумерологии, основанной на составных числах, в основе которых лежат двойки, тройки или пятерки. Как отмечает Ван Ли-ци, «число три обозначает множественность... и поэтому все числа, кратные трем, также подразумевают множественность, как то: девять, двенадцать, тридцать шесть, семьдесят два и т. д.» [4, гл. 15.8, с. 1777]. В связи с этим пассажи, рассказывающие о 71 совершенномудром, вызывали недоумение исследователей памятника, которые пытались объяснить появление странного числа. Так, по мнению Ван Нянь-суня, в данном случае мы имеем дело с ошибкой: единицу (*и*) следует исправить на двойку (*эр*) [Там же]. Действительно, в подавляющем большинстве текстов говорится именно о 72 правителях, владевших Поднебесной и приносивших жертвы *фэн* Небу и жертвы *шань* Земле для подтверждения своего статуса [См.: 4, гл. 15.8, с. 1777; гл. 22.5, с. 2746; 3, т. I, с. 329–330]. Тем не менее тот факт, что число 71 встречается дважды в различных частях памятника, делает предположение о случайной ошибке маловероятным. К тому же использование этого числа можно объяснить интересным ходом авторов книги. Текст «Люй-ши чунь цю» был составлен в середине III века до н. э. под руководством Люй Бу-вэя (291?–235 до н. э.), канцлера царства Цинь и воспитателя его правителя Ин Чжэна (259–210 до н. э.), который в конечном итоге объединил Китай, принял титул Цинь Ши-хуанди (221–210 до н. э.) и остался под ним в истории. Цель составления памятника заключалась в том, чтобы подготовить идеологическую базу для объединения Китая, с одной стороны, и заложить модель управления созданной в результате империей – с другой [6, с. 89–90]. Таким образом, использование числа 71 могло подразумевать, что последнему, семь-

десять второму, «совершенному мудрецу» еще только предстоит «завладеть Поднебесной». Это предположение подтверждается и тем фактом, что Цинь Ши-хуанди первым из правителей Китая объявил себя совершенномудрым [7, с. 159–160].

Так или иначе, но более популярным в китайской традиции стал вариант с семьюдесятью двумя правителями. Правда, в данном количестве они называются не «совершенномудрыми», но «царями» (*ван*) или «правителями» (*цзюнь*). Подробный рассказ о них находился в утерянной ныне главе «Гуань-цзы», которая, однако, была восстановлена на основе цитировавшего ее «Трактата о жертвоприношениях *фэн* и *шань*» (Фэн шань шу) в «Ши цзи». Там говорится о «семидесяти двух родах» (*цзя*), приносивших жертвы *фэн* и *шань* в ознаменование получения власти надо всей Поднебесной. Гуань Чжун, рассказывающий об этом, «припоминает лишь двенадцать из них», а именно Ухуай-ши, Фу-си, Шэнь-нуна, Янь-ди, Хуан-ди, Чжуань-сюя, Ди-ку, Яо, Шуня, Юя, Тана и Чэн-вана [8, гл. 50, с. 952–953; 9, гл. 28, с. 1361; 10, с. 156–157; 11, гл. 25А, с. 1196–1197; см. также: 8, гл. 77, с. 1352].

Вероятно, именно данный список впервые ввел в древнекитайскую традицию представление о Двенадцати совершенных мудрецах. Однако хотя в перечне Гуань Чжуна и упомянуты семь из двенадцати персонажей будущей когорты, едва ли именно он лег в ее основу. Скорее всего ее прототипом послужили Одиннадцать совершенномудрых (*ши-и шэн*), о наставниках которых рассказывал ученик Конфуция – Цзы-ся в одной из популярных в эпоху Хань историй. В их число входили Хуан-ди, Чжуаньсюй, Ди-ку, Яо, Шунь, Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чжоу-гун и Конфуций [12, гл. 5.28, с. 195–196; 13, гл. 5.1, с. 642–648; 2, гл. 6, с. 255].

Преобразование Одиннадцати совершенномудрых в Двенадцать было вызвано теми же причинами, что и неприятие Семидесяти одного совершенномудрого в «Люй-ши чунь цю». Число 11 не играло в китайской культуре особой роли, в то же время 12 обладало исключительным авторитетом, поскольку соответствовало количеству месяцев в году, периодов в сутках, а также «земных ветвей» (*ди чжи*) и зодиакальных животных (*шэн сяо*). Кроме того, Двенадцать совершенномудрых могли напоминать людям той эпохи о Двенадцати князьях (*ши-эр гун*), пери-

од правления которых описан в каноническом тексте «Чунь цю», и о двенадцати императорах Западной Хань (Си Хань, 202 до н. э. – 9 н. э.).

Двенадцать совершенномудрых отличаются от Одиннадцати одним персонажем – Гао-яо. Он появлялся в перечнях *шэнов* и раньше, но в отличие от большинства своих «коллег» лишь дважды [См.: 12, гл. 9.18, с. 323; 14, гл. 19, с. 1335–1337]. Почему же на место двенадцатого совершенномудрого был выбран именно он, а не персонажи вроде Шэнь-нуна или Фу-си, более значимые для китайской культуры и намного чаще появлявшиеся в различных когортах *шэнов*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть образ Гао-яо, в особенности изменения, произошедшие с ним в начале I века н. э.

Гао-яо представляет собой идеал справедливого судьи и мудрого советника. Наиболее полно его образ раскрыт в тексте «Шан шу», одна из глав которого даже названа его именем – «Планы Гао-яо» (Гао-яо мо); он дает монарху ценные советы, преисполненные конфуцианской риторики, и послушно выполняет его распоряжения по искоренению зла и порока в Поднебесной [См. 15, гл. 3, с. 130; гл. 4, с. 134–135, 138–139; гл. 5, с. 141, 144; 9, гл. 1, с. 38–43; гл. 2, с. 77–81; 16, с. 144–147, 158–162]. В «Ши цзи» сообщается, что Юй, получив престол, собирался передать его Гао-яо, но не смог осуществить задуманное из-за смерти последнего [9, гл. 2, с. 83; 16, с. 162].

Судя по частоте появления имени Гао-яо в различных философских сочинениях, популярность его образа постепенно росла. Первый скачок популярности наблюдается в середине – второй половине II века до н. э., когда ханьская судебная система приобретает отчетливый конфуцианский оттенок, а второй – на рубеже I века до н. э. и I века н. э., когда на политической арене появляются оракуло-апокрифические тексты (*чэнь вэй*) [См. подробнее: 7, с. 163–172]. Они очень сильно повлияли на образ совершенномудрого: фактически, он был обожествлен. Для того чтобы быть *шэном*, стало недостаточным одного только духовно-нравственного совершенства; требовались другие, новые атрибуты, как-то чудесное рождение персонажа, его необычная внешность и сопровождающие его деятельность благие знамения [См. подробнее: Там же. С. 172–202]. Эти же тексты

во многом изменили образ Гао-яо, приблизив его к новому идеалу. Таким образом, «закрепление» за Гао-яо статуса совершенномудрого и включение его в число *ши-эр шэн* произошли благодаря целому ряду факторов.

Во-первых, сформировались представления о чудесном рождении Гао-яо. Еще во второй половине I века до н. э. возникла идея о том, что он является отцом Бо-и, легендарного предка династии Цинь [17, гл. 6, с. 211; 18, гл. 6.3, с. 368; 19, с. 449]. Однако этот факт обозначал его автоматическое отождествление с отцом Бо-и по версии «Ши цзи», Да-е, который, как считалось, родился после того, как его мать проглотила яйцо ласточки [См.: 9, гл. 5, с. 173; 20, с. 15]. Таким образом, Гао-яо оказался обеспечен историей о чудесном рождении. Но, очевидно, авторам апокрифов это показалось недостаточным, и они сочинили новую легенду, согласно которой Яо однажды «приснилось, что белый тигр принес ему ребенка с лошадиной мордой»; его мать «поднялась на высокий холм, увидела там белого тигра, над которым клубились облака, ощутила [божественное] воздействие и родила Гао-яо». После этого Яо разыскал ее, и она подтвердила, что все было именно так [19, с. 592].

Во-вторых, важную роль сыграла удивительная внешность Гао-яо. Согласно ханьским представлениям, необычный облик был одним из главных атрибутов выдающихся личностей; во многом это было связано с физиогномикой, пользующейся в то время безумной популярностью [См.: 21]. Акцент на необычной внешности Гао-яо делается во многих сочинениях уже III–II веков до н. э.; в частности, с ней связаны оба случая его появления в других перечнях совершенномудрых. Так, в «Хуайнань-цзы» сообщается: «...у Гао-яо была лошадиная морда, это называется „предельной честностью“»; в решении уголовных дел он доходил до полной ясности и вникал в человеческие чувства» [14, гл. 19, с. 1335–1336]. В то же время в «Хань ши вай чжуань» «морда Гао-яо» выступает в качестве одной из характеристик внешности Конфуция [12, гл. 9.18, с. 323]. В другой истории (которая, возможно, является альтернативным вариантом первой) рассказывается, что Конфуций был похож на Гао-яо шеей [9, гл. 47, с. 1921; 22, с. 135–136; 1, гл. 11, с. 123; 2, гл. 8, с. 393; 23, гл. 5.22, с. 15]. Одно из двух упоминаний Гао-яо

в трактате «Сюнь-цзы» также связано с его внешностью: «[Что касается] наружности Гао-яо, [то его] лицо [было бледным] подобно очищенной тыкве» [24, гл. 5, с. 74]. В апокрифических текстах особенности внешности этого персонажа, судя по всему, далее не разрабатывались и в результате свелись к зафиксированной еще в «Хуайнань-цзы» «лошадиной морде» [1, гл. 11, с. 112; 2, гл. 7, с. 339; 25, с. 168–170].

В-третьих, после появления апокрифических текстов Гао-яо начинает связываться с благими знаменами (*жуй*). Считалось, что они появляются в ответ на мироустроительную деятельность правителя, и потому Гао-яо, являвшийся министром, с ними связан не был. Однако апокрифы исправляют этот недостаток: в одном из их фрагментов утверждается, что «Гао-яо увидел в [реке] Ло черные письма (хэй шу)» [19, с. 408]. Письмена, о которых идет речь, – это знаменитые «Письмена из [реки] Ло» (Ло шу), одно из наиболее значимых в Древнем Китае знамений. Их цвет отсылает, с одной стороны, к почитавшей этот цвет династии Цинь, прародителем которой стал считаться Гао-яо, а с другой – к Конфуцию, который тоже связывался с черным (*хэй*) или багрово-черным (*сюань*) цветом. Видимо, в этот же период у Гао-яо появляется волшебный помощник – зверь *сечжи*, похожий на сине-зеленого барана (или, согласно другой версии, на медведя) с одним рогом. По легенде, он «умел различить истину и ложь», и «когда Гао-яо, разбирая судебные дела, сомневался [в виновности] подсудимого, то приказывал [этому] барану боднуть его. Если [подсудимый] был виноватым, то [сечжи] бодал [его]; если же [подсудимый] был невиновным, то [сечжи его] не бодал» [1, гл. 52, с. 760]. Стоит отметить, что в «Трактате о благих знамениях, подтверждающих [право монарха на престол]» (Фу жуй чжи), династийной истории «Сун шу», *сечжи* фигурирует в качестве знамени, появляющегося, когда в государстве вершится правосудие [26, гл. 28Б, с. 807].

И, наконец, Гао-яо оказался тесно связан с Конфуцием. Считавшийся последним из совершенномудрых древности, Конфуций во многом являлся моделью для формирования образа *шэна*, и потому сходство с ним значительно возвышало любого персонажа. У Гао-яо изначально было достаточно много общего с этим «образцовым совершенномудрым».

мудрым». Как и Конфуций, он никогда не занимал престол монарха, всю свою жизнь оставаясь министром. При этом оба мудреца достойны были стать правителями и должны были ими стать, однако в конечном итоге ни тому, ни другому это не удалось — Гао-яо из-за его смерти, а Конфуцию из-за отсутствия достойного правителя, который уступил бы ему трон. Кроме того, согласно данным «Ши цзи», Конфуций одно время занимал должность *сы-коу*, т. е. «управителя судебных дел» или попросту главного судьи [9, гл. 47, с. 1915; 22, с. 131]. Гао-яо, занимавший должность *да ли* (судебного чиновника по уголовным делам), оказывается, таким образом, его коллегой. Вообще же, ученым, регулярно вступавшим в конфликт с императорским двором, было на руку появление в рядах «канонических» совершенномудрых еще одного (наряду с Конфуцием и Чжоу-гуном) министра: он мог служить неплохим оружием в идеологических войнах с монархом и его окружением.

После появления апокрифов связь между Гао-яо и Конфуцием усилилась. Так, в одном из комментариев к «Ши цзи» сообщается, что Гао-яо родился в городе Цюй-фу, более известном как место рождения Конфуция [9, гл. 2, с. 83, пр. 1]. Холм (*цю*), на который поднималась мать Гао-яо в легенде о его появлении на свет, заставляет вспомнить имя Конфуция (Цю) и историю его рождения [См.: 9, гл. 47, с. 1905; 22, с. 126]. Внешнее сходство Гао-яо с Конфуцием и цвет появившихся перед ним «Письмен из [реки] Ло» также постоянно напоминали о его тесной связи с последним из совершенных мудрецов.

Чудесное рождение, необычная внешность, благие знамения, а также ассоциация с фигурой Конфуция — все это привело к тому, что именно Гао-яо стал двенадцатым в когорте *ши-эр шэн*. Однако, несмотря на все вышеперечисленное, статус Гао-яо как совершенномудрого не был незыблемым. Так, династийная история «Хань шу», написанная Бань Гу, предполагаемым составителем памятника «Бай ху тун», в котором Гао-яо назван совершенномудрым, отказывает ему в этом статусе. В его «Таблице людей [от] древности [до] современности» (Гу цзинь жэнь бяо) Гао-яо отнесен не к «лучшим из лучших» (*шан шан*, т. е. совершенномудрым людям), но к «средним из лучших» (*шан чжун*), «гуманным людям» (*жэнь жэнь*) [11, гл. 20, с. 876].

Таким образом, формирование когорты совершенномудрых проходило в несколько этапов. Представления о семидесяти одном или семидесяти двух мудрецах породили идею группы из Двенадцати совершенномудрых. Состав ее сформировался путем добавления к уже существовавшей в традиции, но нумерологически несовершенной группе из одиннадцати *шэнов* двенадцатого персонажа, легендарного судьи Гао-яо. В результате когорты наиболее почитаемых правителей и министров древности пополнилась персонажем, который изначально не занимал в древнекитайской политической идеологии особого места, но к I веку н. э. приобрел определенную популярность благодаря своей типологической близости к образу Конфуция. Метаморфозы, которым подверглись представления о Гао-яо в этот период, служат отражением более общих тенденций в интеллектуальной жизни Китая I века н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хуан Хуэй. Лунь хэн цзяо ши (фу Лю Пань-суй цзи цзе) (Сверенный текст «Весов суждений» с разъяснениями, со сводным толкованием Лю Пань-суя) [Текст]. В 4 т. / Хуан Хуэй. — Пекин, 2006. — 1366 с.
2. Чэнь Ли. Бай ху тун шу чжэн («Исчерпывающие [дискуссии в зале] Белого тигра» с аргументированным комментарием) [Текст]. В 2 т. / Чэнь Ли. — Пекин, 1994. — 812 с.
3. По Ну Т'унг. The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall. Introduction, Translation, Notes, Fragments by Tjan Tjoe Som [Text]. 2 vol. / По Ну Т'унг. — Leiden, 1949, 1952. — 695 p.
4. Ван Ли-ци. Люй-ши чунь цю чжу шу («Весны и осени господина Люя» с комментарием и субкомментарием) [Текст]. В 4 т. / Ван Ли-ци. — Чэнду, 2002.
5. Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) [Текст] / пер. А. Ткаченко. — М., 2001. — 525 с.
6. Sellmann, J.D. Timing and Rulership in Master Lü's Spring and Autumn Annals (Lüshi chunqiu) [Text] / J.D. Sellmann. — Albany, 2002. — 265 p.
7. Терехов, А.Э. Представления о совершенномудрых правителях-шэн [Текст] / А.Э. Терехов // Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / сост. М.Е. Кравцова. — СПб.: Наука, 2012. — С. 156–215.

8. **Ли Сян-фэн.** Гуань-цзы цзяо чжу (Сверенный текст «Гуань-цзы» с комментарием) [Текст]. В 3 т. / Ли Сян-фэн. — Пекин, 2004. — 1545 с.
9. **Ши цзи** (Записи историографа) [Текст]. В 10 т. — Шанхай, 1963. — 3322 с.
10. **Сыма Цянь.** Исторические записки («Шицзи») [Текст]. Т. IV / Сыма Цянь; пер. с кит., вступ. ст. и прил. Р.В. Вяткина. — М., 1986. — 454 с.
11. **Хань шу** (Книга [по истории династии] Хань) [Текст]. В 12 т. — Шанхай, 1964. — 4273 с.
12. **Сюй Вэй-юй.** Хань ши вай чжуань цзи ши («Внешний комментарий Хань [Ина] к „Стихам” со сводными объяснениями) [Текст] / Сюй Вэй-юй. — Пекин, 2005. — 365 с.
13. **Ши Гуан-ин.** Синь суй цзяо ши (Сверенный текст «Нового введения» с разъяснениями) [Текст]. В 2 т. / Ши Гуан-ин. — Пекин, 2001. — 1405 с.
14. **Хэ Нин.** Хуайнань-цзы цзи ши («Хуайнань-цзы» со сводными объяснениями) [Текст]. В 3 т. / Хэ Нин. — Пекин, 1998. — 1553 с.
15. **Шан шу чжэн и** (Истинное значение «Древних документов») [Текст] // Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатиканоние» с коммент. и субкоммент.). В 2 т. — Пекин, 1982. — Т. 1. — С. 109–258.
16. **Сыма Цянь.** Исторические записки («Шицзи») [Текст]. Т. I / Сыма Цянь; пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; вступ. ст. М.В. Крюкова. — М., 2001. — 415 с.
17. **Чжан Цзин.** Ле ньюй чжуань цзинь чжу цзинь ши («Жизнеописания выдающихся женщин» с современным комментарием и переводом на современный язык) [Текст] / Чжан Цзин. — Тайбэй, 1994. — 358 с.
18. **Мао ши чжэн и** (Истинное значение «„Стихов” [в версии] Мао») [Текст] // Ши сань цзин чжу шу. — Т. 1. — С. 259–630.
19. **Ясуй Ко:дзан.** Вэй шу цзи чэн (Собрание апокрифических книг) [Текст]. В 3 т. / Ясуй Ко:дзан, Накамура Сё:хати. — Шицзячжуан, 1994. — 1679 с.
20. **Сыма Цянь.** Исторические записки («Шицзи») [Текст]. Т. II / Сыма Цянь; пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. — М., 2003. — 567 с.
21. **Терехов, А.Э.** Статус физиогномики в доханьском и ханьском Китае [Текст] / А.Э. Терехов // В поисках «китайского чуда»: сб. статей, посвященный 80-летию Ю.В. Чудодеева. — М., 2011. — С. 316–341.
22. **Сыма Цянь.** Исторические записки («Шицзи») [Текст]. Т. VI / Сыма Цянь; пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р.В. Вяткина. — М., 1992. — 483 с.
23. **Кун-цзы цзя юй** (Изречения школы Кун-цзы) [Текст] // Бай цзы цюань шу. (Все книги ста философов). В 2 т. Т. 1. — Ханчжоу, 1998. — С. 1–31.
24. **Ван Сянь-цянь.** Сюнь-цзы цзи цзе («Сюнь-цзы» со сводным толкованием) [Текст]. В 2 т. / Ван Сянь-цянь. — Пекин, 1988. — 559 с.
25. **Рифтин, Б.Л.** От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе [Текст] / Б.Л. Рифтин. — М., 1979. — 360 с.
26. **Сун шу** (Книга [по истории династии Лю] Сун) [Текст]. В 8 т. — Пекин, 1974. — 2471 с.

УДК 821.161.1

Н.А. Карлик

РИТОРИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В АФОРИЗМАХ И АФОРИСТИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТАХ ЖЕНСКОГО АВТОРСТВА (на примере «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой)

В последние десятилетия в российской филологической науке при анализе текстов самых разных жанров все чаще используется методология гендерного исследования. Весьма продуктивным представляется исследование проявления дифференциации мужского и женского полов в культуре, философии, истории, языке, литературе и искусстве. На каждом историческом этапе представление об общественном статусе мужчины и женщины, о существующих между ними иерархических отношениях находит разное выражение в произведениях, отражающих данную социальную проблему. Гендерный аспект лингвистики и литературоведения позволяет интерпретировать тексты с точки зрения отражения в них своеобразной гендерной картины мира, где специфически раскрываются мужской и женский тип и характер мышления.

Теория гендера, благодаря совместным усилиям философов, социологов, психологов и лингвистов, в настоящее время может быть признана достаточно разработанной. В современной филологии гендерная проблематика взаимоотношений пола и языка явлена в трудах, представляющих достаточно весомый корпус исследований. Ядром лингвистической гендерологии в настоящее время продолжает оставаться монография А.В. Кирилиной [2], тогда как в литературоведении исследовательский интерес оказывается смещен в сторону изучения последнего столетия жизни женской прозы и поэзии, начиная с Серебряного века (Г.В. Эфендиева, М. Михайлова) и заканчивая произведениями современных авторов, также прежде всего представляющими собой тради-

ционные прозаические жанры – романы и повести (М. Завьялова, Т. Мелешко, Е. Трофимова, Т. Ровенская, Г. Пушкарь, М. Черняк).

При этом следует отметить, что период формирования женской прозы, относящийся к первой половине XIX века, в том числе зарождение и развитие особой области женской прозы – женской афористики, в рамках гендерных исследований практически никак не отражен. В связи с тем, что обращение к малоформатным афористическим текстам, созданным женщинами-авторами, является абсолютно новым этапом в развитии лингвистических исследований, представляется целесообразным обратиться именно к тем источникам, в рамках которых они впервые стали доступны читателю, а именно к прозаическим произведениям, написанным женщинами-авторами в первой половине XIX века.

Женская проза первой половины XIX века с полным основанием может быть признана самостоятельным литературным феноменом, несмотря на то что представлена она прежде всего так называемыми «забытыми именами», авторами, чьи произведения в процессе последующей рецепции художественного творчества были вытеснены на периферию литературного процесса первой трети XIX века, но отнюдь не утратили своего поэтического своеобразия.

Естественно, что выделение корпуса малоформатных афористических текстов в отдельный феномен не могло бы иметь место, если бы происходило только на основании пола авторов, который ни для литературоведов, ни для лингвистов не имеет значения, если не сказывается на структурно-содержательных

характеристиках текстов, создаваемых этими авторами. В данном случае нас интересуют специфические особенности женской афористики, и в первую очередь тот суггестивный потенциал, который свойствен основной массе текстов, представляющих данный сегмент творчества, и формы его проявления на разных языковых уровнях. Укажем, что гендерное исследование афоризмов женской прозы имеет определенную прикладную значимость, так как позволяет на примере малоформатных текстов выявить те коммуникативные стратегии и тактики, которыми женщины пользуются для передачи читателям основных позиций своей картины мира, утверждения ее истинности.

В первой половине XIX века афористические произведения женской малой прозы не издавались отдельными сборниками. Афористический бум в России еще не наступил, и традиционный, известный со времен древнерусских собраний афористический жанр использовался на вторых ролях, как правило, во включениях в разного рода художественные тексты. Таким образом, можно сказать, что женская афористика этого периода, как и мужская, может быть представлена только как некий «несобранный» цикл — афористические тексты, которые, как уже отмечалось, принято называть вводными, рассеяны по пространству романов и повестей.

Системное изучение художественной прозы первой половины XIX века в связи с феноменом пола, а также социокультурных процессов, отражающих в литературе своеобразие гендерной ситуации (прежде всего художественной оппозиции «феминность / маскулинность») этого времени, выявило ряд имен авторов, в произведениях которых наиболее четко выражена тенденция к использованию афористических вставок (Е. Ростопчина, Е. Ган, Е. Кологривова, Н. Дурова).

В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о принципах риторической аргументации в афористических фрагментах женской прозы на примере «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой, в которых реализуется особое понимание гендерных отношений.

Н. Дурова на содержательном уровне неоднократно утверждала «отвращение к своему полу» и активно проявляла черты маскулинности на уровне повседневного бытового поведения. При этом отметим, что ее творчест-

во, изобилующее вставками афористического характера, по стилистическим особенностям может быть отнесено к женской прозе. Декларируя свое негативное отношение к женскому полу и нежелание принадлежать к нему, на речевом уровне Дурова воплощала черты женского мышления, и только контекст, связанный с агональной тематикой, в одном, но далеко не во всех ее произведениях, а именно в «Записках кавалерист-девицы», позволяет констатировать превалирование лексических единиц, связанных с «неженской» тематикой, — оружие, военное обмундирование и т. д. Более того, формы построения текстовых фрагментов и средства эмоционального подкрепления изображаемых событий, несомненно, обладают характеристиками, которые свойственны женской прозе.

Анализ языка женской афористики показывает, что гендер проявляется на разных языковых уровнях. Выбор грамматических, лексических, стилистических вариантов языковых единиц зависит от гендера. Как отмечает З.Р. Хачмафова, «гендер понимается как продукт культуры и социальных отношений, реализующихся в языке» [5, с. 188]. В связи с тем, что женская субкультура в контексте отечественной культуры XIX века находилась на позициях маргинальной, две тенденции в самопрезентации женщин в афористических текстах тяготеют к двум основным позициям: «жертва, которая нуждается в жалости и сочувствии» и «борец (существительное мужского рода здесь соответствует агональным характеристикам протеста) за справедливость, требующий свободы, уважения и уравнивания в правах с мужчинами». У Дуровой последнее воплощается в варианте утверждения необходимости свободы и независимости путем отказа от пола и женских гендерных ролей.

Для отечественной афористики нравоучительное человековедение с его «правилами жизни» к моменту, когда создавались первые женские афористические фрагменты, стало уже достаточно традиционным. При этом автор, о котором идет речь, отказывается эксплуатировать традиционные темы и формы и обращается к живой конкретике русского быта, находя в его пределах повод для моралистического нравоописания.

Примером обозначенной конкретизации нравоописания является афористический фраг-

мент из романа «Записки кавалерист-девицы» Дуровой. Вместо подражания жанровому канону она обращается к доступной ее личному опыту конкретике. При этом, вырываясь за пределы ограниченного круга «общих мест», доступных афористической дидактике, Дурова не желает оставаться в рамках единичной ситуации: чтобы остаться в пределах афористического жанра, она обращается за поддержкой истинности своего единичного наблюдения к «чужому слову», имеющему в рамках риторической аргументации дополнительные суггестивные возможности авторитетного мнения: *«Правду говорил Ермолов, что трус солдат не должен жить. Тогда такое заключение казалось мне жестоким, но теперь вижу, что это — истина, постигнутая великим умом необыкновенного человека. Ленивый земледелец, расточительный купец, вольнодумец священник — все они имеют порок, противоположный их званию и выгодам, но пример их никого не увлекает, и они вредны только себе: бедность и презрение остаются им в удел. Но трус солдат! У меня нет слов изобразить всю великость зла, какое может сделать один ничтожный, робкий негодяй для целой армии!.. И в теперешнем случае какие беды навлекло бы на мою голову одно только то, что трус испугался своей тени, убежал, увлек за собою других, был бы причиной ложного донесения, напрасной тревоги всего войска! Нет, робкий солдат не должен жить: Ермолов прав!»* [1, с. 406]. Несомненно, обращение к авторитетному заключению Ермолова не является единственным суггестивным средством, представленным здесь. Отметим, что презентация Ермолова в соответствующих характеристиках, имеющих положительную коннотацию, — обращение «к великому уму необыкновенного человека» повышает ценность высказанной им мысли. Учитывая, что логически убедить в том, что солдат-трус достоин смерти, Дурова не может, она обращается к риторическим средствам: навешивает на труса ярлык «негодяй», активно использует восклицательные предложения, прием градации в уничтожении пороков: бедность — презрение — смерть, и даже гиперболизации — «ничтожный, робкий негодяй» несет великое зло «целой армии». Жестокое заключение, таким образом, начинает восприниматься как истина, чему служит и соответствующее его авторское обозначение. Заключив в лекси-

ческое кольцо синонимов «правда» — «прав» свое, с этической точки зрения сомнительное, мнение, Дурова продемонстрировала гендерные особенности женской афористической прозы, хотя в данном фрагменте не был упомянут ни один из распространенных гендерных доминантных концептов — ни любовь, ни счастье, ни семья.

Женские афористические тексты имеют тенденцию, оттолкнувшись от какого-то отдельного наблюдения, путем вербализованных размышлений, выражающихся в сложных, достаточно громоздких синтаксических построениях, в итоге утверждать, уже в качестве общепригодного правила, некую истину на базе того, что вначале было всего лишь частной деталью, неким индивидуальным опытом. Эта лаборатория рождения афористического высказывания может быть продемонстрирована в следующем тексте: *«Для чего ж в сражениях, при виде тысячи смертей близких, ужасных, в душе моей не было и тени страха? Что значит это? Боль, мученье, смерть, не все ли равно — от пули, сабли неприятеля или от зубов и когтей свирепого зверя? Никак не могу добраться умом своим до настоящей причины как страха своего, так и неустрашимости. Неужели это оттого, что смерть на поле сражения сопряжена с славой, а на поле среди волков с одной только болью?»* [Там же. С. 380]. В данном случае окончательного суждения (о том, что неустрашимость заставляет забыть о страхе, ибо взамен жизни приносит славу) Дурова так и не сформулировала, но для читателя этот афоризм является очевидным и легко рождается после прочтения текста, потому что к нему автор приводит всеми доступными ему средствами. В этом фрагменте все мысли выражены в форме вопросительных предложений, но последний вопрос, занимающий место итогового ответа, приобретает потенциал риторического, начинаясь с вопросительной частицы «неужели», превращая предположение-догадку в утверждение. Эмоциональное состояние, связанное с этим озарением, передается через структурную неполноту второго придаточного предложения, в котором выпадение семантически значимого элемента «смерть сопряжена» оказывается значимым для утверждения как единственно достойной смерти на поле боя, связанной с доблестью «неустрашимости» и отсутствием страха. Анафорический повтор «на

поле» заставляет развести по разным полюсам «поле сражения» как место, связанное с положительным действием во имя победы, дающее его участникам славу и почет, и «поле» в значении «пространство», в котором герой превращается в труса, ощущая в себе страх от угрозы встречи с волком. Синтаксический параллелизм и антитеза здесь работают на закрепление эффекта, создаваемое лексическими средствами и риторическими фигурами.

Помимо жанровой модификации афористического фрагмента, в котором логика текстопорождения ведет читателя к формированию некой сентенции в финале, женская афористика использует и механизм обратного движения: от тезиса к примерам-доводам, подтверждающим его. Здесь доводы также не имеют характерного для мужской афористики обращения к рассудку. Чтобы сделать спорную, сомнительную мысль приемлемой для читателя, в ход идут средства внушения. Эмоциональная убежденность пишущего, как и другие риторические аргументы, заставляет поверить, что автор прав и его утверждение истинно. Дурова, как уже отмечалось, чаще всего находится в своих наблюдениях за пределами основных гендерных доминант.

Приведем пример, где в основе афоризма «Счастье ослепляет!..» находится традиционно женский концепт «счастье», который выводится за пределы традиционной женской интерпретации его. Разворачивая первоначальный тезис, автор не обращается к теме любви, не говорит об изменах или игре страстей. Точнее, страсти имеют место, но они не носят гендерного характера. Доводом, подтверждающим правомерность утверждения, оказывается судьба Наполеона: *«Счастье ослепляет!.. Мне часто приходит на мысль молитва Старна перед жертвенником Одена, когда он просит его насладиться на ум Фингала недоуменьем, предзнаменующее могущего паденье!.. Вопреки бесчисленным поклонникам Наполеона беру смелость думать, что для такого великого гения, каким его считают, он слишком уже уверен и в своей счастии и в своих способностях, слишком легковверен, неосторожен, малосведущ. Слепое счастье, стечение обстоятельств, угнетенное дворянство и обольщенный народ могли помочь ему взойти на престол; но удержаться на нем, достойно занимать его будет ему трудно»* [1, с. 406].

Призму восприятия Наполеона Дурова задает через дословную цитату из трагедии В.А. Озерова «Фингал», особенно популярной в России в начале XIX века. Сопоставление с Фингалом, героем «Песен Оссиана», по имени которого и названа трагедия, несомненно, вводит Наполеона в контекст героических личностей прошлого, но, при том что акцент делается именно на молитве Старна, интертекст здесь оказывается необходим, чтобы представить героя не столько в момент триумфа, сколько, наоборот, в момент падения — таким, каким он видится его врагу. Дурова здесь выступает в роли прорицательницы, которая в отличие от бесчисленных «поклонников» Наполеона видит за горизонтом его бесславное будущее, когда достойно занимать престол ему «будет трудно». На подкрепление этой авторской роли прорицательницы нацелено и упоминание молитвы Одину. В ней также заложен потенциал воссоздания в воображении читателя страшных картин грядущей судьбы Наполеона: Старн рисует Фингала «лютым зверем, страшилищем лесов», которого гонят ловчие в «расставленную сеть». Дурова, в момент написания «Записок» уже знавшая исход кампании, создает иллюзию своей способности видеть будущее, основанную, правда, на анализе ситуации и сведениях, оказывающихся скрытыми от Наполеона, ослепленного счастьем. Интересно, что лексема «счастье» присутствует и в молитве Старна, который видит себя в недалеком будущем обладателем «добычи счастливой». На уровне интертекстуальных взаимодействий актуальным оказывается свойство счастья приносить зло тем, к кому оно заглянуло, дестабилизируя и лишая чувства опасности, как это случилось и с Фингалом, и с Наполеоном.

Предостережение Наполеону, оформленное Дуровой как лично ответственное слово — «беру смелость думать», опять же благодаря интертекстуальному упоминанию о Фингале, расширяет круг лиц, для которых оно может быть актуально: счастье, как это было в истории Фингала, связанное с чувством любви, в его случае к дочери Старна Моине, не в меньшей степени может ослепить, чем счастье оказаться на престоле или одержать победу в войне. Интересно, что счастье, представленное изначально только как субъект действия, в процессе рассуждения само обретает характеристику той ущербности, ко-

торой оно награждает других: «слепое счастье» «ослепляет», ибо не видит, что творит.

Для женской афористической прозы характерно, как это показано выше на примере произведения Н. Дуровой, включение в текст ссылок на авторитетные источники для подкрепления мыслей автора. Это разного рода прецедентные тексты, в том числе пословицы, афоризмы, как известных мыслителей прошлого, так и современников, цитаты из художественных произведений. Как правило, женщины-авторы используют этот суггестивный прием, чтобы убедить реципиента, но можно привести пример, когда «чужой» афористический текст в гендерном дискурсе, который ведется на страницах автобиографии Дуровой, стал аргументом в защиту решения о смене гендерной роли, перехода из мира «женского» в мир «мужской». Хотя данное высказывание не находится в зоне авторского голоса, приведем его в качестве примера сильнодействующего суггестивного средства, которое, как отмечает и сама Дурова, кардинально изменило ее судьбу и привело к решению перестать идентифицировать себя с женским полом: *«Она говорила мне в самых обидных выражениях о судьбе этого пола: женщина, по ее мнению, должна родиться, жить и умереть в рабстве; что вечная неволя, тягостная зависимость и всякого рода угнетение есть ее доля от колыбели до могилы; что она исполнена слабостей, лишена всех совершенств и не способна ни к чему; что, одним словом, женщина самое несчастное, самое ничтожное и самое презренное творение в свете!»* [1, с. 281].

В этом фрагменте мы видим «ретрансляцию» определенного психологического состояния, связанного с ощущением безысходности, в ответ на которую героиня и стала проявлять протестные настроения. Интенция матери Дуровой имеет в данном случае провокативный характер: демонстрируя чувство подавленности, имитируемое через обилие лексических единиц, определяющих рабское положение женщин, она пытается вызвать в дочери аналогичное психологическое состояние. Объектом провоцирования в данном случае является аффективная сфера психики героини — ее чувства и эмоции.

Особенности воздействия одного человека на другого через включение механизма провоцирования были подробно рассмотрены в монографии В. Степанова. Исследователь, в

частности, отмечает, что «провокативная база манипуляции выражается в мотиве подчинения собственной воле воли другого человека; данный мотив опирается на априорную (само) уверенность провоцирующего в собственной силе и особых полномочиях» [4, с. 54]. Мать Дуровой, обладая родительскими полномочиями, как раз и преследовала манипулятивную задачу, связанную с активизацией у дочери чувства страха и изменением ее линии поведения в сторону смирения и послушания. В итоге данный малоформатный текст оказывается многосмысловым: прямой буквальный смысл высказывания, основанный на гендерной бинарной оппозиции *царство свободы мужчин — вечная неволя женщин*, с учетом провокативного дискурса, в который Дурову втягивает мать, оказывается дополнен косвенным, вторичным смыслом, обусловленным контекстом ролевых распределений в их семье, где мать выступала с позиции силы и диктата, а дочь оказывалась в роли жертвы.

Преобразование внутреннего мира героини, мира ее субъективности, как мы видим, происходит через использование эффективных средств воздействия — языковых знаков, в семантике которых закреплены негативные эмоции. Таким образом, эмоционально-оценочный компонент может быть отнесен к прагматическому аспекту лексического значения слов, через использование которых и реализуется механизм воздействия создателя текста на его читателя или слушателя.

Обратим внимание на генеративный регистр, выбранный матерью Дуровой для обобщения своего опыта («по ее мнению») и соотнесения его с универсальным опытом всех женщин: охватывается обозримая протяженность — «от колыбели до могилы», учитываются все возможные этапы — «родиться, жить и умереть» и не допускается никаких исключений, т. е. речь идет обо всех женщинах как представительницах определенного пола. Поднявшаяся на высшую ступень абстракции от событийного времени и места, женщина (не случайно здесь употреблено существительное в единственном числе) предстала во мраке своей трагической доли, причем без каких-либо ограничений — сословных, возрастных, национальных. Любая женщина оказывалась не просто жертвой — синонимическое поле трагической судьбы тут

складывается из контекстуальных синонимов, представленных такими лексическими единицами, как «рабство», «угнетение», «неволя», «зависимость», но и вполне заслужившей такое положение отсутствием совершенств и способностей. Синтаксический параллелизм целой цепочки аксиоматических утверждений производит, можно сказать, зомбирующее действие. Анафорические повторы, организующие однородные придаточные, в последнем из них усиливаются модальным выражением «одним словом» (в значении «чего говорить, когда и так все ясно») и расположенными по нарастанию степени негативной характеристики определениями женщины, с троекратным повтором слова «самый» в каждом из них, переводящего прилагательные «несчастный», «ничтожный», «презренный» в превосходную степень. «Обидные выражения», как их обозначила сама Дурова, эмоционально преподнесенные, о чем говорит выбор восклицательного предложения, хотя и не были подкреплены никакими доказательствами, вызвали эмоциональный отклик в душе героини и повлияли на изменение ее картины мира, а в конечном счете и на гендерные предпочтения.

При этом нельзя не согласиться с И. Савкиной, которая отмечает, что «мотив обретения свободы (а не перемены пола)» акцентируется в прозе Дуровой как главный [3, с. 16]. Афористическое утверждение «свобода, драгоценный дар неба» вписывается именно в автобиографический рассказ о побеге из дома. Имея универсальный характер, данное утверждение маркирует индивидуальный переход Дуровой от «женского» к «мужскому»: женская участь, благодаря риторическим усилиям матери, подкрепленным и на уровне соответствующих действий, навсегда стала ассоциироваться у нее с рабством, с замкнутым пространством, откуда нет выхода. Поэтому нейтральное утверждение о свободе перерастает у Дуровой в своеобразный гимн, посвященный ей. В нем, как и в предыдущем фрагменте о судьбе женщины, оказываются реализованы суггестивные возможности афористического жанра: «Свобода, драгоценный дар неба, сделалась наконец уделом моим **навсегда!** Я ею дышу, наслаждаюсь, ее чувствую в душе, в сердце! Ею проникнуто мое существование, ею оживлено оно! Вам, молодые мои сверстницы, вам одним понятно мое восхищение! Одни только вы

можете знать цену моего счастья! Вы, которых всякий шаг на счету, которым нельзя пройти двух сажень без надзора и охранения! которые от колыбели и до могилы в вечной зависимости и под вечною защитою, бог знает от кого и от чего! Вы, повторяю, одни только можете понять, каким радостным ощущением полно сердце мое при виде обширных лесов, необозримых полей, гор, долин, ручьев, и при мысли, что по всем этим местам я могу ходить, не давая никому отчета и не опасаясь ни от кого запрещения, я прыгаю от радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу более слов: „Ты девка, сиди! Тебе неприлично ходить одной прогуливаться!”» [1, с. 303]. В этом фрагменте риторическая аргументация первоначального тезиса представлена в самом разнообразном синтаксическом и лексическом воплощении: Дурова использует и обращение к потенциальным читательницам.

В данном случае Дурова прибегает к известной в риторике стратегии мобилизации. Для нее характерно представление какой-либо ситуации в черных красках и варианта ее изменения к лучшему при условии каких-либо действий, которые могут совершить те, к кому обращен текст. Целевая аудитория Дуровой – «молодые сверстницы», с которыми она в рамках данного фрагмента находится в оппозиционных отношениях, имеющих гендерный характер, так как главным качеством, отличающим Дурову, оказывается «свобода», в обществе традиционно являющаяся маскулинной характеристикой. Используя прием анафорического повтора, она дважды ставит в сильную позицию начала высказывания словосочетания «одни только вы», «вы, повторяю, одни только», отделяющие тех, кто может знать цену ее «счастья» и понимать «радостное ощущение» свободы, как раз потому, что им это оказывается недоступно. Изменяя формы выражения, перефразируя и подбирая все новые и новые синонимы («вечная зависимость», «вечная защита, бог знает от кого и от чего», «запрещения», «надзор»), Дурова заполняет женское семантическое поле, антонимом каждому компоненту которого будет одно ключевое понятие мужского – «свобода». Таким образом, все в этом фрагменте подчиняется бинарности представления содержания, презентации на контрастах с точной оценкой хорошо/плохо двух противопоставленных вариантов женской судьбы: с сохранением ген-

дерных признаков и с сознательным отказом от них. Принцип антитезы в такого рода афористических текстах – маркер мобилизующей стратегии: благодаря оценочным характеристикам создается иерархия в вербализованных вариантах, с явным доминированием ситуации отказа от традиционно женской модели поведения. Пренебрежительное высказывание, которым заканчивается фрагмент: «Ты девка, сиди! Тебе неприлично ходить одной прогуливаться!», может восприниматься в данном случае не как воспоминание Дуровой о неоднократно произносимых в ее адрес словах, которые она надеется больше не услышать, а скорее как обращение к тем самым молодым сверстницам, которые, прочитав этот фрагмент, полный эмоций, ощущения свободы и призыва ее разделить, что видно в выборе только восклицательных конструкций, не «заразятся» ее настроением и так и останутся в своей вечной неволе.

Таким образом, рассмотрев особенности риторической аргументации в афористических фрагментах в «Записках кавалерист-девицы» Н. Дуровой в контексте гендерного подхода к изучению текста, можно сделать вывод, что на всех языковых уровнях она демонстрирует особенности, которые не свойственны мужской афористике. Прежде всего, речь идет о распространенном среди женщин-авторов формировании первоначального тезиса, с включением в него модальных слов, утверждающих реаль-

ность сообщаемого. Эмоциональное отношение к фактам действительности проявляется в выборе лексических единиц, имеющих эмоционально-оценочный компонент, и через использование восклицательных синтаксических конструкций. Достаточно сложные способы оформления текстов на уровне синтаксических операций отражают специфику риторической аргументации, которая превалирует в рассматриваемых текстах. Наличие антитез, синтаксического параллелизма, построение семантических полей через черно-белые бинарные оппозиции и обилие риторических вопросов в афористических фрагментах позволяют утверждать, что суггестивный потенциал используемых средств в женской афористике больше, чем в мужской. Особенно это относится к афористическим текстам, в которых не оказывается места логически спаянным суждениям. Риторические аргументы вызывают определенное отношение к изображаемым явлениям, людям и предметам. Внушая, «заражая» своими чувствами, убеждая ссылками на авторитеты, используя значимые для реципиентов прецедентные тексты, Н. Дурова демонстрирует на практике реализацию провокативных и манипулятивных стратегий воздействия. Именно это и дает градус суггестии, который в женской прозе оказывается гораздо более высоким, чем в мужской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дурова, Н.А. Записки кавалерист-девицы [Текст] / Н.А. Дурова // Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. – Л.: Лениздат, 1985. – (Страницы истории Отечества).
2. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А.В. Кирилина. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999.
3. Савкина, И.Л. «Женственное» и «мужественное» в творчестве Надежды Дуровой [Текст] / И.Л. Савкина // Рос. женщины и европ. культура. – СПб., 1994.

4. Степанов, В.Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации [Текст] / В.Н. Степанов. – СПб.: Роза мира, 2003. – 263 с.
5. Хачмафова, З.Р. Гендерная стратификация языка женской прозы (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / З.Р. Хачмафова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2012. – Вып. 120. – С. 186–196.

УДК 7.01+7.046.3+7.072.2

Р.А. Федотова

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИКОНОПИСИ В КОНТЕКСТЕ ГНОСЕОЛОГИИ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Концепция любого выдающегося ученого чаще всего включает в себя как частности, так и общие вопросы, то, что имеет отношение к философии науки. Среди обобщений такого рода на первое место следует поставить вопросы гносеологии, что отвечает стремлению найти некий универсальный метод познания, используя конкретный материал разных научных дисциплин. Эта актуальность особенно остро ощущается нами как наследниками того периода развития науки, для которого определяющими стали строгая систематичность и комплекс причинно-следственных связей и доказательств, объясняющих развитие того или иного явления и процесса. А поскольку постмодернизм, в рамках парадигмы которого ныне осуществляется развитие гуманитарного знания, характеризуется достаточной эклектичностью и раздробленностью, поиски, возрождение и создание всеобъемлющей системы становятся подчас злостными.

Тем более ценными для современности представляются взгляды, сформулированные священником Павлом Флоренским в первые два десятилетия XX века, в то время, когда многие отечественные мыслители проходили путь увлечения марксизмом, но нередким явлением становилась эволюция от материализма к религиозной философии (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев¹). При этом обращение к текстам Флоренского становится не только актуальным, но и чрезвычайно интересным в силу широты его

интеллектуального кругозора. Отдельные работы были написаны мыслителем тогда, когда он был членом комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, и посвящены конкретным памятникам, но, на наш взгляд, наибольшей значимостью обладают методологические наблюдения автора. Именно предложенный Флоренским инструментарий может быть использован при изучении памятников древнерусской живописи и церковного искусства вообще.

Так, например, в рассуждениях Флоренского присутствует положение о преодолении археологического подхода к иконе, активно разрабатываемое в современном богословии образа (архим. Зинон (Теодор)), в рамках апологии современной иконописи и в контексте неоднозначного музейно-церковного диалога (вопрос о передаче или копировании древних чтимых икон из музейных собраний). В наиболее общей форме речь идет о том, что при условии каноничности образа время создания не имеет для молитвенного обращения принципиального значения, наоборот, современный неповрежденный, нерунированный памятник обладает собственной ценностью. Флоренский, говоря о классификации искусств, писал, что ее необходимо строить на основе тех целей, которые ставит перед собой искусство, тогда вопрос о времени создания становится не важным: «дело в формирующей цели, осуществляемой в произведении художника» [1, с. 121].

Система взглядов Флоренского охватывает ряд сфер научного знания: богословие, математику, лингвистику, теорию искусства и др. Некоторые положения были пересмотрены с течением времени, некоторые по-прежнему ак-

¹ Отметим, что Н.А. Бердяев весьма критично отзывался о «Философии культа» священника Павла Флоренского в «Русской идее».

туальны. Несомненным является тот факт, что идеи этого автора дают импульс для научного поиска. Как сказал о лингвистических штудиях Флоренского в комментариях к «Строению слова» С.С. Аверинцев, не все рассуждения о Павла имеют отношение к языкознанию, что-то может быть ошибочно или косвенно связано с наукой, но «„косвенные отношения” отнюдь не значит „никакие отношения”. От „духовности” нашей „духовной культуры” очень мало бы осталось, если бы из нее была изъята вся система косвенных, необязательных и постольку свободных отношений между размежеванными „доменами”». Такой тип работы ума «попросту требует не слишком буквального понимания и при таком условии служит бесценным стимулятором и для “собственно науки”» [2, с. 543].

Отметим, что Флоренскому как теоретику искусства посвящено крайне мало исследований в отличие, скажем, от анализа его культурологических идей [3, с. 806–821], в то время как многие положения, связанные с наукой об искусстве, представляются актуальными для современного научного дискурса. И, кроме этого, взгляды Флоренского часто перекликаются и имеют много общего с научными положениями наиболее видных отечественных историков и теоретиков искусства, например Б.Р. Виппера, в частности в основополагающем вопросе о предмете художества, о той материи, с которой имеет дело художественное творчество. У Флоренского: «Цель художества — преодоление чувственной видимости», *преобразование* действительности, задача искусства — *переорганизовать* данную действительность, данное пространство [1, с. 122], т. е., как отмечал Виппер, отличие искусства от неискусства — творческое истолкование явления [4, с. 33]. Поэтому в художественном произведении имеют дело не вообще с явлениями, а с эстетическими качествами явлений [Там же. С. 52–53]. Флоренский же, отмечая, что искусство начинается с эстетического созерцания [1, с. 353], писал, что признаком эстетического является цельность [Там же. С. 352].

Понятие цельности является ключевым для системы взглядов Флоренского, однако мы обратимся в основном к тому, как оно интерпретируется в русле представлений автора об искусстве как части культуры, а также в контексте рассуждений о методике познания.

Отметим, что Флоренский как религиозный философ опирается на свойственное христианской сотериологии положение о спасении как ис-цел-ении (дословная калька с латыни), т. е. воссоздании утраченной *цельности* (выделено нами. — *Р. Ф.*) человеческой личности. И способствует этому именно культура как «среда, растящая и питающая личность», как «язык, объединяющий человечество», как «выражение некоей духовной целостности» [5, с. 43]. Культура в том, чтобы, благодаря своей связи с культом, «претворять жизнь в гармонию, — всю жизнь, во всех ее проявлениях» [6, с. 130], преодолеть хаос окружающего мира, дробность человеческого сознания.

Поскольку для последнего характерно отсутствие целостности, Флоренский выделяет разные ступени или типы восприятия того или иного явления в зависимости от подготовленности реципиента, уровня его знаний и пр., от того, принадлежит он или нет данной культурной традиции. Мы развиваем эти идеи, прилагая их к особенностям интерпретации иконописи как сакрального искусства. Это следующие типы: 1) бытовое (житейское) понимание (представления «народного православия»), 2) научный анализ (собственно искусствоведение) и 3) богословское восприятие.

Особенность *житейского понимания* — это аметодичность (т. е. бессвязность и непоследовательность), метод же *науки* состоит в том, чтобы «просеивать житейское мировоззрение» [2, с. 119], выходя на уровень обобщения, но, как свидетельствуют высказывания Флоренского, это обобщение не становится подлинным синтезом. «Житейское мировоззрение обращается с единичным, живым, конкретным. Наука рушит конкретность, дробит единичное; тогда возникает абстрактное, — общее, застывшее в своей жертвенной множественности. Но диалектика расплавляет узы, закрепляющие в недвижимости... не жизнь, а призраки ее. Тогда течет высвобожденная множественность и, утекая, снова свивается в единичное, но теперь уже не одно из единичных, но в единое преимущественно, — в единичное, охватывающее собою единичности. Это — всеобщее, это — идея» [Там же. С. 136].

Таким образом, в житейском понимании большей ценностью обладают именно отдельные элементы, то, что имеет практическую ценность.

Когда научное мышление пытается объяснять, в частности, предметы, связанные с культом, то может анализировать их компоненты формально, но не может дать трактовку целостного и истинного смысла. В этом плане основная особенность верующего мышления заключается не в расчленении целого на отдельные изучаемые составляющие, но в стремлении собрать все в едином средоточении бытия, где разум, воля и чувство, прекрасное и доброе сливаются в живом единстве. И таким образом восстанавливаются личность человека в ее первоизданной неделимости и целостность мироздания.

В строгом смысле объяснение как научное определение отсутствует на бытовом уровне, но «объяснить» — это значит «дать описание всестороннее, т. е. исчерпывающее полное или предельное» [2, с. 118]. Такое описание и дается в народном восприятии религиозного феномена, в частности иконописи, поскольку люди, принадлежащие к одной традиции, действительно получают исчерпывающую информацию и в рамках своей системы мировоззрения все понимают.

Поэтому, хотя научное понимание стремится к синтезу, оно производит «скорее некоторое местное уплотнение воспринимаемого, нежели замкнутые в себе единства», т. е. отвлеченные теории не являются синтезом восприятия. Поэтому особенно сложна и неоднозначна наука об искусстве, в деятельности которого «синтез восприятий есть всё, а отдельные элементы, сами по себе, — ничто» [1, с. 261]. То есть для человека большей ценностью и цельностью обладают именно представления житейского уровня, несмотря на стремление науки выйти на ступень обобщения. Научная деятельность находится в постоянном движении и имеет в качестве объекта изучения лишь явное для ощущений человека (явление, но не сущность). Знание гораздо более обширно, чем наука.

Научное мышление изучает мир, религиозное — постигает. Флоренский отмечал, что наука — это лишь язык [2, с. 118]. «Всякая наука, — писал также о. Сергей Булгаков, — по-своему стилизует действительность, и все научные понятия суть продукты такой преднамеренной и сознательной стилизации» [7, с. 241]. Следствием этого становится неадекватность объекту принятых моделей научного описания, которые не отражают истинную его суть.

Не следует, однако, считать, что научное и религиозное восприятие противоречат друг другу. Напротив, «знание приводит к Богу, полужнание удаляет от него» [8, с. 39]. Разум способен интерпретировать только внешние характеристики, в то время как у человека есть аналитические способности качественно иного характера (интуиция как предощущение истины и т. п.). Естественное знание помогает человеку достигнуть знания духовного. Флоренский отмечал, что важно не просто знание, а приближение к истине, что возможно лишь в пределах веры, данной Богом [9, с. 35–36]. Более того, современное научное знание как «теоретическая системы, методически изучающая окружающий мир... уходит своими корнями в христианскую традицию» [10, с. 137].

Таким образом, нельзя говорить о прямом противоречии между наукой как системой приобретенных знаний и религиозными представлениями, когда речь идет об иконописи. Более сложным является вопрос о соотношении научного рационалистического мышления и религиозного, более иррационального и интуитивного. Научное мышление оперирует только познаваемыми объектами и интересуется выдерживающими практическую проверку фактами и истинами. Но в этом кроется определенная ограниченность такого опыта, ибо опыт может лишь опровергнуть ложное утверждение, но не может утвердить всеобщую верность предполагаемой истины [11, с. 111–112].

Сравнивая научное изучение памятника, аналитическое его восприятие и «эмоциональное восприятие... как объекта эстетического созерцания, при котором раскрывается истинная его сущность — духовное содержание, выраженное в художественно-образной форме» [12, с. 142], Флоренский обратил внимание на этот аспект уже применительно к богослужению. Он отмечал, что непосредственное восприятие «человеческой стихии» богослужения может быть рациональным и сердечным, причем для него именно сердечное восприятие, как более живое и молитвенное, оказывается уместнее [13, с. 76].

Говоря о *богословском восприятии*, отметим, что оно опирается на те же символы (термин Флоренского), что и житейское. Человек, осваивая окружающую действительность, использует разного рода символы (по степени убывания

их общности) — религиозные, философские, научные, видения сна [2, с. 434].

И из названных нами типов восприятия богословское и народное имеют общий источник, они отсылают нас как раз к религиозным символам, к которым человек обращается тогда, когда «желает приобщиться к наиболее широким линиям бытия» [Там же]. Богословское восприятие призвано упорядочить житейское понимание, которое оказывается понятным широким массам, в случае их принадлежности к определенной традиции. Живая традиция обеспечивает понимание того, что именно было вложено в произведение, а это и представляется наиболее важным в процессе познания.

Таким образом, из выделенных трех типов восприятия сакрального искусства наиболее гармоничным является именно третий; при нем «Божественное Откровение воспринимается всей верующей личностью, подвигом ее веры, который в конечном итоге не зависит от „образовательного ценза“. Воплощенная красота сама свидетельствует о себе в литургической жизни Церкви своей цельностью и не предполагает „интеллектуального препарирования“» [14, с. 298].

В народном восприятии искусство органически слито с церковной обрядностью (текстовая сторона молитв, иконопись...). Для простого человека привычным было постоянное созерцание образа Божия, которое через религиозный текст связывалось с Первообразом. Так, молитва или иное каноническое славословие перед иконой, исходящие из сердца молящегося, являются воплощением смысла иконы.

Игумен Андроник (Трубачев) писал, что именно на почве такого мировоззрения возникает стремление к неразделенному единству миро-представления, первобытному синкретизму; «поскольку „народ“ не просвещен церковностью или не развращен интеллигентщиной», такое мировоззрение характеризуется Флоренским «как оккультно-метафизическое, философское, корнем своим имеющее опыт магический» [2, с. 549].

Критикуя концепцию Линцбаха о создании языка, очищенного от лишнего, Флоренский писал: «Всеобщее соответствие (речь идет о разных видах информации, в том числе искусства. — Р. Ф.) есть задача, задача высокого синтеза всех деятельностей духа, ныне лишь частично

определяющаяся. <...> Есть переделки и взаимные отзвуки явлений и вещей; но постигнуть тут даже частности — дело углубленной мудрости и особых даров созерцания». Эти «взаимотражения природы» надо «именно открыть, а не произвольно сочинить» [Там же. С. 181].

Таким образом, из рассуждений Флоренского следует, что, во-первых, задача изучения памятников сакрального искусства — приближение к пониманию того смысла, который был вложен в произведение, т. е. анализ проблемы функционального соотношения иконописного образа и ритуала, предмета и функции. Данная проблема представляется весьма интересной для интерпретации, поскольку сложно выявить отправную точку для рассуждений, так как и функция образа, и сам образ находятся в системе сложных взаимосвязей. Например, говоря об иконах святых, Флоренский писал, что икона являет «воскресшее и просветленное тело» подвижника, т. е. не изображает свидетеля, а сама есть свидетель. «Но ее, как памятник христианского искусства, надлежит изучать, но это сам святой ею научает нас. И в тот момент, когда хотя бы тончайший зазор онтологически отщепил икону от самого святого, он скрывается от нас в недоступную область, а икона делается вещью среди других вещей. В этот момент живая связь между горним и дольным, т. е. религия, в данном месте жизни распалась... и тогда должно возникнуть опасение, как бы это отщепление не пошло дальше» [9, с. 172–173].

Для восприятия религиозного искусства, как наполненного особым смыслом, недостаточно осуществлять лишь формально-стилистический анализ. Искусство как форма — категория технического порядка, оно безыдейно. Необходимо иное понимание. В данном случае велика роль внутреннего самосозерцания. Иконопись может рассматриваться в качестве некоего импульса, ориентирующего человеческое сознание на прочтение смысла, отраженного в ней.

Вторым важным выводом является то, что для восприятия и изучения памятников художественного творчества ключевой становится идея синтеза и обобщения. Рассуждая о времени образа, Флоренский отмечал, что возможность судить о нем появляется только после вхождения в образ или после подъема до образа, который объединяет рассматриваемый образ и другие образы [1, с. 211]. И зритель должен

иметь «достаточно сильную способность синтеза» [1, с. 216], равно как и исследователь. Отметим также, что для Флоренского критерием появления искусства, его выделения из прочей деятельности человека также становится единство во множестве, т. е. идея, явление которой есть красота [2, с. 456, 463]. В этом, конечно, есть отзвук кантианского (идушего от античной идеи, высказанной Сократом в беседе с Аристиппом) представления о красоте вещи как ее целесообразности [Там же. С. 131].

Флоренским в системе его взглядов на вопросы познания ставится еще одна проблема — возможность постижения явления более широкого и универсального (искусства) с помощью инструментария более ограниченной сферы человеческой деятельности (науки), которая так же, как и искусство, представляет собой способ освоения человеком действительности. Эта познавательная деятельность строит символы нашего отношения к реальности [Там же. С. 364], т. е. предпосылкой является реальность, поэтому задача познающего — выявить ту объективную действительность, отражением которой является искусство [4, с. 52–53]. Интересно, что Н.П. Кондаков писал о творческом процессе: «Пути искусства столь же просты и естественны, как и другие стороны исторического движения, и его типы в точке отправления столь же реальны и берутся из окружающей действительности; но разработка этой реальной основы происходит только вместе с личным художественным подъемом в обществе, когда личное творчество ищет одухотворить, осмыслить реальную форму, которая, со вложением в нее определенной мысли, образует духовный тип или так называемый идеал» [15, с. 369–370].

Этот сюжет имеет непосредственное отношение к возможности изучения, в частности, памятников древнерусского искусства. Анализ последних осложняется или становится тем более интересным и многосторонним, поскольку искусство есть оформление культа. «Из культа исходит все, что затем обмирщается в культуре: философия, наука, формы общественности, искусство. Культ (и его основа — таинство Причащения) есть священная и единственная основа для живой мысли, творчества, общечеловеческости» [6, с. 10]. «Cultura как причастие будущего времени, подобно natura, указывает на нечто развивающееся. Natura — то, что рож-

дается присно, cultura — что от культа присно отщепляется, — как бы прорастания культа, побегов его, боковые стебли его» [Там же. С. 75]. Святыни — это первичное творчество человека; культурные ценности — это производные культа, которые Флоренский сравнивает с отслаивающейся, как у луковичного растения, шелухой культа.

То есть появление феноменов культуры — это результат дробления культа, в рамках которого можно говорить об определенной целостности, высшем синтезе. (Более подробно эта тема была развита Флоренским в докладе «Храмовое действо, как синтез искусств», где культ рассматривается не столько как формальный синтез искусств, а возникновение своего рода новой реальности, где внешняя сторона отходит на второй план, подчиняясь высшему смыслу службы.) И сам человек, чья жизнь отделена от культа, также утрачивает внутреннее единство и гармонию.

Отметим, что от частных вопросов специфики изучения искусства с помощью научного метода Флоренский опять и опять обращается к более общим, теоретическим положениям, составляющим основу его системы взглядов на познание вообще. «Познавательный акт имеет ценность, и ему подлежит вся действительность, как предмет познания, так что он — больше всей действительности, и она — лишь часть его, но в то же самое время самый акт познания есть только часть действительности и включается в нее, как деятельность одного лишь из членов человеческого рода, тогда как и весь человеческий род есть только ничтожная часть природы» [2, с. 377].

Таким образом, эта проблема, на наш взгляд, представляется наиболее неоднозначной в путях своего решения, а потому наиболее интересной. Флоренский отмечал, что среди всех возможных вариантов только религиозное, мистическое общение самое глубокое. Искусство беднее, но оно глубже общения понятийного (научного) [Там же. С. 251]. Соответственно описать более глубокое явление искусства с помощью аппарата научного, заведомо более бедного, можно только через добавление религиозного момента — теургического аспекта, который интерпретируется как связь иконы и ритуала в широком смысле, как анализ образа, исходя из той среды, для которой он был создан

первоначально, исходя из той системы изоляций, в которую он был помещен.

Отметим, что, исходя из момента выделенности, обособленности, Флоренский рассматривает эстетическое и культовое как онтологически близкие явления: «Таинство и обряд выделяют явление из среды, окружающей его, изолируют его, обособляют от повседневного. ...Чтобы обособить волокно этой ткани — надо выдернуть его из целого, надо разорвать повседневные связи явлений, привычные соотношения. Но явление, так выделенное, есть эстетический феномен. Обособленное есть синоним эстетического» [6, с. 436]. Отличие эстетического в том, что оно выделяется ради выделения. Поэтому «эстетическое есть иллюзия, ибо, хотя и выделенное, явление существенно не разнится от среды, не разнится от среды по существу своему и, стало быть, есть та же среда, но с приданной ей особой формой. Значит, особой является не то, что формой оформлено, но лишь приданное среде» [Там же. С. 437]. Выделяющий акт — всё, выделенное — ничто. Религиозный же феномен — выделенное — «существенно особое».

Эстетические феномены раздроблены по отношению к друг другу, раздробляют внимание, разрушают цельность духовной жизни, а религиозные — образуют единство, укрепляют и объединяют целостность душевной жизни.

Возвращаясь к вопросу о связи постижения иконы, исходя из особенностей той среды, для которой она создана, вспомним, что Б.Р. Виппер отмечал, что подлинное эстетическое переживание архитектуры, в частности, возможно именно «в реальных условиях ее жизненного назначения» [4, с. 365], т. е. в контексте функционального использования.

Развивая данный метод, а также учитывая представления Флоренского о религии как совокупности психологического, исторического, гносеолого-онтологическо-эстетического, теургического моментов, мы предлагаем рассматривать произведения древнерусской живописи с точки зрения исторического, эстетического, психологического и теургического аспектов, целостное рассмотрение которых позволяет приблизиться к пониманию восприятия иконы его создателями и реципиентами. Единство этих составляющих осуществляется в рамках ритуала. Физической составляющей ритуала

соответствует исторический аспект (повторение или символическое воспроизведение исторически сложившихся форм бытования и почитания икон в виде обрядов, традиции расположения в храме и т. п.), речевой составляющей — эстетический аспект (произносимый текст, гимнография, молитвы являются источниками иконографии, а средства выразительности текста коррелируются с тропами в живописи), душевно-логическая составляющая соответствует теургическому (восприятие иконы как свидетельства Боговоплощения) и психологическому (комплекс представлений «народного православия») аспектам. Единство этих аспектов осуществляется на основе антропологического принципа, поскольку «строение культа есть истинное строение твари, и в культе тварь не внешние находит себе нормы, а свои собственные, внутренние, внутренние же свои основы, но очищенные от всего случайного» [6, с. 398].

Иконописный образ нельзя делать средством при научном описании и познании. Часто его анализ, интерпретация служат своеобразной ступенью к проникновению в глубь национальной специфики, к постижению менталитета и т. п. На основании изучения иконы делаются выводы об общественной жизни своего времени, богословии и пр. Это важные моменты, однако они не должны заслонять главной цели — чтобы икона, по образному высказыванию Флоренского, стала именем личным в таком процессе познания, которое не есть «беспредельное и бесцельное накопление отдельных признаков, в пучине которых теряется разум; напротив, это есть стремление противопоставить раздробленности познания отвлеченного — единство, самозамкнутость и цельность познаваемого объекта как некоторого существа — беспредельной линии противопоставить сферу, признакам — лицо. Тогда возникает имя личное» [2, с. 265].

Выделяемые нами аспекты не только соответствуют частям ритуала, но и как элементы целого соотносятся с типами восприятия культового искусства: психологический аспект — бытовое восприятие, эстетический и исторический — искусствоведческое, теургический — богословское понимание. Единство этих аспектов при изучении иконописного произведения позволяет достигнуть целостного

понимания этого явления. Но в рамках целого, кроме общего признака, должна быть небольшая часть элементов, которые противопоставляют себя целому, чтобы не было пассивного однообразия [1, с. 262]. Поэтому данные аспекты также содержат в себе противопоставление одного другому.

Так, эстетический аспект ограничивает психологический. Если в последнем доминирует комплекс представлений «народного православия», то эстетическая интерпретация необходима, чтобы икона не становилась святыней только потому, что она напоминает кому-то икону и помещена в храм. Как писал Флоренский, произведение искусства имеет

определенную, навязываемую зрителю последовательность, т. е. психологический произвол ограничивается эстетической принудительностью [Там же. С. 218–219].

Эстетический аспект, в свою очередь, зависит от исторического, поскольку влияние на эстетические идеалы времени имеет так называемый «большой стиль эпохи», с ним связана сюжетная тематика — искусство монашеского идеала, княжеский заказ, народные демократические тенденции и т. п.

Изучение подобных взаимодействий в рамках выделяемых нами аспектов бытования иконы в храме представляется наиболее актуальным в плане дальнейшей разработки темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Флоренский, П.А., свящ.** Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии [Текст] / П.А. Флоренский. — М.: Мысль, 2000. — 446 с.

2. **Он же.** Сочинения [Текст]. В 4 т. Т. 3 (1) / П.А. Флоренский; сост. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). — М.: Мысль, 2000. — 621 с.

3. **П.А. Флоренский:** pro et contra: личность и творчество П. Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей [Текст]: антол. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ун-та, 2001. — 823 с.

4. **Виппер, Б.Р.** Статьи об искусстве [Текст] / Б.Р. Виппер. — М.: Искусство, 1970. — 592 с.

5. **Никитин, В.А.** Храмовое действо как синтез искусств. Священник Павел Флоренский и Николай Федоров [Текст] / В.А. Никитин // Вестн. Рус. христиан. движения. — 1988. — № 153 (II). — С. 40–56.

6. **Флоренский, П.А., свящ.** Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антроподицеи) [Текст] / П.А. Флоренский. — М.: Мысль, 2004. — 686 с.

7. **Булгаков, С.Н., свящ.** Сочинения [Текст]. В 2 т. Т. 1 / С.Н. Булгаков. — М.: Наука, 1993. — 603 с.

8. **Лука (Войно-Ясенецкий), святитель.** Наука и религия. Дух, душа и тело [Текст] / Лука (Войно-Ясе-

нецкий), святитель. — Ростов н/Д: Троицкое слово : Феникс, 2001. — 312 с.

9. **Флоренский, П.А., свящ.** Иконостас [Текст]: избр. тр. по искусству / П.А. Флоренский. — СПб.: Мифрил : Рус. кн., 1993. — 365 с.

10. **Наука** и богословие: антропологическая перспектива [Текст]. — М.: Изд-во Библио-богосл. ин-та св. апостола Андрея, 2004. — 320 с.

11. **Фейнберг, Е.Л.** Две культуры. Интуиция и логика в искусстве [Текст] / Е.Л. Фейнберг. — М.: Наука, 1992. — 287 с.

12. **Бобров, Ю.Г.** История реставрации древнерусской живописи [Текст] / Ю.Г. Бобров. — Л.: Художник РСФСР, 1987. — 162 с.

13. **Трубачев, С.З.** Музыка богослужения в восприятии священника Павла Флоренского [Текст] / С.З. Трубачев // Журн. Моск. патриархии. — 1983. — № 5. — С. 74–78.

14. **Мусин, А., диакон.** Богословие образа и эволюция стиля. К вопросу о догматической и канонической оценке русского церковного искусства XVIII–XIX веков [Текст] / А. Мусин // Искусствоведение. — 2002. — № 2. — С. 279–302.

15. **Кондаков, Н.П.** Иконография Богоматери [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Н.П. Кондаков. — Киев: Об-во любителей православной литературы : Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2009. — 383 с.

И.П. Березовская, О.Д. Шипунова

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

С 14 по 16 ноября 2012 года на базе Санкт-Петербургского политехнического университета проходила V Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества», организованная департаментом корпоративных общественных связей и гуманитарным факультетом Санкт-Петербургского государственного политехнического университета совместно с кафедрой политологии и социологии Киевского национального университета технологий и дизайна, при информационной поддержке издательства «Наука и культура» и журнала «Вопросы культурологии».

В обсуждении проблемных вопросов, заявленных в программе конференции, приняли участие 115 специалистов из разных областей гуманитарного знания, представлявших различные регионы России, Украину, Беларусь, Польшу, Казахстан. В числе участников 3 проректора из вузов Казахстана, Украины, Москвы, 6 заведующих кафедрами. Интеллектуальное сообщество, образованное тематикой конференции, составили доктора наук (21 человек), кандидаты наук, аспиранты, соискатели, студенты, заинтересованные слушатели.

Санкт-Петербургский политехнический университет представляли: директор департамента корпоративных общественных связей А.Н. Кобышев, декан гуманитарного факультета профессор И.Е. Тимерманис, начальник отдела по работе со СМИ М.С. Арканникова, профессор кафедры философии О.Д. Шипунова. В работе конференции приняли участие 15 доцентов и сотрудников, аспиранты и студенты гуманитарного факультета.

Московский регион России представляли: проректор Академии медиаиндустрии доктор

филологических наук, профессор А.А. Калмыков; заведующий кафедрой общественных связей РГГУ доктор философских наук С.В. Клягин; доктор философских наук, профессор Российского торгово-экономического университета Э.В. Баркова; главный редактор журнала «Вопросы культурологии» кандидат философских наук А.В. Агошков.

Конференция была нацелена на концептуальную интеграцию научных исследований по проблемам социального управления и социокультурной динамики, разработку представлений об инновационном, информационном, сетевом обществе, уточнение междисциплинарного понятийного аппарата анализа коммуникативных процессов, сетей и технологий в современном социуме.

Исследование коммуникативных стратегий привлекло внимание отечественных и зарубежных лингвистов в 80-х годах XX века (В.З. Демьянков, 1982; Т.А. Ван Дейк, 1983; Г.Т. Сухих, 1986; Мозес Койт Тайлер, О.Н. Верещагин, 1990). Коммуникативные стратегии рассматривались как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели.

Изначально под «коммуникацией» понимался обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов. Основные исследования велись в лингвистике. Но в связи с увеличением роли информации в современном мире изменилось представление о коммуникации, расширилась и область исследований данного процесса. В настоящее время под коммуникацией понимаются и система, в которой осуществляется взаимодействие, и

различные способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию. Осмысление роли феномена коммуникации в социальной динамике как системообразующего фактора экономической, политической, индивидуальной жизни вывело на первый план актуальность смысловых взаимодействий. Феномен коммуникации в широком гуманистическом аспекте ассоциируется с трансляцией смыслов в историко-культурном и межиндивидуальном плане, передачей и изменением жизненного багажа, включая осознаваемые информационные сообщения, а также комплекс эмоций, интенций, установок.

Информационная революция второй половины XX века не только обусловила увеличение во все нарастающих размерах доли СМИ, сети Интернет, сотовой и спутниковой связи в обеспечении информационно-коммуникативного взаимодействия между людьми, но и изменила их образ жизни, социальные механизмы, обеспечивающие функционирование коммуникативного пространства населения планеты. Развитие сетевых информационных технологий и СМИ, обладающих широкими возможностями воздействия на массовое сознание, неизбежно включает страны мира в глобальный процесс формирования новой информационной культуры.

Особенностью развития информационного общества в XXI веке является глобализация, которая сопровождается постоянно нарастающим количеством коммуникативных средств и посредников, формированием совершенно нового типа многостороннего, опосредованного интерактивного и социального взаимодействия. Коммуникативные процессы попадают в поле зрения многих наук социально-гуманитарной и научно-технической сферы. На актуальный поиск теории, интегрирующей и обобщающей достигнутые результаты в различных областях, направлены программные установки конференции, в частности: междисциплинарный синтез исследований коммуникативных процессов, выявление методологической базы теоретических построений в отношении анализа феномена коммуникации, конструирования современных социальных технологий в условиях развития СМИ и технологии массового воздействия.

Концептуальная интеграция исследований социальной философии, межкультурных

коммуникаций, инновационных процессов в социальной сфере, PR-технологий составляет открытую проблемную область современной науки о жизни, обществе, человеке. Анализ коммуникативных стратегий в контексте глобализации и тотальной конкуренции представляет интерес и в плане ресурсов оптимизации социального управления на современном этапе развития информационного сетевого общества. В центре внимания оказываются коммуникативные стратегии и практики на основе рефлексии, убеждения, понимания, свободного выбора. Неудивительно, что в данную работу все больше включаются философы.

Пленарное заседание конференции открылось докладом доктора философских наук, профессора О.Д. Шипуновой, в котором формулировались главные установки исследования проблем развития информационного общества. В докладе доктора философских наук, профессора С.В. Клягина (Москва, РГГУ) подчеркивалось возрастание роли теоретического обеспечения в распространении коммуникативных стратегий и практик. Неоднозначность осмысления коммуникации как информационно-смыслового взаимодействия, которое обязано обеспечить трансляцию смысла, отметил в своем выступлении доктор филологических наук А.А. Калмыков (Москва, Академия медиаиндустрии). Но в настоящее время все чаще вместо смысла передается симулякр смысла, порождающий уже новый индивидуальный смысл у коммуникаторов. В этой ситуации эффективность коммуникации в существенной мере будет зависеть от жизнеспособности порождаемых симулякров, а также от степени активности субъекта коммуникации. Тенденции современного общества порождают в своих глубинах новую социокультурную ситуацию, вследствие которой зарождается новый тип человека – homo communicativus, подчеркнула в своем докладе доктор философских наук, профессор Э.В. Баркова. Homo communicativus – культурно-природный микрокосм, который воспроизводит, переживает, содержательно оценивает, осваивает всю сеть коммуникаций, пронизывающую планету и жизнь мирового сообщества, обеспечивая самосознание, взаимопонимание и включенность homo communicativus во все планетарные процессы, включая сохранение природного и культурного наследия. Процесс само-

достижения человеком своей природы можно связать с Возрождением XXI века. Важным моментом такого самопостижения и поддержания духовного иммунитета российского сообщества может выступить, в частности, осмысление достижений отечественной истории и традиционных отечественных святынь, отметила в своем докладе кандидат культурологии Н.В. Рудская.

Программа конференции включала выступления и дискуссии по сквозным темам, таким как «Философия коммуникации», «Науки и культура в информационном сетевом обществе», «Инновации и образование», «Проблемы межкультурной коммуникации», «Человеческие ресурсы и организационная культура в социотехнических системах», «Коммуникативные стратегии государственного управления», «Коды и технологии массовой коммуникации».

В секции «Философия коммуникации» обсуждались социальные проблемы глобальной информационной реальности. Доктор философских наук О.Д. Гаранина отметила в своем выступлении коммуникативный парадокс созданной человеком новой информационно-сетевой реальности: каждый человек в информационном взаимодействии открыт и закрыт миру одновременно. Виртуальное общение вытесняет реальное, ослабляя традиционное социокультурное влияние. Вместе с тем утрачивается его регулятивное воздействие на личность, что приводит к установлению эгоистичного, поверхностного отношения друг к другу. Кандидат социологии Л.И. Евсеева, напротив, подчеркнула, что влияние на личность — явление сложное, связанное с тесным переплетением не только сознательных, но и стихийно взаимодействующих факторов (индивидуальный жизненный опыт, социальные условия существования, социальное окружение и т. п.). Поэтому личность не может рассматриваться как пассивный объект воздействия. Поскольку реальностью в информационном пространстве является система отношений, обусловленных символическим обменом, можно говорить, что в настоящее время происходит не просто утрата социокультурного регулятивного воздействия на людей, но ведется поиск новых форм упорядочивания отношений между ними, отметил доктор философских наук С.В. Борисов.

Участники конференции уделили особое внимание вопросу соотношения науки и куль-

туры в информационном сетевом обществе. Подчеркивалось, что коммуникация выступает способом существования научного знания в информационном обществе (М.М. Уткина), а сами коммуникативные явления образуют необходимую основу культуры (доктор культурологии В.И. Грачев). Исследования коммуникации в связи с этим становятся с каждым днем все более актуальными. В то же время есть опасность, что создание единого информационного пространства может привести к унифицированности коммуникации, а вслед за ней и к унифицированности общества, отметила кандидат философских наук Т.Б. Карулина.

Проблема теоретического обеспечения коммуникативных стратегий обсуждалась в рамках секции, посвященной интеллектуально-коммуникативным сетям в истории и современности. Существование интеллектуальной сети республики ученых в эпоху Просвещения убедительно показала в своем докладе кандидат культурологии В.С. Трофимова. Подчеркнув особенности современного поколения как «цифрового» поколения Сети, доктор философских наук А.Т. Кулсариева (Казахстан) связала модернизацию образования и его проблемы с успешным сотрудничеством представителей разных поколений, с эффективной коммуникацией в образовательном пространстве. В перспективе информационного сетевого общества коммуникативно-образовательная стратегия определена в существенной мере компьютерным языком и форматом компьютерно-экранного обучения, позволяющим реализовать интерактивное «образование + развлечение» («образвлечение»).

На секции, посвященной вопросам инноваций в образовании, была отмечена перспективность социального образования как связующего звена между наукой и практикой, а также между гуманитарными и техническими дисциплинами. По мысли доктора философских наук О.В. Кашириной, центральным звеном социального образования должна стать культура времени как способ организации всего научно-образовательного и учебно-воспитательного процесса. Культура времени может быть воплощена в практике преподавания международного курса, который, в свою очередь, может стать началом создания международной системы социального образования в странах

СНГ. Кандидат социологии М.С. Арканникова отметила, что для современного инженера важно не только овладение более широким спектром компетенций, но и развитие способности к продуктивной деятельности, соединяющей функции «основного генератора инноваций», исследователя и организатора, что требует разработки нового имиджа выпускника и образовательной системы политехнического вуза.

Вопрос о формировании имиджа и его коммуникативной роли поднимался и на секции, посвященной социокультурным средам информационного общества. Доктор социологии О.Л. Гнатюк в своем докладе отметила, что недооценка социокультурного подхода может выступать одним из серьезных препятствий в формировании позитивного внешнего имиджа любого территориально-государственного субъекта. В этом ключе рассматривались и коммуникативные стратегии государственного управления. Кандидат философских наук Е.В. Суший (Украина), выделив особенности коммуникативных стратегий современных гибридных режимов, в которых демократические институты лишь формально обозначены, но не исполняют своих функций, подчеркнула, что гибридные режимы не временное явление, а устойчивая политическая система, способная существовать длительное время. В своем выступлении доктор философских наук Н.А. Лукьянова на примере анализа сайтов города Томска убедительно показала актуальность этики ответственности в формировании коммуникативных стратегий власти. Рассматривая символические атрибуты коммуникативных практик власти в интернет-пространстве, она подчеркнула, что выбор коммуникативных стратегий, соответствующих определенным этическим принципам, будет способствовать стимулированию социально активной позиции человека. Вопросы о живом знании, свободе личности, ее информационно-коммуникативной безопасности в контексте глобализации были центральными в секции «Личность в информационном обществе».

Главная черта современного мира — противостояние процессов глобализации и глокализа-

ции. В условиях интенсификации процессов взаимодействия в экономической, политической, информационно-интеллектуальной сферах общественной жизни ни одна из национальных культур не в состоянии реализовать потенциал собственного развития вне взаимодействия с другими культурами и с культурой информационного общества. Проблемы сохранения национального разнообразия обсуждались в рамках секции, посвященной особенностям межкультурной коммуникации в информационном обществе. Участники секции исследовали процессы трансформации национальной идентичности под влиянием глобализационных процессов.

В секции, посвященной человеческим ресурсам социотехнических систем, рассматривались организационные проблемы управления персоналом, обсуждались стратегии манипуляции поведением, сознанием и самосознанием как приоритетные коммуникативные стратегии социального управления в современном обществе. Этим вопросам был посвящен научно-практический семинар «Инновационный менеджмент: организационная культура и профессиональная коммуникация». Ключевые доклады сделали профессор СПбГУП А.П. Марков и главный редактор журнала «Вопросы культурологии» А.В. Агошков.

Работу конференции заключал «круглый стол» на тему: «Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании», проведенный совместно с участниками ежегодного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге — 2012: философия и образование в современном мире», проходившего в это время. Выступления и дискуссии показали заинтересованность исследователей в конструктивной взаимосвязи науки и образования, сохранении интеллектуального и нравственного потенциала современного общества.

Основные идеи участников конференции нашли отражение в книге «Коммуникативные стратегии информационного общества: труды V Международной научно-теоретической конференции» (СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. — 306 с).

Н.А. Нарышкина-Прокудина-Горская

ТАРАС ШЕВЧЕНКО В ПЕТЕРБУРГЕ

Творчество Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861) рассматривалось многими исследователями, как российскими, так и украинскими, с различных позиций. Однако до сих пор в науке не выработан исторически объективный подход к анализу и оценке его творческого наследия.

Связи отечественного и европейского искусства исследуются искусствоведами давно и плодотворно. Но особый интерес для современной науки представляет взаимодействие славянских культур в общем русле общеевропейских культурных процессов.

Тема «Тарас Шевченко в Петербурге», казалось бы, знакомая и изученная, насыщена исследовательскими неожиданностями и парадоксами. Она не только открывает яркие страницы жизни и творчества поэта и художника, но по-новому освещает художественный облик города на Неве, в котором Шевченко стал свободным человеком и сформировался как мастер.

Обращение к данной теме позволяет нам рассмотреть многие актуальные вопросы, в том числе вопрос о значении русской интеллигенции в освобождении Тараса Шевченко от крепостной зависимости.

Объектом нашего рассмотрения являются два почти не изученных раздела обширного наследия Т.Г. Шевченко – изобразительное творчество и литературный труд «Русские повести», написанный на русском языке.

В шевченковском Петербурге, истоки которого следует искать в Петербурге пушкинском, можно наметить те же культурно-топографические вехи: Летний сад, Миллионная улица и мн. др.

Творческая судьба Т.Г. Шевченко началась с Летнего сада. Будучи «комнатным казачком» помещика П.В. Энгельгардта, приехавшего в Петербург из Вильно в 1831 году, юный Тарас бегал туда белыми призрачными ночами и делал карандашные зарисовки мраморных скульптур, которые, казалось, светились в ночи заколдованным серебряным светом. Лишь одна из них, признавался он впоследствии, произво-

дила «дурное впечатление» – скульптура Сатурна, пожирившего свое дитя.

Судьба талантливого малороссийского крепостного вызвала сочувствие у петербургской интеллигенции. Известный художник *Карл Павлович Брюллов* (1799–1852) предложил Энгельгардту деньги и попросил дать Шевченко вольную, но несговорчивый помещик требовал за Тараса все большую и большую сумму. К переговорам подключился не менее известный мастер *Алексей Гаврилович Венецианов* (1780–1847), основатель художественной школы для крепостных живописцев. Это тоже не привело к желаемому результату. Надежда на освобождение у Шевченко сменилась отчаянием.

Но знаменитый поэт и переводчик, друг и наставник А.С. Пушкина, *Василий Андреевич Жуковский* (1783–1852) предложил Энгельгардту в качестве выкупа небывало большую сумму. Получив его согласие, Жуковский обратился к К.П. Брюллову с просьбой закончить его портрет, который давно уже был начат «великим Карлом», но так и оставался незавершенным. И Брюллов тотчас же приступил к работе.

Выдающийся музыкант граф *Матвей Юрьевич Виельгорский* (1794–1866) организовал частную лотерею, и живописный шедевр К.П. Брюллова – портрет В.А. Жуковского¹ (ныне находится в Третьяковской галерее) – был приобретен супругой Николая I, императрицей Александрой Федоровной. Вырученные за картину деньги пошли на выкуп Тараса Шевченко.

Так «три российские музы» объединились в деле освобождения из неволи одаренного украинского юноши, оказавшегося в российской столице. В 1838 году он получил долгожданную свободу. В том же году Тараса Шевченко приняли в Петербургскую академию художеств в класс К.П. Брюллова. «Для одной картины Карла Павловича стоило приехать из Китая, а не только из Малороссии», – восторженно писал он [2, с. 175–176].

¹ С этого портрета были выполнены две копии художниками А.Н. Мокрицким и Н.Д. Быковым [См.: 1, с. 348].

Петербург, его люди и художественные традиции не только сыграли решающую роль в судьбе Шевченко, но и нашли отражение в его творчестве.

Наряду с Летним садом понятие «пушкинский Петербург» включает в себя дом Лавалья (арх. Тома де Томон, 1805–1810):

*Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы...*

Дом Лавалья (Английская наб., 4) был одним из известных аристократических салонов XIX века. Здесь в 1828 году А.С. Пушкин читал своего «Бориса Годунова». Среди других его слушали А.С. Грибоедов и А. Мицкевич. Т.Г. Шевченко описал этот знаменитый дом так: «Нева, как гигантское зеркало, отражает в себе со всеми подробностями величественный портик Румянцевского музея (ныне – Музей истории города), угол Сената и красные занавески в доме графини Лаваль».

В зимние длинные ночи дом освещался внутри, и красные занавески, как огонь, горели на темном фоне, и мне всегда досадно было, что Нева покрыта льдом и снегом и декорация теряет свой настоящий эффект» [2, с. 140].

Открывая для себя мир русской дворянской культуры, Шевченко наносил в «Русских повестях» последние закатные штрихи в образ уже уходящего пушкинского Петербурга.

Пушкин умер в январе 1837 года. В апреле 1838 года Тарас Шевченко был освобожден от крепостной зависимости усилиями петербургской интеллигенции.

Три года спустя появилось первое издание «Кобзаря».

В том же году вышел сборник произведений *Михаила Юрьевича Лермонтова* (1814–1841). Шевченко не был знаком с поэтом, но всегда интересовался его творчеством, обращался к его поэзии в своих письмах и дневниках. В одном из стихотворений он назвал Лермонтова святым великомучеником [3, с. 472].

Герой лермонтовского «Маскарада», Владимир Арбенин, едет к В.В. Энгельгардту:

*Ведь ныне праздники и, верно,
Маскарад у Энгельгардта.*

Здание на Невском проспекте, приспособленное для маскарадов, балов и концертов, построено в середине 1830-х годов для

В.В. Энгельгардта архитектором П. Жако. Ныне здесь (Невский пр., 30) находится Малый зал Филармонии. *Василий Васильевич Энгельгардт* (1785–1837), отставной полковник, сын сенатора В.В. Энгельгардта, племянника светлейшего князя Потемкина, принадлежал к старинному дворянскому роду, происходившему из Швейцарии. Был другом А.С. Пушкина, членом литературно-политического кружка «Зеленая лампа». В 1819 году Пушкин посвятил ему стихотворение «Я ускользнул от Эскулапа».

В 1835 году, когда Лермонтов работал над «Маскарадом», а Пушкин заканчивал «Египетские ночи», костюмированные балы и театральные импровизации «у Энгельгардта» были в самом разгаре.

Прототипом персонажа, сыгравшего роковую роль в интриге «Маскарада», – Шприха – явился известный в светских салонах меломан А.Л. Элькан [4, с. 772], имевший скандальную репутацию [5]. Имя этого завсегда балов упомянул в своих повестях, рассказывавших о петербургской жизни, и Т.Г. Шевченко.

Старший брат В.В. Энгельгардта, прославившегося балами, маскарадами и концертами, – *Андрей Васильевич Энгельгардт* (1783–1838) был известной фигурой в российской истории. Он участвовал в военных кампаниях начала XIX века. Был ранен в ногу, тут же сам ее прооперировал и, едва поправившись, вновь ринулся в бой. В Отечественную войну 1812 года служил адъютантом у князя П.И. Багратиона. Награжден золотой шпагой «За храбрость». О храбром «безногом» офицере ходили легенды [6, с. 551]. Напишет о нем и Тарас Шевченко в повести «Капитанша».

Шевченко, в судьбе которого переплелись встречи с людьми и события петербургской жизни XIX века, был крепостным *Павла Васильевича Энгельгардта* (1798–1849). Его брату и принадлежал «дом Энгельгардта».

Получив свободу, Тарас Шевченко стал часто посещать концерты, которые давались в знаменитом доме. Об этом он рассказал в повести «Музыкант»: «*Выхожу из Казанской церкви... Перехожу Невский проспект и издали вижу, что-то белеет за проволочной решеточкой у подъезда дома г. Энгельгардта. Я прибавил шагу... и мне показалось, что я вижу самого Серве* (А.Ф. Серве – бельгийский виолончелист и композитор,

много гастролировавший по Европе в 1840-е годы. — Н. Н.) ...а это только буквы.

Долго я читал эти заветные буквы, пока добрался до настоящего их смысла. А смысл был такой, что Серве дает концерт сегодняшней же день. Начало в 7 часов вечера.

Я сейчас же купил билет и целый день ходил по Невскому...

В 6 часов вечера я уже был в зале. Зала была уже вполнину освещена, и я вошел в нее первый. Швейцар пустил меня в залу, сначала пристально осмотрел меня с ног до головы, потому, вероятно, что я вовсе не был похож на человека, для которого пятирублевая депозитка ничего не значит» [7, с. 198–199].

Петербургские аристократы всячески покровительствовали Тарасу Шевченко, помогали ему в постижении мировой культуры.

Он посещал «среды» известного литератора *Нестора Васильевича Кукольника* (1809–1868), который начал издавать «Русскую художественную газету» [8].

Зван был Шевченко и на приемы к В.А. Жуковскому — в дом на Миллионной улице, 35. Эти посещения талантливого переводчика, познакомившего русскую публику с лучшими образцами европейской поэзии, стали бесценными для становления литературного творчества Тараса Шевченко.

Приглашал его к себе и граф М.Ю. Виельгорский, видный музыкальный деятель, сын сенатора, основателя Санкт-Петербургского филармонического общества, один из учредителей Императорского Русского музыкального общества.

Талантливый виолончелист, автор пьес для струнных инструментов, М.Ю. Виельгорский открыл у себя дома (пл. Искусств, 3) музыкальный салон. Посетить его — значит оказаться в самом центре всей европейской музыкальной жизни, так как именно здесь давали свои первые концерты Р. Шуман, Ф. Лист, Г. Берлиоз, певица П. Виардо и др. Только после этого европейские виртуозы начинали выступать в Петербурге публично.

Свою библиотеку, коллекцию нот и музыкальных инструментов граф М.Ю. Виельгорский завещал Петербургской консерватории, а свою знаменитую виолончель Страдивариуса подарил музыканту К.Ю. Давыдову. Шевченко видел, что петербургская элита, князья и гра-

фы, жила не «ради злата» и шика, свои духовные силы тратила на славу России.

Приходил Шевченко и «на чердак», что на углу Дворцовой набережной и Запорожского переуллка, к известному литератору, философу искусства князю *Владимиру Федоровичу Одоевскому* (1803?–1869).

Рассказ Владимира Одоевского «Квартет Бетховена», опубликованный в год, когда Шевченко только приехал в Петербург, стал ему особенно близок. Речь в нем шла о муках творчества: «*Да и что за жизнь моя? Цепь бесконечных терзаний. От самых юных лет я увидел бездну, разделяющую мысль от выражения...*

В моем воображении носятся целые ряды гармоничных созвучий...

Грубые чувства уничтожают всю деятельность души... Смерть души!.. Эти люди будто знают, что такое душа музыканта, что такое душа человека? Они думают, что ее можно обкроить по выдумкам ремесленников...

Живешь, терзаешься, думаешь; написал и конец! К бумаге приковались сладкие муки создания — не воротить их!» [См.: 9].

Под влиянием выдающихся деятелей российского искусства Тараса Шевченко захватила стихия творчества: он писал стихи, прозу, занимался гравюрой, сочинял песни и даже попробовал себя в опере. Как ученик театрального мастера В. Ширяева, Шевченко принимал участие в декоративном оформлении Большого театра — гордости пушкинского Петербурга. Когда же ушел учиться в Академию художеств, Ширяев печалился, что у него «украли лучшего художника».

Озаренная пушкинским светом, петербургская культура, с ее глубокой человечностью и открытостью, многочисленными выставками, спектаклями, концертами, литературными и музыкальными салонами, формировала у Шевченко художественное миропонимание. «Комнатный казачок», попав в ранее недосягаемый для него мир творческой элиты, сумел разглядеть в нем не внешнее, блестящее, а самое существенное: уважение к человеку и к тому, что им создано, — культуре.

Весь историко-культурный центр города на Неве связан с жизнью Тараса Шевченко, особенно Невский проспект. Можно прочертить маршруты, выделив места, где он бывал на Невском, этой «всеобщей коммуникации Пе-

тербурга»: Казанский собор, дом Энгельгардта, Общество поощрения художников, лавка издателя и книгопродавца Смирдина, в которую часто заглядывал Пушкин (размещалась в доме, принадлежавшем лютеранской церкви, Невский пр., 22–24).

Церковь Святых Петра и Павла, выстроенная по проекту архитектора *Александра Павловича Брюллова* (1798–1877), автора таких зданий в Петербурге, как Обсерватория, Гвардейский штаб, Михайловский театр, была известна еще и тем, что в ней находилось написанное К. Брюлловым «Распятие». Оно вызывало самые восторженные отзывы, им восхищались Жуковский, Герцен, А. Иванов и мн. др. Однако мало кто знает, что к работе над «Распятием» «великий Карл» привлек Тараса Шевченко, который оставил об этом любопытные воспоминания: «Сегодня в десятом часу утра свернули мы на вал картину „Распятие Христово” и с натурщиками отправили в лютеранскую Петропавловскую церковь...

После обеда пошли мы с Михайловым и pokrыли ее лаком.

Вскоре пришел Карл Павлович...

Долго он сидел молча, только приговаривал:

– Ванда! (К. Брюллов имел в виду своего брата А. Брюллова, архитектора церкви. – Н. Н.). Ни одного луча сверху на алтарь! И для чего им картины?

– Вот если бы, – сказал он, обращаясь к нам и показывая на арку, разделяющую церковь, – если бы во всю величину этой арки написать картину – Распятие Христа, то это была бы картина, достойная Богочеловека.

О, если бы хоть сотую, хоть тысячную долю мог я передать вам того, что я от него тогда слышал!

Но вы сами знаете, как он говорит. Его слова невозможно положить на бумагу, они окаменеют. Он тут же сочинил эту колоссальную картину со всеми мельчайшими подробностями, написал и на место поставил. И какая картина!»

Для Тараса Шевченко Карл Брюллов был непревзойденным авторитетом, но все же в спорных вопросах искусства он сохранял свое мнение. Брюллов рекомендовал ему придерживаться мифологических сюжетов, он же писал другие картины: «Что мне вам про себя самого сказать? <...> Написал небольшую картину масляными красками – „Сиротка мальчик делится милостыней с собакой под забором”» [2, с. 195].

О том, что Шевченко хорошо осознавал направленность своего пути в искусстве, говорит такой эпизод: Жуковский, вернувшись из Германии с «огромною портфелею, начиненной произведениями светил мюнхенской школы живописи», пригласил его зайти посмотреть. Шевченко, «налюбовавшись» на произведения из этой «портфели», недоуменно спрашивал: «Что же мы увидели? Увидели Гольбейна, Дюрера, но никак не представителей живописи девятнадцатого века» [10, с. 339–340].

Ни Брюллов, ни Жуковский не могли изменить его понятия о назначении искусства. Дух мюнхенской школы был неприемлем для него даже в творчестве маститого живописца *Федора Антоновича Бруни* (1799–1875). «Один мой знакомый, – писал Шевченко, – глядя на картину Федора Бруни, сказал, что если бы он был матерью этого безобразного ребенка, что валяется на первом плане картины, то он не только взять в руки, боялся бы подойти к этому маленькому кретину. Замечание чрезвычайно верное и ловко высказано» [11, с. 55]. Добавим – чересчур «ловко». Но в том не было личного отношения к Ф.А. Бруни. Уже тяжело больной, Шевченко торопился перед смертью закончить гравировальный портрет этого выдающегося монументалиста, признанного мастера исторической и религиозной живописи.

Свои собственные первые шаги в изобразительном искусстве Тарас Шевченко сделал в 1841 году, когда в Петербурге вышел в свет сборник А. Башуцкого «Наши, списанные с природы русскими», в котором Шевченко иллюстрировал рассказ «Знахарь». О рисунках этого издания, выполненных также В. Тиммом и И. Щедровским, В.Г. Белинский писал: «Да, „Наши” – свидетельство наших успехов в деле передового искусства» [12, с. 602].

Шевченко участвовал в оформлении нескольких петербургских изданий, в том числе сборника «Сто русских литераторов», автором которого был профессор истории, литератор *Николай Иванович Надеждин* (1804–1856).

В 1843 году вместе с художниками А. Коцебу и Р. Жуковским Шевченко иллюстрировал книгу историка, издателя и журналиста *Николая Алексеевича Полевого* (1796–1846) «История князя Итальянского, графа Суворова-Рымнического», а в 1845 году еще одну его книгу – «Жизнь и подвиги российских полководцев»,

для которой помимо других портретов выполнил портрет А.В. Суворова. И хотя этот портрет для сборника Н. Полевого никогда специально не рассматривался шевченковедами, он заслуживает особого внимания.

Имя фельдмаршала, генералиссимуса *Александра Васильевича Суворова* (1730–1800) навсегда связано с Петербургом. Здесь он жил, здесь похоронен в Александро-Невской лавре. Здесь Суворову поставлен бронзовый памятник: он, не знавший ни единого поражения, представлен Марсом в пернатом шлеме, устремленным к победам.

Графический образ Суворова, созданный Шевченко, отличается широтой подхода в разработке его экстраординарного характера. Среди придворных ходило много слухов о чудачествах полководца. Ему великий английский поэт Байрон посвятил такие строки:

*Молясь, остря, весь преданный причудам,
То ловкий шут, то демон, то герой,
Суворов был необъяснимым чудом...*

Для Тараса Шевченко «необъяснимость» Суворова объяснялась его близостью к солдатам, которые шли за ним на смерть. «Дым, дым, дым, всю жизнь гонялся за дымом!» — признался Суворов очередным парадоксом, многократно передававшимся из уст в уста в высшем свете.

На портрете, написанном Шевченко, в лице Суворова, умном и тонком, в гордом повороте его головы читаются одержимость своим земным предназначением, аристократизм духа и демократизм поведения. Он помнил тех, кто навсегда остался на полях брани после того, как «дым» сражений рассеялся. Демократизм Суворова, выросший из общения с армией на грани между жизнью и смертью, не мог не раздражать придворных чинов, далеких от войны, запаха пороха и смерти. Этот портрет Суворова работы Шевченко, отличающийся глубоким проникновением в характер одного из самых непостижимых и самых великих деятелей русской истории, занял видное место в графическом наследии первой половины XIX века.

Одновременно Шевченко начал писать картину «Катерина». В фольклорной аранжировке этой картины множество символов и аллегорий, в разное время по-разному интерпретированных искусствоведами. Но главное в ней — тема «Украины милой», которую автор не видел более десяти лет и по которой скучал.

Началось время творческого взлета Шевченко. В 1843 году он поехал на родину и создал там серию живых и правдивых рисунков, послуживших основой для альбома «Живописная Украина».

Пейзажи Шевченко, в том числе и вошедшие в «Живописную Украину», выражают тему «будней» и «вечности», потока жизни по дороге времени. Таков его пейзаж «В Переяславле»: только что прошел дождь, небо еще «дождевое», но уже проглядывают лучи солнца. Виден край улочки с лужами на переднем плане, в которых отражается высокое небо. Тишина. А жизнь идет: тянется дым из трубы, спешат люди, огромный боров направляется к луже. На пригорке в своей первозданной чистоте красуется небольшая старая церковь. Кажется, слышен шелест пролетающих над ней столетий.

Лирико-философским является и пейзаж «Гора Шиповицкая в Киеве». У подножия горы стоят телеги с впряженными в них волами, идет розничный торг. Жизненная озабоченность людей каждодневными делами противопоставлена величавой неподвижности горы с собором на ней, купол которого венчает и каждый день людского бытия, и вечность.

Много работал Т.Г. Шевченко в портретном жанре. В написанных им портретах нередко находили черты влияния К. Брюллова. Это не совсем так. Произведения учителя и ученика различны по композиции, цветовой гамме, по выбору самих моделей, наконец. Но главное — Шевченко стремился передать в них внутренний конфликт своих моделей.

Один из лучших женских образов, созданных им, — портрет Г.И. Закревской. Ни в одном из произведений Шевченко «нет таких глаз, такого слезно-нежного взгляда, как на портрете Ганны Ивановны Закревской, выполненном в 1843 году» [13, с. 150]. Все изображение словно подернуто легкой дымкой, как будто художник смотрел на свою модель сквозь слезы.

К этому портрету можно отнести слова американского писателя-романтика Эдгара По (1809–1849) из его рассказа об отношениях модели и художника: «Конечно же, создать подобное помог художнику не только его талант, но и великая любовь к той, которую изобразил он так верно и так прекрасно» [14, с. 197].

Портрет Г.И. Закревской производит впечатление прерванного движения: кажется,

она вбежала, остановилась, начала говорить и смолкла. Вьющаяся на шее ленточка усиливает впечатление чувства, которое только вспыхнуло и тут же замерло. Это элегия о любви, которая озарила художника на мгновение и осталась в нем навсегда.

На Украине Шевченко выполнял еще одну интересную портретную работу: по заказу мецената и коллекционера Г.С. Тарновского копировал портрет героя Отечественной войны 1812 года князя Н.Г. Репнина-Волконского, написанный художником И. Горнунгом. Одну из своих копий «с Горнунга» Шевченко привез в Петербург. Она и сейчас хранится в отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Главный хранитель этого отдела В.М. Глинка назвал И. Горнунга «известным швейцарским художником» [15, с. 149]. Версию поддержали практически все советские ученые. Однако в изданный после смерти В.М. Глинки и посвященный ему труд, куда вошла его переписка с друзьями, коллегами и деятелями культуры, было включено интересное письмо, написанное М.Б. Горнунгом, проживавшим в Москве. Он рассказал о своем знаменитом предке почти детективную историю. При всех исторических хитросплетениях династии Горнунгов становится очевидным, что «художник Иосиф Иванович Горнунг, несмотря на шведскую фамилию, имел все основания считаться русским. Его далекий предок вступил на службу в российский флот еще при Петре I, в 1703 году» [16].

Итак, частное письмо, автор которого ссылался на семейные многовековые архивы, превратило «известного швейцарского художника И. Горнунга» в «знаменитого русского художника Иосифа Ивановича Горнунга».

Интересно и другое: оказывается, Горнунги принимали участие в войне с Наполеоном. Возможно, именно во время сражений Отечественной войны 1812 года и произошло знакомство художника И. Горнунга с генералом от кавалерии, награжденным орденами Святого Георгия и золотой шпагой с алмазами «За храбрость», князем *Николаем Григорьевичем Репниным-Волконским* (1778–1845). Сохранилось несколько живописных изображений князя, в том числе и портрет Дж. Доу для Военной галереи Зимнего дворца.

Исследователь В. Рубан считает, что князь Н.Г. Репнин-Волконский послужил прообра-

зом князя Андрея Болконского, героя романа «Война и мир» [17, с. 9]. Это было подхвачено современной популярной литературой. Однако данное утверждение ошибочное. Князь Н.Г. Репнин-Волконский под Аустерлицем действительно участвовал во главе эскадрона Кавалергардского полка в атаке, которая описана в романе Л.Н. Толстого. Но он выведен в романе под своей собственной фамилией, как историческое лицо наряду с Кутузовым и Наполеоном.

Ошибка исследователя тем более обидна, что герои – князь Н.Г. Репнин-Волконский и князь Андрей Болконский – «встречаются» в романе Толстого на одной странице. Писатель даже привел разговор, состоявшийся между Наполеоном и Н.Г. Репниным-Волконским, ставший затем историческим: «Ваш полк с честью выполнил свой долг», – не мог не признать Наполеон.

По воспоминаниям современников, состоялся и другой разговор Наполеона с князем Репниным-Волконским, также вошедший в историю: Наполеон обещал немедленно освободить князя из плена, если тот даст честное слово, что не будет участвовать в военных действиях против наполеоновской армии, но князь ответил, что давал присягу преследовать врага до последней капли крови и останется ей верен.

Шевченко пользовался живописным «оригиналом» И. Горнунга, чтобы не беспокоить саму «натуру» – князя Н.Г. Репнина-Волконского, которого хорошо знал по его родовому гнезду Яготино в Малороссии и уважал как «доброего человека», приветствовавшего его «не как бесприютного скитальца, а как родного сына».

Копируя портрет Н.Г. Репнина-Волконского работы И. Горнунга, Т.Г. Шевченко внес свое отношение к модели. На его полотне старый князь, герой войны с Наполеоном, наместник Саксонского королевства, генерал-губернатор Малороссии, много сделавший для нее, а потом несправедливо обвиненный, по-прежнему сохраняет личную честь и достоинство. Образ, созданный Шевченко, полон человеческой масштабности и драматизма. Здесь есть что-то даже от рембрандтовской кисти: внутренний подъем художника, противостояние света и тьмы, вера в победу добра.

Среди портретного наследия Т.Г. Шевченко особенно высоко оцениваются его графические работы, в том числе портреты великого

русского мастера сценического перевоплощения М.С. Щепкина и знаменитого негритянского трагика А. Олдриджа, приезжавшего в Петербург в конце 1850-х годов. «Можно смело сказать, что во второй половине 50-х годов XIX века равных по качеству Шевченко-художнику мастеров портрета у нас не было», — писал академик А.А. Сидоров [18, с. 105].

Афроамериканский актер *Айра Фредерик Олдридж* (ок. 1805–1867), сделавший карьеру в Европе, много гастролировал по театральным сценам мира. Его коронной ролью был шекспировский мавр — нежно любящий и мучительно ревнующий Отелло: актер рыдал и стонал на сцене, из глаз его текли слезы и «сыпались искры». В графическом портрете Олдриджа Тарасом Шевченко передано все, что переживал и сам актер, и его сценический герой Отелло, а может быть, и сам Шевченко, — одиночество, жажда любви, боль истерзанного сердца и одновременно власть своего таланта, незаурядности. Данный им Богом талант — то единственное, что помогало выстоять в самых жестоких жизненных испытаниях.

Знаменитый актер *Михаил Семенович Щепкин* (1788–1863), бывший крепостной, благодаря своему таланту получивший всеобщее признание, душевно близок Тарасу Шевченко. И вслед за художником мы проникаем во внешне сдержанный, скромный до обыденности графический портрет выдающегося актера, отличавшегося терпением и терпимостью по отношению к людям и обстоятельствам. Но одновременно в нервном, как будто дрожащем, штрихе рисунка, в густых тенях художник заставляет нас почувствовать и душевную силу этого человека, которой актер покорял зрителей, вызывая смех, слезы, любовь, возвышение и очищение душ.

Эти графические портреты актеров, исполненные Шевченко, относятся к его так называемому «последнему петербургскому периоду».

«Первый петербургский период» в жизни Т.Г. Шевченко закончился в 1845 году, когда, получив в Петербургской академии звание свободного художника, он уехал на Украину. Там Шевченко вступил в тайную антикрепостническую организацию — Кирилло-Мефодиевское общество. В 1847 году все члены организации были арестованы, но самому суровому наказанию подвергся Шевченко — его аресто-

вали и определили рядовым в отдельный Оренбургский корпус. Каково же было преступление бедного Тараса, что столь беспощадным оказалось его наказание? Вступив в общество, Шевченко написал вирши, в которых высмеял не только царя, но и царицу, что худа она, как цапля, и голова ее трясется, как у гриба опенка. Вирши, можно сказать, мальчишеские, на них бы и не обратить внимание, но с бывшим крепостным не церемонились, чтобы помнил свое место.

Тарас Григорьевич Шевченко познал всю горечь и унижение ссылки и солдатчины. Измученный ожиданием окончания многолетней ссылки, он написал сепией лист «Умиравший гладиатор». Это произведение, навеянное Тарасу Шевченко его мечтой о встрече с Петербургом, с родной Академией художеств, выполнено в подчеркнуто академической манере. Даже положение тела гладиатора напоминает ракурс торса «Умиравшего воина», хранящегося в Музее слепков при Академии художеств.

Академически решена и композиция: фигура гладиатора вписана в треугольник, вмещающий в себя еще две фигуры второго плана. Вершина большого треугольника образована поднятой рукой гладиатора-победителя, приветствующего зрителя. Тот же композиционный прием двух треугольников, вписанных один в другой, можно увидеть в картине К.П. Брюллова «Осада Пскова». В «Умиравшем гладиаторе» как будто бы повторена идея брюлловского композиционного каркаса, но она получила здесь иную смысловую нагрузку: два треугольника — «тесный» передний и «просторный» на втором плане — являются антитезами поражения и победы.

Дополнительное освещение верхней части лица оттеняет глаза гладиатора, «фокусируя» его взгляд. Кажется, что гладиатор, все еще видя перед собой свободу, умирает улыбаясь. Но в его глазах, устремленных как будто в пустоту перед собой и потому чуть-чуть косящихся, становится заметной растерянность, словно именно в это мгновение он начинает понимать, что свободы уже не будет... Ничего больше не будет. И рот его, утрачивая выражение воли, с которым он столько раз выходил на арену, полураскрывается, приобретая гримасу страдания.

«Я вижу перед собой лежащего гладиатора...» — писал Байрон.

М.Ю. Лермонтов еще в 1836 году создал стихотворение «Умиравший гладиатор»:

Ликует буйный Рим... торжественно гремит

Рукоплесканьями широкая арена:

А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,

Во прахе и крови скользят его колена...

Т.Г. Шевченко нашел свой поворот темы. Его опыт общения с творческой интеллигенцией Петербурга не прошел даром. Он увидел в античной теме острую социальную и психологическую драму. Лицо гладиатора несет черты портретного сходства с Тарасом Шевченко. На нем жалкий отблеск почти детской улыбки — свидетельство о том, что надежда на свободу еще жива. В этот миг появляется и безнадежность: он так и не увидит свободы.

...Но вот, наконец, ссылка позади, и Шевченко возвращается в Петербург. Идет 1858 год...

В том же году в Петербург приехал Александр Дюма.

Был торжественно освящен Исаакиевский собор, строившийся 40 лет. В создании его убранства принимал участие дорогой сердцу Шевченко Карл Брюллов, уже ушедший из жизни.

Кумирами молодежи стали теперь Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов.

Петербургская публика читает «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, «Кто виноват?» А.И. Герцена, а также «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого.

В выставочных залах Петербурга звучат имена В.И. Якоби, В.Г. Перова, А.Ф. Чернышева и др. Через несколько лет в стенах Академии художеств произойдет «бунт четырнадцати».

Увидел Шевченко и «ядовитые картинки» Павла Андреевича Федотова (1815–1852), который был на год моложе его, но шесть лет назад скончался в больнице от истощения.

Картина «Сватовство майора» написана П.А. Федотовым в 1848 году, в то время, когда Шевченко находился в ссылке, но она поражает своим композиционным сходством с офортом Тараса Шевченко «Сваты» (1844). В этих произведениях планировка интерьеров совершенно одинакова: в правой стороне помещена дверь, а в левой — проем. Отличие только в том, что в офорте Шевченко проем оконный, а на картине Федотова — дверной. Убранство этих двух интерьеров также во многом повторяет друг друга: в «Сватах» на стенах висят иконы, в «Сватовстве майора» на тех же пространственных позици-

ях — картины. У Шевченко изображена скамья, у Федотова — стулья; у Шевченко — стол, ничем не накрытый, у Федотова — стол с яствами.

Документов, указывающих на личное знакомство этих художников, не обнаружено. Но альбом офортов Шевченко «Живописная Украина» был широко известен, и Федотов, конечно, мог обратиться к нему [19].

Возникает даже мысль, что Федотов намеренно не скрывал сходства изображенного им интерьера с офортом репрессированного Шевченко, добиваясь таким оригинальным приемом усиления звучания выбранной им темы, переводя ее в план широких обобщений.

А в залах Академии художеств была выставлена картина живописца, «молившегося кистью», — Александра Андреевича Иванова (1806–1858). Гениальный смысл его живописного полотна «Явление Христа народу» начал приоткрываться значительно позже. Пока же художник, более двадцати лет отдавший воплощению своего замысла, страдал от бюрократического равнодушия, проводил часы в чиновничьих приемных, ожидая аудиенции и путая «высочайшие» двери. С его гигантского полотна на Шевченко смотрел раб с какой-то смущенной улыбкой, недоумением и робкой надеждой.

Начавшись в Пушкинскую эпоху, судьба Т.Г. Шевченко обернулась настоящей достоевщиной. Ф.М. Достоевский — вот кто из русских литераторов наиболее глубоко развил пушкинскую тему «маленького человека», вошел в жизнь «униженных и оскорбленных», проник в трагедию рабского существования и рабской мести.

В дни пребывания на берегах Невы знаменитый автор «Трех мушкетеров» А. Дюма восклицал: «Несчастный народ, неужели привычка к рабству обрекла тебя на молчание?» [20, с. 15].

Шевченко-то как раз поборол в себе «привычку к рабству» и высказался. Но так ли, — высмеивая физические недостатки женщины, к тому же своей «благотельницы», сыгравшей определенную роль в деле освобождения его от крепостной зависимости, — борются против крепостнической системы?

Вернувшись в Петербург после двенадцати лет ссылки и солдатчины, Шевченко уже намного острее понимал проблему крепостного права.

Образ неволи он связал с политической тюрьмой в центре российской столицы – с Петропавловской крепостью:

*А за рекою, как из ямы,
Глаза кошачьи на меня
Глядят – то фонари горят
Возле апостольского храма.*

И в самом конце:

*И снова думать стал о том –
О том, о чем и раньше думал.*

В 1860 году в третьем издании «Кобзаря» он напишет:

*Однажды над Невой иду
В глухой ночи... И на ходу
Так размышляю сам с собой:
«Когда б, – я думаю, – когда б
Таким покорным не был раб...»*

До отмены крепостного права в России оставался год...

Город на Неве стал совсем иным. Железная дорога, «локомотив». Одно из самых популярных мест общественных собраний теперь «Пассаж», где размещались не только магазины, но и выставки, концертные залы. Ездил сюда и уже поседевший, страдавший одышкой Шевченко. Здесь собирались студенты, разночинная интеллигенция, здесь можно было выпить стакан чая, почитать газету. Иногда он заходил в знаменитую еще с пушкинских времен кондитерскую «Вольф и Беранже», которую в молодости очень любил. Но «Пассаж» привлекал его литературными чтениями. В них участвовал *Николай Алексеевич Некрасов* (1821–1877), здесь читал свои записки о каторге *Федор Михайлович Достоевский* (1821–1881).

Однако, по свидетельству современников тех событий, самые громкие овации доставались теперь Шевченко. Его принимали, словно он сошел «в залу „Пассажа” прямо с небес».

Петербург знал о Шевченко самое главное – он вступил в тайное общество, которое имело целью бороться против крепостничества, и поплатился за это перечеркнутой жизнью, отбыв много лет в ссылке. «Чествовали мученика, пострадавшего за правду».

Выполненные им в ссылке рисунки стали страшными изобразительными документами эпохи. Врезающийся в память рисунок Шевченко «Наказание шпицрутенами» предвосхитил рассказ Л.Н. Толстого «После бала», где полковник уезжал с бала пораньше, чтобы рас-

порядиться «прогонянием сквозь строй бежавшего солдата», которого засекали до смерти.

Замысел «После бала» возник у Толстого в 1903 году. При его жизни рассказ так и не был напечатан. Рисунок же Шевченко получил распространение в середине XIX века. Автор рисунка говорил о себе и о тех несчастных, кого прогоняли сквозь строй, кого «велели бить побольнее».

Своей жизнью и своим творчеством Шевченко сделал очевидным единый гуманистический поток русской культуры от Пушкина и Лермонтова к Толстому и Достоевскому.

Во «второй петербургский период» жизни Тараса Григорьевича Шевченко мыслящая молодежь сама стала искать встреч с ним. Композитор *Модест Петрович Мусоргский* (1839–1881) назвал Шевченко среди тех, кто непосредственно повлиял на его творческую биографию. Теперь к Шевченко ездили на Васильевский остров, где он жил в мастерской Академии художеств. Навестил его, уже совсем больного, и писатель *Николай Семенович Лесков* (1831–1895), опубликовавший в газете «Русская речь» статью «Последняя встреча и последняя разлука Шевченко».

С 1861 года недомогания Шевченко стали усиливаться, но надежда на осуществление творческих замыслов не покидала его, как тот неугасающий свет мечты, который скользил по лицу умирающего гладиатора, написанного Тарасом Шевченко кровью сердца.

25 февраля – в день рождения Т.Г. Шевченко – пришедшие поздравить поэта и художника с 47-летием застали его в тяжелых мучениях. Друзья продолжали приходить. Ему становилось все хуже. Пришел и доктор Круневич, который «нашел своего друга в тяжелом состоянии: поэт с видимым усилием отвечал на вопросы. Чтобы отвлечь умирающего, снова стали читать ему поздравительные телеграммы: он как будто чуть-чуть оживился и тихо проговорил: „Спасибо, что не забывают”» [21, с. 300].

Т.Г. Шевченко умер 26 февраля 1861 года, через неделю после выхода царского Манифеста об отмене в Российской империи крепостного права.

Умер художник в воскресенье, спускаясь по деревянным ступенькам с антресолей, где была его постель, в маленькую, продуваемую со всех

сторон мастерскую, расположенную под лестницей. Ему не терпелось поработать, закончить гравированный портрет Федора Бруни. «Как хочется передать последние мысли и чувства, которые хранятся в сокровищнице души моей, чтобы они не пропали» [См.: 9, с. 82–83] — это слова из рассказа В.Ф. Одоевского «Квартет Бетховена», полюбившегося Тарасу Шевченко еще в начале его жизненного пути. Они передавали душевное состояние поэта и в самом конце его жизни.

Никто и ничто не могло лишить его творческого горения. Смерть смогла. Часы в мастер-

ской показывали пять часов тридцать минут. Вот он, Сатурн — время, поглощающее своих детей...

Представители петербургской интеллигенции пришли почтить память Тараса Григорьевича Шевченко. Петербургский университет «показал ему чрезвычайное сочувствие» [22, с. 124–125]. «Аудитории были пусты, — читаем мы в воспоминаниях, — со стороны можно было подумать, что хоронят университетского профессора» [23, с. 311].

Гроб с телом Т.Г. Шевченко несли на руках, сменяя друг друга, от церкви Академии художеств до Смоленского кладбища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ацаркина, Э. К.П.** Брюллов. Жизнь и творчество [Текст] / Э. Ацаркина. — М., 1963.
2. **Шевченко, Т.Г.** Собрание сочинений [Текст]. В 5 т. Т. 4 / Т.Г. Шевченко. — М., 1955.
3. **Он же.** Кобзарь [Текст] / Т.Г. Шевченко. — К., 1987.
4. **Мануйлов, В.А.** Драматургия Лермонтова [Текст] / В.А. Мануйлов, В.Э. Вацура // Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. — М.; Л., 1962.
5. **Лернер, Н.О.** Один из героев Грибоедова и Лермонтова [Текст] / Н.О. Лернер // Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. к журн. «Нива». — Т. 1. — 1914. — С. 39–56.
6. **Энгельгардт, Н.А.** Давние эпизоды [Текст] / Н.А. Энгельгардт // Ист. вестн. — 1911. — № 5.
7. **Шевченко, Т.Г.** Собрание сочинений [Текст]. В 5 т. Т. 3 / Т.Г. Шевченко. — М., 1955.
8. **Нарышкина, Н.А.** Нестор Кукольник — художественный критик и издатель [Текст] / Н.А. Нарышкина // Художник. — 1977. — № 3.
9. **Она же.** Т.Г. Шевченко и художественная культура Петербурга [Текст] / Н.А. Нарышкина // Санкт-Петербург. Культура и традиции. — СПб., 1995.
10. **Шевченко, Т.Г.** Мастера искусства об искусстве [Текст] / Т.Г. Шевченко // Собр. соч. В 5 т. Т. 6. — М., 1969.
11. **Он же.** Собрание сочинений [Текст]. В 5 т. Т. 5 / Т.Г. Шевченко. — М., 1955.
12. **Белинский, В.Г.** Полное собрание сочинений [Текст]. В 13 т. Т. 5 / В.Г. Белинский. — М., 1954.
13. **Шагинян, М.** Тарас Шевченко [Текст] / М. Шагинян. — М., 1964.
14. **По, Э.** Рассказы [Текст] / Э. По. — М., 1979.
15. **Глинка, В.М.** Военная галерея Зимнего дворца [Текст] / В.М. Глинка, А.В. Помарнацкий. — Л., 1981.
16. **Хранитель В.М.** Глинка: воспоминания, архивы, письма [Текст]. — СПб., 2006.
17. **Рубан, В.И.** Забытые имена. Рассказы об украинских художниках XIX — начала XX века [Текст] / В.И. Рубан. — К., 1990.
18. **Сидоров, А.А.** Шевченко как живописец, мастер рисунка и гравюры [Текст] / А.А. Сидоров // Тарас Шевченко. — М., 1962.
19. **Наришкіна, Н.А.** Шевченко та передвижники [Текст] / Н.А. Нарішкіна // Українське мистецтвознавство. — 1991. — № 1.
20. **Дюма, А.** От Парижа до Астрахани [Текст] / А. Дюма // Волга. — 1991. — № 11.
21. **Хинкулов, Л.Ф.** Тарас Шевченко [Текст] / Л.Ф. Хинкулов. — М., 1966.
22. **Дьяков, В.А.** Тарас Шевченко и его польские друзья [Текст] / В.А. Дьяков. — М., 1964.
23. **Юнге, Е.Ф.** Воспоминания [Текст] / Е.Ф. Юнге. — М., 1914.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ

АГАФОНОВ Константин Александрович — аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
agafonov.k@inbox.ru

АХМЕТШИНА Юлиана Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Хабаровской государственной академии экономики и права.

680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134
julianareisen06@rambler.ru

БАРАНОВ Владимир Евгеньевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
kelembet@yandex.ru

БЕРЕЗОВСКАЯ Ирина Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
ipberezovskaya@rambler.ru

БУЗДОВ Артур Юрьевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки Военной академии связи им. С.М. Буденного.

194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
kiker07@mail.ru

БЫЛЬЕВА Дарья Сергеевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
marketing4121@yandex.ru

ВАЛИЕВА Фатима Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-78-18 (кафедра)
jf.fairways@mail.ru

ГОРБУНОВА Алла Глебовна — ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
emerald@mailbox.alkor.ru

ГОРБУНОВА Ирина Борисовна — доктор педагогических наук, профессор кафедры информатизации образования, главный научный сотрудник УМЛ «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
gorbunova@herzen.spb.ru

ГОРОХОВА Наталья Эдуардовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранного языка Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

191002, Санкт-Петербург, ул. Марата, 27
ngorokhova@engec.ru

ГУЛК Елена Борисовна — старший преподаватель кафедры инженерной педагогики и психологии Санкт-Петербургского политехнического университета, соискатель степени кандидата педагогических наук.

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
тел. (812) 552-66-22
elena307@newmail.ru

ГУРА Владимир Аврамович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
kaphphil_2005@list.ru

ДРЫНКИНА Татьяна Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-66-22
investihome@yandex.ru

ИВАНОВ Михаил Вячеславович — аспирант кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
kaphphil_2005@list.ru

КАЗАРЯН Артур Рафаэлович — аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
kmo@imop.spbstu.ru

КАРЛИК Надежда Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и иностранных языков, декан факультета филологии Государственной полярной академии.

190103, Санкт-Петербург, Рижский пр., 11
nakarlik@mail.ru

КАСЬЯНОВА Екатерина Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.

191015, Санкт-Петербург, Кавалергардская ул., 7
тел. (812) 405-75-38
e_kassianova@list.ru

КУМБАШЕВА Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. 322-56-32
Kumbacheva@mail.ru

МЕЩЕРЯКОВ Константин Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
mesce@mail.ru

МИХОНИН Аркадий Александрович — кандидат педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-61-38 (кафедра)
sport@mail.spbstu.ru

НАРЫШКИНА-ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ Наталья Андреевна — доктор искусствоведения, действительный член Академии гуманитарных наук и Академии истории культуры, профессор Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
narnatali@yandex.ru

ПОЗДЕЕВА Елена Геннадиевна — доцент кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
elepzd@mail.ru

ПРОТАСЕНКО Ирина Николаевна — кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
irina.protasenko@mail.ru

РОДИОНОВ Петр Дмитриевич — ведущий программист УМЛ «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
rodionovptr@gmail.com

РОМАНЕНКО Людмила Юрьевна — звукорежиссер УМЛ «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена.

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
luddtmila@yandex.ru

СЕРГЕЕВА Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, 52
тел. (812) 643-77-67
elena.v.sergeeva@gmail.com

СТЕПАНЕНКО Наталья Александровна — аспирант кафедры педагогики Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ.

462419, Оренбургская обл., г. Орск, пр. Мира, 15а
natali-stepanenko@yandex.ru

ТЕРЕХОВ Антон Эдуардович — ассистент кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 329-47-42, (812) 534-10-06 (кафедра)
aterekhoff@gmail.com

ТИМЕРМАНИС Елена Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д.29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
timermanis.e@mail.ru

ТРОФИМОВА Галина Сергеевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 297-97-84 (кафедра)
gstrofimova@yandex.ru

ФЕДОТОВА Римма Александровна — кандидат искусствоведения, ассистент кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
rimma.fedotova@gmail.com

ХОРОШИХ Валерия Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 552-66-22 (кафедра)
VKhoroshikh@gmail.com

ЦЫГАНOK Алексей Олегович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической подготовки Военной академии связи им. С.М. Буденного.

194064, Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 3
tzyganok.alexej@yandex.ru

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
o_shipunova@mail.ru

АННОТАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Поздеева Е. Г. ОТНОШЕНИЯ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (на примере Великобритании и России)

В статье анализируются становление и развитие форм взаимопомощи в России и Великобритании в XIX–XX вв. Проводится сравнительный анализ специфики материальной, трудовой и социальной взаимопомощи, развития доверительных отношений, поддержки и защиты, а также форм самоуправления и кооперации в рамках сотрудничества, ассоциации, общины. Взаимопомощь рассматривается как социальная основа реализации функций современного социального государства.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, ВЗАИМОПОМОЩЬ, ОРДЕНА ВЗАИМОПОМОЩИ, АССОЦИАЦИЯ, ОБЩИНА, СОТРУДНИЧЕСТВО, ДОВЕРИЕ, САМОУПРАВЛЕНИЕ.

Дрынкина Т. И. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи социально-демографических характеристик с показателями самосохранительного поведения на женской и мужской выборке. Выявлены гендерные различия: установки женщин по отношению к самосохранительному поведению более позитивны, чем установки мужчин.

ЗДОРОВЬЕ, ГЕНДЕР, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ, ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ.

Хороших В. В. САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА

В статье рассмотрены проблемы формирования навыков эффективной самопрезентации в процессе профессионального обучения современных специалистов. Изложены основные принципы, на которых базируется программа тренинга навыков самопрезентации.

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ, ВИДЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ, ОБУЧЕНИЕ, НАВЫКИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ.

Быльева Д. С. СЕМИОТИКА ЗНАКОВ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Необходимость обозначения личности в интернет-пространстве ставит перед человеком задачу создания собственных идентификационных символов. В статье предложен подход к анализу ника и аватара с точки зрения семиотики, так как, несмотря на кажущуюся произвольность знаков самоидентификации, они содержат закодированное послание, получатели которого способны интерпретировать его как описание личности виртуального собеседника.

СЕМИОТИКА, НИК, АВАТАР, ИНТЕРНЕТ, КОММУНИКАЦИЯ, АНТРОПОНИМ.

Гулк Е. Б. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМАМ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассмотрены основные теоретические представления о формах организации процесса обучения в высшей школе, характер которых обусловлен его содержанием, методами, приемами, средствами, видами деятельности обучающихся. Приведен сравнительный анализ различных подходов к классификации общих и конкретных форм организации обучения. Дана характеристика коллективной организационной формы обучения, активизирующей взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса.

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ, ОБЩИЕ И КОНКРЕТНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ, КОЛЛЕКТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА ОБУЧЕНИЯ.

Ахметшина Ю. В. КОРПОРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассмотрены результаты исследования, проведенного в Хабаровской государственной академии экономики и права. Исследование было сфокусировано на определении корпоративных форм преподавания путем обмена информацией и развития иноязычной коммуникативной компетенции. В качестве эффективных корпоративных форм рассмотрены интеграция, коллаж, деловая игра, проект.

КОРПОРАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, КОЛЛАЖ, ДЕЛОВАЯ ИГРА, ПРОЕКТ.

Горбунова И. Б., Родионов П. Д., Романенко Л. Ю. МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКАНТА

Анализируются процессы информатизации, преобразующие среду профессиональной деятельности музыкантов. Подчеркивается необходимость изменений в деятельности педагога-музыканта и содержании музыкального образования в связи с использованием цифровых образовательных ресурсов. В качестве средств формирования информационной компетентности современного музыканта рассматриваются музыкально-компьютерные технологии, введение приемов и методов сетевого взаимодействия в образовательный процесс.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ, ПЕДАГОГИКА, МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

Степаненко Н. А. ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

В статье проанализировано содержание понятия «креативность», предложено определение понятия «педагогическая креативность». Рассмотрена технология развития педагогической креативности. Приведены примеры заданий для развития педагогической креативности будущих педагогов.

КРЕАТИВНОСТЬ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ, РАЗВИТИЕ, ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ.

Сергеева Е.В., Кумбашева Ю.А. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЕ СОЗДАНИЯ ТЕКСТА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Рассмотрены проблемы обучения анализу художественного текста студентов специальности «Реклама и связи с общественностью» в курсе русского языка и культуры речи. Необходимость уделять особое внимание восприятию художественного текста мотивируется негативными результатами эксперимента по восприятию студентами поэтического текста.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ РЕКЛАМЫ, АНАЛИЗ И ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА, РЕКЛАМА, СОЗДАНИЕ ТЕКСТА, КАЧЕСТВО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА, ЭКСПРЕССИВНОСТЬ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДОСТОИНСТВА.

Михонин А.А., Цыганок А.О., Буздов А.Ю. ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ЖЕНЩИН

В статье поднимаются вопросы обучения военнослужащих-женщин приемам самбо, джиу-джитсу, дзю-до, хапкидо, применения штатного оружия, шанцевых инструментов. Рассматриваются приемы рукопашного боя на близких дистанциях и в положениях «вплотную», требующие готовности к многообразию ударов ногами. Подчеркивается необходимость комплексного характера подготовки военнослужащих-женщин к ведению рукопашных схваток. Обозначаются этапы комплексной подготовки к рукопашному бою с учетом физиологии женского организма.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ, САМБО, ДЖИУ-ДЖИТСУ, ДЗЮ-ДО, ХАПКИДО, ФИЗИОЛОГИЯ ЖЕНСКОГО ОРГАНИЗМА.

Горохова Н.Э., Трофимова Г.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ АВТОНОМНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Обсуждается проблема обучения магистрантов и формирования внутренних мотивов и способностей, лежащих в основе их учебной автономности. Важное место в вузовском образовании сегодня занимает дисциплина «Иностранный язык». Для того чтобы обеспечить высокий уровень владения иностранным языком, преподаватели должны учитывать социальный статус обучающихся, мотивы учебной деятельности, стремление взрослого ученика к самореализации, потребность в самостоятельности, а также понять природу автономности в учении и освоить механизм ее реализации.

ОБУЧЕНИЕ, ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК, АВТОНОМНОСТЬ, МОТИВЫ, СПОСОБНОСТИ.

Валиева Ф.И. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье дается краткая характеристика современных подходов к проблеме адаптационного процесса. Рассматриваются явления адаптационного барьера, индивидуально-личностных характеристик адаптивности и др. С помощью методов статистического и корреляционного анализа определяются связи между социально-коммуникативной культурой и профессиональной адаптацией.

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА, АДАПТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС, АДАПТАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГИБКОСТЬ, ИНДИВИДУАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ.

Казарян А. Р. «ЛИНИЯ КЕККОНЕНА» В ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотрена история взаимоотношений СССР и Финляндии в период холодной войны в контексте политики нейтралитета. Главной целью работы является изучение внешнеполитической деятельности Финляндии, получившей название «линия Кекконена», которая легла в основу политического сотрудничества и торгового партнерства между двумя странами.

«ЛИНИЯ КЕККОНЕНА», ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, ТОРГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО, ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Агафонов К. А. ПЛАН МАРШАЛЛА КАК ВЫЗОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ФИНЛЯНДИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается экономическое и внешнеполитическое положение Финляндии после Второй мировой войны. Анализируется дипломатическая подоплека вступления Финляндии в программу восстановления Европы по плану Маршалла. Автор показывает зависимость положения страны в системе международных отношений от экономической помощи США, отмечает политику сдерживания и острую внешнеполитическую ситуацию, связанную с отказом Финляндии от помощи по плану Маршалла.

ПЛАН МАРШАЛЛА, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ, СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ США ФИНЛЯНДИИ, ПОЛИТИКА СДЕРЖИВАНИЯ.

Мещеряков К. Е. РОССИЙСКО-УЗБЕКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2008–2012 ГОДАХ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Рассмотрены основные тенденции и проблемы развития российско-узбекских отношений в политической, военно-технической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах в годы президентства Д.А. Медведева. Анализируется нормативно-правовая база межгосударственного сотрудничества, сформированная сторонами в указанный период. Раскрывается сущность российско-узбекских отношений как отношений стратегического партнерства и союзничества. Делается акцент на субъективном факторе в укреплении связей между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, УЗБЕКИСТАН, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО, СОЮЗНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.

Гура В. А. ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОГО НИГИЛИЗМА

Рассматриваются различные формы нигилизма, прослеживается его связь с эволюцией европейской культуры. В значительной мере феномен нигилизма обусловлен развитием личностного начала, его гипертрофией, характерной для европейского социума. Анализируются концепции нигилистического сознания Ф. Ницше, М. Хайдеггера и других авторов.

БОГ, ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, НИГИЛИЗМ, ОТРИЦАНИЕ, РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ.

Тимерманис Е. Б. АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ КАРЛА РАНЕРА

В статье рассмотрены проблемы соотношения традиций и модернизма в католической церкви после II Ватиканского собора, принявшего идею «открытой церкви». Изложена концепция «антропологического поворота» в теологии Карла Ранера, крупнейшего представителя Пуллахской школы.

КАРЛ РАНЕР, АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ, «ОТКРЫТАЯ ЦЕРКОВЬ», II ВАТИКАНСКИЙ СОБОР, ПУЛЛАХСКАЯ ШКОЛА.

Баранов В. Е. КОЛЛЕКТИВ КАК ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Автор различает три модуса человеческого бытия: доиндивидуальное, индивидуалистичное и личностное. Первый вариант бытия опосредствует общегуманистический фундамент общества, второй поддерживает его простое воспроизводство, третий – расширенное воспроизводство, социальный прогресс. Утверждается неизбежное с ходом истории нарастание в обществе удельного веса групп типа коллективов, следовательно, нарастание личностного модуса в индивидуальном бытии человека.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ, КОРПОРАЦИЯ, КОЛЛЕКТИВ, ЛИЧНОСТЬ.

Шипунова О. Д. СОЦИАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НОРМА И ЭМОЦИЯ

Исследуются нормативные основания, порождающие определенный уровень психоэмоциональной активности и особую структуру мотивации, специфичную для человека. Вводится понятие экзистенциальной нормы, ее социально-генетические основания связываются с непрямой коммуникацией. Показано, что в предыстории человека роль такой нормы играет эмоция.

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ НОРМА, СОЦИОГЕНЕЗ, ПРЕДЫСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЭМОЦИЯ, ИНТЕЛЛЕКТ.

Касьянова Е. В. ИДЕОЛОГИЯ КОНТРАКУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Обсуждаются социологические аспекты проблемы научной рациональности, связанные с движением «новых левых» в 60–70-х годах XX века, которое создало идеологические предпосылки возникновения контркультуры. Антитехнизм и антисциентизм как идеология контркультуры дополняются позицией «экологического персонализма», которую сторонники контркультуры полагали альтернативной потребительству. Рассматривая научную рациональность в общекультурном контексте, автор обозначает перспективу диалога постнеклассической научной рациональности и контркультуры.

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, КОНТРАКУЛЬТУРА, «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ», АНТИТЕХНИЦИЗМ, АНТИСЦИЕНТИЗМ, «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ».

Протасенко И. Н. АНОМИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ГЕНЕЗИСЕ БОНАПАРТИЗМА

В статье анализируются многообразные формы социальной аномии. Показано, что аномия социального порядка, детерминированная системным кризисом, является предпосылкой к возникновению бонапартистской ситуации.

БОНАПАРТИЗМ, ВЛАСТЬ, СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС, СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК, АНОМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА.

Иванов М. В. УТОПИЯ И ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Рассматривается понимание утопии в XX и XXI веках, а также ее соотношение с идеологией в современном социуме в условиях процесса нелиберальной глобализации. Исследование опирается на марксистское учение об идеологии и на выявленную Карлом Мангеймом оппозицию между утопией и идеологией. Анализируется тесная связь утопии с социальной реальностью, историческим процессом и функционированием человеческой психики. Утверждается, что утопия есть важнейший способ освоения социальной действительности.

УТОПИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС, «ЕЩЕ-НЕ-ОСОЗНАННОЕ», МАРКСИЗМ, НЕОЛИБЕРАЛИЗМ.

Горбунова А. Г. СОБЫТИЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Анализируются место и роль категории события в современной философии. Прослеживается философская рефлексия проблемы события в ее эволюции от классических парадигм к постструктуралистским. Событие рассматривается как одна из ключевых категорий неклассической рациональности, обуславливающая онтико-онтологическое различие. Анализируется смысл категории события применительно к истории и метафизике.

СОБЫТИЕ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИСТОРИЯ, МЕТАФИЗИКА, ОНТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ.

Терехов А. Э. ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ КОГОРТЫ «ДВЕНАДЦАТИ СОВЕРШЕННОМУДРЫХ» (ШИ-ЭР ШЭН)

В статье анализируются причины и процесс формирования когорты «Двенадцати совершенномудрых» (ши-эр шэн), ставшей одним из важных элементов политической идеологии Китая в I веке н. э. Особое внимание уделено предшествующим группам совершенномудрых, а также образу легендарного судьи Гао-яо, с включением которого когорты приобрела свой окончательный вид.

ДРЕВНИЙ КИТАЙ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ, МИФОЛОГИЯ, СОВЕРШЕННОМУДРЫЕ.

Карлик Н. А. РИТОРИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В АФОРИЗМАХ И АФОРИСТИЧЕСКИХ ФРАГМЕНТАХ ЖЕНСКОГО АВТОРСТВА (на примере «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой)

Статья посвящена анализу структурно-содержательных характеристик афористических текстов Н. Дуровой. Основное внимание уделяется риторической аргументации, в рамках которой проявляется суггестивный потенциал используемых автором средств воздействия на реципиента. Малоформатные афористические тексты рассматриваются через призму тех содержательных и формальных особенностей, которые характерны для начального периода формирования женской отечественной прозы. Гендерный аспект лингвистики позволяет интерпретировать афористические тексты Н. Дуровой с точки зрения отражения в них своеобразной картины мира, где специфически раскрывается мужской и женский тип и характер мышления.

ЖЕНСКАЯ АФОРИСТИКА, РИТОРИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ, СУГГЕСТИЯ, ГЕНДЕР.

Федотова Р. А. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИКОНОПИСИ В КОНТЕКСТЕ ГНОСЕОЛОГИИ СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная статья посвящена разработке комплексного метода изучения памятников восточнохристианского искусства, в частности иконописи, на основе богословия образа священника П.А. Флоренского. Согласно гносеологической концепции автора рассматриваемой в контексте религиозной философии, предлагается анализировать икону с точки зрения исторического, эстетического, психологического и теургического аспектов. Их единство осуществляется в рамках богослужебного ритуала на базе антропологического принципа.

ИЗУЧЕНИЕ ИКОНОПИСИ, БОГОСЛОВИЕ ОБРАЗА, ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО, РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ, П.А. ФЛОРЕНСКИЙ.

ABSTRACTS

KEYWORDS

Pozdeeva E.G. MUTUAL AID AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF SOCIAL STATE
(on the example of Great Britain and Russia)

The article analyzes the formation and development of organizations and forms of mutual aid in Russia and Britain in XIX–XX of centuries. The comparative analysis of specifics of material, labor and social mutual aid, development of the confidential relations, support and protection and also self-government and cooperation forms within cooperation, association, a community is carried out. Mutual aid is regarded as the social basis of implementation of functions of the modern welfare state.

SOCIAL STATE, MUTUAL AID, FRIENDLY SOCIETIES, ASSOCIATION, COMMUNITY, COOPERATION, TRUST, SELF-GOVERNMENT.

Drynkina T.I. SOCIODEMOGRAPHIC PECULIARITIES OF ATTITUDE TO HEALTH

The result of empirical study of correlation of sociodemographic characteristics with attitudes to their own health among women and men are presented. There were gender difference: women's attitudes to their health were more positive than men's ones.

HEALTH, GENDER, ATTITUDES TO THEIR OWN HEALTH, PERSONALITY TIME PERSPECTIVE.

Khoroshikh V.V. SELF-PRESENTATION AS RESOURCE OF MODERN SPECIALIST

The problems of effective self-presentational skills formation during professional learning are discussed in this paper. The basic principles of successful self-presentation training are also stated.

SELF-PRESENTATION, KINDS OF SELF-PRESENTATION, PSYCHOLOGICAL TRAINING, LEARNING, SELF-PRESENTATIONAL SKILLS.

Bylieva D.S. SEMIOTICS OF SELF-IDENTIFICATIONAL SIGNS IN INTERNET

If one wants to communicate in internet society, he should create signs that represent him. In spite of the arbitrary choosing of nickname and avatar, they contain coded data. The internet users can decode information as character of their interlocutors.

SEMIOTICS, NICKNAME, AVATAR, INTERNET, COMMUNICATION.

Gulk E.B. MODERN APPROACHES TO THE FORMS OF ORGANIZATION OF THE EDUCATION PROCESS IN THE HIGHER SCHOOL

In the article the basic theoretical concepts of forms of the organization of education process in the higher schools, the nature of which is a result of its content, methods, techniques, tools, activities of students. Provides comparative analysis of different approaches to the classification of generic and specific forms of organization of education. Given the characteristics of the collective organizational forms of education, energetic interaction between all the participants of educational process.

FORMS OF ORGANIZATION OF THE EDUCATION PROCESS, GENERAL AND SPECIFIC FORMS OF ORGANIZATION OF EDUCATION, COLLECTIVE ORGANIZATIONAL FORM OF EDUCATION.

Akhmetshina J.V. CORPORATE FORMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

The article reveals the results of the survey carried out in the Khabarovsk State Academy of Economics and Law. The research was focused on defining of corporate teaching forms through the exchange of information and development of the foreign communicative competence.

The article contains the analysis of integration, collage, business game and project as examples of effective corporate teaching methods.

CORPORATE TEACHING FORMS, COMMUNICATIVE COMPETENCE, INTEGRATION, COLLAGE, BUSINESS GAME, PROJECT.

Gorbunova I.B., Rodionov P.D., Romanenko L.U. MUSIC COMPUTER TECHNOLOGIES IN THE FORMING OF CONTEMPORARY MUSICIAN'S COMPETENCE IN INFORMATICS

The article contains the analysis of the processes of Informatization, this processes transform the environment of the professional activity of musicians. The authors emphasize the need for changes in the activity of the teacher-musician and the content of musical education, connected with the use of digital educational resources. The authors consider the music-computer technologies and network technologies as one of the means of forming contemporary musician's competence in Informatics.

MUSIC EDUCATION, COMPETENCE IN INFORMATICS, PEDAGOGY, MUSIC COMPUTER TECHNOLOGIES.

Stepanenko N.A. TECHNOLOGY OF INCREASE LEVEL OF DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL CREATIVITY OF FUTURE TEACHER

The article analyses the concept of "creativity", proposed a definition of the concept of "pedagogical creativity". Considered the technology of the development of pedagogical creativity. Examples of tasks for the development of pedagogical creativity of future teachers.

CREATIVITY, PEDAGOGICAL CREATIVITY, DEVELOPMENT, TECHNOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL CREATIVITY.

Sergeeva E.V., Kumbasheva J.A. PROBLEMS OF TEACHING OF TEXT CREATING CULTURE IN TRAINING THE STUDENTS OF THE QUALIFICATION "ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS": ANALYSIS OF LITERARY TEXT

The main subject of the article is the problems students of technical university (qualification "Advertising and Public Relations") may encounter while analyzing literary text as part of the Russian language course. The need to pay special attention to the perception of a literary text is motivated by the negative results of the experiment on the perception of the students of the poetic text.

PROFESSIONAL ACTIVITY IN ADVERTISING, TEXT ANALYSIS AND PERCEPTION, ADVERTISING, TEXT CREATION, QUALITY OF THE ADVERTISING TEXT, EXPRESSIVITY, ARTISTIC VALUE.

Mikhonin A.A., Tsyganok A.O., Buzdov A.Yu. FEATURES OF PREPARATION OF MILITARY FEMALES

In this article questions of training of sambo, jiu-jitsu, judo, hapkido technics, using regular weapons, entrenching tools are rised. Receptions of hand-to-hand fight on close distances and positions closely, requiering alacrity for variety of leg hits are considered. Necessity of complex character of preparation of military females to conducting hand-to-hand fights are pointed. Stages of complex preparation of military females to conducting hand-to-hand fights according to physiology of female organism are noted.

HAND-TO-HAND FIGHT, SAMBO, JIU-JITSU, JUDO, HAPKIDO, PHYSIOLOGY OF FEMALE ORGANISM.

Gorokhova N.E., Trofimova G.S. PROVIDING AUTONOMY AS A PRIORITY IN TEACHING THE STUDENTS TAKING MASTER'S DEGREE

This article deals with the problem of teaching the students who are taking master's degree, and creating their autonomy which is based on inner motives and abilities. To provide the necessary level of foreign language acquisition their instructors should understand the students' social status, motivation; take into account their ability to combine work, studying, and their thirst for autonomous learning activities. To achieve this one should understand the nature of autonomy in studies.

TEACHING, FOREIGN LANGUAGE, AUTONOMY, MOTIVES, ABILITIES.

Valieva F.I. THE CULTURAL ASPECT OF EXPERTS' PROFESSIONAL ADJUSTMENT

The article highlights nowadays approaches to the process of adaptation. It reports about adjustment barriers, some individual peculiarities in the frame of mentioned phenomenon, etc.. The correlations between communicative culture and professional adjustment are revealed through statistical and correlation analysis.

SOCIAL AND COMMUNICATIVE CULTURE, ADJUSTMENT PROCESS AND BARRIERS, PROFESSIONAL CULTURE OF TEACHERS, SOCIAL AND EMOTIONAL FLEXIBILITY, RESILIENCE.

Kazaryan A.R. "KEKKONEN LINE" IN THE HISTORY OF THE SOVIET-FINNISH RELATIONS

This article examines the history of relations between the USSR and Finland during the cold war in the context of the policy of neutrality. The main goal is to study the foreign policy of Finland, called "Kekkonen line", which contributed to political cooperation and trade partnership between the two countries.

"KEKKONEN LINE", POLICY OF NEUTRALITY, FOREIGN POLICY, COLD WAR, TRADE PARTNERSHIP, POLITICAL COOPERATION.

Agafonov K.A. MARSHALL PLAN AS A CHALLENGE TO FINNISH FOREIGN POLICY MODEL IN POSTWAR PERIOD

This article deals with economic and political conditions of the postwar Finland. Diplomatic background of the Finland's joining the Marshall Plan is examined. Author exemplifies the dependency of country's place in the system of international relations on American economic aid, underlines the influence of the Containment and acute political context of Finland's refusal to participate in European Recovery Program (Marshall plan).

MARSHALL PLAN, FOREIGN RELATIONS OF FINLAND, FINNISH-SOVIET RELATIONS, USA SUPPORT FOR FINLAND, CONTAINMENT.

Mesceryakov K.E. THE RUSSIAN-UZBEKISTANI RELATIONS IN 2008–12: TRENDS AND PROBLEMS

The article deals with the main trends and problems in the evolution of the Russian-Uzbekistani relations in political, military, economic and humanitarian fields under the presidency of Dmitry Medvedev. It analyses the legal framework of interstate cooperation shaped in 2008–12, shows the essence of the Russian-Uzbekistani relations as those of strategic partnership and political and military alliance, and emphasizes the importance of the factor of leadership in the development of the bilateral relations.

RUSSIAN FEDERATION, UZBEKISTAN, CENTRAL ASIA, FOREIGN POLICY, INTERNATIONAL RELATIONS, STRATEGIC PARTNERSHIP, ALLIED RELATIONS.

Gura V.A. THE PHENOMENON OF EUROPEAN NIHILISM

The article analyses different forms of nihilism, traces its connection with the evolution of European culture. To the great degree the phenomenon of nihilism is determined by the development of personality, its hypertrophy, which is characteristic for the European society. The concepts of nihilistic mind by F. Nietzsche, M. Heidegger and other authors are discussed.

GOD, EUROPEAN CULTURE, PERSONALITY, NIHILISM, NEGATION, RELIGION, PHILOSOPHY.

Timermanis E.B. ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS IN THE WORKS OF KARL RAHNER

The article deals with problems of tradition and modernism in the Catholic Church after Vatican II, which accepted the idea of “open church”. The concept of “anthropological turn” in the theology of Karl Rahner, the greatest representative of the Pullahskoy school, is also described.

KARL RAHNER, ANTHROPOLOGICAL TURN, “OPEN CHURCH” VATICAN COUNCIL II, PULLAH SCHOOL.

Baranov V.E. THE COLLECTIVE BODY AS A DOMAIN OF HUMAN’S PERSONAL EXISTENCE

The author distinguished between three versions or patterns of being of man: sub-individual, individual and over-individual (or being of personality). First of this patterns is growing from suggestive groups (crowd, primitive community), second – from groups named corporations, and third – from collectives. The article asserts rise of role of collectives in human history and consequently role of human personality being.

SOCIAL GROUPS, CORPORATIONS, COLLECTIVES, PERSONALITY.

Shipunova O.D. SOCIAL AND GENETIC BASIS OF INDIRECT COMMUNICATION: EXISTENTIAL NORM AND EMOTION

The article investigates normative bases generating the specific level of psycho-emotional activity and the special structure of motivation distinctive for human. The concept of existential norm having its social-genetic bases concerned with indirect communication is introduced. In the prehistory of human, emotion is proposed to play the role of such a norm.

INDIRECT COMMUNICATION, EXISTENTIAL NORM, SOCIOGENESIS, PREHISTORY OF HUMAN, EMOTION, INTELLECT.

Kasyanova E.V. IDEOLOGY OF THE COUNTERCULTURE IN THE CONTEXT OF POST-NONCLASSICAL SCIENTIFIC RATIONALITY

Sociological aspects of a problem of the scientific rationality, connected with movement “new left” in 60-e-70-e of the XX century who created ideological preconditions of emergence of a counterculture are discussed. Antitekhnitsizm and anti-scientism as ideology of a counterculture is supplemented with a position of “an ecological personalizm” which supporters of a counterculture believed alternative to consumerism. Considering scientific rationality in a common cultural context, the author designates prospect of dialogue of post-nonclassical scientific rationality and a counterculture.

POST-NONCLASSICAL SCIENTIFIC RATIONALITY, COUNTERCULTURE, “NEW LEFT”, ANTITEKHNITSIZM, ANTI-SCIENTISM, “ECOLOGICAL PERSONALIZM”.

Protasenko I.N. THE SOCIAL ORDER ANOMIE IN BONAPARTISM GENESIS

Various forms of a social anomie are analyzed in the article. It is shown that the anomie of a social order, determined by a system crisis, is the prerequisite to occurrence of bonapartistic situations.

BONAPARTISM, AUTHORITY, SYSTEM CRISIS, SOCIAL ORDER, ANOMIE OF SOCIAL ORDER.

Ivanov M. V. UTOPIA AND IDEOLOGY OF THE MODERN WORLD

The article is devoted to the understanding of utopia in XX and XXI centuries and its relation with ideology in contemporary society in the conditions of the process of neoliberal globalization. The study is based on Marxist concept of ideology and Karl Mannheim's opposition between utopia and ideology. Analyzed close relations utopia with social reality, historical process and the functioning of the human consciousness and subconsciousness. Proved that utopia is important way of cognition of social reality underlying the social critique.

UTOPIA, IDEOLOGY, HISTORICAL PROCESS, "NOT-YET-CONSCIOUS", MARXISM, NEOLIBERALISM.

Gorbunova A. G. THE EVENT AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM: APPROACHES TO THE DEFINITION

The article analyses the place and role of the category of event in contemporary philosophy. It also traces the philosophical reflection of the event in its evolution from the classical paradigms to the poststructuralist. The event is considered as one of key categories for non-classical type of rationality constituting the ontico-ontological difference. The meaning of the category of event relative to history and metaphysics is analyzed.

THE EVENT, NON-CLASSICAL RATIONALITY, HISTORY, METAPHYSICS, ONTICO-ONTOLOGICAL DIFFERENCE.

Terekhov A. E. FORMATION OF THE "TWELVE SAGES" (SHI-ER SHENG) COHORT IN ANCIENT CHINA

The article deals with the reasons and process of the formation of the "Twelve sages" (shi-er sheng) cohort, which played an important role in the political ideology of the first century A.D. China. Special attention is devoted to the preceding groups of Sages and the image of the legendary judge Gao-yao, whose inclusion finalized the cohort.

ANCIENT CHINA, POLITICAL IDEOLOGY, MYTHOLOGY, SAGES.

Karlik N. A. RHETORICAL ARGUMENTATION IN APHORISMS AND APHORISTIC TEXTS OF FEMININE AUTHORSHIP (on an example "The Cavalry Maiden" by N. Durova)

The article is devoted to the structure-semantic description of aphoristic texts by N. Durova. Principal attention pays to rhetorical argumentation and suggestive potential of means of influence upon recipient, usable by the author in it. Small-format aphoristic texts are examined in the light of such substantial and formal features as are representative for initial period of formation of female domestic prose. The gender aspect of linguistics permits to interpret aphoristic texts by N. Durova from a position of reflection in them of peculiar picture of the world, that specifically discovers masculine and female type and character of thinking.

FEMININE APHORISTICS, RHETORICAL ARGUMENTATION, SUGGESTION, GENDER.

Fedotova R. A. ANALYSIS OF ICONOGRAPHY IN THE CONTEXT OF EPISTEMOLOGY OF FR. PAVEL FLORENSKY: PRELIMINARY OBSERVATIONS

This article is dedicated on the development of a comprehensive method of studying the monuments of the Eastern Christian art, in particular, icon-based theology of the image of P.A. Florensky. According to the epistemological concept of the author, considered in the context of religious philosophy, it is proposed to analyze the icon in terms of historical, aesthetic, psychological, and theurgic aspects. Their unity is part of the liturgical rite based on the anthropological principle.

ANALYSIS OF ICONOGRAPHY, THEOLOGY OF THE ICON, EASTERN CHRISTIAN ART, RELIGIOUS PHILOSOPHY, P.A. FLORENSKY.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 1 (167) 2013

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р техн. наук, профессор *В.Н. Козлов* – председатель редакционной коллегии
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – ответственный секретарь
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.Г. Горбунова – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 25.03.2013. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,13. Уч.-изд. л. 23,13. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке агентства «Роспечать» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, – 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, – 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.1-2003).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рекомендация на имя зам. главного редактора журнала, подписанная научным руководителем автора и/или руководителем подразделения. Рекомендация должна быть **ОБЯЗАТЕЛЬНО** заверена в отделе кадров;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть **ОБЯЗАТЕЛЬНО** заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

При необходимости редколлегия может потребовать представления акта экспертизы, о чем она сообщает автору (авторам).

Предоставление всех материалов осуществляется по электронной почте на адрес редакции: ntv-human@spbstu.ru.

2.3. Рассмотрение материалов

Предоставленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться **ДОСРОЧНО**.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алла Глебовна

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru